

Брет Истон Эллис

Американский психопат

И автор записок и самые «Записки», разумеется, вымышлены. Тем не менее такие лица, как сочинитель таких записок, не только могут, но даже должны существовать в нашем обществе, взяв в соображение те обстоятельства, при которых вообще складывалось наше общество. Я хотел вывести перед лицо публики, повиднее обыкновенного, один из характеров протекшего недавнего времени. Это — один из представителей еще доживающего поколения. В этом отрывке, озаглавленном «Подполье», это лицо рекомендует самого себя, свой взгляд, и как бы хочет выяснить те причины, по которым оно явилось и должно было явиться в нашей среде. В следующем отрывке придут уже настоящие «записки» этого лица о некоторых событиях его жизни. Федор Достоевский «Записки из подполья»Бытует мнение, что хорошие манеры говорят о сердечности и доброжелательности. Но это совсем не так. Любое, даже самое хамское поведение, можно представить в рамках приличий. Для этого и существует цивилизация — чтобы все были взаимно вежливыми и не выказывали враждебности. Например, натуралистическое движение шестидесятых, когда последователи Руссо задавались вопросом: «Почему нельзя говорить то, что думаешь?» — было в корне неверным. В цивилизованном обществе должны быть какие-то ограничения. Если бы каждый давал волю своим порывам, мы бы давно уже поубивали друг друга.

Мисс Безупречные Манеры (Джудит Мартин)И вот все развалилось,

Но никому не было дела

«Talking Heads»ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

ОСТАВЬ НАДЕЖДУ ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ — криво выведено кроваво-красными буквами на стене Химического Банка на углу Одиннадцатой и Первой. Буквы достаточно крупные, так что их видно с заднего сиденья такси, зажатого в потоке машин, который движется с Уолл-стрит. В тот момент, когда Тимоти Прайс замечает надпись, сбоку подъезжает автобус и реклама мюзикла «Отверженные» у него на борту закрывает обзор, но двадцатилетний Прайс, который работает в Pierce & Pierce, этого, кажется, даже не замечает... Он обещает водителю пять долларов, если тот включит музыку погромче; на радио WYNN играет «Be My Baby», и черный шофер (видно, что он не американец) прибавляет звук.

— Я находчив, — говорит Прайс. — Я личность творческая. Я молод, беспринципен, высоко мотивирован и хорошо образован. В сущности, я утверждаю, что общество не может позволить себе потерять меня. Я — его актив.

Прайс успокаивается и по-прежнему смотрит в грязное стекло такси, вероятно, уставившись на слово СТРАХ, выведенное красным граффити на стене «Макдональдса» на углу Четвертой и Седьмой.

— Я хочу сказать, что факт остается фактом: всем наплевать на свою работу, все ненавидят свою работу, я ненавижу свою работу, ты мне говорил, что ненавидишь свою. И что мне делать? Вернуться в Лос-Анджелес? Не вариант. Я не для того переводился из UCLA в Стенфорд[1]. Я имею в виду, что ведь не один я считаю, что мы зарабатываем мало денег?

Как в кино, появляется еще один автобус, и еще одна реклама «Отверженных» закрывает надпись на стене. Это другой автобус, потому что кто-то нацарапал на лице Эпонины «ЛЕСБИЯНКА».

Тим выкрикивает:

— У меня здесь кооператив. У меня, черт возьми, квартира в Хемптонс.

— Родительская, чувак. Родительская.

— Я покупаю ее у них. Ты, блядь, прибавишь звук? — рассеянно огрызается он на шофера; на радио по-прежнему играют Crystals.

Кажется, шофер говорит, что громче не делается.

Не обращая на него внимания, Тимоти продолжает:

— Я бы мог остаться в этом городе, если бы в такси установили магнитолы Blaupunkt. С динамиками ODM-3 или ORC-2..., — его голос смягчается, — или те, или другие.. Круто, чувак, очень круто.

Не прекращая жаловаться, он снимает с шеи наушники дорогого плеера.

— Честное слово, ненавижу жаловаться — на мусор, на помойки, на болезни, на вечную грязь в этом городе, — мы-то с тобой оба знаем, какой это свинарник...

Продолжая говорить, Прайс открывает свой новый портфель Tumi из телячьей кожи, купленный в D.F.Sanders. Он укладывает плеер в чемоданчик рядом с мобильным телефоном Easa (раньше у него был NEC 9000 Porta) и вынимает сегодняшнюю газету. «В одном номере — в одном номере — давай посмотрим... задушенная

топ-модель, младенец, сброшенный с крыши высотного здания, дети, убитые в метро, коммунистическая сходка, замочили крупного мафиози, нацисты, — он возбужденно листает страницы, — больные СПИДом игроки в бейсбол, опять какое-то говно насчет мафии, пробка, бездомные, разные маньяки, педики на улицах мрут как мухи, суррогатные матери, отмена какой-то мыльной оперы, дети проникли в зоопарк, замучили несколько животных, сожгли их заживо... , опять нацисты... Самое смешное, что все это происходит здесь, в этом городе, а не где-нибудь там, именно здесь, вот какая фигня, ну-ка подожди. Опять нацисты, пробка, пробка, торговля детьми, дети на черном рынке, дети, больные СПИДом, дети-наркоманы, здание обрушилось на грудного ребенка, дети-маньяки, автомобильная пробка, обвалился мост..."

Прайс умолкает, переводит дыхание и спокойно говорит, глядя на попрошайку на углу Второй и Пятой: «Двадцать четвертый за сегодня. Я считал». Потом, не поднимая глаз, спрашивает: «Почему ты не носишь с серыми брюками темно-синий шерстяной пиджак?» На Прайсе шестипуговичный костюм от Ermenegildo Zegna (шерсть с шелком), хлопчатобумажная рубашка с двойными манжетами от Ike Behar, шелковый галстук от Ralf Lauren и кожаные остроносые ботинки от Fratelli Rossetti. Он уткнулся в Post. Там относительно интересная история о том, как двое людей таинственно исчезли с вечеринки, проходившей на яхте одной нью-йоркской ползнаменитости, пока судно кружило вокруг острова. Никаких следов, только пятна крови и три разбитых стакана из-под шампанского. Подозревают, что дело нечисто, — по характерным царапинам и зазубринам на палубе полиция полагает, что орудием убийцы был мачете. Тела не обнаружены. Подозреваемых нет. Прайс завелся ещё за обедом, не угомонился он и во время партии в сквош, и продолжил выступление в баре «Harry's». Там после трех виски J&B с содовой он перешел на счета Фишера, которыми занимается Пол Оуэн. Прайс не может заткнутьсязаткнуться.

— Болезни! — восклицает он, и его лицо кривится от боли. — Есть теория, что, если ты подхватил СПИД, переспав с инфицированным человеком, то можешь заодно подхватить что угодно, даже то, что вирусом не передается, — болезнь Альцгеймера, мускульную дистрофию, гемофилию, лейкемию, анорексию, рак, склероз, муковисцидоз, церебральный паралич, диабет, дислексию, господи, — от пизды можно заработать дислексию...

— Я не уверен, но, по-моему, дислексия не вирус.

— Кто его знает? Они не знают. Это еще надо доказать.

Снаружи, на тротуаре, черные разжиревшие голуби дерутся за остатки хот-догов перед киоском Gray's Paraya, трансвеститы лениво наблюдают за ними, полицейская машина бесшумно едет не в том направлении по улице с односторонним движением, небо низкое и серое.

Из такси, которое остановилось напротив, какой-то парень, очень похожий на Луиса Керрутерса, машет Тимоти рукой. Тимоти не отвечает на приветствие, и парень (волосы зачесаны назад, подтяжки, очки в роговой оправе) понимает, что обознался, и возвращается к своему номеру USA Today. По тротуару с плеткой в руках бредет отвратительная бездомная старуха, потупив взор. Она щелкает плеткой, но голуби не обращают на нее внимания, продолжая клевать и отчаянно драться за остатки хот-догов. Полицейская машина исчезает на въезде в подземную стоянку.

"Но когда ты приходишь до того, чтобы абсолютно, полностью принять окружающий мир, когда ты как-то настраиваешься на это безумие, и все обретает смысл, а потом вдруг — раз, и мы получаем какую-нибудь мудацкую сумасшедшую негритянку-бомжиху, которой на самом деле нравится — послушай меня, Бэйтмен, — ей нравится жить на улице, на этих вот улицах, посмотри, вот на этих, — он показывает в окно, — а наш мэр не желает считаться с ее желанием, не дает этой суке сделать по-своему... господи боже... не дает этой ебаной суке замерзнуть насмерть, помогает ей выбраться из самой ею же созданной нищеты, и, видишь — ты опять там же, откуда начал, растерянный, охуевший... Двадцать четыре, нет, двадцать пять... А кто будет у Эвелин? Подожди, дай угадаю." Он поднимает руку с безукоризненным маникюром, — "Эшли, Кортни, Малдвин, Марина, Чарльз... я пока прав? Может быть, кто-то из «богемных» друзей Эвелин, из этих художников из Ист-Виллидж. Ну, ты понимаешь, о ком я... Они спрашивают у Эвелин, нет ли у нее хорошего белого шардоне..."

Он хлопает себя рукой по лбу, закрывает глаза и бормочет сквозь зубы:

— Все — ухожу. Бросаю Мередит. Она просто заставляет меня любить ее. Меня достало. Почему я только сейчас понял, что она — типичная ведущая телешоу?... Двадцать шесть, двадцать семь... Я говорю ей, что я — человек чувствительный. Я ей говорил, что очень расстроился, когда разбился «Челленджер»... чего ей еще надо?! Я человек нравственный и терпимый, я доволен жизнью, я смотрю в будущее с оптимизмом — ты ведь тоже?

— Разумеется, но...

— А от нее я получаю одно дерьмо... Двадцать восемь, двадцать девять, ебаный в рот, да тут у них просто гнездо. Говорю тебе...

Он вдруг замолкает, словно задохнувшись, — наверное, вспомнил о чем-то важном, — и, отвернувшись от очередной рекламы «Отверженных», спрашивает:

— Ты читал о ведущем того телешоу? Который убил двух подростков? Пидор и извращенец. Смех да и только. Прайс ждет реакции. Ее нет. И вдруг уже Вест Сайд.

Он просит таксиста остановиться на углу 81-ой и Риверсайд, поскольку по улице нет проезда.

— Чтобы не объезжать... — начинает Прайс.

— Может, я по-другому объеду, — говорит шофер.

— Не надо.

И чуть потише, но все же достаточно громко, стиснув зубы и без улыбки:

— Мудила ебаный.

Таксист останавливает машину. Два такси сзади сигналият и проезжают мимо.

— Может, купим цветов?

— Что? Черт, это же ты ее пялишь, Бэйтмен. А цветы покупаем мы? Надеюсь, найдется сдача с полтинника, — предупреждает он водителя, косясь на красные цифры на счетчике.

— Черт. Это все стероиды. Поэтому я такой нервный. Извини.

— Я думал, ты их больше не принимаешь.

— У меня на руках и ногах появились прыщи, ультра-фиолетовые ультрафиолетовые облучения не помогали, вместо этого я начал ходить в обычный солярий, и все прошло. Господи, Бэйтмен, ты бы видел, какой рельефный у меня живот. Идеальный живот. Крепкий, подтянутый... — произносит он странным, рассеянным тоном в ожидании, когда таксист отдаст сдачу, — в общем, рельефный.

Он не дает таксисту чаевых, но тот все равно искренне доволен. «Ну, пока, Шломо», — подмигивает ему Прайс.

— Черт, черт, проклятье, — говорит он, открывая дверцу. Выйдя из машины, он замечает нищего, — «Я выиграл: тридцать», — небритый, с жирными, залезшими назад волосами нищий одет в страшно засаленное, грязно-зеленое полупальто.. Прайс в шутку придерживает перед ним открытую дверцу такси.

Бродяга смущается и, стыдливо опустив глаза, протягивает нам пустой пластиковый стаканчик из-под кофе.

— Как я понимаю, машина ему не нужна, — хмыкает Прайс, захлопывая дверцу. — Спроси, принимает ли он American Express.

— Ты принимаешь AmEx?

Бродяга утвердительно кивает, и, шаркая ногами, медленно уходит.

Для апреля холодновато. Прайс бодро шагает к дому Эвелин, насвистывая песенку «If I Were a Rich Man»[2]; его теплое дыхание вырывается изо рта облачками пара, он размахивает кожаным дипломатом Tumi. Нам навстречу идет человек с зачесанными назад волосами, в роговых очках, одетый в бежевый, двубортный костюм из шерсти с габардином от Cerruti 1881, в руках у него — точно такой же кожаный дипломат Tumi из D.F.Sanders. Тимоти изумляется вслух:

— Это Виктор Пауэлл?! Не может быть.

Мужчина проходит под неоновым светом фонаря, и лицо у него испуганное. На мгновение его губы складываются в подобие улыбки, он смотрит на Прайса, как на знакомого, но быстро соображает, что обознался; до Прайса тоже доходит, что это не Виктор Пауэлл, и мужчина проходит мимо.

— Слава Богу, — бормочет Прайс, подходя к дому Эвелин

— И вправду очень похож.

— Пауэлл на ужине у Эвелин!

— Это как пейсли с шотландкой[3], — Прайс на секунду задумывается, — нет, я бы даже сказал, как белые носки с серыми брюками.

Камера медленно наезжает, и вот Прайс уже поднимается на крыльцо дома, который для Эвелин купил ее отец, — он поднимается и ворчит, что забыл вернуть кассеты в видеопрокат. Он звонит в дверь. Из соседнего дома выходит женщина — высокие каблуки, великолепная задница — и уходит, не заперев дверь. Прайс провожает ее взглядом, но, услышав приближающиеся шаги, сразу же поворачивается и поправляет галстук от Versace, готовый предстать во всей красе, кто бы ему ни открыл. Дверь открывает Кортни. На ней кремовая шелковая блузка от Krizia, твидовая, цвета ржавчины юбка от Krizia и туфли d'Orsay из шелкового атласа (Manolo Blahnik).

Я вздрагиваю и протягиваю ей свое черное шерстяное пальто от Giorgio Armani, она берет его, осторожно

касаясь губами воздуха у моей правой щеки, а потом точно так же целует Прайса, принимая и его пальто от Armani. В гостиной тихо играет новый компакт «Talking Heads».

— Опаздываете, мальчики, — скалится Кортни.

— Попался придурок-таксист с Гаити, — мямлит Прайс, в свою очередь касаясь губами воздуха возле ее щеки. — У нас заказан столик где-нибудь? Только не говори, что на девять в «Пастелях».

Кортни улыбается и вешает оба пальто в стенной шкаф.

— Сегодня, мои дорогие, мы едим дома. Знаю-знаю, — я пыталась отговорить Эвелин, но тем не менее у нас будет... суши.

Тим проходит мимо нее в кухню.

— Эвелин? Где ты, Эвелин? — зовет он нараспев. — Нам надо поговорить.

— Рад тебя видеть, — говорю я Кортни, — замечательно выглядишь. Лицо у тебя... так и сияет молодостью.

— Ты, Бэйтмен, знаешь, чем обаять даму. — В голосе Кортни нет ни капли сарказма. — Рассказать Эвелин про твой комплимент? — кокетливо спрашивает она.

— Нет, — отвечаю я. — Но даже не сомневаюсь, что ты бы с радостью.

— Пойдем, — говорит она, снимает с талии мои руки и кладет свои руки мне на плечи, подталкивая меня в сторону кухни. — Надо спасти Эвелин. Она уже час раскладывает суши. Пытается выложить твои инициалы: П - желтохвостом, а Б — тунцом, но ей кажется, что тунец выглядит слишком бледно...

— Как романтично.

— ...и желтохвоста не хватает, чтобы закончить Б. — Кортни вздыхает. — Так что, мне кажется, она выложит инициалы Тима. Ты ведь не возражаешь? — спрашивает она с легким беспокойством. Кортни — подруга Луиса Керрутерса.

— Я ужасно ревную и мне, пожалуй, надо поговорить с Эвелин, — отвечаю я, и Кортни мягко вталкивает меня в кухню.

Эвелин стоит возле кухонной стойки из светлого дерева. На ней кремовая шелковая блузка от Kizia, твидовая, цвета ржавчины юбка от Kizia и точно такие же, как у Кортни, туфли d'Orsay из шелкового атласа. Длинные светлые волосы собраны в строгий пучок, и она здоровается со мной, не поднимая глаз от овального, из нержавеющей стали блюда Wilton, на котором она художественно разложила суши.

— Ты уж прости меня, милый. Я хотела пойти в это очаровательное сальвадорское бистро в Ист Сайде...

Прайс громко стонет.

— ...но мы не смогли заказать столик. Тимоти, перестань стонать. — Она берет очередной кусок желтохвоста и осторожно кладет его в верхнюю часть блюда, завершая фигуру, похожую на заглавную букву Т. Потом отступает на шаг и придирчиво изучает свое творение. — Даже не знаю. Нет, правда, не знаю.

— Я же просил тебя купить «Финляндию», — бурчит Тим, просматривая бутылки (в основном большие, на две квартиры). — У нее никогда нет «Финляндии», — обращается он ко всем.

— Господи, Тимоти. Чем тебе «Абсолют» не нравится? — спрашивает Эвелин и задумчиво обращается к Кортни: — Калифорнийские роллы[4] лучше разложить по краям, да?

— Давай выпьем, Бэйтмен, — вздыхает Тимоти.

— Мне J&B со льдом, — говорю я, и вдруг думаю: как странно, что Мередит не пригласили.

— Господи, смотрится отвратительно, — говорит Эвелин со слезами в голосе. — Я сейчас точно расплачусь.

— А мне кажется, изумительно смотрится, — говорю я.

— Отвратительно, — причитает она, — отвратительно.

— Да нет же, нет. Суши выглядят изумительно, — говорю я и, пытаясь утешить Эвелин, беру кусок палтуса, запихиваю его себе в рот, мычу от удовольствия и обхватываю Эвелин сзади; рот набит рыбой, но мне удается сказать, — и очень вкусно.

Она игриво бьет меня по рукам, моя реакция ей явно понравилась, она чмокает воздух возле моей щеки и поворачивается к Кортни. Прайс вручает мне стакан и идет в гостиную, пытаясь стряхнуть с пиджака невидимую пылинку.

— Эвелин, у тебя есть одежная щетка?

Вместо этого ужина я бы лучше остался дома и посмотрел бы бейсбол, или сходил бы в тренажерный зал, или наведалься бы в тот сальвадорский ресторанчик, который пару раз похвалили, один раз в в журнале New York, а второй — в Times. Однако вечеринки у Эвелин хороши тем, что это недалеко от моего дома.

— Ничего, если соевый соус будет не совсем комнатной температуры? — спрашивает Кортни, — по-моему, там одно блюдо со льдом.

Рядом с изящной фарфоровой соусницей Эвелин аккуратно выкладывает бледно-оранжевые кусочки имбиря.
— Нет, так не пойдет. Патрик, будь милым мальчиком, достань пиво из холодильника, — кажется, имбирь ее достал, она швыряет всю горсть на поднос. — Ладно, не надо. Я сама.

Я все равно иду к холодильнику. Мрачный Прайс входит на кухню и спрашивает:

— Черт возьми, кто это там в гостиной?

Эвелин изображает святую невинность:

— А кто там?

Кортни предостерегающе хмурится:

— Э-ве-лин. Надеюсь, ты им сказала.

— Кто? — внезапно пугаюсь я. — Виктор Пауэлл?

— Нет, Патрик, это не Виктор Пауэлл, — говорит Эвелин. — Это один мой приятель, художник. Его зовут Сташ. И его подруга, Вэнден.

— Ага, стало быть, это девушка, — говорит Прайс. — Сходи посмотри, Бэйтмен, оно того стоит. Дай угадаю. Ист-Виллидж?

— Ах, Прайс, — кокетливо произносит Эвелин, открывая бутылки с японским пивом. — А если бы даже Ист-Виллидж? Вэнден учится в Кэмдене, а Сташ живет в Сохо, вот так.

Я выхожу из кухни, иду мимо столовой, где накрыт стол, — в подсвечниках чистого серебра от Fortunoff горят восковые свечи от Zopa, — и вхожу в гостиную. Непонятно, от кого одевается Сташ, — он весь в черном. У Вэнден зеленые пряди в волосах. Она курит и смотрит видеоклип по MTV, какой-то хэви-металл.

— Кхе, кхе, — кашляю я.

Вэнден, кажется, обдолбана по самое немогу. Она настороженно оборачивается. Сташ сидит неподвижно.

— Привет. Я Пэат Бэйтмен, — я протягиваю ей руку. Заметив в зеркале на стене свое отражение, улыбаюсь, потому что вижу, как хорошо я выгляжу.

Она молча пожимает мне руку. Сташ нюхает свои пальцы.

Быстрая смена кадра — и я снова на кухне.

— Гоните ее отсюда, — бурчит Прайс. — Она заиклена на MTV, а я хочу посмотреть репортаж Макнейла и Лерера.

Эвелин открывает большие бутылки импортного пива и замечает рассеянно:

— Пора уже съесть это, или мы все отравимся.

— У нее зеленые пряди в волосах, — говорю я. — И она курит.

— Бэйтмен, — говорит Тим, не сводя глаз с Эвелин.

— Да? — отвечаю я. — Что, Тимоти?

— Ты псих.

— Оставь Патрика в покое, — говорит Эвелин. — Он милый соседский мальчик, вот он кто. Никакой ты не псих, правда, милый?

Эвелин — существо не от мира сего. Я иду к бару, чтобы налить себе еще.

— Милый соседский мальчик, — ухмыляется Тим, а потом снова корчит рожу и раздраженно спрашивает Эвелин, есть ли у нее одежная щетка.

Открыв наконец все бутылки с японским пивом, Эвелин просит Кортни сходить за Сташем и Вэнден.

— Надо все это есть сейчас, а то потом отравимся, — бормочет она и оглядывает кухню, проверяя, не забыла ли она что-нибудь.

— Если удастся оторвать их от последнего клипа «Megadeth», — говорит Кортни, выходя.

— Нам надо поговорить, — говорит Эвелин.

Я подхожу к ней:

— О чем?

— Да не с тобой, — говорит она, указывая на Тима. — С Прайсом.

Тим по-прежнему злобно смотрит на нее. Я ничего не говорю, уставившись на его стакан.

— Будь добр, — просит она меня, — отнеси суши на стол. Темпура в микроволновке, саке почти закипело... — Она уводит Прайса из кухни, и я не слышу окончания фразы.

Интересно, где Эвелин взяла суши. Тунец, желтохвост, макрель, креветки, угорь, даже бонито — все свежее; на блюде Wilton продуманно уложены кучки васаби и кусочки имбиря. Но еще больше мне нравится мысль, что я не знаю, никогда не узнаю и никогда не спрошу, откуда все это появилось. Суши будут стоять посреди стеклянного стола из Zopa, который купил для Эвелин отец, этакий добрый и всемогущий джин из арабских

сказок, и, ставя блюдо на стол, я мельком ловлю свое отражение на его гладкой поверхности. При свечах моя кожа кажется смуглее, и я отмечаю, что стрижка, сделанная в прошлую среду в Gio, смотрится очень хорошо. Я наливаю себе еще. Меня беспокоит содержание соли в соевом соусе.

В ожидании Эвелин и Тимоти, которые ушли на поиски одежной щетки, мы вчетвером сидим за столом. Я сижу во главе стола и большими глотками пью J&B. На противоположном конце Вэнден безо всякого интереса читает какой-то божественный журнал под названием «Ложь»; заголовок большими буквами — КОНЕЦ «ДАУНТАУНА». Сташ вогнал зубочистку в одинокий кусок желтохвоста, лежащий, словно блестящее насекомое, у него на тарелке; зубочистка торчит вертикально. Время от времени Сташ выходит из ступора и начинает возить по тарелке кусок суши. Он ни разу не поднял глаз на меня, Вэнден или Кортни. Кортни сидит рядом со мной и потягивает сливовое вино из фужера для шампанского.

Эвелин с Тимоти возвращаются минут через двадцать после того, как мы сели; Эвелин, похоже, слегка покраснелась — но только слегка. Тим, готовясь сесть рядом со мной, пристально смотрит на меня, стакан у него в руке снова полный. Он наклоняется ко мне, собирается что-то сказать, может быть, в чем-то признаться, но внезапно вмешивается Эвелин:

— Не туда, Тимоти, — а потом шепчет: «мальчик-девочка, мальчик-девочка», — и указывает рукой на пустой стул рядом с Вэнден. Глядя на Эвелин, Тимоти нерешительно садится возле Вэнден, которая, откровенно зевая, перелистывает свой журнал.

— Ну, все разом, — с улыбкой произносит Эвелин, довольная своей ролью радушной хозяйки, приготовившей экзотический ужин, — берем и едим.

Заметив пронзенный кусок суши на тарелке у Сташа (теперь Сташ склонился над тарелкой и что-то шепчет) она немного теряется, но мужественно улыбается и щебечет:

— Кто хочет сливового вина?

Все молчат, а потом Кортни, глядя в тарелку Сташа, неуверенно приподнимает стакан и, пытаясь изобразить улыбку, говорит:

— Просто... божественно, Эвелин.

Сташ молчит. И хотя, вероятно, он себя чувствует несколько неуютно в нашей компании, потому что совсем не похож на остальных присутствующих мужчин (его волосы не зачесаны назад, у него нет подтяжек и очков в роговой оправе; он весь в черном, одежда плохо на нем сидит; он не выказывает желания закурить, пососать сигару; он, скорее всего, не способен заказать столик в «Camols»; он ничего из себя не представляет), — и все же в его поведении не ощущается никакой скованности, его словно загнипотизировало блестящее суши, и когда, наконец, все готовы окончательно забыть о Сташе, отвести глаза и приступить к еде, он выпрямляется и говорит, тыкая пальцем в свою тарелку:

— Оно шевелится.

Тимоти смотрит на него с таким жгучим презрением, ддо которого мне, признаюсь, далеко. Но я очень стараюсь не отставать. Вэнден вроде бы забавляется, и Кортни, как ни печально, тоже. У меня возникает стойкое подозрение, что ей даже нравится эта обезьяна. Правда, если бы я ходил на свидания с Луисом Керрутерсом, мне бы, наверное, он тоже понравился. Эвелин, добродушно смеясь, замечает:

— Сташ, ты такой выдумщик, — а потом озабоченно предлагает: — Кому темпуры?

Чтоб вы знали, Эвелин — исполнительный менеджер в финансовой компании.

— Мне, — говорю я и подцепляю с блюда кусочек баклажана, который есть все равно не буду, потому что он жареный.

Все накладывают еду в тарелки, успешно игнорируя Сташа. Я наблюдаю за тем, как Кортни жует и глотает. После долгой и вроде как глубокомысленной паузы, Эвелин говорит, пытаясь завязать разговор:

— Вэнден учится в Кэмдене.

— Правда? — ледяным голосом произносит Тимоти. — А это где?

— В Вермонте, — отвечает Вэнден, не отрываясь от журнала.

Я смотрю на Сташа. Мне интересно, как он воспримет эту наглую и вопиющую ложь, но он как будто не слышит. Можно подумать, что он вообще не здесь, а где-то совсем в другом месте, может быть, в другой комнате или в каком-нибудь панк-рок клубе где-нибудь в злочном районе. Все остальные ведут себя точно также, и это меня беспокоит, поскольку и мне, и всем известно, что Кэмден находится в Нью-Хемпшире.

— А ты где училась? — вздыхает Вэнден, когда до нее, наконец, доходит, что Кэмден здесь никого не интересует.

— Ну, я училась в Ле-Росэ, — говорит Эвелин. — А потом в бизнес-школе в Швейцарии.

— Я тоже училась в Швейцарии в бизнес-школе, — говорит Кортни. — Только я — в Женеве, а Эвелин — в Лозанне.

Вэнден кидает журнал «Ложь (Desertion)» рядом с Тимоти и усмехается — криво и по-стервозному. Меня злит, что Эвелин терпит эту снисходительность Вэнден и не может достойно ответить, но благодаря виски J&B мой стресс уменьшился до такой степени, что я вообще молчу. Эвелин, вероятно, считает Вэнден милой девочкой, растерянной и смущенной, — человеком искусства. Прайс с Эвелин ничего не едят; я подозреваю, что это все кокаин, хотя и не уверен. Отхлебнув из стакана, Прайс берет в руки журнал «Ложь» и хмыкает.

— «Конец «Даунтауна», — восклицает он, тыкая в каждое слово заголовка. — Кого... трясет чужое горе? Я почему-то жду, что Саш перестанет созерцать свою тарелку, но он продолжает смотреть на одинокий кусок суши, улыбаясь своим мыслям и качая головой.

— Эй, — произносит Вэнден так, словно ее глубоко оскорбили. — Это касается всех нас.

— Ой-ой-ой, — говорит Тим предостерегающе, — это касается всех нас? А как насчет резни в Шри-Ланке, моя дорогая? Разве она нас не касается? Шри-Ланка, а?..

— «Даунтаун» — клевый клуб в Виллидже, — пожимает плечами Вэнден. — И нас это тоже касается.

Неожиданно Саш говорит, не поднимая глаз от тарелки:

— Это называется Тонка. — Похоже, он раздражен, но его голос звучит ровно и тихо. Он по-прежнему смотрит на суши. — Не Шри-Ланка, а Тонка. Понятно? Тонка.

Вэнден опускает глаза и кротко произносит:

— Ага.

— Ты, вообще, знаешь, что там происходит, в Шри-Ланке? Как там сикхи сотнями убивают израильтян? — подначивает ее Тимоти. — Разве это нас не касается?

— Кому ролл каппамаки? — бодро перебивает его Эвелин, поднимая поднос.

— Ладно, Прайс, не заводись, — говорю я. — У нас есть проблемы и поважней Шри-Ланки. Конечно, внешняя политика — это важно, но у нас есть более насущные проблемы.

— Что, например? — говорит он, по-прежнему глядя на Вэнден. — И кстати, почему у меня в соевом соусе плавает лед?

— Ну... — неуверенно начинаю я, — ну, нам надо покончить с апартеидом, это раз. Остановить гонку ядерных вооружений, побороть мировой терроризм и голод. Обеспечить надежную армию, предотвратить распространение коммунизма в Центральной Америке, установить мир на Ближнем Востоке, сделать так, чтобы вооруженные силы США не использовались за рубежом. Мы должны сделать Америку сильной и уважаемой мировой державой. Это не преуменьшает значение наших внутренних проблем, которые так же важны, а, может быть, и важнее. Необходимо улучшать медицинское обслуживание пожилых людей и делать его более доступным, контролировать распространение СПИДа и искать средства для борьбы с ним, оберегать окружающую среду от загрязнения и токсичных отходов; улучшать качество начального и среднего образования; ужесточить законы по борьбе с преступностью и распространением наркотиков. Мы также должны обеспечить среднему классу доступное высшее образование, а пожилым — социальную защиту, а ещё нужно бережно относиться к природным ресурсам и охранять заповедники. И уменьшить влияние крайних политических партий.

Все (даже Саш) тарачатся на меня, чувствуя себя неловко. Но меня несет.

— Положение в экономике по-прежнему скверное. Мы должны найти способ сдерживания инфляции и уменьшения дефицита бюджета. Следует также обеспечить обучение безработных и создать для них рабочие места, равно как и защитить американский рынок рабочей силы от наплыва иностранцев-нелегалов. Мы должны сделать так, чтобы Америка стала лидером в передовых технологиях. В то же время нужно заботиться об экономическом росте и развитии деловой активности; упорно бороться против федеральных налогов на доходы; снижать процентные ставки, создавать благоприятные условия для развития мелкого предпринимательства, контролировать слияния крупных корпораций и их сделки.

После этого заявления Прайс едва не выплевывает «Абсолют», а я пытаюсь посмотреть в глаза каждому, особенно в глаза Вэнден: если бы она состригла зеленые пряди, перестала носить черную кожу, чуточку порозовела (может, пошла бы на аэробику) и надела бы нормальную блузку, что-нибудь от Laura Ashley, — она могла бы быть очень даже хорошенькой. Но почему она спит со Сашем? Он бледный, рыхлый, плохо подстриженный, и лишнего веса в нем как минимум фунтов десять: под черной майкой и в помине нет никакой мускулатуры.

— Но и про социальные потребности тоже нельзя забывать. Нельзя допустить, чтобы люди бесконтрольно пользовались системой социальной помощи. Мы должны обеспечить бездомных пищей и кровом, противостоять расовой дискриминации, защищать гражданские права и женское равноправие, и вместе с тем следует изменить закон об абортгах так, чтобы он защищал право на жизнь и в то же время давал женщинам свободу выбора. Необходим жесткий контроль за нелегальной эмиграцией. Мы должны вернуться к традиционным нравственным ценностям, запретить порнографию и насилие на телеэкране, в кино и в популярной музыке, — везде. Самое главное: надо воспитывать молодежь, чтобы привить ей гражданское самосознание и неприятие грубого материализма.

Я допиваю свой виски. Все уставились на меня и молчат. Кортни улыбается с довольным видом. Тимоти ошеломленно качает головой с явным недоверием. Эвелин, озадаченная поворотом беседы, с трудом встает из-за стола и спрашивает, кто хочет десерт.

— У меня есть... шербет, — произносит она, словно в трансе, — киви, карамбола, черимойя, плод кактуса и эта... как ее... — Она прерывает свой монолог зомби и пытается вспомнить название еще одного экзотического фрукта, — ах, да, японская груша.

Все по-прежнему молчат. Тимоти бросает на меня быстрый взгляд. Я смотрю на Кортни, потом — снова на Тима, потом на Эвелин. Встретив мой взгляд, Эвелин с беспокойством смотрит на Тима. Я тоже смотрю на Тима, на Кортни, опять на Тима, который еще раз косится в мою сторону и медленно, неуверенно произносит: — Мне кактусовую грушу.

— Плод кактуса, — поправляет Эвелин.

Я с подозрением смотрю на Кортни и после того, как она говорит: «Черимойя», я говорю: «Киви», и тогда Вэнден тоже говорит: «Киви», а Сташ тихо, но очень четко, выговаривая каждую букву, выдает:

— Шоколадные чипсы.

Беспокойство, промелькнувшее при этих словах на лице Эвелин, мгновенно сменяется добродушной улыбкой, похожей на маску. Она говорит:

— Ах, Сташ, ты же знаешь, что у меня нет шоколадных чипсов, хотя, признаюсь, это было бы оригинальное наполнение для шербета. Я же сказала, у меня есть черимойя, кактусовая груша, карамбола, то есть, плод кактуса...

— Я слышу, слышу, — отмахивается Сташ. — Тогда сделай мне сюрприз.

— Ладно, — говорит Эвелин. — Кортни? Ты мне не поможешь?

— Конечно.

Кортни поднимается из-за стола. Я наблюдаю, как она, стуча каблуками, уходит на кухню.

— Никаких сигар, мальчики, — кричит Эвелин.

— Даже не думал, — говорит Прайс, убирая сигару обратно в карман.

Сташ по-прежнему смотрит на суши так напряженно, что это меня раздражает. Надеюсь, что до него дойдет моя ирония, я интересуюсь:

— Опять шевелится?

Вэнден соорудила у себя на тарелке улыбающуюся рожицу из калифорнийских роллов. Она показывает тарелку Сташу:

— Ну как?

— Круто, — бормочет Сташ.

Эвелин возвращается с шербетом в розеточках Odeon и непочатой бутылкой виски Glenfiddich, которая так и остается неоткрытой, пока мы едим шербет.

Кортни должна уйти рано, они с Луисом встречаются на корпоративной вечеринке в «Бедламе», — это новый клуб в центре. Вскоре уходят и Сташ с Вэнден — «зацепить» что-нибудь в Сохо. Я единственныйединственный видел, как Сташ взял с тарелки суши и сунул его в карман своей светло-зеленой кожаной куртки. Когда я сообщаю об этом Эвелин, которая ставит посуду в посудомоечную машину, она смотрит на меня с такой ненавистью, что перспектива вечернего секса становится более чем сомнительной. Но я все равно остаюсь. И Прайс тоже. Он лежит в спальне Эвелин, на ковре Aubusson конца восемнадцатого века, и пьет эспрессо из чашечки Segaline. Я лежу на кровати Эвелин, обхватив гобеленовую подушку от Jenny B. Goode, и потягиваю «Абсолют» с клюквенным соком. Эвелин сидит за туалетным столиком и расчесывает волосы; ее великолепное тело упаковано в шелковый зелено-белый полосатый халат от Ralph Lauren; она рассматривает свое отражение в маленьком зеркале.

— А что, никто, кроме меня, не заметил, что Сташ решил, будто его суши, — я откашливаюсь и продолжаю, —

зверек?

— Пожалуйста, не приглашай больше своих «богемных» друзей, — устало говорит Прайс. — Мне надоело, что за ужином я — единственный, кто не разговаривает с инопланетянами.

— Я пригласила их в первый раз, — говорит Эвелин, поглощенная своей безмятежной красотой. Она сосредоточенно рассматривает свои губы.

— А тогда, в «Одеоне»? — бормочет Прайс.

Интересно, а почему меня тогда не пригласили в «Одеон» на ужин с художниками? Неужели Эвелин сама оплатила счет? Наверное. Внезапно я представляю себе, как Эвелин улыбается, сидя за столом, где собрались одни друзья Сташа: все они сооружают у себя на тарелках маленькие домики из ломтиков жареного картофеля; делают вид, что копченый лосось — живой; двигают по столу куски рыбы; рыба беседует с каждым о «художественной жизни» и новых галереях; может быть, они даже пытаются загнать рыбу в домики, сложенные из кусочков жареного картофеля...

— Не знаю, в курсе ли ты, но я тоже с инопланетянами не общалась, — говорит Эвелин.

— Ага, но ты встречаешься с Бэйтменом, что равносильно общению с инопланетянами, — гогочет Прайс. Я швыряю в него подушкой. Он ловит ее на лету и кидает обратно в меня.

— Оставь Патрика в покое. Он — милый соседский мальчик, — говорит Эвелин, намазывая лицо кремом. — Ты ведь не инопланетянин, правда, милый?

— Должен ли я удостоить этот вопрос ответом? — вздыхаю я.

— Милый, — глядя на мое отражение, она надувает губки. — Я знаю, что ты не пришелец.

— Какая радость, — бормочу я себе под нос.

— Сташ в тот вечер был в «Одеоне», — продолжает Прайс и испытующе смотрит на меня. — В «Одеоне». Ты слушаешь, Бэйтмен?

— Нет, его не было, — говорит Эвелин.

— Нет, он был, только тогда его звали не Сташ. Его звали Подковка, или Магнит, или Лего или еще как-то, столь же солидно, — усмехается Тим. — Не помню.

— Тимоти, о чем ты? — устало спрашивает Эвелин. — Я тебя даже не слушаю. — Она протирает ваткой лоб.

— Нет, мы же были тогда в «Одеоне», — с некоторым усилием Прайс принимает сидячее положение. — Не спрашивай, почему, но я отчетливо помню, как он заказал тунца каппучино.

— Карпаччо, — поправляет Эвелин.

— Нет, Эвелин, любовь моя. Я отчетливо помню, как он заказал тунца каппучино, — говорит Прайс, разглядывая потолок.

— Он заказывал карпаччо, — не сдается она, протирая ваткой веки.

— Каппучино, — настаивает Прайс. — Пока ты его не поправила.

— Сегодня ты его даже не узнал, — говорит она.

— Да, но я его помню, — Прайс оборачивается ко мне. — Эвелин назвала его «добродушным культуристом». Так она мне его и представила. Клянусь.

— Заткнись, — с раздражением говорит Эвелин, но все же кокетливо улыбается, глядя на Тимоти в зеркало.

— Что-то я сомневаюсь, что Сташ появляется в светской хронике в журнале W, а я-то всегда думал, что ты этим руководишься, выбирая друзей, — говорит Прайс, бросив на нее ответный похотливо-волчий взгляд. Я сосредоточен на своем «Абсолюте» с клюквенным соком, который похож на жидкую, водянистую кровь со льдом и лимоном.

— А что там у Кортни с Луисом? — говорю я, в надежде прервать их обмен взглядами.

— Господи, — стонет Эвелин, вновь повернувшись к зеркалу. — Самое ужасное — даже не то, что Кортни больше не нравится Луис. Самое ужасное...

— Ей закрыли кредит в Bergdorf's? — предполагает Прайс. Я смеюсь. Мы бьем друг друга по рукам.

— Нет, — продолжает Эвелин, тоже развеселившись. — Самое страшное то, что на самом деле она влюбилась в какого-то торговца недвижимостью. Чурбан из деревни.

— У каждого свои трудности, — глубокомысленно замечает Прайс, рассматривая свои ногти. — Но, господи, эта... как ее там... Вэнден?

— Только не начинай, — морщится Эвелин и принимается расчесывать волосы.

— Вэнден — нечто среднее между... The Limited и... ношеным Benetton, — говорит Прайс, закрыв глаза и сжав руки.

— Нет, — улыбаюсь я, пытаюсь поучаствовать в разговоре. — Ношеным Fiorucci.

— Да, — говорит Тим, — наверное. — Он открывает глаза и снова таращится на Эвелин.

— Тимоти, отстань, — говорит Эвелин. — Что ты хочешь, она из Кэмдена.

— Господи, — стонет Тимоти. — Меня тошнит от проблем девочек из Кэмдена. Мой любимый, я его так люблю, а он любит другую, я так тоскую, а он меня не замечает, бла-бла-бла, ля-ля-ля. Господи, как это скучно. Студенты. И они этим живут. Печально это, да, Бэйтмен?

— Да, — говорю я. — Печально.

— Видишь, Бэйтмен со мной согласен, — самодовольно ухмыляется Прайс.

— Он не согласен. — Бумажной салфеткой Kleenex Эвелин вытирает то, что она только что намазала. — Тимоти, Патрик не циник. Он соседский мальчик, правда, милый?

— Неправда, — шепчу я себе под нос, — я злобучий психопат.

— Но даже если и так, то что? — вздыхает Эвелин. — Она не самая умная девушка в мире.

— Ха, не самая умная! Тоже мне, открытие века! — кричит Прайс. — Сташ тоже не самый смысленный парень. Отличная пара. Они где познакомились, на «Любви с первого взгляда»?

— Оставь их в покое, — говорит Эвелин. — У Сташа есть талант, и я уверена, что мы недооцениваем Вэнден.

— Эта девушка... — Прайс поворачивается ко мне. — Слушай, Бэйтмен, эта девушка... мне Эвелин рассказывала... она взяла в прокате «High Noon», потому что думала, что это фильм про людей, — он глотает слюну, — которые выращивают марихуану.

— Я тут подумал, — говорю я. — Мы ведь так и не выяснили, чем занимается Сташ... как я понимаю, у него есть фамилия, но не говори мне, Эвелин, я не хочу ее знать... так вот, мы так и не выяснили, чем он зарабатывает на жизнь?

— Во-первых, он — человек хороший и очень порядочный, — бросается Эвелин на его защиту.

— И он попросил шербет с шоколадными чипсами, — насмешливо подвывает Прайс. — О чем тут вообще говорить?!

Не обращая внимания на его слова, Эвелин снимает сережки Tina Chow.

— Он — скульптор, — говорит она сухо.

— Чушь собачья, — отвечает Тимоти. — Я помню наш разговор в «Одеоне». — Он опять поворачивается ко мне. — Как раз тогда, когда он заказал тунца капуччино, и я уверен, что если бы его не поправили, он заказал бы еще и лосося au lait, — так вот, он сказал мне тогда, что устраивает вечеринки, стало быть, он... не знаю, поправь меня, Эвелин, если я ошибаюсь... услуга. Он — услуга! — Прайс буквально кричит. — А не ебанный скульптор!

— Да успокойся ты наконец, — говорит Эвелин, снова намазывая лицо кремом.

— Все равно, что сказать, что ты — поэтесса. — Тимоти пьян, и я уже жду-не дождусь, когда он освободит помещение.

— Знаешь, — начинает Эвелин, — я, вообще-то, когда-то...

— Ты, блядь, у нас текстовый процессор! — Тима и вправду уже заносит. Он подходит к Эвелин и склоняется над ней, глядя на свое отражение в зеркале.

— Ты, кажется, потолстел, Тим? — задумчиво спрашивает Эвелин. Изучив отражение Тима в зеркале, она заключает: — Как-то лицо у тебя... округлилось.

Тимоти, в отместку, нюхает шею Эвелин и спрашивает:

— Что это за восхитительное... благоухание?

— Obsession, — кокетливо улыбаясь, Эвелин мягко отталкивает Тимоти. — Obsession. Патрик, убери от меня своего приятеля.

— Нет, нет, подожди, — Тимоти громко втягивает носом воздух. — Это не Obsession. Это... это... — его лицо искажается в притворном ужасе. — Боже мой... это крем для искусственного загара Q.T.Instatan!

Эвелин медлит, пытаясь придумать достойный ответ. Она снова внимательно смотрит на Тима:

— Ты не лысеешь?

— Эвелин, — отвечает Тим. — Не уходи от темы, хотя... — он уже искренне встревожен. — Раз ты сказала... что, много геля? — он озабоченно проводит рукой по волосам.

— Может быть, — говорит Эвелин. — Теперь, будь любезен, сядь.

— По крайней мере, волосы у меня не зеленые, и я не пытался подстричься масляным ножом, — говорит Тим, намекая на цвет волос Вэнден и плохую, дешевую стрижку Сташа. Стрижка плохая именно потому, что дешевая.

— Так ты потолстел? — на этот раз голос Эвелин звучит серьезно.

— Господи, — Тим, похоже, обиделся, — нет, Эвелин.

— Лицо у тебя определенно округлилось, — говорит Эвелин, — уже не такое... точеное.

— Не верю, — говорит Тим.

Он еще пристальнее всматривается в зеркало. Эвелин продолжает расчесывать волосы, но уже не так энергично, потому что теперь она смотрит на Тима. Заметив это, он нюхает ее шею и ухмыляется. Мне показалось, что он успел ее лизнуть.

— Ну что, Q.T.? — говорит он. — Ладно, мне-то можешь признаться. Я чувствую, что это оно.

— Нет, — отвечает Эвелин без улыбки. — Это ты им пользуешься.

— Нет. Я-то как раз не пользуюсь. Я хожу в солярий. И не стыжусь в этом признаться, — говорит он. — А вот ты пользуешься Q.T.

— По-моему, ты бредишь, — неуверенно защищается Эвелин.

— Я тебе говорю, я хожу в солярий. Конечно, я знаю, как это дорого, но... — Прайс бледнеет. — И все-таки, это Q.T.?

— Какое нужно иметь мужество, чтобы признаться, что ходишь в солярий, — язвит Эвелин.

— Q.T., — Тимоти хихикает.

— Не знаю, о чем ты, — говорит Эвелин и вновь принимается расчесывать волосы. — Патрик, пожалуйста, проводи своего друга к выходу.

Прайс встает на колени. Он втягивает носом воздух, нюхает голые ноги Эвелин, она смеется. Я внутренне напрягаюсь.

— Господи, — громко стонет она. — Убирайся отсюда.

— Ты — апельсинчик, — смеется он, уткнувшись головой ей в колени. — Потому что ты вся — оранжевая.

— Я не оранжевая, — возражает она, и ее голос — как низкий протяжный стон наслаждения и боли. —

Придурок.

Я лежу на кровати и наблюдаю за ними. Тимоти пытается пропихнуть голову под халатик от Ralph Lauren.

Эвелин от удовольствия запрокинула голову, она пытается отпихнуть Прайса, но не всерьез. Она легонько бьет его по спине щеткой для волос Jan Nove. Я почти не сомневаюсь, что у Тимоти роман с Эвелин. Тимоти — единственный интересный человек из всех моих знакомых.

— Тебе пора идти, — говорит Эвелин, тяжело дыша. Она больше не бьет его щеткой.

Он глядит на нее снизу вверх, сверкая великолепной белозубой улыбкой, и говорит:

— Как даме будет угодно.

— Большое спасибо, — отвечает она, как мне кажется, несколько разочарованно. Он поднимается.

— Может, поужинаем вместе? Как насчет завтра?

— Мне надо спросить своего бойфренда, — говорит она, улыбаясь мне в зеркале.

— Наденешь то черное сексуальное платье от Anne Klein? — положив руки ей на плечи, шепчет он ей на ухо. —

Кстати, Бэйтмен, тебя никто не приглашает.

Добродушно хихикая, я поднимаюсь с кровати — проводить его к двери.

— Погоди! Мой эспрессо! — кричит он.

Эвелин смеется и хлопает в ладоши, как будто ей нравится, что Тимоти никак не уходит.

— Давай, дружок, — я бесцеремонно выталкиваю его из спальни. — Пора баиньки.

Уже на пороге Прайс посылает Эвелин воздушный поцелуй. Выходя на улицу, он не произносит ни звука.

Выпроводив его, я наливаю себе бренди в итальянский пузатый стаканчик. Когда я возвращаюсь в спальню, Эвелин уже лежит в постели и смотрит «Магазин на диване». Я ложусь рядом и распускаю узел галстука от Atmani. Я спрашиваю Эвелин:

— Почему бы тебе не сойтись с Прайсом?

— Господи, Патрик, — произносит она, зажмурив глаза, — Ну при чем тут Прайс? Прайс! — судя по ее тону, она точно с ним спала.

— Он богат, — говорю я.

— Все богаты, — говорит она, уткнувшись в экран телевизора.

— Он хорошо выглядит, — замечаю я.

— Все хорошо выглядят, Патрик, — тихо произносит она.

— У него отличная фигура, — продолжаю я.

— Сейчас у всех отличная фигура, — отвечает она.

Я ставлю стакан на столик и перекатываюсь на нее. Пока я целую и облизываю ее шею, она бесстрастно глядит

на широкий экран телевизора Panasonic и приглушает звук с пульта дистанционного управления. Я снимаю рубашку от Armani и кладу руку Эвелин себе на живот, чтобы она ощутила, какой он крепкий. Как камень. Я напрягаю мышцы, — к счастью, в комнате горит свет и ей видно, какой загорелый и подтянутый у меня брюшной пресс.

— Знаешь, — говорит она вдруг. — У Саша положительный анализ на СПИД. А... — она умолкает; что-то на экране привлекает ее внимание; она слегка прибавляет звук, потом опять делает тише. — А... Я думаю, что сегодня он будет спать с Вэнден.

— Хорошо, — говорю я, легонько кусаю ее за шею и кладу одну руку на ее упругую, холодную грудь.

— Ты злой, — говорит она и, слегка возбужденная, проводит руками по моим широким, крепким плечам.

— Нет, — говорю. — Я не злой. Просто я твой жених.

Примерно пятнадцать минут я пытаюсь трахнуть ее, но потом прекращаю попытки. Она говорит:

— Ничего страшного, в другой раз будешь в лучшей форме.

Я тянусь к стаканчику с коньяком. Допиваю его. Эвелин, как всегда, принимает парнат, это антидепрессант. Я лежу рядом с ней и смотрю «Магазин на диване»: стеклянные куклы, вышитые подушечки, лампы в форме футбольных мячей. Эвелин начинает засыпать.

— Ты миноксидилом не пользуешься? — спрашивает она через некоторое время.

— Нет, не пользуюсь, — говорю я. — Зачем он мне?

— По-моему, у тебя волосы редеют, — бормочет она.

— Не редеют, — отвечаю я в полусне. Сложно сказать. У меня очень густые волосы, так что почти невозможно заметить, редеют они или нет. Но я думаю, что все-таки нет.

Я возвращаюсь домой пешком, говорю «Спокойной ночи!» швейцару, которого не узнаю (он может оказаться кем угодно), поднимаюсь к себе и растворяюсь в своей гостиной, высоко над городом. В углу мягко светится CD-проигрыватель Wurlitzer 1015 (который не так хорош, как Wurlitzer 850, но тот нигде не найдешь), играет Tokens «The Lion Sleeps Tonight». Я онанирую, представляя сначала Эвелин, потом Кортни, потом Вэнден, снова Эвелин, и уже под конец, перед слабеньким оргазмом, — почти обнаженную модель в короткой маечке на завязках, которую я видел сегодня в рекламе Calvin Klein.

УТРО

В ранних лучах майского утра моя гостиная выглядит так: над большим белым камином — газ-поленья, гранит и мрамор, — висит подлинник Дэвида Оника. Портрет обнаженной женщины, выполненный в приглушенных, неярких тонах с преобладанием серого и оливкового; шесть футов на четыре. Женщина сидит в шезлонге и смотрит MTV на фоне марсианского пейзажа — мерцающей розово-лиловой пустыни, усыпанной выпотрошенной рыбой; осколки разбитых тарелок расходятся наподобие солнечных лучей над ее желтой головой. Стильная строгая рамка из черного металла. Напротив картины — длинный белый диван, набитый пухом, и 30-дюймовый цифровой телевизор Toshiba, — высококонтрастная модель с улучшенным разрешением, возможность просмотра четырех каналов одновременно; высокотехнологичная комбинация трубок от NEC с системой цифрового эффекта картинка-в-картинке (плюс остановка кадра); звук идет через встроенный MTS и пятиваттный встроенный усилитель. В стеклянной тумбочке под телевизором — видеомэгафон Toshiba модели super-high-band Beta со встроенной функцией редактирования, включая буквенный генератор с восьмистраничной памятью, high-band запись, обратное воспроизведение и трехнедельное предпрограммирование на восемь записей. По углам стоят галогеновые лампы. Тонкие белые жалюзи закрывают все восемь окон — от пола до потолка. Перед диваном — стоит журнальный столик от Turchin (стеклянный верх и дубовые ножки), на котором расставлены стеклянные зверюшки от Steuben и дорогие хрустальные пепельницы от Fortunoff, хотя я и не курю. Рядом с CD-проигрывателем Wurlitzer — большой концертный рояль Baldwin черного дерева. Во всей квартире — паркетный пол из светлого полированного дуба. В другом конце гостиной, рядом с письменным столом и журнальной стойкой от Gio Ponti -полностьюполностью укомплектованная стереосистема (CD-плеер, кассетная дека, тюнер и усилитель) Sansui с шестифутовыми колонками Duntech Sovereign 2001 в корпусе из бразильского красного дерева. В центре спальни — пуховый футон на дубовом основании. У стены — 31-дюймовый Panasonic с плоским экраном и стереозвуком, а под ним, в стеклянной тумбе — видеомэгафон Toshiba. Я не уверен, что часы на цифровом будильнике Sony показывают правильное время, поэтому мне приходится сесть и взглянуть на мигающую панель видеомэгафона. Потом я беру со столика из стекла и стали, стоящего рядом с кроватью, кнопочный телефон Ettore Sottsass и набираю номер службы точного времени. В одном углу спальни — кресло из кремовой кожи, стали и дерева (дизайн — Eric Marcus), в другом -кресло из прессованной фанеры. На полу — ковер Maud

Sienna, бежево-белый в черную крапинку. Одну стену целиком занимают четыре шкафа из высветленного красного дерева. Сегодня я спал в шелковой пижаме от Ralph Lauren. Поднявшись с кровати, я набрасываю ярко-красный халат и иду в ванную. Я мочусь и придирчиво изучаю свое отражение в стекле, которым покрыт висящий над унитазом бейсбольный плакат, — на предмет, нет ли отеков. Потом я переодеваюсь в трусы-боксеры от Ralph Lauren с вышитой монограммой и тонкий свитер от Fair Isle, сую ноги в шелковые шлепанцы в крупный горошек (Engico Hidolin), надеваю на глаза охлаждающую маску и приступаю к утренней гимнастике. Затем я встаю перед раковиной Washmobile (хром и акрил) с мыльницей, держателем для стаканчика и поручнями, на которых висят полотенца. Полотенца я покупаю в Hastings Tile, а саму раковину (отшлифованный мрамор) я заказывал в Финляндии. Не снимая охлаждающую маску, я изучаю свое отражение. В стаканчик из нержавеющей стали я наливаю жидкость для удаления зубного камня Plax и полощу рот в течение тридцати секунд. Потом выдавливаю зубную пасту Rembrand на зубную щетку из искусственного черепашого панциря, тщательно чищу зубы (из-за похмелья мне не до зубной нити, — но, может быть, я чистил их нитью вчера, перед сном?). Я полощу рот листерином. Потом я осматриваю свои ногти и чищу их щеточкой. Снимаю охлаждающую маску, протираю лицо лосьоном, который глубоко очищает поры, накладываю травяную маску с мятой и оставляю на десять минут, на протяжении которых я проверяю ногти на ногах. Потом я полирую зубы щетками Probright и Interplack (они продавались в комплекте с зубной щеткой). Interplack вращается со скоростью 4200 оборотов в минуту, и 46 раз в секунду меняет направление движения; длинная щетина очищает межзубное пространство и массирует десны, а короткая чистит поверхность зубов. Снова полощу рот, на этот раз Сераcol. Смываю маску при помощи мятного скраба. На душе — универсальная насадка австралийского производства из позолоченной меди, покрытой белой эмалью, с распылением воды во всех направлениях и регулировкой высоты в пределах тридцати дюймов. Я встаю под душ и включаю воду. Сначала я моюсь гидроактивным очищающим гелем, потом — медово-миндальным скрабом, а лицо я мою отшелушивающим очищающим гелем. Шампунь Vidal Sassoon лучше всего подходит для удаления чешуек кожи, жира, солей, вредных веществ, содержащихся в загрязненном воздухе, пыли и грязи, которые утяжеляют волосы и склеивают их, а это старит. Бальзам тоже очень хороший — благодаря силиконовой технологии он питает волосы, но не утяжеляет их (это тоже старит). На выходных или перед свиданием я пользуюсь Greune Natural Revitalizing — шампунь, бальзам и питательный комплекс. В них содержится D-пантенол, комплекс витаминов группы В, полисорбит-80, очищающее средство для кожи головы и натуральные травы. В ближайшие выходные я планирую съездить в Bloomingdale's или Bergdorf's и купить (по совету Эвелин) шампунь и лечебный комплекс Foltene European для редеющих волос: он содержит комплексные углеводы, которые проникают в волосы, укрепляют их и придают блеск. Надо купить и Vivagen, комплекс комплекс витаминов для ухода за волосами, — это новый продукт от Redken, предотвращающий минеральные отложения и продлевающий жизненный цикл волос. Луис Керрутерс очень рекомендовал систему Aramis Nutriplexx — питательный комплекс, способствующий улучшению кровообращения. Я выхожу из душа, насухо вытираюсь, опять надеваю трусы-боксеры от Ralph Lauren и перед тем, как нанести на лицо крем для бритья Mousse A Raiser от Pour Hommes, на две минуты прикладываю к лицу горячее полотенце, чтобы смягчить жесткие волоски. Перед бритьем я всегда мажу лицо увлажняющим кремом (я предпочитаю Clinique) и даю ему впитаться. Его можно смыть, но можно и оставить, а крем для бритья нанести поверх него — лучше это сделать помазком, который смягчает и приподнимает волоски, и они легче сбиваются. Он также препятствует испарению влаги и уменьшает трение между лезвием и кожей. Перед бритьем следует смочить бритву горячей водой и брить в направлении роста волос, с легким нажимом на кожу. Бакенбарды и подбородок я всегда брею в последнюю очередь, поскольку на этих участках волосы жестче и им требуется больше времени для смягчения. Бритву надо сразу помыть и тщательно стряхивать воду. После бритья я споласкиваю лицо холодной водой, чтобы удалить все остатки пены. Я пользуюсь только лосьонами либо без спирта вообще, либо с очень небольшим содержанием спирта. После бритья нельзя пользоваться одеколоном, потому что высокое содержание спирта сушит кожу лица (а это старит). Для того, чтобы привести кожу в нормальное состояние, следует протереть ее ватным тампоном с антибактериальным тонирующим лосьоном без спирта, и смазать увлажняющим кремом. Потом нужно еще раз сполоснуть лицо водой и нанести лосьон, который смягчает кожу и усиливает действие увлажняющего крема. Я предпочитаю гель-лосьон Appaisant, также от Pour Hommes, — превосходное успокаивающее средство для кожи. Если кожа тусклая, сухая и шелушится (а это старит), следует протереть лицо очищающим лосьоном, который удаляет омертвевшие клетки и омолаживает кожу; к тому же он подчеркивает загар. После этого следует нанести на веки крем-бальзам против морщин (Baume Des Yeux) и еще раз протереть лицо увлажняющим «защитным» лосьоном. Прежде чем нанести лосьон для кожи головы, я

вытираю волосы насухо и слегка подсушиваю их феном, чтобы придать им объем и форму (без клейких средств для укладки), а потом добавляю еще немного лосьона, равномерно распределяю его при помощи щетки из натуральной щетины Kent. Наконец, расческой с редкими зубьями я зачесываю волосы назад. Я опять надеваю домашний свитер Fair Isle, сую ноги в шелковые шлепанцы и направляюсь в гостиную. Ставлю диск с новым альбомом «Talking Heads», но он начинает «прыгать». Я вынимаю его и вставляю в проигрыватель специальный чистящий диск. Лазерная линза — очень чувствительное устройство; она очень быстро пачкается от пыли, от влажности, от сигаретного дыма, от загрязненного воздуха, — и если она испачкалась, то диск либо вообще не читается, либо «прыгает», перескакивает, меняет скорость и вообще. На чистящем диске есть специальная мягкая щеточка, которая при вращении удаляет с линзы жирный налет и частички пыли. Я снова ставлю «Talking Heads», и на этот раз диск играет нормально. Я забираю газету USA Today, которую мне положили под дверь, иду в кухню, принимаю две таблетки адвила[5], мультивитамины и калий, запиваю их минеральной водой Evian прямо из бутылки, потому что моя домработница, пожилая китаянка, вчера забыла включить посудомоечную машину, и мне приходится наливать грейпфрутово-лимонный сок в винный стакан St. Remy из набора от Vassarat. Я смотрю на неоновые часы, висящие над холодильником, и вижу, что у меня еще полно времени и можно спокойно позавтракать. Стоя у кухонной стойки, я ем из алюминиевых мисочек производства ФРГ киви и нарезанную дольками японскую грушу (в Gristede's они стоят четыре доллара за штуку). Из большого стеклянного шкафа я достаю булочку с отрубями, пакетик с травяным чаем (без кофеина) и упаковку овсяных хлопьев. Одна стена кухни полностью заставлена такими шкафами: шлифованное металлизированное стекло, полочки из нержавеющей стали, металлический серо-синий корпус. Я разогреваю в микроволновой печи половину булочки и ем ее, пока теплая, намазав ее яблочным маслом. Потом ем овсяные хлопья и пророщенные зерна пшеницы с соевым молоком. Все это я запиваю еще одной бутылкой Evian и чашечкой травяного чая. Рядом с домашней хлебопечкой Panasonic и электрической кофеваркой Salton Pop-Up — еще одна кофеварка (для эспрессо), серебряная Cremina (как ни странно, она еще теплая), которую я купил в Hammacher Schlemmer, а также микроволновая печь Sharp модели R-1810A Carousel II на вертящейся подставке (в ней я подогреваю вторую половину булочки). Возле раковины стоит грязная термо-чашечка из нержавеющей стали с блюдцем и ложечкой. Рядом с тостером Salton Sonata, кухонным комбайном Cuisinart Little Pro, электрической соковыжималкой Acme Supreme и миксером Cordially Yours стоит большой электрический чайник из нержавеющей стали, на две с половиной кварты[6], который высвистывает мелодию «Чай вдвоем», когда вода закипает. Я делаю себе еще одну чашку бескофеинового чая «яблоко с корицей». Я долго пялюсь на нож Black & Decker, который лежит возле раковины, вделанной в стену. Он предназначен для очистки и нарезки овощей и продается в наборе с различными съемными лезвиями, которые крепятся на одной рукоятке, — обычное лезвие, лезвие с зазубренным краем и лезвие с зубчатым краем. Сегодня я надеваю костюм от Alan Flusser с удлиненным пиджаком и узкими брюками, в стиле восьмидесятых (который, в свою очередь, является обновленной версией моды тридцатых). В этой модели пиджак имеет подплечники, вырез на полочках небольшой, а спинка — с фалдами. Мягкие лацканы шириной около четырех дюймов имеют заостренные кончики. На хорошо скроенном двубортном пиджаке лацканы с заостренными кончиками смотрятся более элегантно, чем закругленные. Низкие «двойные» карманы прикрыты маленькими отворотами, над которыми есть прорезь, подшитая узкой полоской ткани. Четыре пуговицы образуют правильный квадрат; еще две пуговицы располагаются чуть выше перехлеста лацканов. Глубокие складки на брюках продолжают линии широкого пиджака. Спереди линия талии чуть завышена. На поясе есть удобные петельки для подтяжек. Шелковый галстук в крапинку — от Valentino Couture. Легкие туфли без шнурков из крокодиловой кожи — от A.Testoni. Одеваясь, я смотрю телевизор, — Шоу Патти Винтерс. Сегодня у нее в гостях женщины, страдающие раздвоением личности. На экране — невзрачная тучная дама преклонного возраста. За кадром звучит голос Патти:

— Так что же это: шизофрения или нет? Расскажите нам!

— Нет-нет. Люди, страдающие раздвоением личности, — не шизофреники, — отвечает женщина, качая головой. — Мы не опасны.

— Итак, — Патти стоит посреди студии с микрофоном в руке, — кем вы были в прошлом месяце?

— Кажется, в прошлом месяце я в основном была Полли, — говорит женщина.

Камера показывает зрителей в студии. Крупным планом — встревоженное лицо какой-то домохозяйки, но она даже не успевает заметить себя на экране: теперь снова показывают женщину с раздвоением личности.

— Хорошо, — продолжает Патти. — А кто вы теперь?

— Ну... — устало вздыхает женщина, похоже, что этот вопрос ей задавали неоднократно, и она раз за разом

честно на него отвечала, однако ей по-прежнему никто не верит. — В этом месяце я... баранья отбивная. В основном, баранья отбивная.

Долгая пауза. Наплыв камеры. Крупным планом — ошеломленная домохозяйка качает головой, другая домохозяйка что-то шепчет ей на ухо.

На мне туфли без шнурков из крокодиловой кожи от A.Testoni.

Доставая свой плащ из стеного шкафа в прихожей, я натываюсь на клетчатый шарфик от Burberry и такую же куртку с вышитым китом (похоже, это детские вещи). Куртка измазана чем-то, похожим на засохший шоколадный сироп, манжеты потемнели. Уже в лифте я завожу свой Rolex, слегка покачивая запястьем.

Здоровуюсь со швейцаром, выхожу на улицу, ловлю такси и отправляюсь на Уолл-стрит.

В BAPE «HARRY'S»

Поздно вечером, уже в сумерках, мы с Прайсом спускаемся по Ганновер-стрит и направляемся к «Harry's», словно нас ведет невидимый радар. С тех пор, как мы вышли из P&P, Прайс не произнес ни слова. Он даже не отпустил никаких шуточек по поводу мерзкого нищего, скрючившегося под мусорным баком на Стоун-стрит, хотя и не пропустил блондинку (роскошные сиськи, отличная задница, высокие каблуки), которая шла в сторону Уотер-стрит, — и зловеще, по-волчьи присвистнул ей вслед. Сегодня Прайс нервный и раздражительный; и у меня нет ни малейшего желания спрашивать у него, в чем дело. На нем — легкий льняной костюм от Canali Milano, хлопчатобумажная рубашка от Ike Behar, шелковый галстук от Bill Blass и кожаные ботинки на шнурках от Brooks Brothers. На мне — легкий льняной пиджак и такие же брюки в складку, хлопчатобумажная рубашка, шелковый галстук (все от Valentino Couture) и кожаные ботинки в дырочку от Allen-Edmonds. Мы заходим в «Harry's» и сразу же видим столик, за которым сидят Дэвид Ван Паттен и Крэйг Макдермотт. На Ван Паттене — двубортный спортивный пиджак (шерсть с шелком), брюки на пуговицах с внутренними складками (тоже шерсть с шелком) от Bill Blass и кожаные ботинки от Brooks Brothers. На Макдермотте — льняной костюм с брюками в складку, рубашка от Basile (хлопок-лен), шелковый галстук от Joseph Abboud и туфли без шнурков из страусиной кожи от Susan Bennis Warren Edwards.

Они склонились над столом и что-то сосредоточенно пишут на бумажных салфетках; перед каждым стоит стакан, — соответственно соответственно, скотч и мартини. Они машут нам. Прайс швыряет свой кожаный дипломат Tumi на пустой стул и устремляется к бару. Я кричу ему: «Мне J&B со льдом», и сажусь рядом с Ван Паттеном и Макдермоттом.

— Слушай, Бэйтмен, — по голосу Крэйга понятно, что это не первый его мартини. — Можно ли надевать мокасины под деловой костюм? И не смотри на меня, как на придурка.

— Черт, не спрашивай Бэйтмена, — стонет Ван Паттен, размахивая перед лицом своей золотой ручкой Cross. В рассеянности он отхлебывает мартини.

— Ван Паттен? — говорит Крэйг.

— Да?

Макдермотт колеблется, но потом все-таки спокойно говорит

— Заткнись.

— Чем вы, парни, тут занимаетесь? — Я замечаю у бара Луиса Керрутерса. Он стоит рядом с Прайсом. Прайс его полностью игнорирует. Одет Керрутерс неважно: четырехпуговичный двубортный шерстяной костюм, по-моему, от Chaps, хлопчатобумажная рубашка в полоску, шелковая бабочка, плюс очки в роговой оправе от Oliver Peoples.

— Бэйтмен, мы придумываем вопросы, чтобы послать в GQ, — отвечает Ван Паттен.

Луис замечает меня, слабо улыбается, потом, если я не ошибаюсь, краснеет и вновь поворачивается к бару. Почему-то бармены никогда не обращают внимания на Луиса.

— Мы поспорили, кого из нас первым опубликуют в рубрике «Вопрос-ответ», так что я жду ответа. Так что ты думаешь? — настойчиво спрашивает Макдермотт.

— О чем? — раздраженно спрашиваю я.

— О мокалинах, придурок, — говорит он.

— Ладно, ребятки, — я тщательно взвешиваю слова. — мокасины — традиционно повседневная обувь... — Я кидаю на Прайса выразительный взгляд, — видно, что ему очень хочется выпить. Он пролетает мимо Луиса, который протягивает ему руку. Прайс улыбается, что-то говорит, движется дальше — по направлению к нашему столику. Луис снова пытается привлечь внимание бармена. Опять безуспешно.

— Но все-таки их можно надевать с костюмом именно потому, что они такие популярные, да? — перебивает меня Крэйг.

— Да, — согласно киваю я. — Но только черные или из испанской дубленой кожи.

— А коричневые? — подозрительно спрашивает Крэйг.

Подумав, я отвечаю:

— Коричневые смотрятся слишком спортивно для делового костюма.

— О чем вы, пидоры, болтаете? — встревает Прайс. Он дает мне стакан и садится, закинув ногу на ногу.

— Ладно, теперь мой вопрос, — говорит Ван Паттен. — В двух частях... — он выдерживает театральную паузу. — Закругленные воротнички — это слишком нарядно или слишком небрежно? Часть вторая: какой галстучный узел лучше всего смотрится с закругленными воротничками?

Прайс по-прежнему раздражен, в его голосе все еще чувствуется напряжение. Он отвечает быстро, четко выговаривая слова, так что слышно всему залу:

— Они выглядят нейтрально и подходят как к деловым костюмам, так и к спортивным пиджакам. В особо торжественных случаях они должны быть накрахмалены, а на официальных приемах с ними носят булавку. — Он умолкает, вздыхает. Кажется, он заметил кого-то знакомого. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, кого.

Прайс продолжает:

— С блейзером круглые воротнички должны выглядеть мягкими, поэтому их не крахмалят. С блейзером их носят как с булавкой, так и без нее. Поскольку традиционно считается, что круглые воротнички носят выпускники частных школ, то лучше всего они смотрятся с относительно небольшим галстучным узлом.

Он отпивает глоток martini и меняет ноги местами.

— Еще вопросы?

— Купите человеку выпить, — говорит Макдермотт, на которого явно призвела произвела впечатление речь Прайса.

— Прайс? — говорит Ван Паттен.

— Да? — рассеянно отвечает Прайс, окидывая взглядом зал.

— Что бы мы без тебя делали?!

— Слушайте, — говорю я, — где мы сегодня ужинаем?

— У меня с собой верный мистер «Загат»[7], — Ван Паттен вытаскивает из кармана темно-красную книжицу и машет ей перед носом Тимоти.

— Ура, — сухо произносит Тимоти.

— Ну и чего нам хочется? — спрашиваю я.

— Что-нибудь блондинистое и с большими сиськами. — Прайс.

— Может, то сальвадорское бистро? — Макдермотт.

— Слушайте, мы же потом собирались в «Туннель», так что давайте где-нибудь там.

— Черт, — говорит Макдермотт. — Мы идем в «Туннель»? На прошлой неделе я снял там одну цыпочку из Вассара[8]...

— Господи, только не надо опять, — стонет Ван Паттен.

— Тебе -то что? — огрызается Макдермотт.

— Я там был. И я не обязан снова это выслушивать, — говорит Ван Паттен.

— Но я же тебе не рассказывал, что случилось потом, — говорит Макдермотт, подняв брови.

— Когда это вы, ребята, там были? — интересуюсь я. — А меня почему не позвали?

— Ты был в этом мудацком круизе. Заткнись и слушай. В общем, подцепил я в «Туннеле» эту цыпочку из Вассара... роскошная телка, высокая грудь, отличные ноги, все в полном порядке... купил ей пару коктейлей с шампанским, она сюда на каникулы приехала... в общем, она чуть не взяла в рот прямо в зале с канделябрами... Повез я ее к себе...

— Ага, ага, — перебиваю я. — А можно спросить, где в это время была Памела?

Крэйг морщится:

— Да пошел ты. Я хотел, чтобы мне отсосали, Бэйтмен. Я хотел телку, которая разрешает...

— Я не желаю это слышать, — говорит Ван Паттен, затыкая уши. — Он сейчас скажет гадость.

— Ты ханжа, — ухмыляется Макдермотт. — Слушай, мы же не собирались покупать общую квартиру или бежать в церковь. Мне просто хотелось, чтобы мне отсасывали — минут тридцать-сорок...

Я кидаю в него палочку из коктейля.

— Короче, мы приходим ко мне и... слушайте... — он придвигается ближе к столу, — она к тому времени выпила столько шампанского, что должна была ебаться как слон, и представляет...

— Дала без гондона?

Макдермотт закатывает глаза:

— Девка была из Вассара, а не из Квинса.

Прайс трогает меня за плечо:

— А что это значит?

— Ладно, слушайте, — говорит Макдермотт. — Она... вы готовы?

Он выдерживает театральную паузу.

— Она подрочила мне рукой, и ничего больше... но и это еще не все... она даже перчатку не сняла.

Он откидывается на стуле и смотрит на нас, самодовольно потягивая мартини.

Мы все воспринимаем его рассказ очень серьезно. Никто не подшучивает над Макдермоттом за его откровенность или за неспособность надавить на ту цыпочку. Все молчат и думают об одном: Никогда не снимай девок из Вассара.

— Что тебе нужно, так это цыпочка из Кэмдена, — замечает Ван Паттен, как только приходит в себя после рассказа Макдермотта.

— Ну конечно, — говорю я. — Для них ебаться с родным братом — в порядке вещей.

— Зато они думают, что СПИД — это новая британская группа, — добавляет Прайс.

— Так где мы ужинаем? — спрашивает Ван Паттен, рассеянно глядя на вопрос, записанный у него на салфетке. — Где мы, блядь, будем ужинать?

— Забавно: девки считают, что мужики только этим и озабочены... болезнями всякими и прочей херней, — говорит Ван Паттен, качая головой.

— В жизни не стану трахаться с гондоном, — объявляет Макдермотт.

— Я тут отксерил одну статью, — говорит Ван Паттен, — в ней говорится, что какую бы паскудную, продажную, грязную телку мы ни драли, шанс заразиться — равен полдесятитысячной процента, или что-то вроде того.

— У нормальных парней такого просто не может быть.

— Во всяком случае, у белых.

— И эта девка была в ебаной перчатке? — переспрашивает Прайс, который, похоже, еще не оправился от потрясения. — В перчатке?! А не проще бы было подрочить самому?!

— Знаешь, хуй тоже встает, — говорит Ван Паттен. — Это Фолкнер написал.

— Ты где учился? — интересуется Прайс. — В Pine Manor?

— Парни, — говорю я, — смотрите, кто идет.

— Кто? — Прайс даже не поворачивает головы.

— Подсказка, — говорю я. — Самый большой кретин в компании «Drexel Burnham Lambert».

— Конноли? — высказывает догадку Прайс.

— Привет, Пристон, — здороваюсь я с Пристоном, пожимая ему руку.

— Ребята, — говорит Пристон, кивая всем сразу, — прошу прощения, но сегодня я с вами поужинать не смогу.

На Пристоне — двубортный шерстяной костюм от Alexander Julian, хлопчатобумажная рубашка и шелковый галстук от Peggy Ellis. Он кланяется, положив руку на спинку моего стула. — Мне очень жаль, но, знаете ли, обстоятельства.

Прайс награждает меня гневным взглядом и произносит одними губами:

— А его приглашали?

Я пожимаю плечами и допиваю остатки J&B.

— Чем вчера вечером занимался? — спрашивает Макдермотт и добавляет: — Славный костюмчик.

— Кем вчера занимался? — поправляет Ван Паттен.

— Нет-нет, — отвечает Пристон, — ничего такого. Вполне респектабельный и приличный вечер. Без девок, бухла и траха. Ходили в «Русскую чайную» с Александрой и ее родителями. Она называет отца... вы подумайте... Билли. А я был такой весь замотанный и уставший... а там только «Столичная».

Он зевает, снимает очки (Oliver Peoples, разумеется) и протирает их носовым платком от Armani.

— Не знаю, но по-моему наш малахольный православный официант кинул мне в борщ кислоту. Я такой, блядь, уставший.

— А сегодня что делаешь? — любопытствует Прайс безо всякого интереса.

— Надо вернуть видеокассеты, ужинаем с Александрой во вьетнамском ресторане, а потом идем на Бродвей, на какой-нибудь британский мюзикл, — говорит Пристон, обводя взглядом зал.

— Слушай, Пристон, — говорит Ван Паттен. — Мы тут придумываем вопросы, чтобы послать в GQ. Может,

подскажешь?

— Подскажу, — отвечает Пристон. — Когда надеваешь смокинг, как сделать так, чтобы сорочка спереди не задиралась?

С минуту Ван Паттен с Макдермоттом сидят молча, а потом Крэйг, нахмутив брови и посерьезнев, задумчиво произносит:

— Хороший вопрос.

— Прайс, — говорит Пристон, — а у тебя есть вопрос?

— Есть, — Прайс вздыхает. — Когда у тебя все друзья — бараны, то что будет, если ты вышибешь им мозги «магнумом» тридцать восьмого калибра: уголовное преступление, просто проступок или Божественное Провидение?

— Не пойдет для GQ, — говорит Макдермотт. — Попробуй отправить в Soldier of Fortune[9]].

— Или в «Vanity Fair», — Ван Паттен.

— А это кто? — глядя в сторону бара, говорит Прайс. — Это не Рид Робисон? Кстати, Пристон, надо просто пришить к сорочке петельку, пристегивающуюся к пуговице на брюках, и проследить за тем, чтобы накрахмаленный перед сорочки не опускался ниже пояса брюк, иначе, когда садишься, он будет топорщиться, так этот мудака — Робисон или нет? Чертовски похож.

Слегка ошалев от речи Прайса, Пристон медленно оборачивается, вновь надевает очки и смотрит, шурясь, в сторону стойки.

— Нет, это Найджел Моррисон.

— А-а-а! — восклицает Прайс. — Один из этих молоденьких британских педиков, стажирующихся в...

— Откуда ты знаешь, что он — педик? — перебиваю я.

— Британцы все педики, — пожимает плечами Прайс.

— Но откуда ты знаешь, Тимоти? — ухмыляется Ван Паттен.

— Я видел, как он ебал Бэйтмена в жопу. В сортире банка Morgan Stanley.

Я вздыхаю и обращаюсь к Пристону:

— А где он стажирруется, Моррисон?

— Не помню, — отвечает Пристон, почесывая в затылке. — В Lazard?

— Где? — напирает Макдермотт. — В First Boston? Goldman?

— Точно не помню, — говорит Пристон. — Может, в Drexel? Он всего лишь помощник ответственного аналитика по финансам, а его жуткая подруга с гнилыми зубами, та вообще сидит в какой-то дыре, занимается выкупом акций за счет кредита.

— Где мы сегодня ужинаем? — говорю я. Мое терпение лопается. — Надо заказать столик. Я не собираюсь стоять в каком-нибудь ебаном баре.

— А что это за дрянь надета на Моррисоне? — обращается сам к себе Пристон. — Что, действительно костюм в полоску с клетчатой рубашкой?

— Это не Моррисон, — говорит Прайс.

— А кто? — Пристон снова снимает очки.

— Это Пол Оуэн, — говорит Прайс.

— Это не Пол Оуэн, — говорю я. — Пол Оуэн в другом конце бара. Вон там.

Оуэн стоит у стойки в двубортном шерстяном костюме.

— Он занимается счетами Фишера, — говорит кто-то.

— Везучий мерзавец, — бормочет кто-то другой.

— Везучий жидовский мерзавец, — произносит с нажимом Пристон.

— Боже мой, Пристон, — говорю я. — Это—то тут причем?

— Слушай, я своими глазами видел, как он трепался по телефону с исполнительными менеджерами, и при этом плел ебаную менору. А в прошлом декабре он приволок в офис куст хануки, — неожиданно оживившись, говорит Пристон.

— Хуйню ты плетешь, — холодно замечаю я, — а не менору. Хуйню.

— Бог ты мой, Бэйтмен, может быть, мне сходить в бар и попросить Фредди пожарить тебе этих ебучих картофельных оладий, — говорит неподдельно встревоженный Пристон. — Этих, как их... латкес?

— Спасибо, конечно, но я как-нибудь обойдусь, — отвечаю я. — Просто попридержи свои антисемитские замечания.

— Вот он, глас рассудка, — Прайс тянется вперед, чтобы потрепать меня по спине. — Милый соседский

мальчик.

— Да, милый соседский мальчик, который, по твоим же словам, дает трахать себя в жопу британскому стажеру финансового аналитика, — насмешливо отвечаю я.

— Я сказал, что ты — глас рассудка, — говорит Прайс. — Я не говорил, что ты не гомосексуалист.

— Или что ты не зануда, — добавляет Пристон.

— Угу, — говорю я, глядя Прайса в упор. — Спроси Мередит, гомосексуалист я или нет. Она тебе скажет... если только вынет мой хуй изо рта.

— Мередит западает на педиков, — Прайс невозмутим, — поэтому я ее и бросил.

— Постойте, ребята, слушайте, я анекдот вспомнил, — потирает руки Пристон.

— Пристон, — говорит Прайс, — ты сам ходячий анекдот. Ты ведь знаешь, что тебя на ужин не приглашали. Кстати, славный пиджачок: не сочетается, но дополняет.

— Прайс, ты — скотина, ты, блядь, так жесток со мной, — смеется Пристон. — Ладно, слушайте. Встречаются на приеме Джон Ф. Кеннеди и Перл Бейли [10], уединяются в овальном зале, трахаются там, то да се, потом Кеннеди засыпает и... — Пристон вдруг умолкает. — Вот черт, что же потом... Ах да, Перл Бейли говорит: «Господин Президент, мне охота еще поебаться», а он отвечает: «Я сейчас посплю, а минут через тридцать...», — нет, постойте... — Пристон опять умолкает, немного смущенный. — Сейчас... через час... ну да ладно... .."минут через тридцать проснусь, и мы опять трахнемся, только ты, пока ждешь, держи одну руку у меня на хуе, а другую — на яйцах", и она отвечает: «Хорошо, только зачем мне держать одну руку на хуе, а другую... другую — на яйцах?» и... — Он замечает, что Ван Паттен что-то небрежно рисует на обороте салфетки. — Ван Паттен, ты меня слушаешь?

— Слушаю, — раздраженно отвечает Ван Паттен. — Давай. Заканчивай. Одну руку — на хуе, другую — на яйцах, а дальше?

Луис Керрутерс так и стоит у стойки и ждет. Теперь мне кажется, что на нем шелковый галстук от Agnes B. Все словно в тумане.

— Я не слушаю, — говорит Прайс.

— А он говорит: «А затем...» — Пристон опять запинаясь. Длительное молчание. Пристон смотрит на меня.

— Не смотри на меня, — говорю. — Это не мой анекдот.

— И он отвечает... У меня в голове пусто.

— Уже можно смеяться? На фразе «у меня в голове пусто»? — интересуется Макдермотт.

— Он говорит, м-м-м... — Пристон закрывает глаза рукой и задумывается. — Вот черт, ты подумай, забыл...

— Великолечно, Пристон, — вздыхает Прайс. — Ты такой идиот, что даже не смешно.

— У меня в голове пусто? — спрашивает меня Крэйг. — Я что-то не понял.

— Сейчас, сейчас, — говорит Пристон. — А, вот, вспомнил. «А затем, что когда я последний раз трахал негритянку, она стащила у меня бумажник». — Он первый начинает хихикать. После непродолжительного молчания стол разражается смехом. Смеются все, кроме меня.

— Вот, стало быть, анекдот, — с гордостью говорит Пристон, явно воспрявший воспрянув духом.

Он и Ван Паттен пожимают друг другу руки. Даже Прайс смеется.

— Господи, — говорю я. — Это ужасно.

— Почему? — искренне не понимает Пристон. — Это смешно. Это юмор.

— Ладно, Бэйтмен, — говорит Макдермотт. — Не напрягайся.

— Ах да, я забыл. Бэйтмен встречается с кем-то из союза борьбы за гражданские права, — говорит Прайс. — Что тебе тут не нравится?

— Это не смешно, — отвечаю я. — Это расизм.

— Бэйтмен, скотина ты мрачная, — говорит Пристон. — Тебе пора прекратить читать биографии Теда Банди [11]. Пристон выпрямляется и смотрит на свой Rolex. — Слушайте, мне пора. До завтра.

— Да, на том же месте, и в тот же час, — говорит Ван Паттен, пихая меня локтем.

Перед тем, как уйти окончательно, Пристон опять наклоняется надо мной:

— «А затем, что когда я последний раз трахал негритянку, она стащила у меня бумажник».

— Я понял, понял, — говорю я, отпихивая его.

— Не забывайте, ребята: небольшое в этой жизни работает так же четко, как Kenwood. Он уходит.

— Ябадабаду, — говорит Ван Паттен.

— Слушайте, а вы знаете, что пещерные люди были крепче нас в смысле характера? — говорит Макдермотт.

«ПАСТЕЛИ»

Когда мы наконец оказываемся в «Пастелях», я едва не плачу, поскольку совершенно уверен, что мест нет. Но нам предлагают хороший столик, и облегчение накрывает меня благодатной волной. Макдермотт знаком с метрдотелем «Пастелей», и, хотя мы заказали столик всего несколько минут назад из такси, нас тут же проводят через переполненный бар в розовый, ярко освещенный зал и сажают за превосходный отгороженный столик. Заказать столик в «Пастелях» совершенно невозможно, и, по-моему, Ван Паттен, я сам и даже Прайс потрясены до глубины души. Может быть, мы даже завидуем той прыти, которую проявил Макдермотт. Набившись в такси на Уотер-стрит, мы поняли, что так никуда и не позвонили, и лишь когда дело дошло до обсуждения достоинств нового калифорнийско-сицилианского бистро в верхнем Ист Сайде (я так паниковал, что едва не порвал «Загат» пополам) мы пришли к согласию. Только Прайс возражал, но и он в конце концов пожал плечами со словами «Да мне все по хую», и мы позвонили с его мобильного, чтобы заказать столик. Прайс надел наушники и включил звук плеера так громко, что Вивальди был слышен даже сквозь автомобильный шум, доносившийся через полуопущенные окна такси. Ван Паттен и Макдермотт отпускали грубые шуточки о размере члена Тима, и я от них не отставал. Возле входа в «Пастели» Тим выхватил у Ван Паттена салфетку с окончательной версией его тщательно сформулированных вопросов для GQ и швырнул ее нищему, который валялся возле ресторана с грязной картонкой в руках: «Я ГОЛОДНЫЙ И БЕЗДОМНЫЙ ПОЖАЛУЙСТА ПОМОГИТЕ МНЕ». Кажется, все идет нормально. Метрдотель прислал нам четыре бесплатных коктейля Bellini, но мы все равно заказываем напитки. Ronettes поют «Then He Kissed Me» («Потом он поцеловал меня»), у нашей официантки хорошая фигура и даже Прайс, похоже, отошел, хотя и ненавидит это заведение. К тому же за столиком напротив четыре женщины, и все отлично выглядят — блондинки с большими сиськами. На одной шерстяное платье-рубашка от Calvin Klein; вторая одета в шерстяное вязаное платье и жакет с застежкой из фая от Geoffrey Beene; третья в юбке из плиссированного тюля и бархатном бюстье, по моему, от Christian Lacroix, на ногах у нее туфли на шпильке от Sidonie Larizzi; четвертая — в черном с блестками платье без пояса, поверх которого надет жакет от Bill Blass (шерстяной креп). Теперь играют Shirelles, «Dancing in the Street»: из-за высоких потолков и мощных колонок звук такой громкий, что нам приходится кричать нашей фигуристой официантке. На ней двухцветный шерстяной костюм с бисером от Murgone de Premonville и высокие бархатные ботиночки. Мне кажется, что она кокетничает со мной: соблазнительно смеется, когда я выбираю на закуску ската и кальмара с красной икрой, проникновенно смотрит, когда я заказываю запеканку из лосося с зеленым соусом томатилло. Я вынужден состроить озабоченное, убийственно серьезное выражение и уставиться на стаканы с розовым коктейлем Bellini, чтобы она не подумала, будто я слишком заинтересовался. Прайс заказывает тапас, оленину с йогуртовым соусом и салат из папоротника и манго. Макдермотт — сашими с козым сыром и копченую утку с эндивием и кленовым сиропом. Ван Паттен берет колбаску из морского гребешка и лосось-гриль с малиновым уксусом и гуакамоле. В ресторане на полную мощность работает кондиционер, и я начинаю сожалеть, что не надел новый пуловер от Versace, купленный на прошлой неделе в Bergdorf's. Он бы хорошо смотрелся с моим костюмом.

— Не могли бы вы, пожалуйста, забрать эти коктейли, — обращается Тим к официанту, указывая на Bellini.

— погоди, Тим, — говорит Ван Паттен. — Успокойся. Я их выпью.

— Это европейская дрянь, Дэвид, — поясняет Прайс. — Европейская дрянь.

— Возьми мой, Ван Паттен, — предлагаю я.

— Подожди, — говорит Макдермотт, останавливая официанта. — Я свой тоже выпью.

— Зачем? — спрашивает Прайс. — Ты что, пытаешься произвести впечатление на эту армянскую цыпочку в баре?

— Какую еще армянскую цыпочку? — Ван Паттен неожиданно заинтригован, он вытягивает шею.

— Уноси все коктейли! — вскипает Прайс.

Официант покорно забирает стаканы и, кивнув неизвестно кому, уходит.

— Кто дал тебе право распоряжаться? — ноет Макдермотт.

— Поглядите, парни. Смотрите, кто пришел, — присвистывает Ван Паттен. — Мать честная.

— Ради бога, только, блядь, не Пристон, — вздыхает Прайс.

— О нет, — зловеще произносит Ван Паттен. — Он нас пока не заметил.

— Виктор Пауэл? Пол Оуэн? — неожиданно испугавшись, спрашиваю я.

— Ему двадцать четыре года, и у него отвратительно много денег, скажем так, — с ухмылкой подсказывает Ван Паттен. Человек его, очевидно, заметил, и на лице Ван Паттена вспыхивает лучезарная улыбка. — Настоящий говнюк.

Я вытягиваю шею, но не могу понять, кто там и что.

— Это Скотт Монтгомери, — произносит Прайс. — Да? Скотт Монтгомери.
— Возможно, — подначивает Ван Паттен.
— Карлик Скотт Монтгомери, — говорит Прайс.
— Прайс, — говорит Ван Паттен. — Ты бесподобен.
— Смотрите, какой я сейчас изображу восторг, — замечает Прайс, обводя взглядом стол. — Ну, я ведь всегда прихожу в восторг, встречая кого-нибудь из Джорджии.
— Ух-ты, — произносит Макдермотт. — Он нарядился так, чтобы всех поразить.
— Да, — отвечает Прайс. — Я убит, то есть поражен.
— Да-а-а, — говорю я, заметив Монтгомери. — Элегантный темно-синий.
— В мелкую клетку, — шепчет Ван Паттен.
— И много бежевого, — добавляет Прайс. — Вы же понимаете.
— Он идет сюда, — говорю я, внутренне подбадривая себя.
К нашему столику приближается Скотт Монтгомери. На нем — темно-синий двубортный блейзер с пуговицами из искусственного черепахового панциря, мятая, застиранная хлопчатобумажная рубашка в полоску с красной вышивкой, шелковый галстук с красно-бело-синим рисунком в виде фейерверков (от Hugo Boss) и фиолетовые шерстяные брюки от Lazo (косые карманы; спереди — четыре складки). В руках у него стакан с шампанским, который он передает своей спутнице. Она — определенно модель: стройная, с неплохой грудью, задница отсутствует, высокие каблуки. На ней креповая юбка, велюровый жакет (шерсть с кашемиром), через руку перекинута велюровое пальто, все от Louis Dell'Olio. Туфли на каблуках от Susan Bennis Warren Edwards. Темные очки от Alan Mikli. Кожаная сумка с тиснением от Hermes.
— Здорово, парни. Как жизнь? — Монтгомери гнусавит, как и все выходцы из штата Джорджия. — Познакомьтесь с Ники. Ники, это Макдональд, Ван Барен, Бэйтмен — ты отлично загорел — и мистер Прайс. Пожав руку только Прайсу, он забирает стакан у Ники. Ники вежливо, словно робот, улыбается, — вероятно, она не говорит по-английски.
— Монтгомери, — произносит Прайс любезным, дружеским тоном, плясья при этом на Ники. — Ну как жизнь?
— Ну, парни, — говорит Монтгомери, — вижу, у вас классный столик. Уже расплатились? Шучу.
— Слушай, Монтгомери, — говорит Прайс, глядя на Ники. Он по-прежнему демонстрирует необычайное расположение к человеку, которого я считал чужаком. — Может, в сквош?
— Позвони мне, — рассеянно отвечает Монтгомери, обводя взглядом зал. — Это не Тайсон? Вот моя визитка.
— Отлично, — говорит Тимоти, пряча ее в карман. — Как насчет четверга?
— Не могу. Улетаю завтра в Даллас, но... — Монтгомери уже отходит от нашего стола, торопясь подойти еще к кому-то. Ники он увлекает за собой. — Давай на следующей неделе.
Ники улыбается мне, потом смотрит в пол (розовые, голубые, лимонно-зеленые плитки перекрещиваются треугольничками), словно в них скрывается ответ, некая разгадка, разумное объяснение тому, почему она связалась с Монтгомери. Я вяло размышляю, старше ли она его и не заигрывала ли со мной.
— До встречи, — говорит Прайс вдогонку.
— Пока, парни... — Монтгомери уже в середине зала. Ники семенит за ним. Я был не прав: у нее есть задница.
— Восемьсот миллионов, — качая головой, присвистывает Макдермотт.
— Университет? — спрашиваю я.
— Смехотворный, — намекает Прайс.
— Роллинс? — гадаю я.
— Ну почти, — говорит Макдермотт. — Хемпден-Сидней.
— Паразит, неудачник, сука, — подводит итог Ван Паттен.
— Но у него восемьсот миллионов, — выразительно повторяет Макдермотт.
— Ну и пойдешь отсоси у карлика, — заткнешься ты или нет? — говорит Прайс. — Неужели ты такой впечатлительный, Макдермотт?
— Все равно, — замечаю я. — А телка ничего себе.
— Девка что надо, — поддакивает Макдермотт.
— Согласен, — с неохотой кивает Прайс.
— Слушайте, вы, — горестно произносит Ван Паттен. — Я знаю эту цыпочку.
— Да ладно, — стонем мы в один голос.
— Попробую угадать, — говорю я. — Подцепил ее в «Туннеле», да?
— Нет, — он отпивает, — она модель. Анорексичка, алкоголичка, неврастеничка. Настоящая француженка.

— Ну что за клоун, — говорю я, не понимая, врет он или нет.

— Поспорим?

— Ну и что? — пожимает плечами Макдермотт. — Я бы трахнул ее.

— Она выпивает в день литр «Столичной», блюет и снова выпивает столько же, — объясняет Ван Паттен. — Стопроцентная пьянчужка.

— Стопроцентная дешевая пьянчужка, — бормочет Прайс.

— А мне безразлично, — мужественно произносит Макдермотт. — Она прекрасна. Я хочу трахнуть ее. Жениться на ней. Иметь от нее детей.

— Господи, — почти ржет Ван Паттен. — Ну кто женится на цыпочке, которая родит бутылку водки с клюквенным соком?

— Его слова не лишены смысла, — говорю я.

— Угу. Еще он собирается подцепить ту армянскую цыпочку в баре, — ухмыляется Прайс. — А она что родит — бутылку шампанского и пинту персикового сока?

— А где армянская цыпочка? — вытягивая шею, раздраженно спрашивает Макдермотт.

— О боже. Пошли вы на хуй, пидоры, — вздыхает Ван Паттен.

К столику подходит метрдотель, здоровается с Макдермоттом, потом замечает, что у нас нет наших бесплатных коктейлей, и убегает до того, как мы успеваем его остановить. Не знаю, откуда Макдермотт так хорошо знаком с этим Аленом, — может, через Сесилию?

Однако это меня слегка задевает, и я решаю заработать очки своей новой визиткой. Я достаю ее из бумажника (газелевая кожа, Barney's, \$850), кидаю на стол и жду реакции.

— Это что, грамм? — не без интереса спрашивает Прайс.

— Новая визитка, — я пытаюсь вести себя небрежно, но все равно гордо улыбаюсь. — Ну как вам?

— Ух-ты, — взяв ее в руки, говорит Макдермотт, и с искренним восхищением потирает ее пальцами. — Очень красивая. Посмотри-ка...

Он передает визитку Ван Паттену.

— Вчера забрал из печати, — замечаю я.

— Хороший цвет, — говорит Ван Паттен, пристально рассматривая карточку.

— Это цвет кости, — уточняю я. — А тиснение называется Silian Rail.

— Silian Rail? — переспрашивает Макдермотт.

— Да. Неплохо, а?

— Очень неплохо, Бэйтмен, — сдержанно произносит завистливая скотина Ван Паттен, — но это ничто по сравнению с... — Он вытаскивает свой бумажник и швыряет рядом с пепельницей свою визитку. — Посмотри-ка на эту.

Мы все склоняемся и рассматриваем визитку Дэвида. Прайс тихо говорит:

— Да, это действительно круто.

Цвета такие элегантные, шрифт просто великолепный, и меня охватывает короткая судорога зависти. Я стискиваю кулаки, а Ван Паттен самодовольно говорит:

— Цвет яичной скорлупы и шрифт Romalian...

Он оборачивается ко мне:

— Что скажешь?

— Мило, — хрипло говорю я. Мне даже удается кивнуть. Мальчик приносит четыре новых Bellini.

— Боже, — говорит Прайс. Он смотрит визитку на свет, не обращая внимания на коктейли. — Вот это действительно супер. И откуда у такого дурня, как ты, столько вкуса?

Я смотрю на карточку Ван Паттена, потом на свою, и не могу поверить, что Прайсу больше нравится визитка Ван Паттена. Перед глазами у меня все плывет, я отпиваю и делаю глубокий вдох.

— Но постойте-ка, — говорит Прайс. — Вы еще ничего не видели... — Из внутреннего кармана пиджака он достает свою визитку и медленно, театральным жестом выкладывает ее на всеобщее обозрение. — Это моя.

Даже я должен признать, что она великолепна.

Внезапно мне кажется, что ресторан затих и отодвинулся от нас. В сравнении с этой визиткой музыка превратилась в бессмысленный шум, и мы хорошо слышим слова Прайса:

— Рельефное тиснение, цвет — бледно-облачный...

— Черт возьми, — восклицает Ван Паттен. — Никогда не видел ничего подобного...

— Мило, очень мило, — вынужден я признать. — Но постойте. Давайте посмотрим на визитку Монтомери.

Прайс вытаскивает визитную карточку Монтгомери, и, хотя он сидит с бесстрастным видом, я не понимаю, как он может оставаться равнодушным к ее утонченной окраске и стильной плотности. Я удручен тем, что затеял все это.

— Давайте закажем пиццу, — предлагает Макдермотт. — Никто не хочет взять пиццу, напополам со мной? «Ред снейпер»? М-м-м. Бэйтмен будет, — говорит он, весело потирая руки.

Я беру карточку Монтгомери и даже ощупываю ее, чтобы понять, какое ощущение она оставляет на подушечках пальцев.

— Что, нравится? — По тону Прайса понятно, что он видит, как я завидую.

— Ага, — небрежно отвечаю я, возвращая Прайсу визитку так, словно мне она до фени, однако чувствую, что мне трудно глотать.

— Пицца «Ред снейпер», — напоминает мне Макдермотт. — Я, блядь, умираю от голода.

— Никакой пиццы, — бормочу я, чувствуя облегчение от того, что Тим убрал визитку Монтгомери в карман, с глаз долой.

— Ну давай, — ноет Макдермотт. — Давай закажем пиццу.

— Заткнись, Крэйг, — говорит Ван Паттен, наблюдая за официанткой, принимающей заказ у другого столика. — И позови сюда вон ту, симпатичную.

— Но это не наша официантка, — отвечает Макдермотт, нервно теребя меню, которое он выхватил у проходившего мимо официанта.

— Все равно позови, — настаивает Ван Паттен. — Попроси у нее воды, «Корону», что угодно.

— А почему ее? — я ни к кому конкретно не обращаюсь. Моя визитка, оставленная без внимания, лежит на столе рядом с орхидеей в синей стеклянной вазе. Я перегибаю ее пополам и убираю в бумажник.

— Она жутко похожа на девушку из отдела Жоржетты Клиндер в Bloomingdale's, — говорит Ван Паттен. — Позови ее.

— Будет кто-нибудь пиццу или нет? — Макдермотт входит во вкус.

— А ты-то откуда знаешь? — спрашиваю я Ван Паттена.

— Я там покупаю духи для Кейт, — отвечает он.

Прайс машет руками, чтобы привлечь наше внимание:

— Я говорил вам, что Монтгомери карлик?

— Кто такая Кейт? — спрашиваю я.

— Кейт — это телка, с которой у Ван Паттена роман, — объясняет Прайс, не сводя глаз со столика, за которым сидит Монтгомери.

— Что случилось с мисс Китт ридж? — интересуюсь я.

— Ага, — улыбается Прайс. — И как же Аманда?

— Господи, ребята, будьте проще. Верность? Ну конечно.

— И ты не боишься подхватить что-нибудь? — спрашивает Прайс.

— От кого, от Аманды или Кейт? — интересуюсь я.

— Мне казалось, мы сошлись на том, что с нами это в принципе не может случиться, — громко произносит Ван Паттен. — Так что... дураки вы. Заткнитесь.

— Разве я тебе не говорил?...

Приносят еще четыре Bellini. Теперь на столе их уже восемь.

— Боже мой, — стонет Прайс, пытаясь поймать официанта, пока тот не удрал.

— Пицца «ред снейпер»... пицца «ред снейпер», — Макдермотт нашел себе мантру на вечер.

— Вскоре на нас набросятся горячие иранские девки, — бубнит Прайс.

— Но ведь это ноль-ноль-ноль с чем-то процента чего-то, ... вы слушаете? — спрашивает Ван Паттен.

— ...Пицца... пицца, — Макдермотт бьет кулаком по столу, и тот трясется. — Черт возьми, кто-нибудь меня слушает или нет?

Я все еще в трансе от визитки Монтгомери — классные цвета, плотность, тиснение, шрифт. Внезапно я поднимаю руку, словно готовясь ударить Грега, и ору что есть мочи:

— Никто не хочет твою ебаную пиццу! Пицца должна быть пышной и плотной и сырная корочка должна быть что надо! А здесь, блядь, корочка слишком тонкая, потому что мудозвон-повар все пережаривает! Пицца здесь пересушенная и ломкая!

Побагровев, я грохаю об стол своим стаканом, а когда поднимаю глаза, то оказывается, что закуски уже принесли. Симпатичная официантка смотрит на меня со странным, застывшим выражением лица. Я вытираю

рукой лицо и мягко улыбаюсь ей.

Она продолжает смотреть на меня так, словно я чудовище. Кажется, она действительно напугана. Я смотрю на Прайса — зачем? Ищу поддержки, что ли?

Он произносит одними губами:

— Сигары, — и похлопывает себя по карману пиджака.

Макдермотт тихо произносит:

— А мне кажется, они не ломкие.

— Милая, — говорю я. Не обращая на Макдермотта никакого внимания, я беру официантку за руку и притягиваю к себе. Она вздрагивает, но я улыбаюсь, и она не сопротивляется, когда я подтягиваю ее поближе.

— Итак, мы намерены здесь как следует покушать... — начинаю я.

— Но я совсем не это заказывал, — говорит Ван Паттен, глядя в свою тарелку. — Я хотел колбаску из мидий.

— Заткнись, — кидаю я на него злобный взгляд, потом спокойно поворачиваюсь к симпатичной официантке, ухмыляясь, как идиот. Но как красивый идиот. — Одним словом, понимаете, мы тут часто бываем, и, скорее всего, мы сейчас закажем хороший бренди, коньяк... кто его знает. Мы желаем отдохнуть и насладиться этой атмосферой, — я делаю жест рукой. — А потом, — другой рукой я вынимаю бумажник из газелевой кожи, — мы бы хотели покурить превосходные гаванские сигары, и нам бы не хотелось, чтобы нас беспокоили неотесанные...

— Неотесанные, — Макдермотт кивает Ван Паттену и Прайсу.

— Неотесанные, невежливые посетители или туристы, которые неизбежно будут жаловаться на наши маленькие безобидные привычки... Поэтому... — я сую в ее маленькую ручку купюру (надеюсь, это полтинник), — если вы сумеете сделать так, чтобы нам не досаждали, мы с благодарностью оценим это. — Я поглаживаю ее руку, сжимая ее в кулачок. — А если кто-то будет жаловаться, ну так... — я делаю паузу, а потом перехожу на угрожающий тон, — вышвырните их вон.

Она кивает и уходит с озадаченным, растерянным видом.

— Кроме того, — говорит Прайс, улыбаясь, — если очередные Bellini появятся в радиусе трех метров от нашего стола, мы устроим метрдотелю аутодафе. Так что предупредите его на всякий случай.

Мы долго молчим, созерцая наши закуски. Тишину нарушает Ван Паттен.

— Бэйтмен?

— Да? — я накалываю на вилку кусочек рыбы, макаю его в красную икру, а затем откладываю вилку.

— Ты — просто совершенство, — мурлычет он.

Прайс видит, что еще одна официантка приближается к нам с подносом, на котором стоят четыре стакана для шампанского, наполненные бледно-розовой жидкостью. Он говорит:

— Господи, это уже становится нелепым...

Однако она ставит стаканы на соседний столик, за которым сидят четыре телки.

— Клевая, — говорит Ван Паттен, оторвавшись от своей колбаски из морского гребешка.

— Фигура что надо, — согласно кивает Макдермотт. — Это точно.

— А я не впечатлился, — Прайс шмыгает носом. — Посмотрите на ее колени.

Мы разглядываем официантку, и, хотя у нее длинные, загорелые ноги, я вижу, что одно колено у нее определено больше другого. Левое колено шире и крупнее правого. Теперь этот незначительный недостаток кажется огромным, и мы все теряем к ней интерес. Ван Паттен ошеломленно смотрит в свою тарелку, потом на Макдермотта. Он говорит:

— Я тоже не это заказывал. Это суши, а не сашими.

— Господи, — вздыхает Макдермотт. — Ты же сюда не ешь пришел.

Мимо нашего столика проходит парень — вылитый Кристофер Лаудер. Прежде чем отправиться в туалет, он похлопывает меня по плечу и говорит:

— Привет, Гамильтон, ты хорошо загорел.

— Ты хорошо загорел, Гамильтон, — передразнивает Прайс, кидая тапас в мою тарелку для хлеба.

— Твою мать, — говорю я, — надеюсь, я не покраснел.

— В самом деле, куда ты ходишь, Бэйтмен? — спрашивает Ван Паттен. — Я имею в виду, загорать?

— Да, Бэйтмен. Куда же? — Макдермотт, кажется, искренне интересуется этим вопросом.

— Читайте по губам, — отвечаю я. — В солярий. — И раздраженно добавляю. — Как и все.

— У меня, — говорит Ван Паттен, выдержав для максимального эффекта паузу, — солярий... дома, — и он отплевывает в рот большой кусок колбаски из гребешка.

— Чушь собачья, — съезживаясь, говорю я.

— Это правда, — с полным ртом подтверждает Макдермотт. — Я его видел.

— Да это, блядь, что-то сверхъестественное, — говорю я.

— Что же в этом, блядь, сверхъестественного? — спрашивает Прайс, гоня вилкой по тарелке свой тапас.

— Ты знаешь, сколько стоит членство в ебаном солярии? — терзает меня Ван Паттен. — Годовой абонемент?

— Ты просто псих, — бормочу я.

— Смотрите, ребята, — говорит Ван Паттен. — Бэйтмен рассердился.

Неожиданно возле нашего стола возникает официант. Не спрашивая, можно ли убирать закуски, он уносит наши почти нетронутые тарелки. Никто не жалуется, разве что Макдермотт спрашивает:

— Он что, унес наши закуски?

Потом он смеется непонятно чему. Осознав, что он смеется один, Макдермотт замолкает.

— Он забрал их, потому что порции такие маленькие. Наверное, он решил, что мы уже поели, — устало говорит Прайс.

— Я все же думаю, что иметь солярий дома — это сумасшествие, — говорю я Ван Паттену. Вообще-то в глубине души я считаю, что солярий дома — это роскошно, вот только в моей квартире для него нет места. Есть ведь и другие удовольствия в жизни, не только солярий.

— А с кем это Пол Оуэн? — Макдермотт спрашивает Прайса.

— С каким-то уродом из Kicker Peabody, — раздраженно отвечает Прайс. — Он знаком с Маккоем.

— Тогда почему он сидит с этими кретинами из Drexel? — спрашивает Макдермотт. — Разве это не Спенсер Уин?

— У тебя глюки, что ли? — спрашивает Прайс. — Это не Спенсер Уин.

Я смотрю на Пола Оуэна, сидящего с тремя парнями. Один из них, возможно, Джефф Дюваль. Все четверо в подтяжках и в очках в роговой оправе; у всех волосы зачесаны назад, все пьют шампанское. Я лениво размышляю о том, как Оуэну удалось заполучить счета Фишера. Аппетит от этого не улучшается, однако еду приносят сразу после того, как убрали закуски, и мы начинаем есть. Макдермотт снимает подтяжки. Прайс называет его «тряпкой». Я как будто парализован, однако мне все же удается отвернуться от Оуэна и заглянуть в свою тарелку (запеканка — в виде желтого шестиугольника, окруженного полосками копченого лосося и завитками зеленого, как горошек, соуса томатилло). Потом я перевожу взгляд на толпу людей, которые ждут своей очереди. Кажется, они злые и опьяневшие от бесплатных коктейлей; они устали так долго ждать столик, который наверняка окажется говеным, где-нибудь возле кухни, хоть они и сделали предварительный заказ.

Ван Паттен нарушает тишину нашего стола, швырнув вилку и отодвинув стул.

— Что случилось? — спрашиваю я, поднимая глаза. Вилка застыла над тарелкой, но моя рука не движется: она словно наслаждается красотой содержимого тарелки, у нее как будто есть собственный разум, который отказывается разрушать этот дизайн. Вздыхнув, я печально откладываю вилку.

— Черт. Я должен записать фильм по кабельному для Мэнди. — Ван Паттен, стоя, вытирает рот салфеткой. — Я еще вернусь.

— Пусть она сама запишет, идиот, — говорит Прайс. — Ты что, чокнутый?

— Она в Бостоне, у своего дантиста, — подкаблучник Ван Паттен пожимает плечами.

— Ну и что ты собираешься делать? — мой голос дрожит. Я по-прежнему думаю о его визитке. — Будешь звонить на кабельное телевидение?

— Нет, — говорит он. — Мой телефон подключен к видеопрограммеру Videonics, который я купил в Hammacher Schlemmer. — Он удаляется, на ходу надевая подтяжки.

— Круто, — тускло говорю я.

— Эй, что ты хочешь на десерт? — кричит ему Макдермотт.

— Что-нибудь шоколадное и без муки, — кричит он в ответ.

— Ван Паттен, кажется, забросил тренировки? — спрашиваю я. — Он, кажется, поправился.

— Похоже на то, — говорит Прайс.

— А разве он не член клуба «Вертикаль»? — спрашиваю я.

— Не знаю, — бормочет Прайс, изучая свою тарелку, потом, выпрямившись, отодвигает ее и жестом показывает официантке, что он хочет еще одну «Финляндию» со льдом.

Очередная симпатичная официантка с опаской подходит к нам. У нее в руках бутылка шампанского Pétit-Jouet, неурожайного года. Она говорит, что это подарок от Скотта Монтгомери.

— Неурожайный год! Вот сука, — шипит Прайс. Вытянув шею, он ищет глазами столик Монтгомери.

-Неудачник.

Прайс показывает Монтгомери большой палец. — Блядь, такой низкорослый, что его еле видно. По-моему, я дал знак Конраду, но не уверен.

— А где Конрад? — спрашиваю я. — Я должен поздороваться с ним.

— Да тот, который назвал тебя Гамильтоном, — говорит Прайс.

— Это был не Конрад, — говорю я.

— Ты уверен? Пиздец, как похож на Конрада, — отвечает он. На самом деле он не меня слушает, а пялится на декольте фигуристой официантки, которая наклонилась, чтобы поудобнее ухватить штопор.

— Нет, это был не Конрад, — говорю я, удивляясь, как это Прайс не может узнать своего коллегу. — Этот парень лучше пострижен.

Пока официантка разливает шампанское, мы молчим. Когда же она уходит, Макдермотт спрашивает, понравилась ли нам еда. Я отвечаю, что запеканка была отличной, но слишком много соуса томатилло.

Макдермотт кивает:

— Мне так и говорили.

Ван Паттен возвращается и бормочет:

— Туалет такой, что не нюхнешь.

— Может, десерт? — говорит Макдермотт.

— Разве что шербет Bellini, — зевает Прайс.

— Давайте расплатимся, — предлагает Ван Паттен.

— Пора по бабам, джентельмены, — говорю я.

Симпатичная официантка приносит чек. 475 долларов — значительно меньше, чем мы ожидали. Поскольку у меня нет наличных, я расплачиваюсь своей карточкой Platinum AmEx и собираю у них купюры, в основном новые полтинники. Макдермотт требует десять долларов, поскольку его колбаска из гребешка стоила всего шестнадцать. Бутылка шампанского от Монтгомери осталась на столе нетронутой. У выхода из «Пастелей» сидит еще один нищий с табличкой, на которой написано что-то абсолютно неразборчивое. Он тихо просит у нас мелочь или (с большим оптимизмом) что-нибудь поесть.

— Чувак явно нуждается в косметологе, — отмечаю я.

— Слушай, Макдермотт, — хихикает Прайс. — Кинь ему свой галстук.

— Блядь. А что это ему даст? — глядя на нищего, спрашиваю я.

— Сможет перекусить в «Jams», — смеется Ван Паттен и протягивает мне ладонь, по которой я хлопаю своей.

— Отдать чуваку, — явно обиженный Макдермотт рассматривает свой галстук.

— Пардон... такси! — говорит Прайс, останавливая рукой машину. — ...и выпить.

— В «Туннель», — говорит Макдермотт шоферу.

— Отлично, Макдермотт, — констатирует Прайс, садясь на переднее сиденье. — Кажется, ты раздухарился.

— Ну и что? Я ведь не такой растроченный пидор-декадент, как ты, — отвечает Макдермотт, садясь в такси передо мной.

— А вы в курсе, что пещерные люди были крепче нас в смысле характера? — спрашивает водителя Прайс.

— Э-э-э, где-то я это уже слышал, — отмечает Макдермотт.

— Ван Паттен, — говорю я. — Ты видел шампанское, которое нам прислал Монтгомери?

— Правда? — переспрашивает Ван Паттен, перегнувшись через Макдермотта. — Дай-ка угадаю. Может, Perrier-Jouet?

— В точку, — произносит Прайс. — Неурожайного года.

— Мудак ебанный, — говорит Ван Паттен.

«ТУННЕЛЬ»

Почему-то сегодня все мужчины, толпящиеся у входа в «Туннель», в смокингах. Единственное исключение — бродяга средних лет, сидящий возле мусорного контейнера, всего в паре метров от канатов. Он протягивает каждому, кто обратил на него внимание, пластиковый стаканчик, и просит мелочь. Когда Прайс, делая знаки одному из швейцаров, проводит нас мимо толпы за канаты, Ван Паттен машет хрустящей однодолларовой банкнотой перед лицом бездомного бродяги, лицо которого на мгновение озаряется. Но Ван Паттен убирает доллар в карман, и мы, получив дюжину талонов на выпивку и два пропуска в зал VIP внизу, проскальзываем в дверь. Внутри к нам пристают еще два швейцара (они в длинных шерстяных шинелях, волосы завязаны в хвосты, — видимо, немцы): они желают знать, почему мы не в смокингах. Прайсу все же как-то удается уладить проблему, — то ли он дал этим козлам денег, то ли уболтал их (первое более вероятно). Я стою в стороне,

спиной к нему, и пытаюсь слушать, как Макдермотт жалуется Ван Паттену на то, что я, псих ненормальный, отклонил в «Пастелях» его предложение разделить с ним пиццу. Однако трудно услышать что бы то ни было, кроме песни «I Feel Free» в исполнении Белинды Карлайл, грохочущей из динамиков. В кармане моей куртки от Valentino лежит нож с зубчатым лезвием, и мне очень хочется сию минуту выпустить Макдермотту кишки, раскроить ему лицо, раскурочить спинной хребет. Но Прайс уже машет нам, и желание убить Макдермотта сменяется смутным предвкушением развлечений: я выпью шампанского, найду клевую девку, нюхну, может быть, даже потанцую под какое-нибудь старье, а может, и под новую песню Джанет Джексон, которая мне очень нравится.

В холле спокойнее. Двигаясь к входу, мы проходим мимо трех очень клевых фигуристых девиц. На одной — черный шерстяном жакет с пуговицами по бокам, брюки (шерсть с крепом) и обтягивающий кашемировый свитер с высоким воротом, все от Oscar de la Renta. Вторая — в двубортном пиджаке из шерсти, мохера и нейлонового твида; в том же стиле — брюки джинсового покроя и мужская хлопчатобумажная рубашка, все от Stephen Sprouse. Самая красивая одета в пестрый шерстяной жакет и шерстяную юбку с завышенной талией (Barney's) и шелковую блузку от Andra Gabrielle. Они явно обратили на нас внимание, и мы в ответ поворачиваем головы — все, кроме Прайса, который полностью игнорирует девиц и произносит что-то грубое. — Бог мой, Прайс, приди в себя, — ноет Макдермотт. — Что с тобой? Девки — очень клевые.

— Ага. Если говоришь на фарси, — отвечает Прайс, протягивая Макдермотту два питейных талона, словно для того, чтобы тот умилился.

— Что?! — говорит Ван Паттен. — В них вообще не было ничего испанского.

— Знаешь, Прайс, если ты хочешь поебаться, тебе придется изменить свой подход, — замечает Макдермотт.

— Кто это мне говорит о ебле? — спрашивает Крэйга Прайс. — Ты? Ты, которого недавно ублажили рукой?

— Твои взгляды — просто труба, Прайс, — говорит Крэйг.

— Слушай, неужели ты думаешь, что когда я намерен заполучить пизду, то веду себя так же, как с вами? — с вызовом говорит Прайс.

— Да, — в один голос отвечают Ван Паттен и Макдермотт.

— Знаете, ребята, — вмешиваюсь я, — все-таки, когда хочешь потрахаться, то можешь вести себя по-другому. Надеюсь, Макдермотт, эта идея не помешает тебе сохранить девственность. — Я прибавляю шаг, пытаюсь держаться вместе с Тимом.

— Да, но это не объясняет, почему Тим ведет себя как полный кретин, — говорит Макдермотт, стараясь догнать меня.

— Как будто этим девкам не все равно, — фыркает Прайс. — Поверь мне, когда я им сообщу размер своего годового дохода, мое поведение будет мало что значить.

— Ну и как же ты преподнесешь эту пикантную информацию? — спрашивает Ван Паттен. — Скажешь: «Вот бутылка „Короны“, кстати, я делаю сто восемьдесят штук в год, а какой твой знак Зодиака?»

— Сто девяносто, — поправляет его Прайс. — Да, именно так. Здесь хорошие манеры интересуют девушек меньше всего.

— О Всезнающий, чего же хотят эти девушки? — вставляет Макдермотт, слегка кланяясь на ходу.

Ван Паттен смеется, На ходу он бьет ладонь Макдермотта своей ладонью.

— Слушай, — смеюсь я. — Если бы ты знал, то не спрашивал бы.

— Они ищут красивого чувака, который водил бы их в «Цирк» два раза в неделю, и и иногда в «Nell's». Ну ещё, может, познакомил бы с Дональдом Трампом, — равнодушно говорит Прайс.

Мы отдаем билеты симпатичной девке в толстом пальто (шерстяное сукно) и шелковом шарфике от Hermes.

Когда она пропускает нас, Прайс ей подмигивает, а Макдермотт произносит: «Не успел я войти, как меня начали преследовать мысли о болезнях. Тут есть грязные телки. Я просто чувствую это».

— Чувак, я же говорил тебе, — Ван Паттен снова терпеливо излагает свои факты. — Ничего подхватить нельзя. Это ноль ноль ноль одна десяти тысячная процента...

К счастью, его голос тонет в песне «New Sensation», которую поют INXS (длинная версия). Музыка звучит так громко, что приходится орать друг другу. Народу в клубе много; единственный свет — вспышки на танцполе. Все в смокингах. Все пьют шампанское. Поскольку у нас только два пропуска в нижний зал VIP, Прайс сует их Ван Паттену и Макдермотту, и они весело машут билетами перед парнем, дежурящим у лестницы. На нем — двубортный смокинг из шерсти, хлопчатобумажная сорочка рубашка с воротником-апаш от Cerruti 1881 и бабочка в черно-белую клетку от Martin Dingman Neckwear.

— Слушай, — кричу я Прайсу. — Почему мы туда не пошли?

— Потому что, — схватив меня за воротничок, он пытается перекричать музыку, — нам нужен Боливийский Живительный Порошок... Я иду за ним. Прайс быстро идет по узкому коридору вдоль танцпола, и через бар входит в «Зал с канделябрами», битком набитый ребятами из Drexel, Lehman's, Kidder Peabody, First Boston, Morgan Stanley, Rothschild, Goldman, бог мой, даже из Citibank, все в смокингах, с стаканами шампанского. «New Sensation» постепенно переходит в «The Devil Inside», как будто это одна и та же песня. Прайс замечает в глубине зала Теда Мэдисона, который стоит, прислонившись к перилам. На нем — двубортный шерстяной смокинг, хлопчатобумажная рубашка с воротником-апаш от Paul Smith, бабочка и шарфик от Rainbow Neckwear, бриллиантовые запонки от Trianon, лакированные туфли с шелковой отделкой от Ferragamo и старинные часы Hamilton от Saks. Позади Мэдисона — уходящие в темноту железнодорожные рельсы: сегодня они расцвечены яркими зелеными и розовыми фонариками. Прайс неожиданно останавливается и смотрит сквозь Теда, который, заметив Тимоти, понимающе улыбается. Прайс сглядитглядит на рельсы с тоской, как будто они символизируют некую свободу, олицетворяют избавление, которое он ищет, но я кричу Прайсу: «Эй, вон Тедди!». Это выводит его из оцепенения, он трясет головой, словно пытаясь выкинуть из нее мысли, фокусирует взгляд на Мэдисоне и решительно кричит: «Да нет, черт возьми, это не Мэдисон, это Тернбол». С парнем, которого я принял за Мэдисона, подходят поздороваться двое других парней в смокингах, он поворачивается к нам спиной, и внезапно, сзади, Эберсол обхватывает шею Тимоти и делает вид, что хочет его задушить. Прайс отпихивает руку, а потом пожимает ее со словами: «Привет, Мэдисон». Мэдисон (а вовсе не Эберсол, как мне показалось) одет в чудесный двубортный костюм из белого льна от Hackett of London, купленный в Bergdorf Goodman. В одной руке у него незажженная сигара, в другой — наполовину пустой стакан шампанского.

— Мистер Прайс, — орет Мэдисон. — Рад вас видеть, сэр.

— Мэдисон, — кричит в ответ Прайс, — мы нуждаемся в твоих услугах.

— Ищите приключений? — улыбается Мэдисон.

— Нечто более срочное, — орет Прайс.

— Понятно, — кричит Мэдисон, кивает мне холодно (почему — не знаю), и, кажется, кричит: «Бэйтмен», а потом — «ты хорошо загорел».

Парень, стоящий за Мэдисоном — вылитый Тед Драйер, на мой взгляд. Он одет в двубортный смокинг с шалевым воротником и в хлопчатобумажную рубашку с шелковой клетчатой бабочкой, я почти уверен, что все это — из коллекции Polo от Ralph Lauren. Мэдисон стоит и то и дело кивает каким-то людям, возникающим из толпы.

Наконец Прайс теряет самообладание. Кажется, он кричит:

— Слушай, нам нужны наркотики.

— Терпение, Прайс, терпение, — кричит Мэдисон. — Я поговорю с Рикардо.

Он по-прежнему остается стоять, кивая проталкивающимся мимо нас людям.

— Нам нужно сейчас! — вопит Прайс.

— Вы почему не в смокингах? — кричит Мэдисон.

— Сколько нам надо? — спрашивает меня Прайс. На лице у него написано отчаяние.

— Грамма хватит, — кричу я. — Рано утром я должен быть в офисе.

— У тебя есть наличные?

Я не могу соврать, киваю, даю ему сорок долларов.

— Грамм, — орет Прайс Теду.

— Познакомьтесь, — говорит Мэдисон, указывая на своего друга, — это Ю.

— Нам грамм! — Прайс сует купюры Мэдисону. — Что? Ю?

Парень и Мэдисоном улыбаются, Тед качает головой и снова выкрикивает имя, которое я не могу слышать.

— Нет, — кричит он. — Хью!

Во всяком случае, так мне слышится.

— Приятно познакомиться, Хью! — Прайс поднимает руку и постукивает пальцем по золотым часам Rolex.

— Сейчас вернусь, — кричит Мэдисон. — Пообщайтесь пока с моим приятелем. Возьмите что-нибудь выпить.

Он исчезает. Ю, Хью, Хую или как его там растворяется в толпе. Я иду за Прайсом к перилам. Я хочу прикурить сигару, но у меня нет спичек; однако меня успокаивает ее вид и запах, а также осознание того, что скоро появится кокаин. Я беру у Прайса два талона на выпивку и хочу принести ему «Финляндию» со льдом, но «Финляндии» нет, говорит мне сука-барменша. Все же у нее отличная фигура, девица так соблазнительно выглядит, что я оставляю ей большие чаевые. Я решаю взять «Абсолют» для Прайса, а себе — J&B со

льдом. Я думаю, не принести ли Тиму коктейль Bellini, но, кажется, он сегодня слишком взвинченный, чтобы оценить мою шутку. Протиснувшись сквозь толпу, я даю ему «Абсолют». Не поблагодарив меня, Тимоти одним глотком выпивает водку, морщится, глядя на стакан, и негодуяюще смотрит на меня. Я беспомощно пожимаю плечами. Его взгляд снова прикован к рельсам. Сегодня в «Туннеле» очень мало девок.

— Слушай, завтра вечером я встречаюсь с Кортни.

— С Кортни? — кричит он, уставившись на рельсы. — Прелестно.

Его сарказм слышно даже сквозь шум.

— А почему бы и нет! Керрутерса нет в городе.

— С таким же успехом ты мог бы заказать девицу из эскорт-сервиса, — не задумываясь, кричит он с горечью.

— Почему? — ору я.

— Потому что поебаться с ней обойдется тебе гораздо дороже.

— Вовсе нет, — кричу я.

— Слушай, я с этим тоже столкнулся, — кричит Прайс, слегка потряхивая стакан. Кубики льда гремят неправдоподобно громко. — Мередит такая же. Она тоже считает, что я должен ей платить. Они все так думают.

— Прайс? — Я делаю большой глоток виски. — Тебе цены нет...

Он показывает себе за спину.

— Куда ведут эти рельсы?

Начинает мерцать лазерная вспышка.

— Не знаю, — отвечаю я после очень долгой паузы (трудно даже сказать, сколько она длилась).

Мне надоедает смотреть на Прайса, который молчит и не двигается. Он отрывает взгляд от рельсов только для того, чтобы посмотреть, не идут ли Мэдисон или Рикардо. Вокруг — никаких женщин, одни профессионалы с Уолл-стрит в смокингах. Единственная девушка танцует одна в углу под песню, которая, как мне кажется, называется «Love Triangle». На ней топ со стразами (кажется, от Ronaldus Shamack), на котором я и пытаюсь сосредоточиться. Но я в таком нервном, предкокаиновом состоянии, что принимаюсь нервно жевать талон на выпивку, а какой-то парень с Уолл-стрит, похожий на Бориса Каннингхема, загораживает девушку. Прошло уже двадцать минут, и я хочу снова отправиться в бар, но тут возвращается Мэдисон. Он шумно дышит, на его лице застыла тревожная улыбка. Он пожимает руку вспотевшему, суровому Прайсу, который отходит так быстро, что, когда Тед пытается по-дружески хлопнуть его по спине, то его рука рассекает воздух.

Я снова иду за Прайсом мимо бара, мимо танцпола, мимо лестницы, ведущей вниз, мимо длинной очереди в женский туалет (странно, ведь вроде бы сегодня женщин в клубе почти нет), и вот мы в пустом мужском туалете. Мы втискиваемся в кабинку, Прайс запирает дверь на щеколду.

— Меня трясет, — говорит он, передавая мне маленький конвертик. — Открывай ты.

Я беру крошечный белый конвертик, осторожно разворачиваю. В флюоресцентном свете кажется, что тут меньше грамма.

— Господи, — шепчет Прайс на удивление мягко, — да здесь не так уж много, да? — Он наклоняется, чтобы рассмотреть порошок получше.

— Может, это из-за освещения так кажется, — замечаю я.

— Рикардо охуел, что ли? — спрашивает Прайс, с удивлением рассматривая кокаин.

— Тс-с-с, — шепчу я, вынимая свою платиновую карточку American Express. — Давай просто сделаем это.

— Может, он миллиграммами его продает? — не может успокоиться Прайс.

Сунув свою платиновую карточку American Express в порошок, он подносит ее к носу и вдыхает. Мгновение он стоит в молчании, а потом сдавленным голосом произносит:

— О боже.

— Ну, что? — спрашиваю я.

— Да это, блядь, миллиграмм... сахарной пудры, — выдавливает он.

Вдохнув немного порошка, я прихожу к тому же заключению.

— Конечно, он слабоват, но если мы не будем его жалеть, то, думаю, будем в полном порядке...

Но Прайс в бешенстве, он вспотел и побагровел. Он орет на меня, как будто это я во всем виноват, как будто это мне пришла в голову идея купить грамм у Мэдисона.

— Я хочу оторваться, Бэйтмен, — медленно говорит Прайс, постепенно повышая голос, — а не подслащивать этим овсянку!

— Можно добавить его в кофе с молоком, — доносится жеманный голос из соседней кабинки.

Прайс смотрит на меня, он тарачит глаза, не в силах в такое поверить, наконец в ярости он колотит кулаком в

стенку.

— Успокойся, — говорю я ему. — Какая разница, давай продолжим.

Он поворачивается ко мне, проводит рукой по своим жестким, зачесанным назад волосам. Кажется, он смягчился.

— Пожалуй, ты прав, — он повышает голос, — если пидор в соседней кабинке не возражает. Мы ждем, когда человек подаст признаки жизни, наконец, голос в соседней кабине шепелявит:

— Я не возражаю...

— Иди на хуй, — орет Прайс.

— Сам иди, — передразнивает голос.

— Иди на хуй! — вопит Прайс, пытаюсь перелезть через разделительную алюминиевую стенку, но я одной рукой стаскиваю его. Слышится звук спускаемой воды в соседней кабинке, и незнакомец, явно напуганный, выбегает из туалета. Прайс, прислонившись к двери нашей кабинки, смотрит на меня с какой-то безнадежностью. Проведя дрожащей рукой по своему багровому лицу, он крепко зажмуривает глаза, его губы белеют, под одной ноздрей следы кокаина. Не открывая глаз, он тихо говорит:

— Ладно. Давай продолжим.

— Вот это я понимаю, — говорю я.

Мы по очереди черпаем своими кредитками порошок из конвертика, а когда они более не годятся, подчищаем остатки пальцами, вдыхаем, лижем, втираем его в десны. Я почти ничего не чувствую, но, возможно, еще один виски со льдом подарит мне ложное ощущение, будто меня хоть слабо, но вставило. Выйдя из кабинки, мы моем руки, разглядываем наши отражения в зеркале, и, удовлетворенные, отправляемся в «Зал с канделябрами». У меня возникает желание сдать в раздевалку пальто (Armani). Что бы Прайс не говорил, я чувствую, что меня зацепило. Спустя несколько минут я стою у стойки бара, пытаюсь привлечь внимание официантки, и в словах Прайса уже нет никакого смысла. В конце концов я вынужден показать официантке купюру в двадцать баксов, несмотря на то, что у меня ещё полно талонов на бесплатную выпивку. Это срабатывает. Поскольку у меня есть талоны, я заказываю две двойных «Столичных» со льдом. Я отлично себя чувствую и, пока она наливает мне водку, я кричу ей:

— А ты случайно не учишься в Нью-йоркском университете?

Она хмуро качает головой.

— А в Хантере? — снова кричу я.

Она снова качает головой. Нет, она не учится в Хантере.

— Может, в Колумбийском Колумбийском? — ору я. Это шутка такая.

Она по-прежнему занимается «Столичной». Я не хочу продолжать разговор и, когда она ставит передо мной два стакана, кидаю на стойку талоны. Она качает головой и кричит:

— Уже больше одиннадцати. Талоны не действуют. Бар работает за наличные. Это стоит двадцать пять долларов.

Я не качаю права, а хладнокровно достаю свой бумажник из газелевой кожи и протягиваю ей полтинник, на который она (я клянусь!) смотрит с презрением. Вздохнув, она поворачивается к кассе, чтобы дать мне сдачу, а я, глядя на нее, громко (хоть меня и заглушает толпа и «Pump Up the Volume»), с улыбкой говорю:

— Ебаная уродская сука, как бы я хотел забить тебя до смерти и насладиться твоей кровью.

Не оставив этой пизде чаевых, я отправляюсь на поиски Прайса. Он опять стоит у перил с угрюмым видом, вцепившись руками в решетку. Рядом с ним стоит Пол Оуэн, который занимается счетами Фишера. На нем — шестипуговичный двубортный смокинг из шерсти. Он орет что-то вроде:

— Пятисоткратное понижение учетной ставки минус понижение на ICM PC, а потом доехал на служебном автомобиле до «Smith & Wollensky».

Кивая ему, я протягиваю водку Прайсу. Тот не произносит ни слова, даже не благодарит. Он стоит со стаканом в руке и печально смотрит на рельсы, потом прищуривается и склоняет голову к стакану. Когда вспыхивает стробоскопический свет, он выпрямляется и что-то бормочет сам себе.

— Тебя разве не вставило? — спрашиваю я его.

— Как дела? — орет Оуэн.

— Мне очень хорошо, — отвечаю я.

Играет музыка. Песня не кончается, а переходит в следующую, — их разделяет только сухой треск ударных.

Разговаривать невозможно, но пока мой единственный собеседник — мудака Пол Оуэн, это даже хорошо.

Похоже, в «Зале с канделябрами» появились девушки, и я пытаюсь посмотреть одной девке в глаза: она похожа

на модель, у нее большие сиськи. Прайс пихает меня в бок, и я наклоняюсь, чтобы спросить, не взять ли нам еще грамм.

— Почему вы не в смокингах? — спрашивает Пол Оуэн.

— С меня хватит, — кричит Прайс, — я пошел.

— Чего с тебя хватит? — в замешательстве кричу я.

— Этого, — орет он. Мне кажется, что он имеет в виду двойную «Столичную», но я не уверен.

— Не уходи, — говорю я ему. — Я ее выпью.

— Эй, Патрик, — орет он, — Я ухожу.

— Куда? — я действительно в замешательстве. — Хочешь, я найду Рикардо?

— Я ухожу, — вопит он, — Я... ухожу!

Совершенно не понимая, что он имеет в виду, я начинаю смеяться:

— Ну и куда ты уходишь?

— Вообще ухожу! — орет он.

— Стой, — кричу я. — Уходишь из банка?

— Нет, Бэйтмен. Я серьезно, глупый ты сукин сын. Ухожу. Исчезаю.

— Куда? — Я продолжаю смеяться, ничего не понимая, и снова ору: — В Morgan Stanley? Лечиться? А?

Он не отвечает, отворачивается от меня, смотрит вверх перил, пытаясь отыскать точку, где заканчиваются рельсы. Он хочет понять, что там, в темноте. Мне скучно с ним, но Оуэн еще хуже, а я случайно встретился взглядом с этим мудаком.

— Скажи ему «don't worry, be happy», — орет Оуэн.

— Ты по-прежнему занимаешься счетами Фишера?

Что еще я могу сказать?

— Что? — переспрашивает Оуэн. — погоди. Это не Конрад?

Он указывает на парня, стоящего возле бара, прямо под канделябром. На нем — однобортный смокинг из шерсти с шалевым воротником, хлопчатобумажная сорочка с бабочкой, все от Pierre Cardin. В руках у него стакан шампанского. Он изучает свои ногти. Потом вытаскивает сигару, просит прикурить. Мне так скучно, что я, даже не извинившись, иду в бар — сказать официантке, что я душу продам за спички. «Зал с канделябрами» набит битком, все люди похожи друг на друга и кажутся знакомыми. В воздухе висит густой сигарный дым; снова играет INXS, громче обычного... что? Я случайно касаюсь своей брови — она мокрая. В баре я беру спички. На обратном пути я сталкиваюсь с Макдермоттом и Ван Паттенем, которые начинают клянчить у меня талоны на выпивку. Зная, что они уже не действуют, я отдаю им то, что осталось, но нас зажали в центре зала, и талоны на выпивку — не аргумент, чтобы нас пропустили к бару.

— Грязные телки, — говорит Ван Паттен. — Будь осторожен. Хороших тут нет.

— Внизу говно, — орет Макдермотт.

— Вы нашли наркотики? — кричит Ван Паттен. — Мы видели Рикардо.

— Нет, — ору я, — не получилось. У Мэдисона нет.

— Пропустите официанта, блядь, пропустите официанта, — сзади орет парень.

— Ничего не выйдет, — ору я. — Ничего не слышу.

— Что? — вопит Ван Паттен. — Ничего не слышу.

Вдруг Макдермотт хватается за руку:

— Прайс что, совсем охуел? Смотри!

Как в кино, я оборачиваюсь с усилием, и, встав на цыпочки, вижу, что Прайс залез на перила и пытается сохранить равновесие. Кто-то сунул ему стакан с шампанским. Не то пьяный, не то обдолбанный Прайс, закрыв глаза, простирает руки вперед, словно благословляя толпу. Позади него, как и прежде, вспыхивает стробоскопическая лампа. Искусственный дым пыхает как сумасшедший, обволакивая Прайса серым туманом. Тим что-то выкрикивает, но мне не слышно — зал набит до отказа. Шумовой фон создается комбинацией оглушительной песни «Party All the Time», которую поет Эдди Мерфи, и несмолкающим гулом бизнесменов, так что, не сводя с Прайса глаз, я проталкиваюсь вперед. Мне удается протиснуться мимо Мэдисона, Хью, Тернбола, Каннингхэма, но людей так много, что добраться туда невозможно. Всего несколько лиц обращены к Тиму, по-прежнему балансирующему на перилах. С полужакрытыми глазами он что-то выкрикивает. Мне неловко. Я даже рад тому, что застрял в толпе, и не могу добраться до него, не могу спасти его от практически неизбежного позора. Я слышу, как Прайс кричит: «Прощайте!». Он очень удачно поймал секундное затишье. Когда толпа наконец обращает на него внимание, он орет: «Мудозвоны!». Ловко повернувшись, он спрыгивает с

перил и, оказавшись на рельсах, бежит прочь; шампанское пенится в стакане, который он держит в руке. Прайс спотыкается, раз, второй. Стробоскоп продолжает вспыхивать, и от этого все как бы в замедленной съемке. Удержавшись на ногах, Прайс исчезает в темноте. У перил сидит все тот же ленивый охранник. Кажется, он качает головой.

— Прайс! Вернись! — ору я, но толпа аплодирует этому представлению.

— Прайс! — я опять кричу, невзирая на рукоплескания. Но Прайс исчез, и я сомневаюсь, что, если бы он меня услышал, то отреагировал бы хоть как-нибудь. Стоящий рядом Мэдисон, как бы поздравляя меня с чем-то, протягивает мне руку.

— Этот чувак — без тормозов.

Сзади подходит Макдермотт и хватается за плечо.

— Тут еще какой-то зал VIP, о котором Прайс знает, а мы — нет, а? Макдермотт, похоже, очень взволнован.

Мы стоим у входа в «Гуннель», я все еще прусь, но уже очень устал. Удивительно, но во рту у меня по-прежнему вкус сахарозаменителя, даже после еще пары стаканов «Столичной» и J&B. Половина первого, и мы наблюдаем, как лимузины пытаются повернуть налево, на Вест Сайд хайвей. Нас трое: Макдермотт, Ван Паттен и я. Мы обсуждаем, получится ли отыскать новый клуб под названием «Nekenieh». На самом деле меня не то что прет, но похоже, что я пьян.

— Может, пообедаем вместе? — спрашиваю я, зевая. — Например, завтра?

— Не могу, — отвечает Макдермотт. — Я иду стричься в Pigeon.

— Тогда, может, позавтракаем? — предлагаю я.

— Не получится, — говорит Ван Паттен. — У меня маникюр в Gio.

— Кстати, — говорю я, рассматривая свою руку, — мне тоже нужно сделать маникюр.

— Тогда поужинаем? — спрашивает меня Макдермотт.

— У меня свидание, — отвечаю я. — Черт.

— А ты? — Макдермотт спрашивает у Ван Паттена.

— Исключено, — говорит Ван Паттен. — Должен пойти в Sunmakers. А потом у меня тренировка с личным тренером.

ОФИС

В лифте Фредерик Диббл рассказывает мне о статье на шестой странице, или еще в какой-то светской хронике, про Ивану Трамп. Потом он делится впечатлениями о новом тайландско-итальянском ресторане в верхнем Ист Саиде, куда он вчера ходил с Эмили Гамильтон. Потом принимается восхвалять какое-то замечательное блюдо — «фузилли шиитаке». Я достаю золотую ручку Cross, чтобы записать название ресторана в свою записную книжку. На Диббле двубортный шерстяной костюм в почти незаметную полоску от Canali Milano, хлопчатобумажная рубашка от Bill Blass и тканый галстук в миниатюрную шотландскую клетку от Bill Blass Signature. В руках он держит плащ от Missoni Uomo. У него великолепная, дорогая стрижка, на которую я вззираю с восторгом. Диббл начинает напевать мелодию, звучащую в лифте, — скорее всего, это «Sympathy for the Devil», как и во всех лифтах нашего здания. Я хочу спросить Диббла, не смотрел ли он утром Шоу Патти Винтерс про аутизм, но он выходит на один этаж раньше меня, успев повторить название ресторана — «Thaidialano», и сказать мне «До встречи, Маркус». Двери закрываются. На мне костюм из шерсти в крапинку, брюки в складку от Hugo Boss, шелковый галстук тоже от Hugo Boss, хлопчатобумажная рубашка с ворсом от Joseph Abboud и ботинки от Brooks Brothers. Утром я слишком усердно чистил зубы нитью и до сих пор чувствую в горле медный вкус крови. Почистив зубы, я прополоскал рот листерином, и до сих пор во рту у меня все горит, но, выходя из лифта, размахивая новым черным кожаным дипломатом от Bottega Veneta, проскальзывая мимо вешалки Wittenborn, я все равно улыбаюсь, хоть никого вокруг и нет.

Моя секретарша Джин сидит за своим столом. Она влюблена в меня. Наверное, я на ней когда-нибудь женюсь. Как обычно, чтобы привлечь мое внимание, она одета очень дорого и совершенно неуместно: кашемировая кофточка от Chanel, кашемировый свитер, кашемировый шарфик, серьги из фальшивого жемчуга, брюки от Barney's (шерстяной креп). Приближаясь к ее столу, я стаскиваю на шею наушники. Она поднимает глаза и несмело улыбается.

— Опаздываешь? — спрашивает она.

— Я был на аэробике, — говорю я совершенно спокойно. — Извини. Есть что-нибудь для меня?

— Рикки Хендрикс просил передать, что он сегодня не сможет, — говорит она. — Он не сказал, что и почему.

— Мы с Рикки иногда занимаемся боксом в Harvard Club, — объясняю я ей. — Что-нибудь еще?

— Да... Спенсер хочет встретиться с тобой в «Fluties Pier 17», — с улыбкой сообщает она.

— Когда? — спрашиваю я.

— В шесть.

— Не получится, — говорю я, проходя в свой кабинет, — я не могу.

Она встает из-за стола и идет вслед за мной.

— Но что мне ему сказать? — с энтузиазмом спрашивает она.

— Просто... скажи... «нет», — говорю я, снимая пальто Armani и вешая его на плечики Alex Loeb, купленные в Bloomingdale's.

— Просто... сказать... «нет»? — переспрашивает она.

— Ты видела утром Шоу Патти Винтерс? — спрашиваю я. — Об аутизме.

— Нет, — улыбается она, словно очарованная моим интересом именно к этому шоу. — Ну и как оно?

Я беру утренний выпуск Wall Street Journal и просматриваю первую страницу — она сливается в одно черное бессмысленное пятно.

— По-моему, я в бреду смотрел это шоу. Не знаю. Не уверен. Не помню, — бормочу я. Откладываю Wall Street Journal и беру Financial Times. — Честно, я не помню.

Она продолжает стоять, ожидая указаний. Я вздыхаю и складываю руки вместе. — Я сижу за столом Palazzetti со стеклянной столешницей. Справа и слева от меня стоят галогеновые лампы, они уже включены.

— Слушай, Джин, — начинаю я. — Надо заказать столик на троих в «Верблюдах» на половину первого, а если там не получится, попробуй в «Карандашах». Хорошо?

— Слушаюсь, сэр, — шутливым тоном произносит она и уходит.

— Постой, — говорю я, кое-что вспомнив. — Ещё надо заказать на восемь столик в «Аркадии». На двоих.

Она оборачивается, ее лицо немного мрачнеет, хотя она по-прежнему улыбается:

— О-о-о. Что-нибудь... романтическое?

— Не говори глупости. Ладно, — спасибо, я сам закажу, — говорю я.

— Да я все сделаю, — говорит она.

— Нет-нет, — я машу рукой, чтобы она ушла. — Будь зайчиком, принеси мне воду «Перье (Perrier)», ага?

— Ты сегодня великолепно выглядишь, — замечает она перед тем, как уйти.

Она права, но я ничего не отвечаю. Я смотрю на картину Георга Стаббса, которая висит напротив, и думаю, не перевесит ли ее, не слишком ли она близко висит от стерео-радиоприемника Aiwa AM/FM с двухкассетным магнитофоном, полуавтоматическим проигрывателем с ремненным приводом, графическим эквалайзером (в том же стиле, что и колонки). Все — темно-синего цвета, — в тон цветовой гамме моего офиса. Наверное, картину Стаббса надо повесить над статуей добермана в натуральную величину, стоящей в углу (700 долларов в магазине Beauty and the Beast, который находится в башне Трампа). Впрочем, может быть, она будет лучше смотреться над антикварным столиком Pacrizinni, стоящим рядом с доберманом? Я встаю и убираю со столика спортивные журналы сороковых годов, купленные в Funchies, Bunkers, Gaks и Gleeks по тридцать баксов штука. Потом я снимаю со стены Стаббса, ставлю его на стол, опять сажусь и принимаюсь перебирать карандаши, выставленные в старинной немецкой пивной кружке, купленной мною в Man-tiques. Стаббс смотрится везде одинаково. В другом углу — копия стойки для зонтов «Черный Лес» (Hubert des Forges, \$675). В ней, как я только что заметил, нет ни одного зонга.

Вставив в магнитофон кассету с Полом Баттерфилдом, я вновь сажусь за стол, начинаю листать Sports Illustrated за прошлую неделю, но так и не могу сосредоточиться. Из головы не выходит проклятый солярий Ван Паттена. Приходится позвонить Джин.

— Да? — отвечает она.

— Джин, слушай. Разузнай все о домашних соляриях, хорошо?

— Что? — спрашивает она недоверчиво. Но я уверен, что она улыбнулась.

— О домашних соляриях, — терпеливо повторяю я. — Ну чтобы загорать.

— Хорошо, — нерешительно отвечает она. — Еще что-нибудь?

— И... черт, да. Напомни, что мне надо вернуть видеокассеты, которые я взял вчера в прокате. — Я открываю и закрываю серебряный портсигар, лежащий рядом с телефоном.

— Еще что-нибудь? — спрашивает она, и добавляет кокетливо: — Может, «Perrier (Перье)»?

— Да. Хорошая мысль. И еще, Джин...

— Да? — говорит она. Как хорошо, что она так терпелива.

— Ты ведь не думаешь, что я ненормальный? — спрашиваю я. — Из-за того, что я хочу иметь солярий дома?

Пауза.

— Ну, это немного необычно, — признается она, и я чувствую, что она очень тщательно подбирает слова. — Но нет, разумеется, нет. А как иначе ты можешь поддерживать великолепный загар?

— Молодец девочка, — говорю я, перед тем, как повесить трубку. У меня замечательная секретарша.

Она входит в мой кабинет через пять минут с бутылкой «Перье (Perrier)», долькой лимона и папкой с делом Ренсома, которую я не просил. Я немного тронут ее безграничной преданностью. Ничего не могу поделать, это мне льстит.

— Я заказала тебе столик в «Верблюдах» на полпервого, — говорит она, наливая воду в стакан. — Столик для некурящих.

— Больше так не одевайся, — говорю я, взглянув на нее. — Спасибо, что принесла мне эту папку.

— М-м-м... — она замирает со стаканом в руке. — Что ты сказал? Я не расслышала, — она ставит стакан на стол.

— Я сказал, — спокойно ухмыляясь, повторяю я, — чтобы ты это больше не надевала. Носи платье, юбку или что-нибудь такое.

Она немного ошарашена. Посмотрев на себя, она улыбается, как идиотка.

— Если я правильно поняла, тебе не нравится, — кротко говорит она.

— Да ладно, — говорю я, отхлебывая минералку. — Просто тебе так лучше будет.

— Спасибо, Патрик, — говорит она с иронией. Но я готов поклясться, что завтра она придет в платье. На ее столе звонит телефон. Я говорю ей, что меня нет. Она поворачивается, чтобы уйти.

— И высокие каблуки, — добавляю я. — Мне нравятся высокие каблуки.

Она добродушно кивает и выходит, закрыв за собой дверь. Я вынимаю карманные часы Panasonic с трехдюймовым цветным телевизором и AM/FM радио и, прежде чем включить компьютер, пытаюсь найти какую-нибудь программу, например, Jeopardy!.

СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

Я хожу в частный спортивный клуб, который называется Xclusive. Он находится в четырех кварталах от моей квартиры в Вест Сайде. Я купил членство в этом клубе два года назад, и с тех пор его перedelывали три раза, так что теперь он оборудован самыми последними моделями тренажеров (Nautilus, Universal, Keiser). Там есть и гантели, и штанги, которые мне тоже нравятся. В моем клубе есть десять кортов для большого тенниса и ракетбола, зал для аэробики, четыре зала для танцевальной аэробики, два бассейна, аппараты «Lifecycle», гравитрон, тренажеры для гребли, бегущие дорожки, лыжные тренажеры. Кроме того, можно заказать индивидуальные тренировки или разработку персональной программы, имеется аппаратура для обследования сердечно-сосудистой системы, массажные кабинеты, сауна, парная, солярий и кафе, в котором подают свежавыжатые соки. Интерьер оформлял Дж.Дж. Вогель, тот же самый дизайнер, который работал над оформлением нового клуба Нормана Прейджера, «Patty's». Членство стоит пять тысяч долларов в год.

В то утро было прохладно, но когда я вышел из офиса, мне показалось, что на улице потеплело. На мне — шестипуговичный двубортный пиджак в полоску от Ralph Lauren и хлопчатобумажная рубашка в тонкую полоску с отложным воротничком и французскими манжетами от Sea Island. Я с удовольствием раздеваюсь в клубной раздевалке, где всегда работает кондиционер, и облачаюсь в спортивные шорты цвета воронова крыла (лайкра с хлопком) с белым поясом и белыми штрипками по бокам, и в майку без рукавов, тоже из лайкры. И то, и другое — от Wilkes, они занимают так мало места, что вполне умещаются в мой портфель. Я одеваюсь, прикрепляю к поясу шортов плейер и вставляю в уши наушники. Это сборник Стивена Бишоп и Кристофера Кросса, который мне сделал Тод Хантер. Перед тем, как идти в зал, я смотрюсь в зеркало. Мне не нравится, как я выгляжу, так что я возвращаюсь к портфелю, беру мусс и зачесываю волосы назад, потом мажу лицо увлажняющим кремом и намазываю лечебным маскирующим карандашом Clinique пятнышко, которое я заметил под нижней губой. Теперь я доволен. Включаю плейер на полную громкость и выхожу из раздевалки.

Шерил (ужасная девица, которая в меня влюблена) сидит за своей стойкой, записывает посетителей и попутно читает колонку светских сплетен в «Post». Когда она видит меня, ее лицо озаряется лучезарной улыбкой. Она здороваается со мной, но я быстро прохожу мимо, не задерживаясь ни на секунду, потому что сегодня нет очереди на тренажер Stairmaster, а обычно приходится ждать минут двадцать. Этот тренажер хорош тем, что на нем разрабатываешь самую большую группу мышц (между тазом и коленями) и за двадцать минут сжигаешь больше калорий, чем при любой другой аэробной тренировке, за исключением, пожалуй, беговых лыж.

Конечно, сначала стоило бы заняться растяжкой, но если бы я занялся растяжкой, мне пришлось бы ждать в очереди — за мной уже пристроился какой-то педик. Наверное, разглядывает мою спину, ягодицы и ноги.

Сегодня здесь нет никаких аппетитных девиц. Только педики с Вест Сайда, может быть, безработные актеры

или ночные официанты, и еще Малдвин Батнер из Sachs, с которым мы ходим учились в Эксетере. Он сейчас занимается на тренажере для укрепления бицепсов. На Батнере — спортивные шорты до колена из нейлона и лайкры с клетчатыми черно-белыми вставками, майка из лайкры и кожаные кроссовки Reebok. Я двадцать минут занимаюсь на Stairmaster, потом уступаю его перекачанному белокрысому, явно крашеному педикю средних лет, а сам приступаю к упражнениям на растяжку. Пока я разминаюсь, мне вспоминается сегодняшнее Шоу Патти Винтерс. Тема была: «Большая грудь», и там выступала женщина, которая сделала себе операцию по уменьшению груди, потому что ей стукнуло в голову, что у нее слишком большие сиськи. Тупая сука. Я тут же позвонил Макдермотту, который тоже смотрел это шоу, и мы славно поиздевались над этой бабой, пока шел этот сюжет. Я занимаюсь растяжкой где-то пятнадцать минут, а потом направляюсь к тренажерам Nautilus. Раньше я занимался с персональным тренером, которого мне порекомендовал Луис Керрутерс, но прошлой осенью он меня утомил, и я решил разработать собственную фитнес-программу, включающей в себя и аэробику, и тренажеры. Что касается силовой тренировки, то я стараюсь распределить нагрузку между свободными весами и тренажерами, в которых используется гидравлическое, пневматическое или электромеханическое сопротивление. Большинство тренажеров очень эффективны, потому что встроенные компьютеры позволяют регулировать нагрузку, не отрываясь от тренировки. И вот еще что хорошо в тренажерах: при правильном подходе мышцы после тренировок почти не болят, а вероятность получить травму во время тренировки практически равна нулю. Однако мне нравятся и гантели со штангой; эти снаряды дают возможность варьировать комплексы упражнений по собственному усмотрению, чего не сделаешь на тренажерах. На тренажере для мышц ног я делаю пять подходов по десять раз, столько же — для спины. Я уже разогрелся, так что для мышц пресса я делаю шесть подходов по пятнадцать раз, а для бицепсов — семь подходов по десять раз. Прежде чем перейти к штанге, я провожу двадцать минут на велотренажере, параллельно читая последний номер журнала Money. Теперь — штанга. Три подхода по пятнадцать раз на растяжку и укрепление мышц ног, три подхода по двадцать подъемов — для укрепления дельтовидных мышц, упражнения с гантелями, три подхода по двадцать отжиманий и так далее. Для передних дельтовидных мышц — три комплекса боковых подъемов и упражнения на пресс. В конце — упражнения для трицепсов. Снова — растяжка, чтобы слегка охладиться, потом я по-быстрому принимаю горячий душ и иду в видеопрокат, чтобы вернуть две кассеты, которые брал в понедельник — Исправительная колония и Двойное тело. Я решаю взять Двойное тело ещё раз, чтобы пересмотреть его, хотя и знаю, что сегодня вечером у меня не будет времени помастурбировать и возбудиться от сцены, где женщину затрахируют до смерти при помощи электродрели, потому что сегодня в семь тридцать у меня свидание с Кортни в «Кафе Люксембург».

СВИДАНИЕ

После тренировки в Xclusive и интенсивного массажа шиаци у газетного стенда возле своего дома, и, не снимая наушников, разглядываю порнографические издания. Мягкие мелодии Pachelbel's Canon каким-то образом дополняют яркие глянцевые фотографии в журналах, которые я листаю. Я покупаю Лесбиянки с вибраторами и Лобок к Лобку, а также свежий Sport Illustrated и последний Esquire, хоть я и подписался на них, и оба номера уже должны были прийти по почте. Подождав, пока у стенда разоидется народ, я расплачиваюсь за покупку. Передавая мне журналы вместе со сдачей, продавец что-то говорит, указывая на свой крючковатый нос. Сделав звук потише и приподняв один из наушников, я спрашиваю: «Что?» Вновь коснувшись своего носа, он с сильным, почти неразборчивым акцентом, похоже, говорит: «У ваш ис носа хровь тещет». Я ставлю наземь дипломат Bottega Veneta и подношу к лицу палец. Палец оказывается красным, мокрым от крови. Сунув руку в свой плащ от Hugo Boss и вынув носовой платок Polo, я вытираю кровь, кивком благодарю его, надеваю темные авиаторские очки Wayfarer и ухожу. Ебанный иранец.

В вестибюле своего дома я останавливаюсь у окошка и пытаюсь привлечь внимание темнокожего вахтера-латиноса, которого я не узнаю. Он говорит по телефону со своей женой, или с дилером, или еще с каким-нибудь наркоманом. Он смотрит на меня, кивая; телефонная трубка утопает в преждевременно обвисшей шее. Когда до него доходит, что я хочу что-то спросить, он вздыхает, закатывает глаза и просит кого-то на другом конце подождать.

— Чо надо? — бурчит он.

— Послушайте, — начинаю я самым вежливым и мягким тоном, на который только способен. — Не могли бы вы, пожалуйста, передать управляющему, что у меня трещина в потолке и... — я замолкаю.

Он смотрит на меня так, словно я переступил какую-то невидимую границу. Я начинаю размышлять, что же могло его смутить: разумеется, не трещина, что же? Управляющий? Потолок? Может, пожалуйста?

— Чо вы хотите? — тяжело вздыхает он, грузно развалившись на стуле, по-прежнему глядя на меня.

Я смотрю себе под ноги, на мраморный пол, так же вздыхаю и говорю ему:

— Послушайте. Я не знаю. Просто передайте коменданту, что приходил Бэйтмен... с десятого этажа.

Когда я поднимаю голову — взглянуть, отложилось ли в его голове хоть что-нибудь, я вижу только маску, приклеенную к жирному, тупому лицу вахтера. «Я — всего лишь призрак для этого человека», — думаю я. Нечто нереальное, не совсем осязаемое, но все же неприятное. Он кивает и возвращается к телефону, возобновив разговор на абсолютно незнакомом мне диалекте.

Забрав почту, — каталог Polo, распечатку из American Express, июньский Playboy, приглашение на корпоративную вечеринку в новом клубе под названием «Бедлам», — я иду к лифту. Рассматривая каталог Ralph Lauren, нажимаю кнопку своего этажа и кнопку «Закреть двери», но, перед тем как двери закрываются, в лифт входит кто-то еще, и я инстинктивно поворачиваюсь, чтобы поздороваться. Это актер Том Круз, который живет в пентхаузе. Из вежливости я не спрашиваю его, а сразу я нажимаю кнопку «Пентхауз». Он благодарит меня кивком, устремив взгляд на быстро загорающиеся в порядке возрастания цифры над дверьми. В жизни он совсем маленького роста, в таких же, как у меня, темных очках Wayfarer. На нем голубые джинсы, белая футболка и куртка Agmani. Чтобы прервать неловкое молчание, я, откашлявшись, говорю:

— Мне кажется, вы отлично сыграли в «Бармене». Я думаю, это отличный фильм, и «Лучший Пистолет» тоже. Честное слово.

Он перестает следить за цифрами и переводит взгляд на меня.

— Он назывался «Коктейль», — тихо говорит Круз.

— Что-что? — смутившись, говорю я.

Он откашливается.

— «Коктейль», а не «Бармен». Фильм назывался «Коктейль».

Следует долгая пауза; только звук поднимающих лифт кабелей состязается с напряженным молчанием.

— Ах, да... Верно, — говорю я, словно бы название фильма только что дошло до меня. — «Коктейль».

Точно, — повторяю я. — Отлично, Бэйтмен, о чем ты думаешь? — Я трясусь головой, словно для того, чтобы прояснить мысли, а затем, чтобы уладить дело, протягиваю руку. — Пат Бэйтмен.

Круз осторожно пожимает ее.

— Ну как, — я продолжаю разговор, — вам нравится жить в этом доме?

После долгой паузы он отвечает:

— Вроде бы да.

— Чудесный дом, — говорю я, — правда?

Он кивает, не глядя на меня, я автоматически снова нажимаю кнопку своего этажа. Мы молчим.

— Значит, «Коктейль», — спустя некоторое время говорю я. — Вот оно что.

Он молчит, даже не кивая, но теперь смотрит на меня как-то странно, опускает очки и с легкой гримасой произносит:

— У вас... из носа кровь идет.

Секунду я стою в полном оцепенении, потом понимаю, что надо что-то предпринять, поэтому, сделав вид, что я, как и полагается, обескуражен, осторожно касаюсь своего носа, а затем вынимаю носовой платок Polo — уже в бурых пятнах — и вытираю кровь. Вроде бы я неплохо справился с ситуацией.

— Наверное, давление, — смеюсь я. — Мы ведь на такой высоте.

Он молча кивает, смотрит на цифры.

Лифт останавливается на моем этаже и, когда двери открываются, я говорю Тому:

— Я ваш большой поклонник. Очень рад встрече с вами.

— Это прекрасно, — Круз улыбается своей знаменитой улыбкой и тыкает пальцем в кнопку «Закрытие дверей».

Девушка, с которой я встречаюсь сегодня вечером, Патриция Уоррел — блондинка, модель, недавно вылетела из университета Свит Бриар после первого же семестра. На автоответчике — два сообщения от нее, чтобы я позвонил ей по крайне важному делу. Распуская узел голубого шелкового галстука от Bill Robinson с узором а-ля Матисс, я набираю ее номер и с трубкой в руке иду в дальний угол квартиры, чтобы включить кондиционер. Она отвечает на третий звонок.

— Алло.

— Патриция, привет. Это Пат Бэйтмен.

— А-а, привет, — говорит она. — Слушай, я говорю по другой линии. Могу я тебе перезвонить?

— Ну..., — начинаю я.

— Слушай, это из моего спортивного клуба, — говорит она. — Они что-то напутали с моими счетами. Я

перезвоню через секунду.

Я прохожу в спальню и раздеваюсь: снимаю пиджак из шерсти «в елочку» и брюки в складку (костюм — от Giorgio Correggiari), хлопчатобумажную оксфордскую рубашку от Ralph Lauren, вязаный галстук от Paul Stuart и замшевые ботинки от Cole-Naan. Натянув шестидесятидолларовые трусы-боксеры, купленные в Barney's, с телефоном в руке я делаю несколько упражнений на растяжку, ожидая, когда перезвонит Патриция. Минут через десять раздается звонок, и, перед тем как ответить, я жду шесть звонков.

— Привет, — говорит она. — Это я, Патриция.

— Ты можешь подождать? У меня другой звонок.

— Конечно, — произносит она.

Заставив ее прождать две минуты, я вновь включаю ее линию.

— Привет, — говорю я. — Прости.

— Ничего.

— Итак, мы ужинаем вместе, — продолжаю я. — Заедешь ко мне около восьми?

— Об этом-то я и хотела поговорить, — медленно произносит она.

— О нет, — я издаю стон. — В чем дело?

— Понимаешь, — начинает она, — сегодня концерт в Радио-Сити и...

— Нет, нет, нет, — я непреклонен. — Никакой музыки.

— Мой бывший парень, клавишник из «Сара Лоуренс», он в разогревающей группе и... — она замолкает, словно заранее решив опротестовать мое решение.

— Нет. Ни в коем случае, Патриция, — твердо говорю я, думая про себя: черт возьми, ну почему именно эта проблема, и почему сегодня?

— Патрик, — ноет она. — Будет очень весело.

Теперь я вполне уверен, что шансы потрахаться с Патрицией сегодня довольно неплохие, но только в том случае, если мы не пойдем на концерт, в котором принимает участие ее бывший парень (бывших парней для Патриции не существует).

— Я не люблю концерты, — заявляю я, проходя в кухню. Открыв холодильник, вынимаю литровую бутылку минеральной воды Evian. — Я не люблю концерты, — повторяю я. — Мне не нравится «живая» музыка.

— Но этот концерт будет не такой, как другие, — неуверительно добавляет она. — У нас хорошие места.

— Слушай, не будем спорить, — говорю я. — Если хочешь идти, иди.

— Но мне казалось, мы собирались встретиться, — натянуто заявляет она. — Я думала, мы поужинаем вместе...

После некоторого размышления она добавляет:

— ...Побыть вместе. Вдвоем.

— Я знаю, знаю, — говорю я. — Слушай, каждый должен иметь право делать то, что ему хочется. Я хочу, чтобы ты делала то, что тебе хочется. После паузы она пробует зайти с другой стороны.

— Это такая замечательная музыка, поэтому... Я знаю, это звучит нелепо, но это... просто восхитительная музыка. Это одна из лучших групп. Они интересные, суперские, мне так хочется, чтобы ты посмотрел на их.

Будет замечательно, я тебе обещаю, — голос ее звучит серьезно.

— Нет, нет, ты иди без меня, — говорю я. — Развлекайся.

— Патрик, — говорит она. — У меня два билета.

— Нет, я не люблю концерты, — отвечаю я. — Меня тошнит от живой музыки.

— Ну-у-у, — тянет она, и в ее голосе сквозит искреннее разочарование. — Мне будет жаль, что тебя нет рядом.

— Я говорю, ты пойдешь — развлекись, — я сворачиваю крышку с бутылки «Эвиан (Evian)», выверяя время для следующего хода. — Не волнуйся. Я поужинаю в «Дорсии» один. Все нормально.

Следует долгая пауза, которая может означать только одно: ну-ну, давай посмотрим, действительно ли ты хочешь пойти на этот сраный концерт. Сделав большой глоток воды, я жду, когда она скажет, в какое время она за мной заедет.

— В «Дорсии»? — переспрашивает она, потом говорит недоверчиво: — Ты там заказал столик? Для нас?

— Да, — говорю я. — На полдевятого.

— Ну... — она издает короткий смешок, запинаясь, — это было... ну, я имею в виду, я-то их уже видела. Я просто хотела, чтобы ты их посмотрел.

— Слушай, может, хватит? — спрашиваю я. — Если ты не идешь со мной, я еще кому-нибудь позвоню. У тебя есть номер Эмили Гамильтон?

— Патрик, к чему такая... спешка. — Она нервно хихикает. — Они играют еще два вечера, так что я смогу

пойти на них завтра. Слушай, успокойся, хорошо?

— Хорошо, — говорю я. — Я спокоен.

— Так во сколько мне подъехать? — спрашивает Ресторанная Блядь.

— Я сказал, к восьми, — с отвращением говорю я.

— Хорошо, — говорит она, а затем соблазнительным шепотом добавляет: — Увидимся в восемь.

Она не вешает трубку, словно ожидая, что я скажу еще что-нибудь, или, может, поздравлю ее с принятием верного решения, но мне некогда заниматься этим, и я бросаю трубку.

В следующее мгновение я устремляюсь в другой конец комнаты, хватаю справочник «Загат» и листаю его, пока не нахожу «Дорсию».

Дрожащими пальцами набираю номер ресторана. Занято. В панике я ставлю телефон на автоматический набор. Последующие пять минут постоянно звучат зловещие короткие сигналы. Наконец соединилось, и несколько мгновений перед тем, как на том конце поднимают трубку, я испытываю редчайшее явление — прилив адреналина.

— «Дорсия», — отвечает кто-то, пол трудно определить; на фоне сильного шума голос больше похож на мужской. — Пожалуйста, подождите.

Кажется, что шум в трубке едва ли уступает переполненному футбольному стадиону, и мне приходится собрать все свое мужество, чтобы продолжать ждать и не повесить трубку. Я жду минут пять, моя ладонь вспотела, ноет от того, что я так крепко стискиваю трубку; часть меня осознает тщетность попытки, другая — надеется, третья взбешена тем, что я не заказал столик заранее или не попросил Джин заняться этим. Голос возвращается в трубку и грубо произносит: «Дорсия».

Я откашливаюсь.

— М-м, да, я знаю, сейчас немного поздновато, но нельзя ли заказать столик на двоих на половину девятого или, может, на девять?

Я задаю вопрос, крепко зажмурив глаза.

Возникает пауза. На заднем фоне шумит толпа, меня пронзает искренняя надежда, я открываю глаза, поняв, что метрдотель, благослови его господь, вероятно, просматривает книгу заказов, проверяя, не отказался ли кто-нибудь; но тут он принимается фыркать, поначалу тихонько, но вскоре фыркание перерастает в пронзительное крещендо смеха, который, когда метрдотель швыряет трубку, внезапно обрывается.

Дрожащий, ошеломленный, опустошенный, я обдумываю следующий шаг, пока из трубки доносятся резкие короткие гудки. Собрав все силы и сосчитав до шести, я вновь открываю «Загат». Постепенно мне удается справиться с почти непреодолимым ужасом: если я не смогу заказать столик на полдевятого в самом модном месте, как «Дорсия», то можно попробовать сделать это в ресторане чуть похуже В конце концов, я заказываю столик на девять в «Баркадии», и то только потому, что кто-то отменил свой заказ. Хотя Патриция, вероятно, будет разочарована, «Баркадия» на самом деле ей может понравиться: столики там очень удачно расставлены, освещение неяркое и располагающее, «новая юго-западная кухня». Ну а если не понравится, что с того? Не подаст же эта сука на меня в суд!

Хотя сегодня после работы я хорошо потренировался в спортивном клубе, но сейчас я снова разнервничался, поэтому я делаю девяносто упражнений на пресс, сто пятьдесят отжиманий и двадцать минут бегаю на месте, слушая новый CD Хьюи Льюиса. Принимая горячий душ, я мою лицо новым отшелушивающим кремом Caswell-Massey, а тело — жидким мылом Greune, затем смазываю лицо кремом Neutrogena, а тело — увлажняющим кремом Lubriderm. Я выбираю, что надеть. Один вариант — костюм от Bill Robinson (шерсть с крепом), который я купил в Saks, хлопчатобумажная жаккардовая рубашка от Charivari и галстук от Armani. Или спортивный пиджак в синюю клетку (шерсть с кашемиром), хлопчатобумажная рубашка и шерстяные брюки в складку от Alexander Julian, а также шелковый галстук в горошек от Bill Blass. Возможно, в Julian мне будет слишком жарко (все-таки май), но если Патриция наденет то, что я думаю, — тот костюм от Karl Lagerfeld, то, может, мне стоит пойти именно в Julian, потому что этот костюм будет хорошо смотреться с ее костюмом.

Ботинки — крокодиловые туфли без шнурков от A. Testoni.

Бутылка шампанского Scharffenberger лежит во льду в алюминиевой чаше Spiros, которая в свою очередь помещена в ведро из гравированного стекла для охлаждения шампанского Christine Van der Hurd. Оно стоит на серебряном подносе Cristofle. Scharffenberger — неплохое шампанское. Конечно, не Cristal, но не буду же я переводить Cristal на эту дуру. Она, наверное, все равно не почувствует разницы. В ожидании Патриции я сам выпиваю стакан, время от времени переставляя на журнальном столике Turchin со стеклянной крышкой фигурки зверюшек Steuben, или листая недавно купленную книгу в твердом переплете, что-то Гаррисона

Киллора. Патриция опаздывает.

Сидя на кушетке в гостиной и слушая «Cherish» в исполнении Loving Spoonful на проигрывателе Wurlitzer, я прихожу к выводу, что Патриция сегодня находится в безопасности. Я не собираюсь внезапно выхватить нож и вонзить его в нее. Я не доставлю себе удовольствия наблюдать, как хлещет кровь из ран на ее шее, я не перережу ей горло и не выдавлю ей глаза. Ей повезло, хотя никакого объяснения этому везению нет. Возможно, ей ничего не грозит, потому что она богата, — благосостояние ее семьи охраняет ее сегодня. А может быть, дело в том, что так уж мне захотелось. Возможно, мой пыл остудил стакан шампанского, или мне не хочется забрызгать кровью этой суки костюм от Alexander Julian. Как бы там ни было, факт остается фактом: Патриция будет жить, и эта победа не требует ни особого умения, ни фокусов воображения, ни изобретательности. Так уж устроен мир, мой мир.

Она приезжает с опозданием на тридцать минут и я прошу вахтера пропустить ее наверх, хотя встречаю ее уже на лестничной клетке, запирая дверь. Она не надела тот костюм от Karl Lagerfeld, но выглядит все же неплохо: тонкая шелковая блузка с блестками, запонки со стразами от Louis Dell'Olivo, вышитые бархатные брючки из Saks, хрустальные сережки от Wendy Gell (для Anne Klein) и золотые туфли с завязками. Только когда мы уже едем в центр на такси, я говорю ей, что ужинаем мы не в «Дорсии». Потом я долго извиняюсь, ссылаясь на разъединившийся телефон, пожар, мстительного метрдотеля. Узнав эту новость, она ахает и, не слушая моих извинений, отворачивается к окну. Я пытаюсь вернуть ее расположение, рассказывая, в какой модный и роскошный ресторан мы едем, описывая макароны с фенхелем и бананами, шербеты, которые там подают, но она лишь качает головой. О боже, я даже опускаюсь до уверений, что «Баркадия» гораздо дороже «Дорсии», но Патриция неумолима. Время от времени у нее на глазах наворачиваются слезы, клянусь.

Она молчит до тех пор, пока мы не оказываемся за посредственным столиком в глубине главного зала, но и тогда она нарушает молчание лишь для того, чтобы заказать коктейль Bellini. На закуску я беру равиоли с печенью селедки и яблочным джемом, а в качестве «антре» — мясную запеканку с козьим сыром и соусом на бульоне из перепелки. Она заказывает пиццу «ред снэппер» с фиалками и сосновыми орешками, а на закуску — арахисовый суп с копченой уткой и кабачковое пюре, — это только звучит странно, но на самом деле оно весьма вкусное. Журнал New York назвал это пюре «забавной и загадочной закуской», я говорю об этом Патриции, которая, не обращая внимания на зажженную мною спичку, закуривает сигарету. Она развалилась на стуле с мрачным видом, выдыхает дым прямо мне в лицо, изредка кидает на меня разъяренные взгляды, которые я, оставаясь, насколько это возможно, джентельменомджентльменом, стараюсь вежливо не замечать. Когда приносят наши тарелки, я не могу отвести взгляд от своего ужина: — на красных треугольничках мясной запеканки лежит козий сыр, окрашенный розовым гранатовым соком; говядину окружают завитки густого коричневого соуса из перепелки; по ободку большой черной тарелки разложены дольки манго. Прежде чем я решаюсь это попробовать, я смущенно и нерешительно ковыряю в тарелке вилкой.

Хотя ужин занял всего полтора часа, мне кажется, что мы просидели в «Баркадии» неделю. У меня нет особого желания ехать в «Туннель», но, на мой взгляд, это будет подходящее наказание для Патриции за ее поведение. Счет приносят на \$320 — меньше, чем я ожидал. Я расплачиваюсь платиновой карточкой AmEx. В такси я не свожу глаз со счетчика, водитель пытается завести разговор с Патрицией, которая абсолютно не обращает на него внимания, рассматривая свой макияж в набор Gucci и подводя уже и без того густо накрашенные губы. Сегодня бейсбольный матч, который я, кажется, забыл записать, а значит, вернувшись домой, не смогу посмотреть его. Я вспоминаю, что после работы купил два журнала, так что смогу провести часок-другой за их просмотром. Взглянув на свой Rolex, я понимаю, что если мы выпьем не больше пары стаканчика, то я успею домой к Поздней Ночи с Дэвидом Леттерманом. Хотя у Патриции красивое тело и я бы хотел с ней переспать, мысль о том, что нужно обращаться с ней ласково, быть нежным любовником, извиниться за вечер, за то, что мы не смогли попасть в «Дорсию» (хотя «Баркадия», черт возьми, в два раза дороже) раздражает меня. Сука, должно быть, злится на то, что мы не в лимузине.

Такси останавливается у «Туннеля». За проезд плачу я. Оставив шоферу приличные чаевые, я придерживаю перед Патрицией открытую дверь, но, когда я пытаюсь помочь ей выйти из машины, она игнорирует мою руку. У входа сегодня никого нет. По правде говоря, единственный человек на Двадцать Четвертой — сидящий возле мусорного контейнера нищий, который корчится от боли и со стонами умоляет подать ему мелочь или еду. Мы быстро проходим мимо него, один из трех стоящих за канатами швейцаров пропускает нас, другой, похлопывая меня по спине, говорит:

— Как поживаете, мистер Маккалоу?

Я киваю, открываю перед Патрицией дверь и, прежде чем последовать за ней, отвечаю:

— Отлично, м-м-м, Джим, — и пожимаю его руку.

Внутри, заплатив пятьдесят долларов за нас двоих, я немедленно направляюсь в бар. Меня не заботит, идет ли за мной Патриция. Я беру J&B со льдом. Она хочет «Перье (Perrier)», без лайма, заказывает сама. Осушив половину стакана, я облакачиваюсь на стойку и разглядываю симпатичную официантку. Неожиданно я понимаю, что что-то не так. Дело не в освещении, и не в песне «New Sensation», исполняемой INXS, и не в барменше. Что-то другое. Когда я медленно оборачиваюсь, чтобы посмотреть на клуб, меня встречает абсолютно пустой зал. Мы с Патрицией единственные посетители в целом клубе. Мы, да еще какая-то девица, — единственные люди в «Туннеле». «New Sensation» переходит в «The Devil Inside», музыка грохочет, но кажется не такой громкой, поскольку нет толпы, которая бы на нее реагировала. Пустой танцпол кажется огромным.

Отойдя от бара, я решаю заглянуть в другие помещения клубаяклуба, думая, что Патриция последует за мной. Но она остается. Никто не охраняет лестницу, ведущую вниз; когда я начинаю спускаться, песня переходит в «I Feel Free» Белинды Карлайл. В нижнем помещении всего одна пара, похожая на Сэма и Илену Сенфорд, но здесь темнее, жарче, так что я могу ошибаться. Они стоят в баре с стаканами шампанского в руках, я прохожу мимо и направляюсь к превосходно одетому парню мексиканской наружности, сидящему на диване. На нем двубортный шерстяной пиджак и такие же брюки от Mario Valentino, хлопчатобумажная футболка от Agnes B. и кожаные туфли от Susan Bennis Warren Edward (носков на ногах нет). Вместе с ним красивая, мускулистая телка, типичная европейская дрянь — блондинка, большие сиськи, загорелая, ненакрашенная, курит Merit Ultra Lights, на ней — хлопчатобумажное платье в полоску от Patrick Kelly и шелковые туфли на каблуках, украшенные стразами.

Я спрашиваю парня, не он ли Рикардо. Он утвердительно кивает. Я говорю, что я от Мэдисона и хочу купить у него грамм. Вынимаю бумажник и протягиваю ему полтинник и две двадцатки. Он просит у европейской девки кошелек. Она дает ему бархатную сумочку от Anne Mooge. Пошарив в ней, Рикардо протягивает мне крохотный сложенный конвертик. Перед моим уходом телка говорит, что ей нравится мой бумажник из газелевой кожи. Я отвечаю, что хотел бы выебать ее между сисек, а потом отрубить ей руки, но чересчур громко играет «Faith» Джорджа Майкла, и девушка не слышит меня.

Наверху я вижу Патрицию там, где и оставил ее, в баре, одна, она потягивает «Перье (Perrier)».

— Послушай, Патрик, — говорит она, смягчившись. — Я хочу, чтобы ты знал, что я...

— Стерва? Слушай, хочешь кокаину? — выкрикиваю я, не дав ей договорить.

— М-м, да... конечно. — Она дико смущена.

— Пошли, — ору я, беря ее за руку.

Поставив воду на стойку, она идет за мной, через пустынный клуб, вверх по лестнице, к туалетам. С тем же успехом мы могли бы никуда не ходить, но это не так прикольно, поэтому большую часть мы вынюхиваем в кабинке мужского туалета. Выйдя оттуда, я сажусь на диван и закуриваю одну из ее сигарет, пока Патриция спускается за напитками.

Она возвращается с извинениями за свое сегодняшнее поведение.

— Я хочу сказать, что мне очень понравилась «Баркадия», еда была превосходная, а манговый шербетшербет, бог мой, это просто блаженство. Ничего страшного, что мы не пошли в «Дорсию». Мы можем пойти туда как-нибудь в другой раз, я знаю, что ты, наверное, пытался устроить нас туда, но сейчас просто не прорвешься. Да, и мне в самом деле очень понравилась еда в «Баркадии». Когда он открылся? Кажется, месяца три-четыре назад. Я читала отличный отзыв, то ли в New York, то ли в Gourmet... Неважно, хочешь, пойдем завтра со мной на этот концерт, или, может, пойдем сначала в «Дорсию», а потом посмотрим группу, где играет Уоллес; или в «Дорсию» после концерта, если ресторан еще будет открыт. Патрик, я серьезно: тебе надо посмотреть на них. Аватар так поет, что я даже думала, что влюблена в него — на самом деле это было влечение, а не любовь. Мне нравился и Уоллес, но он завяз в банковских займах, сошел с рельс и залетел из-за кислоты, не из-за кокаина. Я понимала, когда все пошло прахом, что лучше всего — плыть по течению, а не принимать близко к сердцу... J&B — думаю я. Стакан J&B в моей правой руке — думаю я. Рука — думаю я. Charivari. Рубашка от Charivari. Fusilli — думаю я. Джемми Гертц — думаю я. Я бы выебал Джемми Гертц. Порше 911. Шарпей — думаю я. Мне бы хотелось иметь шарпея. Мне двадцать шесть — думаю я. В следующем году будет двадцать семь. Валиум. Я бы принял таблетку валиума. Нет, две таблетки валиума. Сотовый телефон — думаю я.

ХИМЧИСТКА

Китайская химчистка, куда я обычно посылаю свою окровавленную одежду, вчера вернула мне куртку Sorpani, две белые сорочки Brooks Brothers и галстук Agnes B. с невыведенными пятнышками крови. У меня назначена

встреча через сорок минут, в полдень, а пока я решаю зайти к китайцам и пожаловаться. Вместе с курткой Soprani, рубашками и галстуком я беру ещё один пакет с простынями, испачканными кровью, — их тоже нужно почистить. Китайская химчистка находится в двадцати кварталах от моего дома на Вест Сайд, почти возле Колумбийского университета, и, поскольку я прежде не бывал там, расстояние пугает меня (раньше я просто звонил туда, и они сами приезжали за моей одеждой, и через сутки привозили обратно). Из-за этой прогулки у меня нет времени, чтобы сделать утреннюю гимнастику. Из-за ночного кокаинового кутежа с Чарльзом Гриффином и Хилтоном Эшбери, который начался вполне невинно на вечеринке одного журнала в «М.К.», куда ни один из нас не был приглашен, а закончился часов в пять утра возле уличного банкомата, я проспал и пропустил Шоу Патти Винтерс. Хотя на самом деле там должны были повторять интервью с президентом, так что, в сущности, я ничего не потерял.

Я на взводе, мои волосы зачесаны назад, в голове стучит, в зубах зажата — незажженная — сигара, на мне темные очки Wayfarer, черный костюм от Armani, белая хлопчатобумажная рубашка и шелковый галстук, также от Armani. Я выгляжу подтянуто, но живот сжимается, а в голове полная сумятица. У входа в прачечную я проскакиваю мимо плачущего нищего, лет сорока или пятидесяти, толстого и седого. Открывая дверь, я замечаю, что он ко всему прочему слепой, и наступаю ему на ногу — на самом деле культяшку. Он выпускает из рук стаканчик, мелочь рассыпается по тротуару. Сделал ли я это нарочно? Как вам кажется? Или случайно? Минут десять я показываю пятна крохотной пожилой китайке, которая, как я предполагаю, является хозяйкой химчистки. Я не понимаю ни одного ее слова, она даже зовет мужа. Но он остается бессловесным и не утруждает себя переводом. Пожилая женщина продолжает трещать, должно быть, по-китайски, и, в конце концов, я вынужден перебить ее.

— Послушайте, подождите, — я поднимаю руку, в которой держу сигару, куртка Soprani перекинута через другую. — Вы... подождите... тс-с-с... вы не приводите никаких веских доводов.

Китайка не перестает пищать, хватается крохотной лапкой за рукав моей куртки. Я стряхиваю ее руку, наклоняюсь вперед и очень медленно говорю:

— Что ты пытаешься сказать мне?

Она вопит с вытаращенными глазами. Муж держит в руках две заляпанные засохшей кровью простыни, которые он вытащил из пакета, и тупо смотрит на них.

— От-бе-лить? — спрашиваю я ее. — Ты хочешь сказать «отбелить»? — Я с недоверием качаю головой. — Отбелить? О господи.

Она по-прежнему тычет рукой в обшлага куртки Soprani, а когда поворачивается к двум простыням за спиной, визгливый голос повышается еще на октаву.

— Я хочу сказать вам две вещи, — перекрикиваю я ее. — Первое. Нельзя отбеливать Soprani. Об этом не может быть и речи. Второе... — я повышаю голос, чтобы перекричать ее. — ...Второе, эти простыни можно купить только в Санта Фе. Они очень дорогие, и мне нужно, чтобы они были чистые... — Но она не умолкает, я киваю, словно понимая ее тарабарщину, расплываюсь в улыбке и наклоняюсь прямо к ее лицу.

— Если-ты-не-заткнешься-блядь-я-тебя-убью-поняла?

Бессвязная трескотня китайки убыстряется, ее глаза по-прежнему вытаращены. Ее лицо, вероятно, из-за морщин кажется лишенным всякого выражения. Я вновь патетически указываю на пятна, понимая, что это бесполезно. Опускаю руку, силясь понять, что она говорит. Потом резко обрываю ее:

— Слушай, ты! У меня очень важная встреча... — я смотрю на свой Rolex, — в «Hubert's» через тридцать минут, — снова смотрю на плоское ликолицо с роскошмираскосыми глазами, — и мне нужны эти... нет, подожди, уже через двадцать минут. Через двадцать минут мы завтракаем с Рональдом Харрисоном «У Губерта», а эти простыни мне нужны чистые к вечеру.

Она не слушает; она не перестает болтать на том же судорожном, незнакомом мне языке. Я никогда не устраивал поджогов, а теперь начинаю думать над тем, что для них нужно, — какие материалы используются — бензин, спички... может, жидкость для заправки зажигалок?

— Послушай, — выхожу я из этого состояния, плавно наклоняюсь еще ближе к ее лицу и — ее губы беспорядочно шевелятся, она поворачивается к мужу, кивающему в редкие короткие паузы — я скажу честно, — я не понимаю тебя.

Я смеюсь, ужаснувшись нелепости ситуации, и, хлопнув рукой по прилавку, оборачиваюсь — посмотреть, можно ли еще с кем-то поговорить, но в химчистке больше никого нет. Я бормочу:

— Это безумие.

Вздыхнув, я провожу рукой по своему лицу, потом, внезапно расвирепев, резко прекращаю смеяться смеяться. Я

рявкаю на нее:

— Ты дура. Я этого не вынесу.

Она трещит что-то в ответ.

— Что? — язвительно интересуюсь я. — Не слышишь? Хочешь ветчины? Это ты только что сказала? Ты хочешь... ветчины?

Она вновь хватается за рукав куртки Soprani. Отрешенный и замкнутый муж стоит за стойкой.

— Ты... дура! — реву я.

Она продолжает неустрашимо трещать, не переставая тыкать вмятинами пятна на простынях.

— Глупая сука! Поняла? — побагровев, ору я. Я едва не плачу. Меня трясет, я вырываю у нее куртку, бормоча:

— О боже.

Сзади меня открывается дверь, звенит звоночек, и я беру себя в руки. Закрыв глаза, я глубоко дышу, напоминая себе зайти после обедаланча в солярий, может, в Negmes или...

— Патрик?

Вздвигнув от звука человеческого голоса, я оборачиваюсь — и вижу девушку, живущую в моем доме.

Несколько раз я видел, как она с кем-то болтала в холле, и всякий раз, когда я проходил мимо, она провожала меня обожающим взглядом. Она старше меня, ей под тридцать, выглядит вполне, немного полновата. На ней спортивный костюм — откуда? Из Bloomingdale's? Даже не знаю. Она сияет. Сняв темные очки, она широко улыбается.

— Привет, Патрик. Я так и думала, что это ты.

Не имея ни малейшего представления, как ее зовут, я выдыхаю приглушенное «привет» и очень быстро бормочу нечто, напоминающее женское имя, а потом просто смотрю на нее, озадаченный, опустошенный, пытаюсь сдержать злость. Китайка по-прежнему причитает сзади. Наконец я хлопаю в ладоши и говорю:

— Ну-с.

Она продолжает стоять, смущенная, потом нервно подходит к прилавку. В руке у нее квитанция.

— Странно, правда? Это так далеко, но, знаешь, это действительно лучшая химчистка.

— Тогда почему они не могут отчистить эти пятна? — по-прежнему улыбаясь, терпеливо спрашиваю я.

Мои глаза закрыты, я открываю их только тогда, когда наконец замолкает китайка.

— Слушай, ты не можешь поговорить с ними? — осторожно прошу я. — У меня ничего не получается.

Она идет к простыням, которые держит старик.

— О боже, — говорит она. В тот момент, когда она осторожно дотрагивается до простыни, китайка вновь принимается верещать, но, не обращая на нее внимания, девушка спрашивает меня:

— Что это? — она снова смотрит на пятна. — Боже.

— Это... — я кидаю взгляд на простыни, они действительно выглядят кошмарно. — Это, м-м-м, клюквенный сок, клюква с яблоком.

Она смотрит на меня, неуверенно кивая, потом робко говорит: — По-моему, не похоже на клюкву, то есть на клюкву с яблоком.

Я долго смотрю на простыни прежде, чем проямлить:

— Ну, да, м-м-м, на самом деле это... Боско. Знаешь, вроде... — я замолкаю. — Вроде шоколадного батончика. Dove Bar. Это Dove Bar... С сиропом Hershey.

— Да. — Она понимающе кивает, может быть, с налетом скептицизма. — Боже мой...

— Слушай, ты не могла бы поговорить с ними — потянувшись, я вырываю простыню из рук старика. — Я был бы крайне признателен. — Сложив простыню, я осторожно кладу ее на прилавок. Вновь взглянув на Rolex, объясняю:

— Я опаздываю. У меня встреча в «Hubert's» через пятнадцать минут.

Я направляюсь к двери, китайка, грозя мне пальцем, снова принимается отчаянно стрекотать. Я смотрю на нее, сдерживаясь, чтобы не передразнить ее жест.

— В «Hubert's»? Правда? — спрашивает пораженная девушка. — Он переехал в центр, верно?

— Ага... слушай, боже мой, мне надо идти, — я делаю вид, что через стеклянную дверь заметил такси, и, пытаясь изобразить благодарность, говорю ей:

— Спасибо, м-м-м... Саманта.

— Виктория.

— Точно, Виктория, — я делаю паузу. — А я что сказал?

— Ты сказал — Саманта.

— Извини, — я улыбаюсь. — Что-то со мной не то.

— Может, как-нибудь пообедаем вместе на следующей неделе? — с надеждой предлагает она, подходя ближе. Я же пячусь к двери. — Я довольно часто бываю рядом с Уолл-стрит.

— Право, не знаю, Виктория. — Я изображаю извиняющуюся улыбку и отвожу взгляд от ее бедер. — Я все время работаю.

— Тогда, может, в субботу? — пугаясь своей настойчивости, спрашивает Виктория.

— В эту субботу? — спрашиваю я, вновь глядя на свой Rolex.

— Да, — робко пожимает она плечами.

— Боюсь, не получится. Иду на дневной спектакль, «Отверженные», — вру я. — Слушай, мне и в самом деле надо бежать. Я... — Проведя рукой по волосам, я бормочу: — О господи, — затем заставляю себя произнести, — Я позвоню тебе.

— Хорошо, — обрадованно улыбается она. — Позвони.

Еще раз кинув взгляд на китайку, я выкатываюсь к чертовой матери, бегу к несуществующему такси, и притормаживаю только в двух кварталах от прачечной...

Неожиданно мой взгляд наталкивается на хорошенькую бездомную девушку, которая сидит на ступеньках дома на Амстердамской улице, кофейный пластиковый стаканчик стоит у ее ног. Меня к ней словно ведет невидимая сила. Нашарив в кармане мелочь, я с улыбкой подхожу к ней. У нее слишком юное, свежее, загорелое лицо; из-за этого ее положение кажется еще более ужасающим. Я успеваю рассмотреть ее за те секунды, что прохожу от края тротуара до ступенек, на которых она сидит, склонив голову, тупо уставясь в свои колени. Заметив, что я стою перед ней, она поднимает глаза, на лице нет улыбки. Моя злоба исчезает, мне хочется сделать какое-нибудь простое доброе дело, и, не сводя излучающих сострадание глаз с ее невыразительного, печального лица, я наклоняюсь и опускаю в пластиковый стаканчик доллар со словами: «Удачи».

Выражение ее лица меняется, благодаря этому я замечаю, что на коленях у девушки лежит книга — Сартр, рядом с ней — сумка Колумбийского университета, а в темно-коричневом кофе плавает мой доллар. Доли секунды кажутся мне вечностью, как в замедленной съемке, девушка смотрит на меня, смотрит в стаканчик и кричит:

— Ты что, рехнулся?

Застыв в согнутой позе над стаканчиком, я выдавливаю:

— Я не знал... не знал, что... там кофе.

Весь дрожа, я отхожу, останавливаю такси. По дороге в «Hubert's» здания представляются мне горами и вулканами, улицы — джунглями, небо кажется театральной декорацией, так что, выйдя из машины, я даже вынужден протереть глаза. Ланч Обед в «Hubert's» оборачивается непрерывной галлюцинацией, во время которой я грежу наяву.

«HARRY'S»

— Носки должны сочетаться с брюками, — говорит Тод Хэмлин Ривису, который внимательно слушает, помешивая соломинкой «Бифитер» со льдом

— Это кто сказал? — спрашивает Джордж.

— Послушай, — терпеливо объясняет Хэмлин. — Если носишь серые брюки, надевай серые носки. Проще простого.

— Погоди, — вмешиваюсь я. — А если ботинки черные?

— Ничего страшного, — Хэмлин пригубливает мартини. — Но тогда с ботинками должен сочетаться ремень.

— То есть ты говоришь, что с серым костюмом можно носить и серые и черные носки? — говорю я.

— М-м-м... да, — отвечает Хэмлин смущенно. — Я так думаю. Разве я не это сказал?

— Полушай, Хэмлин, — говорю я. — Я не могу с тобой согласиться насчет ремня. Ботинки все-таки далеко от талии. Мне кажется, следует обратить внимание на то, чтобы ремень сочетался с брюками.

— Это похоже на правду, — замечает Ривис.

Мы втроем — Тод Хэмлин, Джордж Ривис и я — сидим в «Harry's». Сейчас чуть больше шести вечера. На Хэмлине костюм от Lubiam, превосходная полосатая хлопчатобумажная рубашка с широким воротником от Burberry, шелковый галстук от Resikeio и ремень от Ralph Lauren. Ривис в шестипуговичном двубортном костюме от Christian Dior, хлопчатобумажной рубашке, шелковом галстуке от Claiborne с узором. На ногах у него кожаные ботинки на шнурках в дырочку от Allen-Edmonds, в кармане — хлопчатобумажный носовой платок, вероятно, от Brooks Brothers. На салфетке рядом с его стаканом лежат темные очки от Lafont Paris, на стуле покоится очень милый портфель от T. Antony. На мне двухпуговичный однобортный костюм (расцветка

«штрихи мела»; шерсть с фланелью), хлопчатобумажная рубашка в разноцветную полоску, и шелковый карманный платок, все от Patrick Aubert, а также шелковый галстук в горошек от Bill Blass и очки с простыми стеклами в оправе от Lafont Paris. На столе, кроме стаканов и калькулятора, лежат наушники от одного из наших CD-плееров. Ривис и Хэмлин ушли сегодня из офиса пораньше, чтобы сделать массаж лица, и теперь выглядят свежо, лица розовые, но загорелые, короткие волосы зачесаны назад. Утреннее Шоу Патти Винтерс было про Рембо в реальной жизни.

— А что жилетки? — спрашивает Ривис Тода. — Они... не вышли из моды?

— Нет, Джордж, — отвечает Хэмлин. — Разумеется, нет.

— Нет, — соглашаюсь я. — Жилетки никогда не выходили из моды.

— Тогда вопрос — как их следует носить? — спрашивает Хэмлин.

— Они должны облегать... — одновременно произносим мы с Ривисом.

— Извини, — говорит Ривис. — Продолжай.

— Ничего, — замечаю я. — Давай ты.

— Ну давай же, — просит Джордж.

— Ну, они должны хорошо облегать фигуру и закрывать талию, — объясняю я. — Жилет должен быть чуть повыше верхней пуговицей пиджака. Если на виду оказывается слишком большая часть жилета, это придает костюму чересчур чопорный, строгий вид, а это нежелательно.

— М-м-м, — едва не лишившись дара речи, произносит смутившийся Ривис. — Верно. Я так и думал.

— Мне нужен еще один J&B, — поднимаюсь я. — А вам, парни?

— «Бифитер» со льдом и соломинку, — указывает на меня Ривис.

Хэмлин:

— Мартини.

— Будет сделано.

Я иду к бару и, пока Фредди готовит напитки, слушаю, как какой-то парень (по-моему, это грек Уильям Теодокрополис из First Boston) в посредственном шерстяном костюме в «гусиную лапку», неплохой хлопчатобумажной рубашке и великолепном кашемировом галстуке от Paul Stuart, с которым костюм смотрится гораздо лучше, чем он есть на самом деле, рассказывает другому парню, тоже греку, с диетической пепси в руках:

— Слушай, в «Чернобыле» был Стинг — в том кабаке, который открыли парни, владельцы «Туннеля» — это было в Page Six, а потом кто-то подъехал в «Порше 911», и в машине сидела Уитни, и...

Когда я возвращаюсь к нашему столу, Ривис рассказывает Хэмлину, как он издевается над бездомными — протягивает им доллар, а потом в самый последний момент резко убирает его в карман.

— Честное слово, это срабатывает, — уверяет он. — Они так фигейют, что затыкаются.

— Просто... скажи... «нет», — замечаю я, ставя напитки на стол. — Этого вполне достаточно.

— Просто сказать «нет»? — улыбается Хэмлин. — И это подействует?

— На самом деле это действует только на бездомных беременных женщин, — признаюсь я.

— Интересно, пробовал ли ты «просто сказать нет» двухметровому дылде на Чаембеарс-с Стрит? — спрашивает Ривис. — Который курит крэк через трубку?

— Слушайте, кто-нибудь слышал о клубе под названием «Nekemiah»? — спрашивает Ривис.

С моего места виден Пол Оуэн, сидящий в другом конце зала. Вместе с ним сидит парень, похожий на Трента Мура или Роджера Дейли, и еще один — кажется, Фредерик Коннел. Дед Мура владеет компанией, в которой Трент работает. Он одет в костюм из шерстяного сукна в мелкую «гусиную лапку» шотландской расцветки.

— «Nekemiah»? — переспрашивает Хэмлин. — Какая «Nekemiah»?

— Стойте, парни, — говорю я. — Кто это там сидит с Полом Оуэном? Это не Трент Мур.

— Где? — Ривис.

— Они встают. Вон за тем столиком, — отвечаю я. — Вон те ребята.

— А это не Мэдисон? Нет, это Диббл, — говорит Ривис. Для большей уверенности он надевает очки с простыми стеклами.

— Да нет, — говорит Хэмлин. — Это Трент Мур.

— Ты уверен? — спрашивает Ривис.

По пути к выходу Пол Оуэн останавливается возле нашего столика. Он в темных очках Persol, в руках у него дипломат от Coach Leatherware.

— Привет, парни, — Оуэн представляет своих спутников, Трента Мура и какого-то Пола Дентона. Ривис,

Хэмлин и я пожимаем им руки, не вставая. Джордж и Тод начинают разговаривать с Трентом. Он из Лос-Анджелеса и знает, где находится «Nekeniah». Оуэн обращает свое внимание на меня, и я слегка нервничаю.

— Как дела? — спрашивает Оуэн.

— Отлично, — говорю я. — А у тебя?

— Великолепно, — отвечает он. — Как у тебя со счетами Хоукинса?

— Все... — я запинаясь. Замешкавшись на мгновение, продолжаю, — все... нормально.

— Правда? — рассеянно интересуется он. — Интересно, — с улыбкой, сцепив руки за спиной, произносит он. — А почему только нормально, а не замечательно?

— Ну, — говорю я, — ты же... сам знаешь.

— Как Марсия? — продолжая улыбаться, он обводит взглядом залу. На самом деле он меня не слушает. — Она замечательная девушка.

— Да, — говорю я, потрясенный. — Мне... повезло.

Оуэн принял меня за Маркуса Хоалберстама (хотя Маркус встречается с Сесилией Вагнер), но по некоторым причинам эта ошибка не имеет значения и даже кажется вполне естественной. Маркус тоже работает в P&P, занимается практически тем же самым, что и я, любит костюмы от Valentino и очки с простыми стеклами, мы стрижемся у одного парикмахера в Riege, так что ошибка Оуэна вполне закономерна; она не раздражает меня. Но Пол Дентон то ли не сводит с меня глаз, то ли, наоборот, пытается не смотреть, как будто бы он что-то знает, как будто он не совсем уверен, узнал он меня или нет. Мне приходится задуматься над тем, не принимал ли он когда-то давно, в прошлом марте, участие в ночной прогулке на яхте. Если же так оно и есть, думаю я, надо раздобыть номер его телефона, а лучше — адрес.

— Надо будет нам как-нибудь выпить, — предлагаю я Оуэну.

— Отлично, — говорит он. — Давай. Вот моя визитка.

— Спасибо, — перед тем как убрать ее в карман, я пристально разглядываю визитку. Меня радует ее топорность. — Может, я возьму с собой... — помедлив, я четко выговариваю, — Марсию?

— Отлично, — говорит он. — Ты был в сальвадорском бистро на Восемьдесят третьей? — спрашивает он. — Мы сегодня там ужинаем.

— Да, то есть, нет, — отвечаю я. — Но я слышал, что оно вполне ничего. — Я слабо улыбаюсь и отпиваю виски.

— Я тоже. — Он смотрит на свои часы Rolex. — Трент? Дентон? Уходим. Нам надо быть там через пятнадцать минут.

Слова прощания произнесены, по дороге на выход они останавливаются у столика, за которым сидят Диббл и Гамильтон, по крайней мере мне кажется, что это Диббл и Гамильтон. Перед уходом Дентон в последний раз смотрит на наш столик, на меня, похоже, он в ужасе, словно мое присутствие в чем-то его убеждает, словно он меня узнал, и это, в свою очередь, убивает меня.

— Счета Фишера, — произносит Ривис.

— Черт, — говорю я. — Не напоминай.

— Сволочь везучая, — говорит Хэмлин.

— Кто-нибудь видел его подружку? — спрашивает Ривис. — Лауру Кеннеди? Потрясающая фигура.

— Я знаю ее, — говорю я и тут же поправляюсь, — то есть, знал.

— Почему ты так говоришь? — заинтересованно спрашивает Хэмлин. — Почему он так говорит, Ривис?

— Потому что он встречался с ней, — осторожно произносит Ривис.

— Откуда ты знаешь? — улыбаюсь я.

— Девушки просекают Бэйтмена. — Похоже, Ривис немного пьян. — Он — просто энциклопедия GQ. Ты абсолютный GQ, Бэйтмен.

— Спасибо, ребята, только... — возможно, Ривис и съязвил, но я все равно испытываю гордость и пытаюсь принизить свой образ. — Она дрянь.

— Боже мой, Бэйтмен, — стонет Хэмлин. — А это что означает?

— Что? — спрашиваю я. — То и означает.

— Ну и что? Главное — внешность. Лаура Кеннеди — милашка, — с напором говорит Хэмлин. — И не делай вид, что тебя интересовало в ней что-то другое.

— Если у девки хороший характер — это подозрительно, — замечает Ривис, слегка смутившись от собственного заявления.

— Если у девки хороший характер, но она плохо выглядит, — Ривис многозначительно поднимает руки, — то

хули от нее толку?

— Ладно, давай представим просто гипотетически. Может ли у девки быть хороший характер? — спрашиваю я, прекрасно зная, насколько это безнадежный, тупой вопрос.

— Прекрасно. Гипотетически даже лучше, вот только... — говорит Хэмлин.

— Знаю, знаю, — улыбаюсь я.

— Не бывает телок с хорошим характером, — смеюсь, в один голос произносим мы, и ударяем по ладоням.

— Хороший характер, — начинает Ривис, — состоит в том, что у телки точеная фигурка, она без особых выебонов удовлетворяет все твои сексуальные потребности и мало пиздит.

— Точно, — согласно кивает Хэмлин. — Девушки с хорошим характером, то есть веселые или, может, забавные, умные или даже талантливые — хотя хуй его знает, что это значит, — так вот, они все до одной уродки.

— Точно, — поддакивает Ривис.

— И характер у них такой потому, что им как-то надо, блядь, компенсировать свою непривлекательность, — говорит Хэмлин, вновь усаживаясь.

— Я всегда придерживался той теории, — говорю я, — что только мужчины производят потомство и продолжают род, понимаете?

Они оба кивают.

— А единственный способ продолжить род, — я тщательно подбираю слова, — это возбудиться какой-нибудь красоткой, но иногда деньги или слава...

— Никаких «но», — вмешивается Хэмлин. — Бэйтмен, ты что, готов трахаться с Опррой Уинфри — она ведь богата и влиятельна, — или опуститься до Нел Картер — у нее шоу на Бродвее, отличный голос, там знаменитостей пруд пруди?

— Погоди, — говорит Ривис. — Кто такая Нел Картер?

— Не знаю, — говорю я, имя приводит меня в замешательство. — Должно быть, хозяйка «Nell's».

— Послушай меня, Бэйтмен, — говорит Хэмлин. — Телки существуют лишь для того, чтобы возбуждать нас, по твоим же словам. Сохранение человеческого рода, так? Все просто... — выудив оливку из стакана, он отправляет ее в рот, — как божий день.

Выдержав паузу, я говорю:

— Знаете, что сказал о женщинах Эд Гейн?

— Эд Гейн? — переспрашивают меня. — Метрдотель в баре «Канал»?

— Нет, — говорю я. — Серийный убийца, действовавший в Висконсине в пятидесятых. Он был интересным чуваком.

— Тебя всегда интересовали подобные дела, Бэйтмен, — говорит Ривис, потом Хэмлину. — Бэйтмен все время читает эти биографии: Тед Банди, Сын Сэма, Фатальное Видение, Чарли Мэнсон. Все подряд.

— Так что сказал Эд? — с интересом спрашивает Хэмлин.

— Он сказал, — продолжаю я, — «Когда я вижу, как по улице идет хорошенькая девушка, то думаю о двух вещах. С одной стороны, мне хочется пригласить ее куда-нибудь, поговорить с ней, обращаться с ней ласково и нежно». — Замолкнув, я одним глотком допиваю J&B.

— А что он думает с другой стороны? — вкрадчиво спрашивает Хэмлин.

— «Я думаю, как будет смотреться на колу ее голова», — отвечаю я.

Хэмлин с Ривисом успевают переглянуться и вновь посмотреть на меня, прежде чем я начинаю смеяться, и они с некоторым напряжением тоже смеются.

— Слушайте, как насчет ужина? — я осторожно меняю тему.

— Может, индийско-калифорнийский ресторан в верхнем Вест Сайде? — предлагает Хэмлин.

— Идет, — говорю я.

— Мысль хорошая, — замечает Ривис.

— Кто будет заказывать? — спрашивает Хэмлин.

«ШЕЗЛОНГ»

В понедельник Кортни Лоуренс приглашает меня поужинать с ней в ресторане. Приглашение выглядит смутно сексуальным, и я принимаю его, но беда в том, что ужинать придется с двумя выпускниками Кэмдена, Скоттом и Анной Смайли, в новом ресторане на Колумбус под названием «Шезлонг», который они выбрали. Я заставил свою секретаршу досконально изучить ресторан, и до моего ухода из офиса она представила мне три возможных варианта меню. Пока мы бесконечно долго ехали в такси по центру, Кортни рассказала, что Скотт работает в

рекламном бюро, а Анна на деньги отца открывает рестораны, последний — «1968» на Верхнем Ист Сайте. Это было лишь немного скучнее, чем рассказ Кортни о том, как она провела день: массаж лица в Elizabeth Arden, покупка кухонной посуды в Pottery Barn (кстати, все это она делала, приняв литиум), а потом она пришла в «Happy's», где мы выпили с Чарльзом Мерфи и Расти Вебстером и где Кортни забыла пакет с посудой, оставив его под столом. Единственная мало-мальски интересная для меня деталь о жизни Скотта и Анны: после женитьбы они усыновили тринадцатилетнего корейского мальчика, назвали его Скоттом-младшим и послали в Эксетер, где Скотт учился на четыре года раньше, чем я.

— Надеюсь, столик для нас заказан, — предостерегаю я Кортни в машине.

— Только не кури сигару, Патрик, — медленно говорит она.

— Это не Дональда Трампа машина? — спрашиваю я, глядя на лимузин, застрявший в пробке неподалеку от нас.

— Господи, Патрик. Закрой рот, — глубоким голосом произносит она.

— Знаешь, Кортни, у меня в дипломате лежит плейер, и мне ничего не стоит одеть наушники, — говорю я. —

Тебе надо принять еще литиум. Или выпить диетической колы. Кофеин поможет тебе встряхнуться.

— Я хочу ребенка, — тихо, глядя в окно, произносит она. — Двух... замечательных... ребятишек.

— Ты со мной разговариваешь или с этим Шломо? — вздыхаю я, но достаточно громко, чтобы было слышно шоферу еврейской наружности. Как нетрудно догадаться, Кортни не отвечает.

Утреннее Шоу Патти Винтерс было посвящено Духам, Губной Помаде и Косметике. Луис Керрутерс, с которым живет Кортни, уехал в Феникс и вернется не раньше завтрашнего вечера. На Кортни шерстяной жакет и жилетка, футболка из джерси, габардиновые брюки от Bill Blass, хрустальные с эмалью и золотом сережки от Gerard E. Yoska и туфли от Manolo Blahnik (шелковый атлас). Я в пошитом на заказ твидовом пиджаке, брюках и хлопчатобумажной рубашке из магазина Alan Flusser, а также в шелковом галстуке от Paul Stuart. Утром на тренажер Stairmaster в спортивном клубе была двадцатиминутная очередь. На углу Сорок Девятой и Пятидесятой я машу рукой нищенке, а потом показываю ей средний палец.

За столом разговор идет о новой книге Элмора Леонарда — я ее не читал, о ресторанной критике — это читал, о британской версии саундтрека к «Отверженным» в сравнении с американской, о новом сальвадорском бистро на углу Второй и Восемьдесят Третьей, о том, где лучше колонка сплетен — в Post или в News. Похоже, у нас с Анной Смайли нашлась общая знакомая, официантка из «Абетона» в Аспене, которую я на прошлое Рождество, когда катался там на лыжах, изнасиловал флаконом лака для волос. «Шезлонг» переполнен, у меня закладывает уши, акустика из-за высоких потолков хреновая, и сквозь шум, если я не ошибаюсь, прорывается «White Rabbit» в версии New Age. Некто, похожий на Фореста Этватера — зачесанные назад светлые волосы, очки с простыми стеклами в оправе из красного дерева, костюм от Armani, подтяжки, — сидит с Каролиной Бейкер из инвестиционного отдела в Drexel. Выглядит она неважно. Ей нужно сильнее краситься, а твидовый костюм от Ralph Lauren слишком строгий для нее. Столик у них посредственный, прямо перед баром.

— Это называется классическая калифорнийская кухня, — склонившись ко мне, говорит Анна после того, как мы заказали еду. Я полагаю, что эта фраза заслуживает реакции, а поскольку Скотт с Кортни обсуждают достоинства колонки сплетен в Post, отвечать приходится мне.

— Ты хочешь сказать — в сравнении с просто калифорнийской кухней? — осторожно интересуюсь я, взвешивая каждое слово. Потом неудачно добавляю: — Или пост—калифорнийской кухней?

— Не хочу показаться снобом, но существует масса различий. Они едва уловимы, — говорит она. — Но они есть.

— Я слышал о пост-калифорнийской кухне, — говорю я, пристально разглядывая убранство ресторана: выставленные напоказ выставлены трубы, колонны, открытая кухня, где делают пиццу, и... шезлонги. — По правде говоря, я даже ел кое-что. В ней нет молодых овощей? Буррито с начинкой из гребешка? Крекеры с васаби? Ну что, я на верном пути? Кстати, тебе кто-нибудь говорил, что ты — вылитая Гарфилд, которую задавила машина, потом с нее содрали кожу, и прежде чем потащить тебя к ветеринару, кто-то набросил на тебя жуткий свитер Ferragamo? Фузилли? Сыр бри в оливковом масле?

— Точно, — пораженная, произносит Анна. — Кортни, где ты нашла Патрика? Он столько всего знает. В представлении Луиса калифорнийская кухня — это половинка апельсина и немного желатина, — заявляет она, потом смеется, призывая меня посмеяться вместе с ней, что я с неохотой и делаю.

На закуску я заказал цикорий с какой-то разновидностью кальмара. Анна со Скотом взяли рагу из ската с фиалками. Кортни, вместо того, чтобы собраться с силами и прочесть меню, едва не заснула, но прежде чем она соскользнула со стула, я успел схватить ее за плечи и подтянуть вверх. Анна заказала за нее, что-то простое и

легкое, вроде каджунского попкорна, который, возможно, в меню и не значился, но поскольку Анна знакома с шеф-поваром, Ноджем, он специально приготовил небольшую порцию — специально для Кортни. По настоянию Скотта и Анны нам всем принесли какое-то фирменное блюдо — темного среднепрожаренного окуня. К счастью для них, он фигурировал в одном из меню, составленных для меня Джин. Если бы его там не было, а они бы все-таки заставили меня его попробовать, то, скорее всего, после ужина, часов около двух ночи (после Поздней Ночи с Дэвидом Леттерманом) я вломился бы к ним в квартиру и изрубил бы их на куски. Сначала заставил бы Анну смотреть, как умирает Скотт, истекая кровью из зияющих ран на груди, а потом как-нибудь добрался до Эксетера, где вылил бы бутылку кислоты на плоское, с раскосыми глазами лицо их приемного сына. У нашей официантки неплохая фигурка, на ней золотые туфли с завязками, украшенные искусственным жемчугом. Сегодня я забыл вернуть в прокат видеокассеты и беззвучно проклиная себя, пока Скотт заказывает две большие бутылки «Сан-Пеллегрино (San Pellegrino)».

— Это называется классическая калифорнийская кухня, — говорит мне Скотт.

— Почему бы нам всем вместе на следующей неделе не сходить в «Бар Зевса»? — предлагает Анна Скотту. — Как ты думаешь, трудно будет заказать столик на пятницу?

Скотт в полосатом (красный, фиолетовый, черный) кашемировом свитере от Paul Stuart, мешковатых бриджах Ralph Lauren и кожаных мокасинах Cole-Haap.

— Может быть, — отвечает он.

— Это прекрасная мысль. Она мне нравится, — замечает Анна, взяв с тарелки маленькую фиалку и понюхав цветок перед тем, как осторожно положить его на язык. Она в красно-фиолетово-черном свитере ручной вязки (мохер с шерстью) от Koos Van Den Akker Couture и в слаксах от Anne Klein, на ногах у нее — замшевые туфли с открытым носом.

Официантка, хотя и не очень красивая, устремляется к нашему столу, чтобы принять еще один заказ на напитки.

— J&B без всего, — опережаю я остальных.

Кортни просит шампанское со льдом, что в глубине души ужасает меня.

— Да, — спохватывается она, словно вспомнив что-то, — и можно дольку...

— Дольку чего? — не в силах сдержаться, раздраженно спрашиваю я. — Попробую угадать. Дыни? — И думаю: глупый ты сукин сын, Бэйтмен, почему ты не вернул эти чертовы кассеты.

— Вы имеете в виду лимон, мисс, — произносит официантка, награждая меня ледяным взглядом.

— Да, конечно, лимон, — говорит Кортни, похоже, погруженная в какие-то грезы. Приятные грезы, дающие забвение.

— А мне стаканчик... черт, наверное, «Акации»[12]], — заявляет Скотт, а потом обращается к столу. — Хочу ли я белое? Правда ли я хочу шардоне? Мы можем есть окуня и с каберне.

— Ну давай уж, — весело говорит Анна.

— Ну ладно, я буду... о-о-о... белое, совиньон, — говорит Скотт.

Официантка улыбается, она в замешательстве.

— Скотти, — взвизгивает Анна. — Белое совиньон?

— Шучу, — хихикает он. — Я буду шардоне. «Акацию».

— Ты совсем дурачок, — с облегчением смеется Анна. — Такой смешной.

— Я беру шардоне, — говорит Скотт официантке.

— Очень мило, — замечает Кортни, похлопывая Скотта по руке.

— А я... — Анна запинается. Наконец, она решилась: — Ох, ну просто диетическую колу...

Скотт поднимает глаза от кусочка кукурузной лепешки, который он макал в маленькую баночку оливкового масла. — Ты сегодня не пьешь?

— Нет, — омерзительно улыбаясь, отвечает Анна. Бог его знает, почему. Да и кого ебет? — Что-то не хочется.

— Даже стаканчик шардоне? — спрашивает Скотт. — Может, совиньон?

— У меня аэробика в девять, — пытаюсь выкрутиться, растерянно говорит она. — Мне на самом деле не стоит пить.

— Ну, тогда и я не буду, — произносит Скотт разочарованно. — Мне к восьми в Xclusive.

— Никто не желает знать, где я не буду завтра в восемь? — спрашиваю я.

— Нет, милый. Я знаю, как ты любишь «Акацию». — Анна протягивает руку и пожимает руку Скотта.

— Нет, любимая. Мне хватит «Сан-Пеллегрино (San Pellegrino)», — Скотт указывает на бутылки с водой.

Я громко барабаню пальцами по столу, шепча про себя «блядь, блядь, блядь». У Кортни полузакрыты глаза, она глубоко дышит.

— Знаешь, я все-таки рискну, — наконец произносит Анна. — Я возьму диетическую колу с ромом. Скотт вздыхает, потом улыбается. Он просто сияет.

— Отлично.

— Эта диетическая кола без кофеина, да? — спрашивает Анна официантку.

— Знаешь, — вмешиваюсь я. — Тебе лучше взять диетическую пепси. Она гораздо лучше.

— Правда? — спрашивает Анна. — А чем она лучше?

— Тебе лучше взять диетическую пепси вместо колы, — говорю я. — Она намного лучше. В ней больше пузырьков. У нее более чистый вкус. Она лучше смешивается с ромом и содержит меньше натрия.

Официантка, Скотт, Анна, даже Кортни — все смотрят на меня, словно я высказал дьявольское, апокалиптическое суждение, разрушил свято хранимый миф, нарушил торжественную присягу, и, кажется, весь «Шезлонг» внезапно затих. Вчера вечером я взял напрокат фильм под названием «В жопе у Лидии» и, приняв две таблетки гальциона[13], потягивая диетическую пепси (кстати), смотрел, как Лидия (загорелая крашеная блондинка, с отличной фигурой, прекрасным задом и великолепными огромными сиськами), стоя на четвереньках, сосала огромный хуй. Вторая восхитительная блондинка с аккуратно подстриженными светлыми волосами на лобке встала на колени позади Лидии и вылизав ее зад и пизду, принялась вгонять в зад Лидии блестящий серебряный вибратор. Работая вибратором, она продолжала вылизывать пизду, а парень с огромным хуем кончил на лицо Лидии, пока она сосала его яйца. Потом Лидия задержалась, в неподдельном, довольно сильном оргазме, а вторая девушка переползла вперед и слизала сперму с лица Лидии, а потом дала ей обсосать вибратор. Во вторник вышел новый Стефан Бишоп, и вчера в Tower Records я купил его компакт-диск, кассету и пластинку, потому что хотел иметь все три формата.

— Послушай, — мой голос дрожит от переполняющих меня чувств, — бери, что хочешь, но я тебе советую диетическую пепси. — Я опускаю глаза, смотрю на свои колени, на голубую матерчатую салфетку, по канту которой вышито слово «Шезлонг». На мгновение мне кажется, что я сейчас расплачусь; у меня дергается подбородок, и трудно глотать.

Протянув руку, Кортни мягко касается моего запястья, проводит по Rolex.

— Все в порядке, Патрик. Честное слово.

Острая боль в области печени гасит бурю моих эмоций и я выпрямляюсь на стуле, напуганный и смущенный. Официантка уходит. Анна спрашивает, видели ли мы недавнюю выставку Дэвида Оника, и ко мне возвращается спокойствие.

Оказывается, на выставке мы не были. Мне не хочется по-хамски объявить о том, что у меня дома есть его картина, поэтому и я легонько пихаю Кортни ногой под столом. Это выводит ее из вызванного литиумом ступора, и она, как робот, говорит:

— А у Патрика есть Оника. Честное слово.

Довольно улыбаясь, я отпиваю J&B.

— Это просто фантастика, Патрик, — говорит Анна.

— Правда? Оника? — спрашивает Скотт. — Разве он не безумно дорогой?

— Ну, скажем так... — я отпиваю виски, внезапно смутившись: скажем... но что? — Пустяки.

Кортни вздыхает, ожидая еще один пинок.

— Та картина, что висит у Патрика, стоит двадцать тысяч долларов.

Похоже, ей безумно скучно, она отщипывает кусочек от пресной, теплой кукурузной лепешки.

Я награждаю ее ядовитым взглядом и стараюсь не зашипеть.

— Нет, Кортни, ну что ты. На самом деле — пятьдесят.

Она медленно поднимает глаза от кусочка кукурузной лепешки, который разминает в пальцах, и в ее взгляде, даже смягченном литиумом, сквозит такая злоба, что уже это автоматически унижает меня, но не настолько, чтобы сказать Скотту и Анне правду: Оника стоит всего двенадцать штук. Но ужасный взгляд Кортни — хотя я, возможно, излишне эмоционален; может быть, она с смотрит на узоры колонн, или на жалюзи, или на стоящие вдоль бара вазы Montigo с пурпурными тюльпанами, — ее взгляд пугает меня достаточно, чтобы оставить тему о покупке. Мне нетрудно понять, что означает ее взгляд. Он предупреждает: пни еще раз и поебаться не получишь, понял?

— Но, кажется, это... — начинает Анна.

Я затаил дыхание, мое лицо окаменело от напряжения.

— ... дешево, — мямлит она.

Я выдыхаю.

— Так и есть. Мне крупно повезло, — говорю я, хватая воздух.

— Пятьдесят тысяч? — подозрительно спрашивает Скотт.

— Да, но мне кажется, его работа... своего рода... великолепно скомпонована, намеренно насмешливо-поверхностна. — Я замолкаю, пытаюсь вспомнить пассаж, прочитанный в обзоре журнала New York. — Намеренно насмешливо...

— А у Луиса нет, Кортни? — спрашивает Анна и постукивает Кортни по руке. — Кортни?

— У Луиса... нет... чего? — Кортни трясет головой, словно пытаюсь прояснить свои мысли, и широко открывает глаза, чтобы они не закрывались.

— Кто такой Луис? — спрашивает Скотт, жестом призывая официантку убрать со стола масло, которое нам недавно принесли. Что за тусовочное животное.

Анна отвечает за Кортни:

— Ее парень, — говорит она, видя, что смущенная Кортни взглядом ищет у меня помощи.

— А где он? — спрашивает меня Скотт.

— В Техасе, — быстро отвечаю я. — Он поехал в Феникс.

— Нет, — говорит Скотт. — Я спрашиваю, в какой фирме?

— L.F.Rothschild, — отвечает Анна, и, в поисках подтверждения смотрит на Кортни, потом на меня. — Да?

— Нет. Он в P&P, — говорю я. — Мы вроде как работаем вместе.

— А он не встречался с Самантой Стивенс? — интересуется Анна.

— Нет, — говорит Кортни. — Их просто сняли вместе на фотографии, опубликованной в W.

Я выпиваю виски, как только его приносят, и сразу же делаю знак принести еще. Я думаю, что Кортни — куколка, но никакой секс не стоит этого ужина. Разговор перескакивает с одного на другое, я смотрю на сидящую в другом конце зала великолепную женщину — блондинка, с большими сиськами, в обтягивающем платье, в атласных туфлях на золотых каблучках. Скотт принимается рассказывать мне о своем новом CD-проигрывателе, а Анна беспечно лопочет невменяемой и абсолютно безразличной Кортни что-то о новых пшенично-рисовых пирожных, с низким содержанием натрия, свежих фруктах и музыке New Age, главным образом о Manhattan Steamroller.

— Это Aiwa, — говорит Скотт. — Ты должен его послушать. Звук, — он замолкает, закрыв в экстазе глаза, жуя кукурузную лепешку, — фантастический.

— Знаешь, Скотти, Aiwa — это неплохо. — Мечтать не вредно, Скотти, — думаю я. — Sansui — это все-таки лучшее. — Помолчав, я добавляю. — Уж я-то знаю. Он у меня есть.

— Но я думал, лучше всего Aiwa. — У Скотти озабоченный вид, но недостаточно огорченный, чтобы я почувствовал удовлетворение

— Ничего подобного, Скотт, — говорю я. — У Aiwa есть цифровой пульт дистанционного управления?

— Есть, — говорит он.

— Компьютерное управление?

— М-м-м, да.

Законченный мудак.

— Там есть проигрыватель с вращающимся диском из метакрила и меди?

— Да.

Вот сволочь, да он же врет!

— Там есть... тюнер Аккофаз T-106? — спрашиваю я его.

— Разумеется, — говорит он, пожимая плечами.

— Ты уверен? — говорю я. — Подумай как следует.

— Да. По-моему, да, — отвечает Скотт, но рука, которой он тянется за новым кусочком лепешки, дрожит.

— А колонки?

— Ну, Dantech, дерево, — слишком быстро отвечает он.

— Ну, дружок, извини. Надо было брать Infinity IRS V, — говорю я. — Или...

— Подожди-ка, — перебивает он меня. — Что за V-колонки? Никогда не слышал о V-колонках.

— Я об этом — и говорю, — замечаю я. — Без этих колонок можешь с таким же успехом слушать какой-нибудь дурацкий плеер.

— А какая частота басов у этих колонок? — подозрительно осведомляется он.

— Ультранизкая пятнадцать герц, — мурлыкаю я, четко произнося каждое слово.

Это затыкает его на минуту. Анна бубнит о нежирных замороженных йогуртах и чау-чау. Я откидываюсь на

стуле, довольный тем, что сделал Скотта, но он довольно быстро восстанавливает самообладание и замечает: — Хотя какая разница, — он пытается вести себя добродушно, как будто бы ему совершенно безразличен тот факт, что его стереосистема — полное говно. — Мы купили сегодня нового Фила Коллинза. Ты бы слышал, там звучит «Groovy Kind of Love».

— Да, мне кажется, это лучшая его песня, — замечаю я, и так далее. Наконец-то мы со Скоттом на чем-то сошлись. Появляются тарелки с окуном, выглядит это жутковато. Кортни извиняется и идет в туалет. Ее нет и через полчаса, я прохожу через ресторан и нахожу ее спящей в гардеробе.

Позже голая Кортни лежит на спине, раздвинув ноги — сильные, стройные, мускулистые, накачанные ноги, — а я стою перед ней на коленях, вылизываю ей промежность и одновременно дrouchу. Она кончила уже дважды, пизда у нее влажная, горячая и упругая, и я засовываю туда указательный палец; другой рукой я поддерживаю у себя эрекцию. Я слегка приподнимаю ей задницу, чтобы засунуть язык во влагалище, но она так не хочет, поэтому я поднимаю голову и тянусь к антикварному столику Portian, чтобы взять презерватив, лежащий в пепельнице от Palio, стоящей рядом с галогеновой лампой Tensor и вазочкой от D'Oro. Я открываю упаковку влажными, скользкими пальцами, помогая себе зубами, и без проблем надеваю презерватив на член.

— Я хочу, чтобы ты меня трахнул, — стонет Кортни, раздвигая ноги еще шире, так что видны даже внутренности. Она ласкает себя, заставляет меня облизывать ее пальцы с длинными красными ногтями. Смазка из ее влагалища сверкает в свете уличных фонарей, пробивающегося сквозь жалюзи от Stuart Hall; она — розовая и сладкая, и, пока она еще теплая, Кортни размазывает ее по моим губам и языку.

— Давай, — говорю я, залезаю на нее сверху, элегантно вставляю хуй в ее пизду, целую ее в губы и двигаюсь в ней сильными быстрыми толчками. Мой член, мои бедра словно сошли с ума, они работают сами по себе, а оргазм уже подступает, он начинается где-то в яйцах и анусе, а потом проходит сквозь член с такой силой, что мне становится больно, и я поднимаю голову, оборвав поцелуй, но Кортни не убирает язык, она облизывает свои красные, жадные, распухшие от поцелуев губы, и хотя я по инерции продолжаю долбить ее членом, я уже понимаю... что... есть... одна проблема, но сейчас я не могу сообразить, что это за проблема... я понимаю, в чем дело, только когда мой взгляд падает на полупустую бутылку минеральной воды Evian, которая стоит на столике. Я бормочу: «Вот дерьмо», — и вынимаю член.

— Что такое? — стонет Кортни. — Ты что-то забыл?

Я не отвечаю. Встаю с кровати и, пошатываясь, бреду в ванную, пытаюсь попутно снять презерватив, но он застревает, и пока я с ним воюю, я натываюсь на весы и ушибаю большой палец на ноге. При этом я параллельно стараюсь нащупать на стене выключатель, чтобы зажечь свет. Проклинаю все на свете, я, наконец, открываю аптечку.

— Патрик, что ты там делаешь? — кричит Кортни из спальни.

— Ищу водорастворимый спермицидный лубрикант, — кричу я в ответ. — А что я, по-твоему, тут делаю? Адвил принимаю?

— Кошмар, — кричит она. — Ты что, меня... без лубриканта?!

— Кортни, — говорю я, изучая в зеркале маленький порез над губой. — Где она?

— Я тебя не слышу, Патрик, — говорит она.

— У Луиса совершенно ужасный вкус в том, что касается парфюмерии, — я беру флакон Paco Rabanne и подношу его к носу.

— Что ты там говоришь?

— Я говорю: где водорастворимый спермицидный лубрикант, — кричу я, глядя в зеркало и пытаюсь найти маскирующий карандаш Clinique, чтобы смазать порез. — Где он у тебя?

— Что значит — где он у меня? — отвечает она. — У тебя что, нет с собой?

— Где этот чертов водорастворимый спермицидный лубрикант? — кричу я. -Водо! Растворимый!

Спермицидный! Лубрикант! — кричу я, замазываю порез тональным кремом от Clinique и зачесываю волосы назад.

— На верхней полке, — говорит она. — Кажется.

Роясь в аптечке, я заглядываю в ее ванну и вижу, какая она убогая. Я говорю Кортни:

— Знаешь, Кортни, тебе надо бы выбрать время и покрыть ванну мраморным напылением, или установить гидромассаж. Ты меня слышишь? Кортни?

Она долго молчит, а потом отвечает:

— Да... Патрик. Я тебя слышу.

В конце концов, я нахожу тюбик за большой бутылкой — буквально, бадьей — ксанакса[14]] на верхней полке

аптечки, и, прежде чем хуй окончательно опадет, я успеваю нанести немного смазки на кончик презерватива, размазываю ее по латексной поверхности, возвращаюсь в спальню и запрыгиваю на кровать, а Кортни визжит: — Патрик, еб твою мать, это тебе нетрамплин.

Не обращая внимания на ее вопли, я становлюсь на колени, сходу вставляю в нее хуй, и она тут же принимается подмахивать мне бедрами, облизывает палец и гладит им клитор. Я вижу, как мой член погружается в ее влагалище быстрыми толчками.

— Подожди, — говорит она, я не понимаю, чего она хочет, но все равно уже почти кончил.

— Луис — конченный гондон, — шепчет она, пытаясь вытолкнуть меня из себя.

— Да, — говорю я, прижимаясь к ней и лаская языком ее ухо. — Луис действительно конченный гондон. Я тоже его ненавижу.

Возбужденный отвращением Кортни к ее мудацкому бойфренду, я начинаю двигаться быстрее, чувствуя, что оргазм на подходе.

— Да нет же, идиот, — стонет она. — Я спросила, у тебя с кончиком кондом? Я не говорила, что Луис — конченный гондон. Так у тебя с кончиком кондом? Сейчас же слезь с меня.

— С каким еще кончиком? — я тоже готов застонать.

— Вытащи его, — говорит она, отпихивая меня.

— Я тебя не слышу, — говорю я, прижимаясь губами к ее идеальным маленьким соскам, они возбуждены и затвердели.

— Да вытащи ты его, мать твою! — кричит она.

— Чего тебе надо, Кортни? — хрипло говорю я, поднимаясь. Теперь я стою перед ней на коленях, но мой член все еще наполовину в ней. Она отползает к изголовью кровати, и член выскальзывает.

— Нормальный презерватив, — говорю я. — Мне так кажется.

— Включи свет, — говорит она и пытается сесть.

— Господи, — говорю я. — Я ухожу домой.

— Патрик, — повторяет она угрожающим тоном, — включи свет.

Я протягиваю руку и включаю галогеновую лампу Tensor.

— Нормальный презерватив, видишь? — говорю я. — И что дальше?

— Сними его, — говорит она резко.

— Зачем? — спрашиваю я.

— Потому что надо было оставить полдюйма на кончике, — говорит она, натягивая на грудь одеяло Hermes.

Она повышает голос, ее терпение явно на исходе. — Чтобы там было место, чтобы погасить давление эякуляции!

— Все, я ухожу, — предупреждаю я, но пока остаюсь на месте. — Где твой литиум?

Она накрывает голову подушкой и что-то бормочет, пытаясь свернуться калачиком. Мне кажется, она плачет.

— Где твой литиум, Кортни? — спрашиваю я спокойно. — У тебя ведь есть литиум.

Вновь звучит что-то неразборчивое, и она мотает головой — нет, нет, нет — отгородившись от меня подушкой.

— Что? Что ты говоришь? — я с трудом заставляю себя быть сдержанным, тем более, что у меня снова встает. — Где он?

Из-под подушки доносятся едва слышные всхлипы.

— А теперь ты плачешь, я слышу, что плачешь, но я не могу разобрать ни слова из того, что ты говоришь, — я пытаюсь отобрать у нее подушку, — вот теперь, говори!

Она снова что-то бормочет, но я опять ничего не понимаю.

— Кортни, — я начинаю выходить из себя, — если ты сказала то, что мне послышалось, а именно, что твой литиум лежит в коробке в холодильнике рядом с мороженым Frusen Gladje, и что это, на самом деле, шербет, -я уже кричу, — если ты именно это сказала, я тебя убью. Это шербет? Твой литиум, на самом деле, шербет? — мне, наконец, удается отодрать от нее подушку, и я с силой бью ее по лицу.

— Ты думаешь, что меня возбуждает небезопасный секс? — орет она в ответ.

— Господи, оно того точно не стоит, — бормочу я, стягивая презерватив, так чтобы на кончике осталось полдюйма свободного места (на самом деле, немного меньше). — Смотри, Кортни, я сделал, как ты просила, а зачем это нужно? А? Расскажи мне, пожалуйста! — я снова бью ее, но не так сильно. — Зачем нужны эти полдюйма? Чтобы погасить давление эякуляции?!

— Ну так вот, меня это не возбуждает. — У нее истерика, она хрипит и захлебывается слезами. — Меня скоро повысят. В августе я еду на Барбадос, и мне вовсе не хочется, чтобы все это похерилось из-за саркомы

Капоши! — Теперь она кашляет, подавившись слезами. — О господи, мне так хочется носить бикини, — воет она. — Я на днях купила бикини в Bergdorf's, от Norma Kamali...

Я приподнимаю ее голову и заставляю посмотреть на то, как надет презерватив.

— Видишь? Теперь ты довольна? Довольна, тупая ты сука? Скажи, ты довольна, тупая сука?

Она даже не смотрит на мой член.

— Господи, ну кончай уже быстрее, — стонет она и падает на кровать.

Я грубо вставляю ей и все-таки достигаю оргазма, но он такой слабый, что его вроде как и нет, а мой разочарованный стон (разочарование было сильным, но вполне предсказуемым) Кортни принимает за экзотический вопль, и моментально заводится; она лежит подо мной и сопит, опускает руку вниз и опять ласкает себя, но у меня все уже опустилось, почти мгновенно — на самом деле, еще в тот момент, когда я кончил, — но если я сейчас же не смоюсь, она возбудится еще больше, поэтому я придерживаю презерватив и буквально вываливаюсь из нее. Потом мы минут двадцать лежим по разные стороны кровати, и Кортни бубнит что-то про Луиса и какие-то антикварные доски, и про серебряную терку для сыра и противень для маффинов, который она забыла в «Natty's», и в конце концов она пытается сделать мне минет.

— Я хочу трахнуть тебя еще раз, — говорю я ей, — но только без презерватива, потому что я в нем ничего не чувствую.

Оторвавшись от моего маленького вялого члена и глядя мне прямо в глаза, она спокойно говорит:

— Если ты не наденешь презерватив, то тем более ничего не почувствуешь.

СОВЕЩАНИЕ

Моя секретарша Джин, которая в меня влюблена, входит без стука ко мне в кабинет и сообщает, что в одиннадцать часов у меня важное совещание. Я сижу за столом от Palazetti со стеклянной столешницей, смотрю в монитор сквозь очки Ray-Ban, жую нуприн и потихоньку отхожу от вчерашней кокаиновой вечеринки.

Началась она вполне невинно: сначала мы с Чарльзом Гамильтоном, Эндрю Спенсером и Крисом Стаффордом поехали в клуб «Shout!», потом двинули в «Princeton Club», потом — в «Баркадию», а закончилось все в «Nell's» около половины четвертого утра, и я даже вспомнил про совещание сегодня утром, когда после четырех часов тяжелого липкого сна отмокал в ванной, попивая «Кровавую Мэри», но потом снова о нем забыл, пока ехал в такси на работу. Сегодня на Джин — жакет из жатого шелка, трикотажная юбка из вискозы, красные замшевые туфли с атласными бантиками от Susan Bennis Warren Edwards и позолоченные сережки от Robert Lee Morris. Она стоит передо мной, явно не замечая моих страданий, и держит в руках папку.

Почти минуту я делаю вид, что не замечаю ее, потом, наконец, снимаю темные очки и откашливаюсь:

— Да, Джин? Что-то еще?

— Сегодня ты мистер Ворчун, — она улыбается, аккуратно кладет папку мне на стол и ждет, чтобы я... чего она ждет, интересно? Чтобы я рассказал ей в красках о прошлой ночи?

— Да, простушка ты моя. Сегодня я мистер Ворчун. — Я изображаю сердитое рычание, беру папку и кладу ее в ящик стола.

Она непонимающе смотрит на меня, а потом говорит, окончательно смутившись:

— Звонили Тед Мэдисон и Джеймс Баркер. Они хотят с тобой встретиться во «Fluties» в шесть.

Я смотрю на нее и вздыхаю.

— Хорошо, и что нужно сделать?

Она нервно смеется, ее глаза расширились:

— Я не знаю...

— Джин, — я встаю, чтобы выпроводить ее из кабинета. — Что... нужно... сказать?

До нее не сразу, но доходит, и она испуганно отвечает:

— Просто... сказать... «нет»?

— Просто... скажи... «нет», — я киваю и выталкиваю ее за дверь.

Перед тем, как выйти из кабинета, я принимаю две таблетки валиума, запиваю их «Перье (Perrier)», потом протираю лицо очищающим лосьоном, который наношу влажными ватными шариками, и смазываю увлажняющим кремом. Сегодня на мне твидовый костюм и полосатая рубашка от Yves Saint Laurent, шелковый галстук от Armani и новые черные туфли от Ferragamo. Я полощу рот антибактериальным ополаскивателем Plax и чищу зубы, а когда я сморкаюсь, соплю, смешанные с кровью, пачкают мой носовой платок от Hermes, за сорок пять долларов, который, увы, не был подарком. Однако я выпиваю чуть ли не двадцать литров минеральной воды Evian в день и регулярно хожу в солярий, так что одна веселая ночь вряд ли как-то повлияет на гладкость моей кожи или на цвет лица. Вид у меня по-прежнему безупречный. Три капли визина приводят в

порядок глаза. В итоге имеем следующее: чувствую я себя дерьмово, но выгляжу великолепно.

Я прихожу в зал заседаний первым. Луис Керрутерс бежит за мной как щенок, путаясь у меня под ногами, и садится рядом со мной, а это значит, что мне придется выключить плейер. На нем шерстяной спортивный пиджак из шотландки, шерстяные брюки, хлопчатобумажная рубашка от Hugo Boss и галстук с узором пейсли; брюки, по-моему, от Brooks Brothers. Он начинает трепаться о «Propheteers», ресторане в Фениксе, о котором мне и вправду было бы интересно узнать, но только не от Луиса Керрутерса, хотя принятый валиум в количестве десяти миллиграммов слегка примиряет меня с действительностью. В сегодняшнем Шоу Патти Винтерс выступали потомки участников «Доннер парти»[15]].

— Эти клиенты совсем придурочные, однозначно, — говорит Луис. — Они хотели пригласить меня на местных «Отверженных», а я уже видел их в Лондоне, но...

— И ты без проблем заказал столик в «Propheteers»? — спрашиваю я, прерывая его на полуслове.

— Ага. Без проблем, — говорит он. — Мы поздно приехали.

— А что вы заказывали? — интересуюсь я.

— Я взял устриц-пашот, lotte[16]] и ореховый торт.

— Я слышал, lotte там хороший, — бормочу я, думая о своем.

— Клиент заказал boudin blanc[17]], жареного цыпленка и сырный торт, — говорит он.

— Сырный торт? — говорю я, смущенный этим пошлым, неправильным списком. — А цыпленок был под соусом или с фруктами? И как его подавали?

— Никак, Патрик, — говорит он, тоже смутившись. — Он был... просто жареный.

— А сырный торт был какой? Теплый? Из какого сыра — рикотта? Или овечьего? Украшенный цветами или посыпанный листьями кориандра?

— Он был... обычный, — говорит Луис, а потом вдруг заявляет: — Патрик, ты вспотел.

— А что баба клиента? — спрашиваю я, не обращая внимания на его слова. — Она что заказывала?

— Салат по-деревенски, гребешков и лимонный пирог.

— А гребешки были на гриле? Сашими? А сколько сортов? — спрашиваю я. — Или они были запеченные?

— Нет, Патрик, — говорит Луис. — Они были... жареные.

В зале воцаряется тишина. Я перевариваю информацию и формулирую следующий вопрос.

— Что значит «жареные», Луис?

— Я точно не знаю, — говорит он. — Но, по-моему, для этого требуется... сковорода.

— Вино? — спрашиваю я.

— Белое, совиньон, 1985 года, — говорит он. — Иорданское. Две бутылки.

— Машина? — спрашиваю я. — Вы, когда были в Фениксе, брали напрокат машину?

— БМВ, — он улыбается. — Маленький черный бимер.

— Ага, — бормочу я, вспоминая прошлую ночь, когда я полностью отключился на стоянке возле «Nell's» — изо рта шла пена, я ни о чем не мог думать, только о насекомых, о целой куче насекомых, изо рта шла пена, и я, кажется, бросался на голубей, с пеной на губах бросался на голубей. — Феникс. Дженет Лей была из Феникса...

Я замолкаю на пару секунд и продолжаю:

— Ее зарезали в душе. Печальное зрелище.

Я опять умолкаю.

— Даже кровь была не похожа на настоящую.

— Слушай, Патрик, — говорит Луис и сует мне в руку свой носовой платок, мои пальцы непроизвольно сжались в кулак, когда он ко мне прикоснулся. — На следующей неделе мы с Диблом обедаем в Йельском клубе. Не хочешь присоединиться?

— Можно. — Я думаю о ногах Кортни. Ее ноги раздвинуты широко-широко, ее ноги обхватили мое лицо, и когда я смотрю на Луиса, то на мгновение мне кажется, что у него вместо головы — говорящая вагина, и я пугаюсь до полусмерти, и несу какую-то чушь, вытирая пот со лба. — Хороший костюм, Луис.

Я и сам не понял, с чего бы вдруг это брякнул.

Он тарашится на меня, словно громом пораженный, а потом вдруг краснеет, смущается и тербит лацканы пиджака.

— Спасибо, Пат. Ты тоже отлично выглядишь... как всегда. — Он протягивает руку, чтобы дотронуться до моего галстука, но я ее перехватываю и говорю:

— Твоего комплимента мне вполне достаточно.

Входит Рид Томпсон, в шерстяном двубортном костюме на четырех пуговицах, полосатой хлопчатобумажной

рубашке и шелковом галстуке (все — от Armani), на ногах у него -пошловатые темно-синие хлопчатобумажные носки от Interwoven и черные туфли от Ferragamo (в точности, как мои), ногти наманикюрены на ногтях — маникюр, в одной руке — Wall Street Journal, а через другую руку небрежно перекинута твидовое пальто от Bill Kaiserman. Он кивает нам и садится напротив. Вскоре появляется Тод Бродерик в полосатом двубортном костюме на шести пуговицах, хлопчатобумажной рубашке в полоску и шелковом галстуке, все от Polo, плюс — роскошный платок в нагрудном кармане, наверняка тоже от Polo. За ним входит Макдермотт, у него в руках New York magazine и утренний выпуск Financial Times, на нем — новые очки от Oliver Peoples в оправе из красного дерева и черный с белым однобортный костюм в «гусиную лапку» с V-образными лацканами, полосатая хлопчатобумажная рубашка с широким воротничком и шелковый галстук с узором пейсли, все от John Reyle.

Я улыбаюсь, поднимая глаза на Макдермотта, который садится рядом со мной. Он вздыхает, открывает газету и углубляется в чтение. Поскольку он не сказал ни «привет», ни «доброе утро», я делаю вывод, что он обижен и, по всей видимости, на меня. В конце концов, когда я замечаю, что Луис хочет что-то мне сказать, я поворачиваюсь к Макдермотту.

— Ну, Макдермотт, что случилось? — ухмыляюсь я. — С утра была длинная очередь на «Stairmaster»?

— А кто сказал, что что-то случилось? — он сопит и листает Financial Times.

— Слушай, — говорю я ему, наклоняясь поближе. — Я уже извинился, что наорал на тебя тогда из-за пиццы в «Пастелях».

— А кто сказал, что дело в этом? — говорит он напряженно.

— Я думал, мы все уже выяснили, — шепчу я, кладя руку на ручку его кресла и улыбаясь Томпсону. — Я искренне сожалею, что отозвался о пицце в «Пастелях» в таком оскорбительном тоне. Я искренне сожалею и приношу свои извинения. Теперь ты доволен?

— Кто сказал, что дело в этом? — повторяет он.

— Тогда в чем дело, Макдермотт? — шепчу я и вдруг замечаю у себя за спиной какое-то движение. Я считаю до трех и резко оборачиваюсь. Луис, наклонившийся вперед, чтобы послушать, о чем мы говорим, быстро отскакивает назад. Он понимает, что его поймали с поличным, и медленно садится на место; лицо у него виноватое.

— Макдермотт, но это же просто смешно, — шепчу я. — Ты что, вечно теперь будешь злиться за то, что я назвал пиццу в «Пастелях»... жесткой.

— Пересушенной, — говорит он, пытаюсь убить меня взглядом. — Ты сказал, что она пересушенная.

— Я извиняюсь, — говорю я. — Но я был прав. Она там такая и есть. Ты ведь читал обзор в Times?

— Вот. — Он лезет в карман и вручает мне ксерокс статьи. — Я просто хотел тебе доказать, что ты не прав. Вот, прочти.

— А что это? — спрашиваю я, разворачивая статью.

— Это статья о твоём кумире, Дональде Трампе. — Макдермотт усмехается.

— Ага, — нерешительно говорю я. — Интересно, а почему я ее не видел?

— И вот... — Макдермотт пробегает глазами статью и тыкает пальцем в нижний абзац, который подчеркнут красным. — Какая пицца в Манхэттене нравится Трампу больше всего?

— Дай я почитаю, — я вздыхаю и отмахиваюсь от него. — Ты, наверное, ошибся. Фотография какая-то неудачная.

— Бэйтмен. Смотри. Я специально обвел, — говорит он.

Я делаю вид, что читаю эту мудацкую статью, но я уже начинаю злиться, поэтому отдаю статью Макдермотту. Я говорю:

— Ну и что? Ну и что?! Что ты, Макдермотт, пытаешься мне доказать?

— Что ты теперь скажешь о пицце в «Пастелях», Бэйтмен? — говорит он злорадно.

— Ну, — я говорю, очень тщательно подбирая слова. — Я скажу, что мне надо пойти туда и еще раз попробовать эту пиццу... — Я говорю это, стиснув зубы. — Но когда я там был в прошлый раз, пицца была...

— Пересушенная? — спрашивает Макдермотт.

— Да, — я пожимаю плечами. — Именно пересушенная.

— Угу, — Макдермотт улыбается с победным видом.

— Слушай, если пицца в «Пастелях» нравится Донни, — начинаю я, скрепя сердце, потому что мне очень не хочется говорить это Макдермотту, потом вздыхаю, почти незаметно, — значит, мне она тоже нравится.

Макдермотт хихикает, он победил.

Я считаю галстуки: три из шелкового крепа, один из шелкового атласа от Versace, два шелковых галстука-фуляр, один шелковый от Kenzo Кензо, два галстука из жаккардового полотна. Ароматы Xeryus, Tuscani, Armani, Obsession, Polo, Grey Flannel и даже Antaeus смешиваются друг с другом в воздухе и образуют особый запах: холодный и тошнотворный.

— Но я не извиняюсь, — предупреждаю я Макдермотта.

— Ты уже извинился, Бэйтмен, — говорит он.

Входит Пол Оуэн, на нем кашемировый спортивный пиджак, брюки из шерстяной фланели, рубашка от Ronaldus Shamask с воротничком на пуговицах, но главное — его галстук в синюю, черную, красную и желтую широкую полосу, от Andrew Fezza, дизайн Zanzarra, — вот это меня впечатляет. Керруттерс тоже оценил галстук, он наклоняется ко мне и говорит:

— Как ты думаешь, у него и гульфик такой же расцветки? — Не дождавшись ответа, он отодвигается, открывает Sports Illustrated, лежащий на столе и, улыбаясь сам себе, читает статью о соревнованиях по прыжкам в воду на Олимпийских играх.

— Привет, Холберстам, — говорит мне Оуэн, проходя мимо.

— Привет, Оуэн, — говорю я. Мне нравится, как он стильно одет и как у него зачесаны волосы, так ровно и гладко... и это меня добивает, я делаю мысленную пометку, что надо будет спросить у него, где он покупает средства для ухода за волосами, и каким муссом пользуется; перебрав множество вариантов, я думаю, что это — Тен-Х.

Входит Грег Макбрайд и останавливается возле моего кресла.

— Смотрел сегодня Шоу Патти Винтерс? Потрясающе. Просто потрясающе. — Мы пожимаем друг другу руки, и он садится между Дибблом и Ллойдом. Бог его знает, откуда они тут взялись.

Кевин Форрест, вошедший вместе с Чарльзом Мерфи, говорит:

— Я так и не дождался звонка. Зуб даю, это все Фелиция.

Я даже не обращаю внимания на то, как они одеты, но вдруг ловлю себя на том, что смотрю на антикварные запонки Мерфи с голубыми хрустальными «глазками».

ВИДЕО ПРОКАТ И D'AGOSTINO'S

Я брожу по Video Visions (это видеопрокат, который находится рядом с моей квартирой в Вест Сайде), и посасываю диетическую пепси из баночки, в наушниках моего плеера Sony играет Кристофер Кросс. После работы мы с Монтомгери поиграли в ракетбол, потом я пошел на массаж шиацу и встретился с Джессом Ллойдом, Джеми Конвеем и Кевином Форрестом, чтобы выпить в «Rusty's» на Тридцать седьмой. Сегодня на мне шерстяное пальто от Ungaro Uomo Paris, в руках — портфель Bottega Veneta и зонтик от Georges Gaspar. Народу в прокате больше обычного. В очереди передо мной слишком много семейных пар, так что я не могу взять «Исправительную колонию для трансвеститов» или «Пизденку Джинджер» так, чтобы не чувствовать себя неловко, к тому же, я уже столкнулся с Робертом Эйлом из «First Boston» в отделе ужастиков, или мне просто показалось, что это был Роберт Эйлс. Проходя мимо, он буркнул: «Привет, Макдональд»; — в руке он держал кассету с седьмой частью «Пятницы, 13» и документальный фильм про аборт; я успел заметить, что у него отменный маникюр, но впечатление портили часы Rolex из поддельного золота.

Поскольку порнография мне сегодня явно не светит, я брожу по отделу комедий, и чувствую себя так, как будто меня изнасиловали; я беру фильм Вуди Аллена, но мне этого мало. Прохожу через отдел музыкального видео — там ничего, — захожу в комедийные ужастики — тоже ничего, — и вдруг меня прошибает какое-то непонятное беспокойство. Здесь, блядь, слишком много кассет, я не знаю, что выбрать. Захожу за большой рекламный щит с постером новой комедии с Дэном Эйкройдом и принимаю две таблетки валиума по пять миллиграмм, запивая их диетической пепси. Потом, уже почти на автопилоте, словно меня кто-то запрограммировал, я беру с полки кассету с «Двойным телом», — я брал этот фильм уже тридцать семь раз, — и иду к кассе, где мне приходится ждать почти двадцать минут, после чего меня обслуживает какая-то некрасивая девица (фунтов пять лишнего веса, сухие вьющиеся волосы). На ней мешковатый свитер, не поддающийся идентификации — но точно не дизайнерский, — вероятно, она его носит с единственной целью, чтобы никто не заметил отсутствие груди, и хотя глаза у нее действительно красивые — кого это ебет? Наконец, подходит моя очередь. Я отдаю ей пустые коробки.

— Это все? — спрашивает она, забирая мою карточку. На мне черные перчатки от Mario Valentino. Членство в этом прокате стоит мне всего двести пятьдесят долларов в год.

— У вас есть фильмы с Джеми Герцц? — спрашиваю я, пытаясь заглянуть ей в глаза.

— Что? — рассеянно спрашивает она.

— У вас есть фильмы с Джеми Гертц?

— С кем? — Она забывает что-то в компьютер и говорит, не глядя на меня. — На сколько дней будете брать?

— На три, — говорю я. — Вы что, не знаете, кто такая Джеми Гертц?

— Нет, не знаю. — Она вздыхает.

— Джеми Гертц, — говорю я. — Она актриса.

— Я не знаю ее, — говорит она таким тоном, как будто я до нее домогаюсь, но ее тоже можно понять: она работает в видеопрокате, такая сложная работа, так что ее стервозность вполне оправдана, правильно? Что бы я сделал с этой девицей, будь у меня молоток, какие слова я бы выбил у нее на теле, будь у меня ледоруб! Она отдает мои коробки парню, стоящему у нее за спиной, и я делаю вид, что не замечаю его испуга, когда он видит коробку из-под «Двойного тела» и узнает меня, — но все же ему приходится пойти в подсобку, чтобы принести мне кассеты.

— Вы ее наверняка знаете, — вежливо говорю я. — Она снимается в рекламе диетической пепси. Вы должны знать.

— Нет, я такую не знаю, — говорит она, и ее монотонный голос выводит меня из себя. Она вбивает в компьютер названия фильмов, которые я беру, и мой регистрационный номер.

— Мне нравится в «Двойном теле» один момент... где женщину трахают до смерти... электродрелью... — говорю я, почти задыхаясь. В прокате вдруг становится очень жарко, я бормочу себе под нос: «О господи», — и опираюсь рукой о прилавок, чтобы унять дрожь. — И кровь льется с потолка. — Я делаю глубокий вдох, голова ритмично покачивается, я продолжаю что-то говорить и сглатываю слюну, думая об одном: мне надо увидеть ее обувь. — Я пытаюсь заглянуть под прилавок, чтобы посмотреть, какая на ней обувь, но, к моему прискорбию, это всего лишь кроссовки — не K-Swiss, не Tretorn, не Adidas, не Reebok, а какая-то дешевка.

— Распишитесь здесь. — Она отдает мне кассеты, даже не посмотрев в мою сторону, она не хочет понимать, кто я на самом деле; дыша тяжело и сбивчиво, она переходит к следующим клиентам, семейной паре с маленьким ребенком.

По пути домой я захожу в D'Agostino's и покупаю на ужин две большие бутылки ПерьеPerrier, упаковку кока-колы, головку салата рукола, шесть киви среднего размера, бутылку тархунного уксуса, банку сметаны, упаковку тапас, тофу и у кассы беру батончик из белого шоколада.

Я выхожу из магазина, не обращая внимания на бомжа, который просит милостыню под плакатом «Отверженных», у него в руках картонка с надписью: Я ПОТЕРЯЛ РАБОТУ Я ХОЧУ ЕСТЬ У МЕНЯ НЕТ ДЕНЕГ ПОМОГИТЕ ПОЖАЛУЙСТА. У него на глаза наворачиваются слезы, когда я проделываю с ним трюк под названием подражни-бомжа-долларовой-купюрой, а потом говорю:

— Господи, побрейся ты, что ли.

И тут мой взгляд, как радар, засекает красный «Ламборджини-Countach», припаркованный у тротуара, он сияет в свете уличных фонарей, и я замираю на месте, с трудом глотаю таблетку валиума, и он неожиданно бьет мне в голову, причем весьма ощутимо, и все вдруг становится далеким и абсолютно неважным: черные парни под крэком идут к ближайшей дискотеке, стая голубей вьется в небе, сирены скорой помощи, гудящие такси, какая-то крошка в платье от Betsey Johnson, — это все тает и дергается, как при покадровой фотосъемке — но при этом как будто в замедленной киносъемке, — солнце садится, город темнеет, а я вижу только красный «Ламборджини» и слышу только собственное ровное, тяжелое дыхание. Не знаю, сколько прошло времени, но я все еще стою там и пускаю слюни.

У КОСМЕТОЛОГА

Я ухожу с работы в четыре тридцать, иду в Xclusive и занимаюсь там со свободными весами ровно час, — потом беру такси и еду через парк в салон Gio's, расположенный в гостинице Piaget, чтобы сделать массаж лица, маникюр, а если время позволит, то и педикюр. Я лежу на высоком столе в одном из кабинетов и жду Хельгу, моего косметолога, которая займется моим лицом. Моя рубашка от Brooks Brothers и костюм от Garrick Anderson висят в шкафу, туфли без шнурков от A.Testoni стоят на полу, носки за тридцать долларов от Barney's засунуты внутрь туфель; на мне остались только шестидесятидолларовые трусы-боксеры от Comme des Garcons. Легкая рубашка, которую я должен был надеть, осталась в душе; я хочу, чтобы Хельга видела мое тело, чтобы она увидела мою грудь, чтобы она заметила, каким крепким и, блядь, накачанным стал у меня живот с тех пор, как мы с ней виделись в последний раз, хотя, честно сказать, она старше меня — ей лет тридцать или даже тридцать пять — и я вообще не собираюсь ее ебать ни под каким видом. Я потихоньку пью диетическую пепси, которую мне принес Марио, служащий — я попросил пепси с измельченным льдом, хотя пить мне не хочется. Я беру сегодняшний номер Post, который лежит на стеклянном журнальном столике от Smithly Watson, и

просматриваю колонку светских сплетен, потом мне на глаза попадает статья про этих тварей, которые наполовину птицы, наполовину грызуны — по сути дела, это голуби с крысиными головами и хвостами, — их обнаружили где-то в канализации в центральной части Гарлема, когда они пытались пробраться к центру города. Статью сопровождает нечеткая фотография, но эксперты, по утверждению Post, полностью убеждены в том, что это фальшивка. Как обычно, эта история не пугает меня — напротив, я испытываю смутное раздражение, когда думаю о том, сколько времени и сил потратил какой-то дурак, чтобы это придумать: подделать фотографию (да и подделка, надо заметить, паршивая; штуковина на снимке похожа на ебанный бигмак), послать фотографию в Post, потом Post долго думает (споры, дебаты, попытки в последнюю минуту послать это к черту), нужно напечатать фото, нужно, чтобы кто-нибудь написал статью, взял интервью у экспертов, и, в итоге, статью все-таки публикуют в сегодняшнем номере на третьей странице, чтобы сотни тысяч людей обсуждали ее за обедом.. Я закрываю газету и, устав от раздумий, просто лежу и смотрю в потолок.

Дверь в кабинет открывается, и появляется девушка, которую я раньше не видел. Она входит, сквозь прикрытые веки я вижу, что она достаточно молодая, судя по всему, итальянка и выглядит на все сто. Она улыбается, садится в кресло у моих ног и приступает к педикюру. Она выключает весь верхний свет, за исключением галогеновых светильников, освещающих мои ноги, руки и лицо; комната сразу погружается во мрак, и теперь я уже не могу разглядеть, какое у нее тело, я вижу только ее ботинки из серой замши и черной кожи от Maud Frizon. В сегодняшнем «Шоу Патти Винтерс» рассказывали об НЛЮ, которые убивают людей. Появляется Хельга.

— А, мистер Бэйтмен, — говорит Хельга. — Как поживаете?

— Все хорошо, Хельга, — говорю я, напрягая мышцы живота и груди. Глаза у меня закрыты, и кажется, что мышцы действуют сами по себе, без моего участия. Но Хельга аккуратно надевает на меня рубашку и застегивает ее, делая вид, что она не замечает волнообразных движений под чистой загорелой кожей.

— Быстро вы к нам вернулись, — говорит она.

— Я был тут два дня назад, — говорю я смущенно.

— Я знаю, но... — она замолкает и идет к раковине мыть руки. — Ладно, неважно.

— Хельга? — говорю я.

— Да, мистер Бэйтмен?

— Я шел сюда и увидел пару мужских мокасинов от Bergdorf Goodman, они стояли около соседнего кабинета, кажется, их должны почистить. Чьи они, ты не знаешь? — говорю я.

— Мистера Эрлангера, — говорит она.

— Мистера Эрлангера из Lehman's?

— Нет, мистера Эрлангера из Salomon Brothers.

— Я тебе когда-нибудь говорил, что мне хочется надеть маску с такой желтой рожницей и улыбкой во весь рот, включить CD-версию песни Бобби Макферрина «Don't Worry, Be Happy», взять девушку и собаку — колли, чау-чау или шарпея, неважно — а потом включить аппарат для переливания крови и перелить кровь собаки в тело этой девки, ну и наоборот, разумеется... я тебе этого никогда не говорил?

Пока я говорю, я слышу, как девушка, которая занимается моими ногами, начинает тихонько напевать себе под нос одну из песен из «Отверженных», потом Хельга проводит мне по лицу влажным ватным шариком, чтобы очистить поры. Я истерически смеюсь, делаю глубокий вдох и дотрагиваюсь до груди — ожидая, что мое сердце бьется сейчас быстро и нетерпеливо, но из груди не доносится не звука, такое ощущение, что я уже умер.

— Тише, мистер Бэйтмен, — говорит Хельга, проводя мне по лицу губкой из люфы, которая колется, а потом холодит кожу. — Расслабьтесь.

— Хорошо, — говорю я. — Расслабляюсь.

— Мистер Бэйтмен, — говорит Хельга, — у вас такое шикарное тело. Сколько вам лет, если не секрет?

— Двадцать шесть.

— Ага, тогда понятно. Такая чистая и гладкая кожа. — Она вздыхает. — Просто расслабьтесь.

Я плыву по течению, я закрываю глаза, песня «Don't Worry, Babe» в попсовой версии звучит у меня в голове и вымывает оттуда все плохие мысли, я думаю только о позитивных вещах — о свидании с девушкой Маркуса Холберстама, Сесилией Вагнер, которое назначено у меня на сегодняшний вечер, о пюре из турнепса в Union Square Cafe, о том, как я катался на лыжах с горы Баттермилк в Аспене на прошлое Рождество, о новом диске Huey Lewis and the News, о белых рубашках от Ike Behar, дизайнера Joseph Abboud, о красивых телках, смазанных маслом, которые лизут друг другу писечки и попочки под ярким светом юпитеров, о горах руколы и

кориандровых листьев, о моем загаре, о том, как выглядят мои мышцы спины, когда у меня в ванной на них падает свет под правильным углом, о том, как руки Хельги ласкают мое лицо, мою гладкую кожу, втирают в нее кремы, лосьоны и тоники, как она восхищенно шепчет: «О, мистер Бэйтмен, у вас такое чистое лицо, такое гладкое, такое чистое...» — о том, что мне не приходится жить в трейлере и работать в боулинге, не приходится ходить на хоккей и есть ребрышки-барбекью, о том, как выглядит здание AT&T в полночь, только в полночь. Входит Джинни и садится делать мне маникюр, сначала она стрижет ногти, потом полирует их, чтобы сгладить все оставшиеся неровности.

— В следующий раз мне хотелось бы, чтобы ногти были подлиннее, Джинни, — говорю я ей.

Она молча опускает мои пальцы в теплый ланолиновый крем, потом сушит обе руки и наносит увлажнитель для кутикулы, потом отодвигает кутикулу деревянной палочкой и чистит под ногтями другой деревянной палочкой с намотанной на нее ваткой. Она массирует мне руки и запястья тепловым массажером и под конец полирует ногти: сначала замшей, а затем специальным лосьоном.

СВИДАНИЕ С ЭВЕЛИН

Эвелин звонит, когда я уже разговариваю по двум линиям, и я бы не брал третий звонок, но на второй линии я жду ответа от Баллока, метрдотеля нового ресторана Davis Francois на Централ Парк Сауф, не отказался ли кто-нибудь от заказанного столика, чтобы Кортни (которая ждет на первой линии) и я могли поужинать, так что я принимаю третий звонок в надежде, что это из химчистки. Но нет, это Эвелин и хотя это совсем некрасиво по отношению к Кортни, я отвечаю на звонок. Потом я говорю Кортни, что звонит Пол Оуэн, и что я увижусь с ней в восемь в «Turtles» и отказываюсь от разговора с метрдотелем Баллоком. Эвелин сейчас в гостинице Карлайл, поскольку женщину, жившую в соседнем доме, вчера ночью обнаружили убитой, обезглавленной, и поэтому Эвелин абсолютно потрясена. Она была не в состоянии пойти сегодня на работу и потому провела утро на массаже лица в Elizabeth Arden, пытаюсь успокоиться.

Она требует, чтобы мы поужинали сегодня вместе, и, прежде чем мне удастся придумать правдоподобную ложь, приемлемое оправдание, она говорит:

— Патрик, где ты был вчера вечером?

Я медлю.

— А что такое? А где ты была? — спрашиваю я, жадно глотая из литровой бутылки Evian, все еще слегка потевая после дневной тренировки.

— Ругалась с портье в Карлайле, — говорит она, голос довольно ошалевший. — Скажи мне, Патрик, где ты был?

— А из-за чего ты с ним ругалась? — спрашиваю я.

— Патрик, — произносит она требовательно.

— Да, я тут, — говорю я через минуту.

— Патрик. Это неважно. В моей комнате телефон только с одной линией, и никаких звонков на него не было, — говорит она. — Где ты был?

— Я... болтался по прокатам видеокассет, — отвечаю я, и, довольный своей сообразительностью, сам себе пожимаю руку, прижав телефонную трубку подбородком.

— Я хотела прийти, — говорит она писклявым, девчоночьим голосом. — Мне было страшно. Мне и сейчас страшно. Разве ты не слышишь по голосу?

— Вообще-то слышу что угодно, только не это.

— Нет, Патрик, серьезно. Я просто в ужасе, — говорит она. — Меня трясет. Я дрожу, как лист осинового.

Спроси Миа, мою массажистку. Она сказала, что я была напряжена.

— Ну, — говорю я, — ты все равно бы не могла прийти.

— Милый, почему нет? — ноет она, потом обращается к кому-то, кто только что вошел в ее номер. —

Перевезите ближе к окну... нет, к тому окну... и вы можете мне сказать, где эта проклятая массажистка?

— Потому что голова твоей соседки была у меня в морозильнике, — зеваю я, потягиваясь. — Слушай.

Ужинаем? Где? Ты меня слышишь?

В восемь тридцать мы сидим напротив друг друга в «Баркадии». На Эвелин жакет из вискозы от Anne Klein, юбка из шерстяного крепа, шелковая блузка из Bonwit's, антикварные золотые с агатом серьги из James Robinson, которые стоят примерно четыре тысячи долларов. На мне двубортный костюм, шелковая сорочка с ткаными полосами, шелковый галстук с узором и кожаные туфли, все от Gianni Versace. Я так и не отказался от заказа столика в «Turtles» и не сообщил Кортни, что не приду, так что она, вероятно, появилась там около четверти девятого, в полном замешательстве, и если она не принимала сегодня элавил[18]], то, вероятно, она в

бешенстве, и над этим фактом (а вовсе не над бутылкой шампанского Cristal, которую заказала Эвелин и в которую потом налила кассис) я громко смеюсь. Большую часть дня я провел, покупая себе первые рождественские подарки — пару больших ножниц я купил в аптеке рядом с городским советом, нож для распечатывания писем в Hammacher Schlemmer, нож для сыра в Bloomingdale's (он сочетается с доской для сыра, которую Джин, моя секретарша, влюбленная в меня, оставила на моем столе, пока я был на заседании). Сегодня утром Шоу Патти Винтерс было о ядерной войне и, по мнению комиссии экспертов, шансы на то, что она начнется в течение следующего месяца, довольно велики. Лицо Эвелин кажется белым как мел, ее рот очерчен фиолетовой губной помадой, создающей какой-то пугающий эффект, и я понимаю, что Эвелин с некоторым запозданием приняла совет Тима Прайса перестать пользоваться лосьоном для загара. Вместо того, чтобы заговорить об этом и выслушать в ответ, как она тупо будет это отрицать, я спрашиваю ее о Мередит, подруге Тима, которую по причинам, всегда остававшимся для меня неясными, Эвелин недолюбливает. В черном списке Эвелин есть и Кортни, но причины тут понятнее — слухи обо мне и Кортни. Когда понятливая официантка, по просьбе Эвелин, делает попытку добавить в мой Cristal черничного кассиса, я закрываю стакан с шампанским рукою.

— Спасибо, не надо, — говорю я ей. — Может быть, позже. В отдельный фужер.

— Зануда, — хихикает Эвелин, затем резко втягивает воздух. — Но пахнет от тебя хорошо. Что ты носишь — Obsession? Ты, зануда, это Obsession?

— Нет, — мрачно отвечаю я. — Paul Sebastian.

— Разумеется, — улыбается она, допивая второй стакан. Настроение ее значительно улучшилось, она веселится вовсю — этого не ожидаешь от человека, соседке которого за несколько секунд отрезали голову электропилой, пока та ещё находилась в сознании. На мгновение глаза Эвелин вспыхивают в свете свечей и возвращаются к обычному бледно-серому цвету.

— Как Мередит? — спрашиваю я, стараясь скрыть отсутствие интереса.

— Боже мой, она встречается с Ричардом Каннингхемом, — стонет Эвелин. — Он в First Boston. Ты можешь поверить в это?

— Знаешь, — замечаю я, — Тим все равно собирался порвать с ней. Так сказать, расстаться.

— Но почему? — удивленно спрашивает заинтригованная Эвелин. — У них в Хемптонсе было просто божественно.

— Я помню, он рассказывал мне, что его до смерти достало смотреть, как она все выходные занималась только своими ногтями.

— О господи, — произносит Эвелин, а затем с неподдельным замешательством спрашивает: — То есть... подожди, неужели у нее не было маникюры?

— Тим довольно часто повторял, что в ней индивидуальности, как в ведущей телешоу.

Она улыбается сама себе, таинственно:

— Тим — прохвост.

Я лениво размышляю над тем, стала бы Эвелин спать с другой женщиной, если бы я привел ее к ней домой, и позволили бы они мне понаблюдать за этим, если бы настаивал. Разрешили бы они указывать им, что делать, расположить их под яркими галогенными лампами? Вероятно, нет; шансы, похоже, невелики. А если бы я заставил ее под прицелом? Пригрозил бы расчленив их обеих, если они не согласятся? Идея не кажется непривлекательной и я вполне представляю себе сценарий. Я принимаюсь считать пиршества, проходящие в зале, затем — людей, которые там сидят.

Она спрашивает меня о Тиме.

— Как ты думаешь, где может быть этот мошенник? Ходят слухи, что он в Sachs, — зловеще спрашивает она.

— Ходят слухи, — отвечаю я, — что он лечится. Это шампанское недостаточно охлажденное, — я рассержен.

— Он что, не посылает тебе открытки?

— Он болен? — спрашивает она с едва уловимой тревогой.

— Да, кажется, — говорю я. — Кажется, именно так. Знаешь, если уж ты заказываешь бутылку Cristal, то оно по крайней мере должно быть холодным.

— О боже, — произносит Эвелин. — Ты думаешь, он болен?

— Да. Он в больнице. В Аризоне, — добавляю я.

Слово Аризона имеет привкус таинственности и я повторяю его снова:

— Кажется, в Аризоне.

— О боже, — восклицает Эвелин, теперь неподдельно встревоженная, и залпом допивает оставшееся в стакане

шампанское.

— Кто его знает? — мне удается едва заметно пожать плечами.

— Ты не думаешь... — Она делает вдох и ставит стакан на стол. — Ты не думаешь, что это, — она окидывает взглядом ресторан, перед тем как наклониться вперед, и говорит мне шепотом, — СПИД?

— Да нет, ну что ты, — говорю я, и тут же думаю, что следовало помедлить, чтобы она испугалась. — Просто... обычные... проблемы... — я откусываю кончик хлебной палочки с приправами ижимаю плечами, — с психикой...

Эвелин с облегчением вздыхает, потом спрашивает:

— Не жарковато ли здесь?

— У меня из головы не выходит плакат, который я видел на станции метро той ночью, когда убил двоих чернокожих ребят, — фотография теленка, он смотрит в камеру, глаза расширенные, он напуган вспышкой, его туловище словно в каком-то ящике, а ниже большими черными буквами написано: «Вопрос: Почему Этот Теленок Не Может Ходить?» И потом «Ответ: Потому Что У Него Всего Две Ноги». А потом я увидел еще один плакат, то же самое фото, тот же самый теленок, но под ним стояло: «Воздержитесь От Публикаций». — Я замолкаю, не выпуская из рук хлебную палочку, потом спрашиваю:

— Ты вообще слушаешь меня, или я рассказываю... э-э-э... ведерку со льдом?

Все это я произношу, глядя в упор на Эвелин, четко выговаривая слова, пытаюсь выразить себя, она открывает рот и я наконец жду, что она догадается, какой я на самом деле. Впервые за время нашего знакомства она пытается произнести что-то любопытное, я напрягаю внимание, и она спрашивает:

— Это что...

— Да? — лишь в этот единственный момент за весь вечер я испытываю искренний интерес к тому, что она скажет, и побуждаю ее продолжать:

— Да-да, я слушаю тебя?

— Это что... Ивана Трамп? — спрашивает она, указывая куда-то позади меня.

Я вихрем оборачиваюсь.

— Где? Где Ивана?

— За столиком впереди, вторая от, — Эвелин медлит, — от Брука Астора. Видишь?

Я шурюсь, надеваю свои очки без диоптрий от Oliver People, и понимаю, что Эвелин, чье зрение затуманило разбавленное кассисом шампанское Cristal, не только приняла Норрис Пауэл за Ивану Трамп, но и перепутала Стива Рубела с Бруком Астером. И я не могу сдержаться, я почти взрываюсь.

— Боже мой, боже мой, Эвелин, — обхватив голову руками, я издаю стон, подавленный, обманувшийся, мой адреналин прокис. — Как ты могла спутать эту блядь с Ивановой?

— Прости, — слышу я ее щебетанье. — Девичья оплошность?

— Это невыносимо, — шиплю я, крепко зажмурив глаза.

Наша симпатичная официантка, на которой атласные туфли с высокими задниками ставит два новых стакана для второй бутылки Cristal, заказанной Эвелин. Официантка надувает губы, когда я тянусь за следующей хлебной палочкой, а я поднимаю голову и в ответ надуваю свои, а потом вновь обхватываю голову руками, и когда она приносит наши закуски, все повторяется. Сушеные перцы в остром тыквенном супе для меня и пудинг из сушеной кукурузы и халапеньо для Эвелин. Все это время (между тем, как она ошибочно приняла Норрис Пауэл за Ивану Трамп, и закусками) я продолжаю прикрывать уши руками, пытаюсь заблокировать ее голос, но сейчас я голоден и потому на пробу убираю от уха правую руку. Ее скулеж сразу же оглушает меня.

— ...Цыпленок тандури и фуа гра, много джаза, он обожает Савой, но икра селедки, цвета были восхитительные, алоэ, раковины, цитрусовые, Morgan Stanley...

Мои руки взлетают на прежнее место, прижимаясь к ушам еще крепче. Но голод вновь берет власть надо мной и, громко урча, я снова берусь за ложку, однако это безнадежно; голос Эвелин на той особенной высоте, которую нельзя оставить без внимания.

— Грегори скоро оканчивает Сен-Поль и с сентября будет учиться в Колумбийском, — говорит Эвелин, тщательно дуя на свой пудинг, который, кстати, подается холодным. — Я должна сделать ему подарок по случаю выпускного, и я в полной растерянности. Какие будут предложения, а?

— Постер «Отверженных»? — говорю я, шутя только наполовину.

— Превосходно, — откликается она, вновь дуя на пудинг, потом, отхлебнув шампанского, строит гримасу.

— Да, дорогая? — спрашиваю я, выплевывая семечко тыквы, описывающее в воздухе дугу, прежде чем элегантно приземлиться в пустую пепельницу вместо платья Эвелин, в которое я целился. — М-м-м?

— Надо заказать еще кассиса, — говорит она. — Ты не позовешь нашу официантку?

— Разумеется, надо, — добродушно отвечаю я, и продолжаю с улыбкой: — Я не имею ни малейшего представления, кто такой Грегори. Ты ведь это знаешь, верно?

Эвелин аккуратно кладет свою ложку рядом с пудингом и смотрит мне в глаза.

— Мистер Бэйтмен, вы мне действительно нравитесь. Я обожаю ваше чувство юмора.

Она слегка пожимает мою руку и смеется, точнее, произносит: «Ха, ха, ха...». Но она серьезна, это не шутка: Эвелин действительно делает мне комплимент. Она в восторге от моего чувства юмора. Наши закуски уносят и тут же приносят «антре», так что Эвелин вынуждена убрать свою руку с моей, чтобы освободить место для тарелок. Она заказала кукурузные тортильи, фаршированные перепелкой, а к ним — устрицы в картофеле. Я взял кролика со орегонскими сморчками и картофелем-фри.

— ...Он учился в Дирфилде, потом в Гарварде. Она училась в Хотчкиссе, потом в Рэдклифе...

Эвелин говорит, но я не слушаю. Ее слова накладываются на ее же слова, ее рот движется, но я ничего не слышу и не могу слышать, не могу сосредоточиться, потому что мой кролик вырезан... в... форме... звезды! Вокруг него — ломтики картофеля, похожие на шнурки, а по ободку огромной тарелки из белого — фарфора — толстый слой томатного соуса salsa, и все это должно создавать впечатление заката, но мне это кажется похожим на крупную огнестрельную рану, и медленно, недоверчиво качая головой, я тыкаю пальцем в мясо, — там остается отпечаток сначала одного пальца, затем другого, потом я хочу вытереть руку салфеткой, но только не моей. Эвелин не прерывает свой монолог — она изысканно болтает и жует; — соблазнительно улыбаясь ей, под столом я хватаю ее за ногу и вытираю руку. Не прекращая болтовню, она шаловливо улыбается мне, потягивая шампанское. Я продолжаю изучать ее лицо, мне уже надоела его безупречная красота, и я думаю — как странно, что Эвелин столько мне помогала, что она всегда была рядом, когда я в ней сильнее всего нуждался. Я вновь смотрю на тарелку, — теперь я уже точно не голоден. Я беру вилку, пару минут пристально изучаю тарелку, хнычу про себя, потом вздыхаю вслух, и откладываю вилку. Вместо нее я беру стакан с шампанским.

— ...Гротон, Лоуренсвилл, Милтон, Эксетер, Кент, Сен-Поль, Хотчкисс, Эндовер, Милтон, Чоут... ой, я уже называла Милтон...

— Раз уж я сегодня не ем, то я хочу кокаина, — заявляю я. Но я не перебил Эвелин, — ее невозможно остановить, она тараторит как автомат.

— У Джей Симпсон была такая прекрасная свадьба, — вздыхает она. — А прием, который состоялся позже, — это вообще что-то. Это было в клубе «Чернобыль», отчет был в Page Six[19]]. Билли писал его. WWD[20]] сделало репортаж.

— Я слышал, что там давали не больше двух напитков, — осторожно вставляю я и делаю знак ближайшему официанту, чтобы он убрал мою тарелку.

— Свадьба — это так романтично. У нее — бриллиантовое обручальное кольцо. Знаешь, Патрик, на меньшее я не согласна, — застенчиво говорит она. — Оно должно быть бриллиантовым.

Ее глаза покрываются поволокой, она пытается восстановить в памяти все подробности свадьбы:

— Был банкет на пятьсот... нет, прости, на семьсот пятьдесят человек, после которого подали пятиметровый слоеный торт со сливочным мороженым. Платье было от Ральфа, с белыми кружевами, длинное, без рукавов. Очень милое. Патрик, а ты бы что надел? — вздыхает она

— Я бы настоял на темных очках Ray-Ban. Дорогой модели, — осторожно говорю я. — Я бы даже потребовал, чтобы все надели темные очки Ray-Ban.

— А я бы хотела, чтобы играли зидеко[21]]. Вот чего бы я хотела. Чтобы играли зидеко, — на одном дыхании выпаливает она. — Или мариачи[22]]. Или реггей. Что-нибудь этническое, чтобы папочка был шокирован. Ой, я не могу решить, что лучше.

— А я бы принес на церемонию автомат Калашникова, — торопливо говорю я, потому что мне это надоело, — с дисковым магазином, чтобы после того, как я разнесу башку твоей жирной мамаше, мне бы еще хватило на твоего педерастического братца. И хотя лично мне не нравится пользоваться тем, что сделано в Советском Союзе, «калашников» напоминает мне... — смутившись, я делаю паузу, рассматривая вчерашний маникюр, потом снова смотрю на Эвелин, — может, он напоминает мне «Столичную»?

— Да, а ещё там было полно шоколадных трюфелей. «Годива». И устрицы. Устрицы на половиночках раковин. Марципан. Розовые шатры. Сотни, тысячи роз. Фотографы. Анна Лейбовиц, — восторженно говорит она. — И мы тоже пригласим кого-нибудь, чтобы нас засняли на видео.

— Или AP-15. Тебе бы понравился, Эвелин; это самое дорогое оружие, но стоит каждого пенни, — подмигиваю

я ей. Но она все еще говорит, ничего не слышит, ничего не замечает. Ни одно мое слово до нее не доходит. Моя сущность ускользает от нее. Она приостанавливает свой напор, вздыхает и смотрит на меня, — глаза у нее, что называется, «на мокром месте». Коснувшись моей руки, моих часов Rolex, она ещё раз вздыхает (теперь я этого ожидал), и говорит:

— И нам тоже нужно....

Боковым зрением я пытаюсь посмотреть на нашу фигуристую официантку, — она нагибается, чтобы поднять упавшую салфетку. Не глядя на Эвелин, я спрашиваю:

— Нам нужно... что?

— Пожениться, — говорит она, моргая. — Устроить свадьбу.

— Эвелин?

— Да, дорогой?

— У тебя что, кир... с добавками?

— Нам нужно это сделать, — мягко говорит она. — Патрик...

— Ты что, делаешь мне предложение? — смеюсь я, пытаюсь понять, что ей движет. Я забираю у нее стакан и нюхаю его ободок.

— Патрик? — спрашивает она, ожидая моего ответа.

— Господи, — говорю я, озадаченный. — Я не знаю.

— Но почему нет? — раздраженно спрашивает она. — Есть у тебя хоть одна веская причина?

— Потому что пытаться трахать тебя все равно, что делать куннилингус крошечной... живой...

мышке-песчанке, — отвечаю я ей, — ну не знаю.

— Ну и что? — говорит она.

— ...у которой на зубах брекеты, — довершаю я, пожимая плечами.

— Ну и что ты собираешься делать? — спрашивает она. — Ждать три года, пока тебе не исполнится тридцать?

— Четыре года, — говорю я, сверкнув глазами. — Мне будет тридцать через четыре года.

— Четыре года. Три года. Три месяца. Боже мой, ну какая разница? Ты все равно состаришься, — она убирает свою руку с моей, — знаешь, если бы ты был на свадьбе Джейн Симпсон, ты бы так не говорил. Если бы ты только взглянул на нее, ты бы сразу же захотел бы на мне жениться.

— Но я был на свадьбе Джейн Симпсон, Эвелин, любовь моя, — говорю я. — Я сидел рядом с Сахрит Гейбел. Поверь мне, я был там.

— Ты невозможный, — ноет она, — зануда.

— А может, и не был, — вслух размышляю я, — может, я... а MTV ее показывало?

— У них был такой романтичный медовый месяц. Через два часа они были на Конкорде. Они летели в Лондон. — Эвелин вздыхает, ее рука подпирает подбородок, на глазах слезы.

Не обращая на нее внимание, я тянусь в карман за сигарой, вытаскиваю ее, постукиваю ей по столу. Эвелин заказывает три сорта шербета: арахисовый, лакричный и с пончиком. Я заказываю эспрессо без кофеина.

Эвелин дуется. Я зажигаю спичку.

— Патрик, — предостерегает она, глядя на пламя.

— Что? — спрашиваю я, моя рука, готовая поджечь кончик сигары, замерла на полпути.

— Ты не спросил позволения, — без улыбки произносит она.

— А я тебе говорил, что на мне трусы за шестьдесят долларов? — спрашиваю я, стараясь доставить ей удовольствие.

ВТОРНИК

Сегодня в Puck Building — торжественная вечеринка по случаю презентации нового профессионального компьютеризированного гребного тренажера, и после того, как мы сыграли в сквош с Фредериком Дибблом, выпили в «Naggy's» с Джеми Конвэем, Кевином Уинном и Джейсоном Глэдвином, мы садимся в лимузин, который Кевин снял на ночь, и едем развлекаться. На мне жаккардовый жилет с V-образным вырезом от Kilgour, French&Stanley, купленный в Barney's, шелковый галстук от Saks, лакированные туфли от Baker-Benjes, старинные бриллиантовые запонки из галереи Kentshire и серое шерстяное пальто с рукавами-реглан и высоким воротником от Luciano Soprani. Бумажник из страусиной кожи от Bosca, в котором четыреста долларов наличными, лежит в заднем кармане черных шерстяных брюк. Вместо Rolex я сегодня надел четырнадцатикратные золотые часы от H. Stern.

Я бесцельно слоняюсь по танцевальному залу на первом этаже Puck Building, пью плохое шампанское (может быть, Bollinger неурожайного года?) из пластиковых стаканчиков, закусываю кусочками киви, украшенными

козьим сыром, и шарю глазами в надежде достать кокаина. Но вместо того, чтобы найти хоть кого-нибудь, кто знает дилера, на ступеньках я сталкиваюсь с Кортни. На ней — полупрозрачное обтягивающее боди (шелк с хлопком) и кружевные брюки со стразами. Она напряжена и просит меня держаться подальше от Луиса, он вроде бы что-то подозревает. Оркестр играет бездарные версии каких-то хитов шестидесятых годов.

— Что, например, он подозревает? — спрашиваю я, оглядываясь по сторонам. — Что дважды два — четыре? Что ты — Нэнси Рейган?

— Не ходи с ним на обед в Йельский клуб на следующей неделе, — говорит она, улыбаясь фотографу, который как раз в этот момент нас снимает.

— Сегодня ты выглядишь... просто роскошно. Возбуждающе выглядишь, — говорю я, дотрагиваясь до ее шеи и провожу пальцем по подбородку до нижней губы.

— Я не шучу, Патрик. — Улыбаясь, она машет Луису, неуклюже танцующему с Дженнифер Морган. На нем — кремовый шерстяной пиджак, шерстяные брюки, хлопчатобумажная рубашка и шелковый карманный платок от Paul Stuart. Он машет ей в ответ. Я показываю ему большой палец.

— Какой мужлан, — грустно шепчет Кортни себе под нос.

— Ну все, я ухожу, — говорю я, приканчивая шампанское. — А ты, может, пойдешь потанцуешь с... кондомом с кончиком?

— Ты куда? — говорит она, хватая меня за руку.

— Кортни, я не хочу испытать на себе еще один из твоих... эмоциональных всплесков, — говорю я ей. — Кроме того, канапе здесь дерьмовые.

— Куда ты собрался? — повторяет она. — Я хочу знать подробности, мистер Бэйтмен.

— А тебя почему это волнует?

— Потому, что я хочу знать, — говорит она. — Ты ведь не к Эвелин собираешься, правда?

— Может быть, — вру я.

— Патрик, — говорит она. — Не оставляй меня тут. Я не хочу, чтобы ты уходил.

— Мне нужно вернуть видеокассеты, — снова вру я и вручаю ей свой пустой стаканчик из-под шампанского как раз в тот момент, когда где-то поблизости сверкает очередная фотовспышка. Я ухожу.

Оркестр наигрывает бодрую вариацию «Life in the Fast Lane», и я оглядываюсь в поисках клевых телок. Чарльз Симпсон — или кто-то, очень на него похожий, — зачесанные назад волосы, подтяжки, очки от Oliver Peoples, — жмет мне руку, орет: «Привет, Уильямс», — и приглашает меня в компанию, где будет Александра Крэйг, в «Nell's» завтра около полуночи. Я похлопываю его по плечу и говорю, что приду обязательно.

Я стою на улице, курю сигару, глядя на небо, и тут замечаю Рида Томпсона, выкатывающегося из Puck Building со своей свитой — Джейми Конвеем, Кевином Уинном, Маркусом Холберстамом, но девочек нет. Он зовет меня поужинать вместе с ними, и хотя я подозреваю, что у них есть наркотики, вечер в этой компании не предвещает мне ничего хорошего, и я решаю не ходить с ними в то сальвадорское бистро, тем более, что столик у них не заказан, и не факт, что там будут свободные места. Я машу им на прощание рукой и перехожу через улицу, лавируя между лимузинами, уезжающими с вечеринки. Я иду по Бродвею в направлении от центра, останавливаюсь у банкомата и зачем-то снимаю еще сотню долларов, и сразу же чувствую себя лучше от того, что у меня в бумажнике лежит круглая сумма в пятьсот долларов.

Я забредаю в квартал антикварных лавок неподалеку от Четырнадцатой улицы. Мои часы остановились, так что я не знаю, сколько сейчас времени. Должно быть, около половины одиннадцатого. Мимо проходят черные парни, которые продают крэк или билеты на вечеринку в «Palladium». Я прохожу мимо газетного киоска, мимо химчистки и церкви, мимо закускойной. Улицы пустынные, единственный звук, нарушающий тишину, — случайное такси, которое едет в направлении Юнион-сквер. Парочка тощих гомиков проходит мимо как раз, когда я стою в телефонной будке, звоню домой, чтобы проверить сообщения на автоответчике, и разглядываю свое отражение в витрине антикварного магазина. Один из них свистит мне, другой смеется — мерзкий, мертвенный и обреченный звук. Ветер гонит по засранному переулку порванную программку «Отверженных». Фонарь гаснет. Какой-то мужик в пальто от Jean-Paul Gaultier отливает в аллее. Из канав поднимается туман, клубится густыми завитками и постепенно рассеивается. Мешки замерзшего мусора стоят вдоль тротуара. Бледная, низкая луна нависает прямо над крышей здания Крайслер. Где-то в районе Вест-Виллидж визжит сирена скорой помощи, ветер разносит ее по округе, звук отдается пронзительным эхом и умолкает.

Нищий попрошайка, черный, лежит на решетке канализации возле заброшенного антикварного магазина на Двенадцатой улице, в окружении мусорных мешков и магазинной тележки из Gristede's, загруженной, как я понимаю, его личными вещами: газетами, бутылками, алюминиевыми банками. На тележке висит табличка, на

которой накарябано от руки: «Я голодный и бездомный, помогите мне, пожалуйста». Рядом с ним лежит маленькая дворняжка, короткошерстная и тощая, как палка, самодельный поводок привязан к ручке тележки. Когда я прохожу здесь в первый раз, я не замечаю собаку. И только после того, как я обхожу квартал и возвращаюсь, я вижу, что она лежит на подстилке из газет, охраняя бомжа, а на ошейнике у нее написано большими буквами: «ГИЗМО». Собака смотрит на меня, радостно виляет своей облезлой пародией на хвост, а когда я протягиваю ей руку в перчатке, жадно ее лижет. Запах какой-то дешевой выпивки и экскрементов висит тяжелым, невидимым облаком, и мне приходится задержать дыхание, пока я не привыкну к этой кошмарной вони. Нищий просыпается, открывает глаза и зевает, демонстрируя жуткие черные зубы между потрескавшимися лиловыми губами.

Ему под сорок, он толстый и грузный, и когда он пытается сесть, мне удается рассмотреть его получше в свете уличного фонаря: многодневная щетина, тройной подбородок, красный нос с проступающими венами. На нем — что-то вроде ярко зеленого полиэстрового комбинезона, который кажется липким даже на вид, а поверх него — застиранные джинсы от Sergio Valente (видимо, хит сезона для бомжей) и разодранный оранжево-коричневый свитер с V-образным вырезом, заляпанный чем-то похожим на бургундское вино. Он либо очень пьяный, либо непроходимо тупой или чокнутый. Он даже не может сфокусировать на мне взгляд, когда я встаю над ним, загораживая свет фонаря. Я опускаюсь на колени.

— Привет, — говорю я и протягиваю ему руку, ту, которую облизала собака. — Я Пат Бэйтмен.

Нищий таращится на меня и тяжело дышит от напряжения, но потом ему все-таки удается сесть. Он не пожимает мне руку.

— Хочешь денег? — спрашиваю я ласково. — Хочешь... еды?

Нищий кивает и начинает плакать, слава богу.

Я достаю из кармана десятидолларовую банкноту, но потом, передумав, прячу десятку и достаю пятерку.

— Тебе это нужно?

Нищий снова кивает и отводит взгляд, стыда у него ни на грош, он шмыгает носом, прочищает горло и тихо говорит:

— Я такой голодный.

— К тому же, тут холодно, — говорю я. — Правда?

— Я такой голодный. — Он дергается, раз, другой, третий, потом смотрит куда-то в сторону, явно сконфуженный.

— Почему ты не устроишься на работу? — говорю я, держа банкноту в руке, но вне пределов его досягаемости. — Если ты такой голодный, то почему не найдешь работу?

Он тяжело вздыхает, вздрагивает, и между всхлипами признается:

— Я потерял работу...

— Почему? — спрашиваю я с неподдельным интересом. — Ты пил? Поэтому ты потерял работу?

Промышленный шпионаж? Шучу, шучу. Нет, если серьезно... ты пил на работе?

Он обнимает себя за плечи и сдавленно произносит:

— Меня уволили. Сократили.

Я сочувственно киваю.

— Черт, э... это и вправду ужасно.

— Я такой голодный, — говорит он и хнычет все громче, он так и сидит, обнимая себя за плечи. Его собака начинает выть.

— А почему ты не найдешь другую работу? — спрашиваю я. — Почему?

— Я не... — он кашляет, его трясет так, что он даже не может закончить фразу.

— Ты не — что? — спрашиваю я тихо. — Больше ничего не умеешь делать?

— Я голодный, — шепчет он.

— Знаю, знаю, — говорю я. — Господи, ты как пластинка заевшая, в самом деле. Я пытаюсь тебе помочь... —

Мое терпение скоро лопнет.

— Я голодный, — повторяет он.

— Слушай. Ты что, думаешь, это честно — брать — деньги у людей, у которых есть работа? У тех, кто работает?

Его лицо кривится, он задыхается, его голос дрожит.

— И что же мне делать?

— Послушай, как тебя зовут?

— Эл, — говорит он едва слышно.

— Что? Я не слышу? — говорю я. — Ну?

— Эл, — повторяет он чуть погромче.

— Черт возьми, найди себе работу, Эл, — говорю я серьезно. — У тебя негативный настрой. И это тебе мешает. Ты должен перебороть себя. Я тебе помогу.

— Вы такой добрый, мистер, такой добрый. Вы такой добрый человек, — бубнит он.

— Тс-с-с, — шепчу я. — Это пустяки. — Я глажу собаку.

— Пожалуйста, — говорит он, хватая меня за руку. — Я не знаю, что мне делать. Я так замерз.

— Ты знаешь, как от тебя плохо пахнет? — шепчу я, глядя его по лицу. — От тебя просто воняет, господи...

— У меня... — он задыхается и тяжело сглатывает. — Мне негде жить.

— Ты воняешь, — говорю ему я. — Ты воняешь... дерьмом. — Я все еще глажу собаку, глаза у нее — большие, влажные и благодарные. — Знаешь, что? Черт тебя подери, Эл, посмотри на меня и перестань ныть как какой-то педик, — кричу я. Ярость нарастает, захлестывает меня, и я закрываю глаза, и поднимаю руку, чтобы зажать нос, а потом вздыхаю. — Эл... извини. Это просто... я не знаю. У нас с тобой нет ничего общего.

Нищий не слушает. Он плачет так горько, что даже не может ответить. Я медленно кладу банкноту обратно в карман пиджака от Luciano Soprani, а другой рукой лезу в другой карман. Нищий неожиданно прекращает рыдать, садится и озирается, может, высматривает пятерку, а может — свою бутылку с дешевым пойлом. Я ласково прикасаюсь к его лицу и сочувственно шепчу:

— Да ты хоть знаешь, какой ты блядский неудачник?

Он беспомощно кивает, и я достаю из кармана длинный и узкий нож с зазубренным лезвием, и осторожно — чтобы не убить его, — втыкаю кончик ножа ему в правый глаз, примерно на полдюйма вглубь, и резко дергаю нож вверх, взрезая сетчатку.

Нищий слишком ошеломлен, чтобы хоть что-то сказать. Он только открывает рот и медленно подносит к лицу заскорузлую руку в грязной перчатке. Я срываю с него брюки и в свете проезжающего мимо такси смотрю на его вялые черные бедра, кожа раздражена и покрыта кошмарной сыпью, потому что он все время мочится прямо в свой комбинезон. Запах дерьма ударяет мне в нос, я уже дышу только через рот, по-прежнему стоя на коленях, я тыкаю ножом ему в низ живота, прямо над свалывшимся пучком грязных лобковых волос. Это слегка его протрезвляет, и он инстинктивно пытается прикрыться руками, а собака принимается лаять по-настоящему злобно, но не бросается на меня, а я все бью его ножом, теперь — сквозь пальцы, которыми он защищается, вонзаю нож в тыльные стороны его ладоней. Его разрезанный глаз висит в глазнице, но пьянчужка продолжает моргать, и то, что там еще оставалось, стекает по его щеке, словно красный яичный желток. Я хватаю одной рукой его голову, большим и указательным пальцами держу второй глаз открытым и погружаю лезвие в глазницу, сначала взрезаю сетчатку, так что глазница наполняется кровью, потом режу глазное яблоко, и только когда я разрезаю ему нос на две продольные половинки, он начинает кричать. Кровь брызжет на меня и на Гизмо, и собака моргает, чтобы кровь не попала в глаза. Я быстро вытираю лезвие о лицо нищего и случайно разрезаю ему щеку. По-прежнему стоя на коленях, я вырезаю у него на лице квадрат, лицо у него липкое и блестящее от крови, глаз у него больше нет, из пустых глазниц сочится густая кровь и стекает ему на губы, раскрытые в крике. Я спокойно шепчу:

— Вот тебе четвертак. Иди и купи себе жвачки, грязный ебанный ниггер.

Потом я поворачиваюсь к скулящей собаке, встаю и наступаю ей на передние лапы в тот самый момент, когда она уже готова броситься на меня, ее клыки уже обнажены, и я ломаю ей кости на обеих лапах, и собака падает, визжа от боли, и лапы месят воздух под неестественным углом. Я ничего не могу с собой поделать, меня разбирает смех, и я задерживаюсь на месте, чтобы насладиться этой картиной. Потом я вижу приближающееся такси и медленно ухожу.

Пройдя два квартала на запад, я ощущаю возбуждение, подъем и зверский голод, как будто я только что занимался спортом и эндорфины просто бурлят в крови, — ощущение, как после первой порции кокаина, или после первой затяжки хорошей сигарой, или после первого глотка шампанского Cristal. Я просто умираю от голода, мне нужно срочно что-нибудь съесть, но я не хочу заходить в «Nell's», хотя сейчас я от него буквально в двух шагах, а «Индокитай» кажется мне не совсем подходящим местом для того, чтобы отметить удачный вечер. Так что я решаю пойти куда-нибудь, куда мог бы пойти сам Эл, например, в «Макдональдс» на Юнион-сквер. Выстояв небольшую очередь, я заказываю ванильный молочный коктейль («Погуще», — предупреждаю я парня, который просто качает головой и нажимает кнопки кассы). Я сажусь за столик рядом с выходом, за который, вероятно, сел бы Эл, мой пиджак слегка заляпан пятнами его крови. Две официантки из

«Кэт Клуба» проходят мимо и садятся за столик рядом с моим, обе кокетливо мне улыбаются. Я веду себя сдержанно и стараюсь их не замечать. Рядом с нами сидит чокнутая старуха, вся в морщинах, — она курит одну сигарету за другой и кивает в пустоту. Мимо проезжает полицейская машина, я беру еще два коктейля и после этого слегка успокаиваюсь, возбуждение проходит. Мне становится скучно, я чувствую, что устал, вечер кажется абсолютно бессодержательным, и я уже начинаю упрекать себя за то, что не пошел в то сальвадорское бистро вместе с Ридом Томпсоном и его компанией. Две девушки не торопятся уходить, все еще с интересом поглядывают на меня. Я смотрю на часы. Один из мексиканцев за прилавком разглядывает меня, покуривая сигарету, он явно обратил внимание на пятна на пиджаке, и смотрит так, как будто он сейчас что-нибудь скажет по этому поводу, но тут к нему подходит клиент, один из тех черных парней, которые сегодня пытались продать мне крэк, и ему приходится заниматься заказом. Так что мексиканец тушит свою сигарету и занимается тем, чем ему полагается заниматься.

GENESIS

Я стал большим фанатом Genesis после выхода альбома Duke, в 1980-м. До этого я не понимал их музыки, хотя на их последнем альбоме семидесятых, концептуальном «And Then There Were Three» (посвященном Питеру Гэбриэлу, который ушел из группы, чтобы начать свою невразумительную сольную карьеру), мне очень понравилась одна песня, «Follow You, Follow Me». Но кроме этой единственной песни все их альбомы до «Duke» кажутся мне слишком вычурными, чересчур интеллектуальными. Однако, когда вышел «Duke» (Atlantic; 1980), где присутствие Фила Коллинза проявилось значительно ярче, музыка стала посовременнее, ударные выступили почетче, тексты сделались менее замороченными на мистике и более своеобразными (может быть, из-за ухода Питера Г'эбриэла), а замысловатые изыскания в области потерь и утрат сменились великолепными образцами первоклассных песен, и я с радостью принял их творчество. Аранжировки всех песен альбома, как мне показалось, были сделаны скорее под ударные Коллинза, чем под басовые партии Майка Разерфорда или клавишные Тони Бэнкса. Яркий пример тому — композиция «Misunderstanding», которая стала не только первым настоящим хитом Genesis в восьмидесятые годы, но и задала тон всем остальным их альбомам на ближайшие десять лет. Еще одна выдающаяся композиция на «Duke» — «Turn It Out Again», о вредном воздействии телевидения. С другой стороны, «Heathaze» — это песня, которую я просто не понимаю, зато «Please Don't Ask» — очень проникновенная вещь о любви, посвященная бывшей жене, которая после развода забирает ребенка себе. Я думаю, это самая лучшая песня о неприятных аспектах развода. Во всяком случае, я не знаю другой рок-группы, которая бы пела об этом с таким глубоким и сильным чувством. «Duke Travels» и «Dukes End», может быть, что-то и значат, но так как тексты на вкладыше не напечатаны, очень сложно понять, о чем поет Коллинз, хотя партия клавишных Тони Бэнкса на последнем треке звучит замечательно. Единственная откровенная лажа на всем альбоме Duke — это «Alone Tonight», которая слишком уж напоминает «Tonight, Tonight, Tonight» с более позднего альбома «Invisible Touch» и это единственный случай, когда Коллинз повторил себя самого.

Альбом Abacab (Atlantic; 1981) вышел почти сразу за Duke. Этот проект очень выиграл от сотрудничества с новым продюсером, Хью Пэджемом, который привнес в группу более современное по меркам восьмидесятых звучание, и хотя все песни альбома кажутся однотипными, там есть по-настоящему выразительные фрагменты: продолжительный сейшн в середине центральной композиции и классные дудки в исполнении некоей приглашенной группы под названием «Earth, Wind and Fire» в «No Reply at All» — вот только два примера. Все песни, опять же, пронизаны мрачным настроением, в них говорится о людях, которые ощущают себя потерянными или запутались в противоречиях, но постановка и звук очень сильные (хотя названия песен можно было бы придумать и поинтереснее: «No Reply at All», «Keep it Dark», «Who Dunit?», «Like It or Not»). Иногда бас-гитара Майка Разерфорда теряется в общем звуке, но в остальном группа звучит очень слаженно, и снова все держится на удивительных ударных Коллинза. И даже в самых печальных и безвыходных фрагментах (как, скажем, песня «Dodo» про вымирающих животных) музыка на альбоме Abacab — легкая и ненапряжная. Моя любимая песня — «Man on the Corner», «Человек на углу». Единственная песня на всем альбоме, для которой и музыку, и слова написал Коллинз; трогательная баллада с симпатичной мелодией, которую играет синтезатор, и интересными ударными ритмами на заднем плане. Хотя эта песня подошла бы к любому сольному проекту Фила, потому что музыке Genesis вообще свойственны темы одиночества, паранойи и отчуждения, она все же пронизана оптимистическим гуманизмом, также свойственным этой группе. «Man on the Corner» — это песня про одинокого незнакомца (быть может, бездомного попрошайку?), который просто стоит на углу. В очень джазовой «Who Dunit?» поется про растерянность человека в большом непонятном мире, и что самое замечательное — песня заканчивается ничем, герой так и не находит выхода.

Хью Пэдджем спродюсировал и следующий, еще менее концептуальный альбом с незамысловатым названием Genesis (Atlantic; 1983), и хотя в целом альбом неплохой, на мой вкус, он во многом вторичен. «That's All» звучит как «Misunderstanding», «Taking It All Too Hard» напоминает мне «Throwing It All Away». Альбом получился менее мелодичным по сравнению с предыдущими, больше в стиле рок-н-ролл восьмидесятых. Как продюсер Пэдджем поработал просто великолепно, но материал был слабее, и в целом в звучании чувствуется напряжение. Альбом начинается с автобиографической «Мама», странной и в то же время трогательной композиции, хотя я так и не понял, о ком там поется: о настоящей маме певца или о девушке, которую он называл «мамой». «That's All» — это горестные стенания влюбленного, которого не замечает и тем самым огорчает любимая девушка, совершенно бесчувственная особа; несмотря на надрыв, песня не кажется депрессивной из-за красивой напевной мелодии. «That's All» — лучшая песня на этом альбоме, но лучше всего голос Фила звучит в «House by the Sea», слова которой, однако, представляют собой просто поток сознания и поэтому совершенно не воспринимаются. Насколько я понимаю, речь идет о взрослении и о том, что нужно принять правила мира взрослых, но я, честно сказать, не уверен; во всяком случае, в этой песне мне больше нравится вторая (инструментальная) часть, когда Майк Бэнкс демонстрирует свое виртуозное мастерство гитариста, оттеняемое мечтательными переливами клавишных Тома Резерфорда; а когда, уже в самом конце, Фил повторяет третий куплет — у меня просто мороз по коже.

«Illegal Alien» — самая политическая из всех песен, записанных группой на данный момент, и самая же смешная. Содержание песни, вообще-то, печальное — мексиканец пытается нелегально перейти через границу в США, — но детали очень смешные: бутылка текилы у мексиканца в руках, его новые башмаки (наверняка краденые); а в целом все получается очень правильно. Фил поет эту песню нахальным и в то же время жалобным голосом с нарочитым мексиканским акцентом, и это еще забавнее, и рифмы тоже хорошие. «Just a Job to Do» — самая джазовая песня на всем альбоме, с убийственной партией на басу в исполнении Бэнкса; и хотя там вроде бы поется про детектива, который выслеживает преступника, героем песни вполне может быть и ревнивый любовник, следящий за своей возлюбленной. «Silver Rainbow» — самая лирическая песня альбома. Текст очень глубокий, проникновенный и образный. Альбом завершает оптимистическая композиция «It's Gonna Get Better», «Обязательно будет лучше». Хотя некоторые считают, что слова довольно банальны, голос Фила звучит так доверительно (здесь определенно чувствуется влияние Питера Гэбриэла, который сам в жизни не записал такого отточенного и прочувствованного альбома), и внушает слушателям веру в будущее.

Invisible Touch (Atlantic; 1986) — это, бесспорно, шедевр Genesis. Альбом представляет собой эпическую медитацию на тему неосознанного и в то же время придает новый смысл, глубину и выразительность трем предыдущим дискам. Слова действительно берут за душу, а красивая музыка завораживает. В каждой песне есть что-то свое: это и размышления о неуловимом и о пустоте, что разделяет людей («Invisible Touch»), и возражение против диктаторского контроля над личностью, будь то ревнивый любовник или правительство («Land of Confusion»), и просто бессмысленные, но красивые описания («Tonight, Tonight, Tonight»). И все это вместе — один из лучших альбомов за последние десять лет. Этот шедевр был создан благодаря не только блистательному ансамблю из трех выдающихся музыкантов (Бэнкс, Коллинз и Резерфорд), но и Хью Пэдджем, добившемуся по-настоящему современного звука поразительной чистоты и сочности, так что слышны все оттенки каждого инструмента.

Теперь что касается текстов. Они сделаны на высоком профессиональном уровне и очень качественно. Возьмем слова к песне «Land of Confusion», где рассматривается проблема авторитарной власти. Песня сделана в стиле черного блюза, который гораздо тоскливее и «чернее», чем все, что делали Принц, Майкл Джексон или любой другой черный певец из современных. Хотя в целом альбом танцевальный, он исполнен такого накала страстей, с которым не сравнится даже хваленый Брюс Спрингстин. В качестве эксперта по несчастной любви Коллинз дает Спрингстину сто очков вперед, достигая новых высот эмоциональной искренности в «In Too Deep», которая в то же время показывает Коллинза с необычной стороны — как шутника и клоуна. Пожалуй, это самая проникновенная песня восьмидесятых о моногамии и супружеской верности. «Anything She Does» (которая перекликается с «Centerfold» группы J. Geils Band, но более живая и энергичная) — первая на второй стороне, а дальше следует «Domino» в двух частях — несомненно, лучшая песня на альбоме. Часть первая, «In the Heat of the Night», пронизана яркими, резкими образами отчаяния и контрастирует со второй частью, «The Last Domino», исполненной надежды. Эта песня всегда поднимает мне настроение. Таких позитивных, жизнеутверждающих текстов в рок-музыке очень немного.

Сольные проекты Фила Коллинза, на мой взгляд, более коммерческие и поэтому более элитарные, особенно его альбом No Jacket Required и песни типа «In the Air Tonight», «Against All Odds» (хотя эта песня несколько

потерялась на фоне великолепного фильма, для которого и была написана), «Take Me Home», «Sussudio» (величайшая песня; моя самая любимая) и перепев «You Can't Hurry Love», который получился значительно лучше оригинала Supremes, и это не только мое мнение. И все же мне кажется, что Фил Коллинз лучше работает в группе, чем как сольный артист — я подчеркиваю, не исполнитель, а именно артист. На самом деле, определение «артист» подходит ко всем трем музыкантам группы, потому что Genesis по-прежнему — самая лучшая, самая яркая английская группа восьмидесятых.

ОБЕД

Мы с Кристофером Армстронгом сидим в «DuPlex», новом ресторане Тони Макмануса в Трибеке. Кристофер тоже работает в P&P. Мы вместе учились в Эксетере, а потом он поступил в университет Пенсильвании и Вартона, а еще через некоторое время переехал в Манхэттен. Как ни странно, но нам не удалось зарезервировать столик в «Subjects», и Армстронг предложил пообедать здесь. На нем — четырехпуговичный двубортный пиджак в мелкую полоску, хлопчатобумажная рубашка от Christian Dior с отложным воротничком и широкий шелковый галстук с узором пейсли от Givenchy Gentleman. Его кожаный ежедневник и кожаная папка (и то, и другое от Bottega Veneta) — лежат на свободном стуле у нашего столика. Столик хороший, прямо у окна. На мне костюм из чесаной шерсти в мелкий узор «штрихи мела» от DeRigueur (дизайн — Schoeneman), хлопчатобумажная рубашка от Bill Blass, шелковый галстук от Savoy и хлопчатобумажный носовой платок от Ashear Bros. Из динамиков тихонько доносится мелодия из «Отверженных». Подружка Армстронга — Джоди Стаффорд, которая раньше встречалась с Годом Хэмлином, и это самое обстоятельство, а также телеэкраны, подвешенные под потолком, на которых крутится закольцованная видеозапись того, как повара работают на кухне, — будит во мне безымянный страх. Армстронг только вернулся с отдыха на островах, и у него очень темный, ровный загар, но у меня точно такой же.

— Ну и как там, на Багамах? — интересуюсь я, когда мы сделали заказ. — Ты ведь только вернулся, да?

— Ну, Тейлор, — начинает Армстронг, глядя в одну точку где-то у меня за спиной, чуть выше макушки — может быть, он смотрит на колонну, выкрашенную под терракоту, а может быть, на трубу, которая проходит по потолку. — Туристам, которым хочется как следует отдохнуть этим летом, надо ехать на юг, на Багамы или на Карибские острова. Существует, как минимум, пять причин, почему надо ехать именно на Карибские острова: цены, погода, праздники и фестивали, не так много народу в отелях и в туристических местах, и уникальная культура. Многие отпускники стремятся уехать на летние месяцы в места с относительно прохладным климатом, но кое-кто уже понял, что на Карибских островах климат не меняется круглый год, температура держится в пределах 75-85 градусов[23]], а пассаты постоянно несут прохладу. На севере часто бывает жарче, скажем, в...

В сегодняшнем Шоу Патти Винтерс речь шла о детоубийцах. В студии сидели родители, чьи дети были похищены, замучены и убиты, а на сцене сидели психологи и педиатры, помогавшие им справиться с болью и яростью — к моему удовольствию, тщетно. Но меня особенно завело, что через спутник, на одном-единственном мониторе, установленном в студии, показывали троих осужденных детоубийц в камере смертников, которые благодаря замысловатым лазейкам в законе теперь пытаются добиться отмены приговора, и, скорее всего, добьются. Но что-то меня раздражало, пока я смотрел телевизор (Sony с огромным экраном) — и завтракал порезанными киви и японской грушей, минеральной водой Evian, овсяными булочками, соевым молоком и пшенной кашей с корицей; что-то мешало мне насладиться видом скорбящих родителей, и только под конец передачи я понял, что это было: трещина в стене над Дэвидом Оника, насчет которой я говорил с консьержем, чтобы он сообщил управляющему, и тот прислал рабочих ее заделать. Когда я выходил утром из дома, я собирался пожаловаться консьержу, что ничего до сих пор не сделано, но консьерж был новый — примерно одних лет со мной, но уже лысеющий, невзрачный и жирный. На столе перед ним, рядом с Post, открытой на странице комиксов, стояла тарелка с тремя глазированными пончиками с джемом и две дымящихся чашки темного горячего шоколада, и меня вдруг пробило, что я выгляжу значительно лучше, что я удачливее и богаче этого несчастного идиота, что ему никогда в жизни не стать таким, как я, и, подавшись внезапному порыву сочувствия, я улыбнулся ему, и кивнул — коротко, но все-таки вежливо, и не стал возмущаться.

— Да, правда? — безучастно отвечаю я Армстронгу, слыша свой собственный голос словно издалека.

— Как и в Соединенных Штатах, там все лето проходят праздники, фестивали, и разные мероприятия, в том числе, музыкальные концерты, художественные выставки, уличные ярмарки и спортивные соревнования, и, поскольку основная масса отпускников отдыхает в других местах, на островах нет таких толп, а это значит, что там тебе предлагают более качественный сервис, и не надо стоять в очередях, чтобы взять яхту или пообедать в понравившемся ресторане. То есть, мне кажется, что большинство людей приезжают туда, чтобы попробовать

местную кухню, что-то узнать об истории и культуре...

По дороге на Уолл-стрит сегодня утром из-за жутких пробок на дороге мне пришлось выйти из служебной машины и спуститься по Пятой авеню к станции метро. По пути мне встретилась толпа ряженных, точно таких же, как на Хэллоуин, что привело меня в замешательство, поскольку я был абсолютно уверен, что сейчас май. Я остановился на углу Шестнадцатой улицы, чтобы рассмотреть получше, и оказалось, что это было нечто под названием «Гей-парад гордости и достоинства», от чего меня чуть не стошнило. Гомосексуалисты гордо шагали по Пятой авеню, розовые треугольники сияли на громадных транспарантах пастельных тонов, некоторые участники даже держались за руки, многие фальшиво пели хором «Somewhere». Я стоял возле входа в магазин Paul Smith и смотрел на это как завороженный, у меня в голове все мутилось при одной мысли о том, что человек (мужчина) может испытывать гордость за то, что он трахает другого мужчину, но когда я заметил, что перекачанные «пляжные мальчики» пожилого возраста, с обвислыми моржовыми усами, игриво поглядывают на меня под аккомпанемент There's a place for us, Somewhere a place for us («Где-то есть место и для нас»), — я тут же сорвался с места и быстренько перешел на другую сторону Шестой авеню. Я решил опоздать в офис, поймал такси и вернулся домой, где переоделся в новый костюм (от Cerruti 1881), сделал себе педикюр и замучил до смерти маленькую собачонку, которую купил в начале недели в зоомагазине на Лексингтон.

Армстронг продолжает бубнить.

— Водные виды спорта, безусловно, — главное, что привлекает туристов. Но стоит также отметить великолепные поля для гольфа и теннисные корты. В летние месяцы их открывается еще больше. На многих теннисных кортах есть подсветка, чтобы можно было играть и ночью...

«Ебись ты в рот, Армстронг», — думаю я про себя, глядя в окно на пробку на Черч-стрит и на проходящих мимо бомжей. Приносят закуски: бриошь с вялеными помидорами — для Армстронга, чили-поблано с луковым мармеладом — для меня. Я надеюсь, что Армстронг не захочет платить, потому что мне нужно, чтобы этот придурок увидел, что у меня есть платиновая карточка American Express. Я слушаю Армстронга, и мне вдруг становится грустно — просто так, безо всякой причины, — у меня в горле встает комок, но я сглатываю и отпиваю «Корону», и грусть сразу проходит, и, пользуясь паузой, пока он жует, я спрашиваю:

— А еда? Как там еда? — почти нечаянно, потому что думаю о другом.

— Хороший вопрос. Главная прелесть карибской кухни заключается в том, что современная местная островная кухня хорошо сочетается с европейской. Владельцы многих тамошних ресторанов — американцы, англичане, французы, итальянцы и даже голландцы...

Слава богу, он делает паузу, и откусывает от своей булочки, которая выглядит в точности как губка, пропитанная кровью, — его булочка выглядит в точности как большая, пропитанная кровью губка, — и запивает ее «Короной». Теперь моя очередь.

— А какие там достопримечательности? — спрашиваю я безо всякого интереса, сосредоточившись на запеченном перце чили. Желтоватый луковый мармелад выложен восьмиугольником по краю тарелки, листья кориандра обрамляют мармелад, вокруг листьев фигурно разложены зернышки чили.

— Достопримечательности — это, в основном, памятники европейской культуры, поскольку в восемнадцатом веке многие острова представляли собой военные укрепления европейцев. Вниманию туристов предлагается несколько мест, где высаживался Колумб, и поскольку уже очень скоро мы будем праздновать трехсотлетие открытия Америки, по этому поводу на островах готовятся исторические торжества, так как первое прибытие Колумба в 1492 году есть важная составляющая островной культуры...

«Армстронг, ты... — полный мудака».

— Ага, — киваю я. — Ну...

Галстуки пейсли, костюмы из шотландки, занятия по аэробике, необходимость вернуть видеокассеты, специи из Zabar's, нищие попрошайки, трюфели из белого шоколада... Тошнотворный запах Drakkar Noir, которым надушился Кристофер, плывет мне под нос, мешаясь с запахом лукового мармелада, кориандра и печеных чили.

— Ага, — повторяю я.

— А для тех, кто предпочитает активный отдых, есть горные маршруты, экскурсии по пещерам, парусный спорт, конный спорт, сплав на плотках, а для игроков на многих островах есть казино...

Мимоходом я представляю, как я вынимаю нож, полосую себя по запястью и направляю хлещущую струю крови Армстронгу в голову, а еще лучше — ему на костюм. Вот интересно, заметит ли он это вообще, или нет. Я всерьез подумываю о том, чтобы встать и уйти без объяснений, взять такси, поехать еще в какой-нибудь ресторан, где-нибудь в Сохо, а может быть, еще ближе к окраинам, выпить там, заглянуть в сортир, может быть, позвонить Эвелин, и вернуться обратно в «DuPlex», и я почему-то уверен, что Армстронг этого не заметит и

будет по-прежнему говорить о своем отдыхе, о лучшем отдыхе в мире, если его послушать, на этих ебаных Багамах. Официант забирает наполовину недоеденные закуски и приносит «Корону», жареного цыпленка с малиновым уксусом и гуакамоле и телячью печенку с селедочной икрой и луком-пореем, и хотя я не уверен, кто что заказывал, на самом деле, это неважно, потому что оба блюда выглядят одинаково. В конце концов мне достается цыпленок с дополнительной порцией соуса томатилло.

— Когда едешь на Карибские острова, паспорт не нужен... просто какой-нибудь документ, подтверждающий, что ты гражданин США... и самое главное, Тейлор, там нету языкового барьера. По-английски говорят везде, даже на тех островах, где родным языком считается французский или испанский. Большинство островов — бывшие британские колонии...

— Моя жизнь — сущий ад, — внезапно говорю я, двигая по тарелке кусочки лука-порея. Кстати, тарелка представляет собой фарфоровый треугольник. — И есть еще много людей, которых мне хочется... ну, наверное, убить. — Я произношу это с нажимом на последнее слово и смотрю прямо в глаза Армстронгу.

— Сервис значительно улучшился с тех пор, как American Airlines и Eastern Airlines открыли свои представительства в Сан-Хуане, откуда самолеты по местным авиалиниям летают на острова, куда нет прямых рейсов. Есть дополнительные рейсы от BWIA, Pan Am, ALM, Air Jamaica, Bahamas Air и Cayman Airways, и добраться на любой остров — уже не проблема. Существует также дополнительное авиасообщение между островами от LIAT и BWIA с фиксированным расписанием местных рейсов...

Человек, похожий на Чарльза Флетчера, подходит к нашему столику, — Армстронг все бубнит и бубнит, — похлопывает меня по плечу, говорит: «Привет, Симпсон» и «Увидимся во «Флейтах», а потом идет к выходу, где его дожидается весьма привлекательная особа — большие сиськи, блондинка, платье в обтяжку, не секретарша и не жена, — они вместе выходят из «DuPlex» и уезжают в черном лимузине. Армстронг все еще ест, тыкая вилкой в кусочки телячьей печенки идеально квадратной формы, и все еще говорит, а мне вдруг становится невыносимо грустно.

— Карибские острова — идеальное место для тех, кто не может взять целую неделю отпуска, но хочет как следует отдохнуть на выходные. Eastern Airlines создали «Клуб выходного дня», охватывающий почти все Карибские острова, а члены клуба путешествуют с большими скидками, что, разумеется, не имеет значения, но тем не менее, многие люди направляются...

КОНЦЕРТ

На концерте, куда нас затащил Керрутерс, все очень нервничают. Концерт проходит в Нью-Джерси, выступает ирландская группа U2, которая на прошлой неделе была на обложке журнала Time. Вообще-то билеты были куплены для группы японских клиентов, но те в последнюю минуту отменили поездку в Нью-Йорк, и Керрутерс уже не смог (во всяком случае, так он это представил нам) продать эти билеты в первом ряду. Так что мы едем в Нью-Джерси: Керрутерс и Кортни, Пол Оуэн и Эшли Кромвелл, Эвелин и я. Когда я узнал, что Пол Оуэн тоже идет, я позвонил Сесилии Вагнер, девушке Маркуса Холберстама, раз уж Оуэн так упорно путает меня с Маркусом, и хотя мое приглашение очень ее взволновало (я всегда подозревал, что она в меня влюблена), она не смогла составить мне компанию, потому что ей надо было идти на какой-то прием в честь премьеры нового британского мюзикла «Maggie!». Она что-то прошептала насчет ланча на следующей неделе, и я сказал, что позвоню ей во вторник. Сегодня вечером я собирался поужинать с Эвелин, но мысль о том, что мне предстоит провести два часа с ней наедине, наполняет меня неизбывным ужасом, так что я ей звоню и нехотя объясняю, что планы изменились; она спрашивает, идет ли Тим Прайс, и когда я говорю, что нет, изображает мимолетное колебание перед тем, как милостиво согласиться. Я отменяю заказ на столик, который Джин сделала для нас в «H2O», новом ресторане Клайва Пауэлла в Челси, и ухожу из офиса пораньше, чтобы успеть забежать на аэробику перед концертом.

Девушкам не особенно нравится эта группа, и все три сообщили мне по секрету, что им не хочется никуда идти. Пока мы ехали в лимузине, Керрутерс пытается нас подбодрить, рассказывая о том, что Дональд Трамп — большой поклонник U2, а потом, уже совсем отчаявшись, добавляет, что Джон Гатфройнд[24] покупает все их альбомы. Мы открываем бутылку шампанского Cristal, потом — вторую. По телевизору передают пресс-конференцию Рейгана, но на экране — сплошные помехи, так что никто на него внимания не обращает, кроме меня. В сегодняшнем Шоу Патти Винтерс речь шла о жертвах нападений акул. Пол Оуэн назвал меня Маркусом четыре раза, а Эвелин, к моему несказанному облегчению, два раза — Сесилией, но Эвелин этого не замечает, потому что всю дорогу сверлит Кортни ненавидящим взглядом. Так что никто Оуэна не поправил, и, как я понимаю, уже не поправит. Я даже сам пару раз назвал Эвелин Сесилией, когда был уверен, что она меня не слышит. Керрутерс все твердил, как я замечательно выгляжу, и восхищался моим костюмом.

Мы с Эвелин одеты значительно лучше, чем все остальные. На мне пальто из овечьей шерсти, шерстяные брюки и пиджак, хлопчатобумажная рубашка, кашемировый свитер с V-образным вырезом и шелковый галстук, все — от Armani. На Эвелин — хлопчатобумажная блузка от Dolce&Gabbana, замшевые туфли от Yves Saint Laurent, кожаная юбка с набивным узором от Adrienne Landau и замшевый ремешок от Jill Stuart, колготки от Calvin Klein, хрустальные серьги от Frances Patiky Stein, а в руке — белая роза, которую я купил ей в корейской лавке перед тем, как за мной заехал лимузин Керрутерса. Керрутерс одет в спортивного покроя пальто из овечьей шерсти, кашемировый кардиган, твидовые брюки, хлопчатобумажную рубашку и шелковый галстук, все — от Hermes. («Как вульгарно», — прошептала Эвелин мне на ухо, и я молча согласился.) На Кортни — топ из трехслойной полупрозрачной органзы и длинная бархатная юбка-«рыбка», обшитая бархатной тесьмой, сережки с эмалью, от Jose and Maria Barrera, перчатки от Portolano и туфли от Gucci. Пол и Эшли, на мой взгляд, одеты слишком нарядно, а на ней, к тому же, темные очки, хотя окна у лимузина тонированы, а снаружи уже смеркается. У нее в руках — букет маргариток, которые ей преподнес Керрутерс, но Кортни вовсе не злится по этому поводу, потому что она занята другим — еле сдерживает себя, чтобы не наброситься на Эвелин и не расцарапать ей все лицо, и я считаю (несмотря на то, что Эвелин выглядит потрясающе), что это очень даже неплохая идея. Я бы с удовольствием на это посмотрел. У Кортни чуть-чуть лучше фигура, зато сиськи красивее у Эвелин.

Концерт тянется уже минут двадцать. Я ненавижу живую музыку, но вокруг нас все стоят и одобрительно орут, стараясь, видимо, перекричать грохот, который обрушивается на нас из огромных усилителей. Единственное удовольствие, которое я получаю, — видеть, что Скотт и Анна Смайли сидят на десять рядов позади нас, — их места гораздо хуже, хотя стоят наверняка столько же. Керрутерс меняется местами с Эвелин, чтобы обсудить со мной какие-то деловые вопросы, но я не слышу ни слова и тоже меняюсь местами с Эвелин, чтобы поговорить с Кортни.

— Луис — идиот, — кричу я. — Он ничего не подозревает.

— Эдж в Armani, — кричит она, указывая на басиста.

— Это не Armani, — кричу я в ответ. — Это Emporio.

— Нет, — кричит она. — Armani Армани.

— Приглушенные светло-серые тона, а также темно-серые и синие. Четкие лацканы, неяркая клетка, горошек и полоска — вот Armani. Не Emporio, — кричу я, зажав уши руками. Меня раздражает, что она этого не знает и не отличает одно от другого. — Вот в чем разница. А который из них Ледж?

— Наверное, барабанщик, — кричит она. — По-моему, он. Но я не уверена. Я хочу курить. Где ты был вчера вечером? Если ты скажешь, что с Эвелин, то я тебя ударю.

— Барабанщик, вроде бы, не в Armani, — кричу я. — И не в Emporio. Совсем ничего не вижу.

— Я не знаю, который из них барабанщик, — кричит в ответ она.

— Спроси у Эшли, — предлагаю я.

— Эшли? — кричит она, перегибаясь через Пола и стуча Эшли по ноге. — Который из них Ледж?

Эшли что-то кричит ей в ответ, что я не слышу, потом Кортни опять поворачивается ко мне и пожимает плечами.

— Она говорит, ей не верится, что она в Нью-Джерси.

Керрутерс просит Кортни поменяться с ним местами. Она что-то ему выговаривает и кладет руку мне на бедро. Я напрягаю мышцы, и оно становится твердым, как камень, и ее рука восхищенно замирает. Но Луис не отстает, и Кортни кричит мне, вставая:

— Сегодня, я думаю, нам не помешает закинуться!

Я киваю. Солист, Боно, визжит что-то вроде: «Where the Beat Sounds the Same», — Эвелин с Эшли уходят, чтобы купить сигарет, посетить дамскую комнату и выпить чего-нибудь освежающего. Луис садится рядом со мной.

— Девушки скучают, — кричит он.

— Кортни просит достать кокаина, — кричу я.

— О, замечательно. — Он сразу мрачнеет.

— У нас где-нибудь столик заказан?

— В «Брюсселе», — кричит он, взглянув на свой Rolex. — Но я что-то сомневаюсь, что мы успеем.

— Если мы не успеем, — предупреждаю я, — я вообще никуда не пойду. Можете высадить меня около дома.

— Успеем, — кричит он.

— А если нет, как насчет японской кухни? — предлагаю я, немного смягчившись. — В верхнем Вест Сайде есть

один неплохой суши-бар. Называется «Лезвия». Шеф-повар раньше работал в «Исоито». Этот бар получил очень высокий рейтинг в «Загате».

— Бэйтмен, я ненавижу японцев, — кричит мне Керрутерс, закрыв одной рукой ухо. — Маленькие узкоглазые уроды!

— Что, — ору в ответ, — что ты такое несешь?!

— Знаю-знаю, — кричит он, выпучив глаза. — Они зарабатывают больше нас, но они ничего нового не придумывают, они, суки, просто приноровились воровать наши изобретения, доводить их до ума, а потом нам же и продавать, мудаки хитрожопые.

Я смотрю на него и не верю своим ушам, потом смотрю на сцену, на гитариста, который бегаёт кругами, на Боно, который носится взад-вперед, раскинув руки, потом — снова на Луиса. Его лицо по-прежнему налило кровью, он все еще тарашится на меня, широко распахнув глаза, у него на губах поблескивает слюна, но он молчит, ничего не говорит.

— Ну а «Лезвия» тут при чем, а? — говорю я, наконец. Я действительно не понимаю. — Вытри рот.

— Я поэтому и ненавижу японскую еду, — кричит он в ответ. — Сашими. Калифорнийские роллы. Буэ-э-э, — он поднес руку к горлу и сделал вид, будто его тошнит.

— Керрутерс... — я умолкаю, глядя на него в упор, не в силах вспомнить, что я хотел сказать.

— Что, Бэйтмен? — спрашивает Керрутерс, наклоняясь ко мне.

— Слушай, что за дерьмо, у меня в голове не укладывается, — кричу я ему. — У меня в голове не укладывается, что ты не заказал места на попозже. Теперь нам придется ждать.

— Что? — орет он в ответ, приложив руку к уху, как будто так лучше слышно.

— Теперь нам придется ждать! — кричу я громче.

— Это не проблема, — орет он в ответ.

Солист оборачивается к нам со сцены, стоит, простирая руки; я отмахиваюсь от него.

— Это не проблема? Это не проблема?! Нет, Луис. Ты не прав. Это проблема.

Я оборачиваюсь к Полу Оуэну, который, кажется, тоже скучает не меньше: сидит, зажав уши руками, но при этом все-таки умудряется общаться с Кортни.

— Нам не придется ждать, — кричит Луис. — Даю слово.

— Да заткнись ты, придурок, — кричу я в ответ. — Пол Оуэн все еще занимается счетами Фишера?

— Не злись на меня, Патрик, — орет Луис в отчаянии. — Все будет в порядке.

— Ладно, забыли, — кричу в ответ. — Слушай! Пол Оуэн все еще занимается счетами Фишера?

Керрутерс смотрит на Пола, потом — опять на меня.

— Да, по-моему, да. Я слышал, у Эшли хламидиоз.

— Мне нужно с ним поговорить, — я пересаживаюсь на свободное место рядом с Оуэном.

Но когда я сажусь, на сцене происходит что-то странное, что привлекает мое внимание. Боно движется по сцене, как будто следуя за мной, он смотрит мне прямо в глаза и опускается на колени у края сцены. На нем черные джинсы (возможно, от Gitano), сандалии и кожаный жилет на голое тело. Тело у него белое, потное, и совсем не накачанное, мышц вообще не заметно, грудь покрыта редкими волосами. На голове у него — ковбойская шляпа, волосы собраны в хвост, он ноет что-то траурное, я расслышал слова: «Герой — насекомое в этом мире», — а на его губах играет слабая, едва заметная и все же явная ухмылка, она становится заметнее, его глаза загораются, а задник сцены становится красным, и на меня вдруг накатывает волна пронзительных ощущений, прилив интуитивного знания, и я словно вижу, что творится в сердце Боно, и мое собственное сердце бьется быстрее, и я понимаю, что в это мгновение я получаю от него некое невидимое послание. Я вдруг понимаю, что у нас есть что-то общее, что мы словно скованы одной цепью, и я могу поверить даже в то, что все, кроме нас, исчезли, музыка затихает, замедляется, и его послание, невнятное вначале, теперь становится более властным, и Боно кивает мне, а я в ответ киваю ему, все вокруг проясняется, мое тело горит, и неизвестно откуда возникает мерцание огней, оно охватывает меня. Я его слышу, чувствую, вокруг меня парят оранжевые буквы, складывающиеся в слова: «Я... ДЬЯВОЛ... КАК... И... ТЫ...»

...А потом все — и зрители, и музыканты — появляются снова, и ритм медленно нарастает, и Боно чувствует, что я получил его послание — и я чувствую, что он знает, что я отвечаю, — он доволен, он отворачивается, а меня бьет дрожь: в ушах звонит, щеки горят, член встал и пульсирует так, что мне больно, руки трясутся. Но внезапно это прекращается, как будто кто-то выключил свет, и задник сцены начинает мигать. Дьявол Боно уже на другой стороне сцены, и все чувства, бурлящие в сердце и голове, вдруг утихают. Теперь мне еще больше хочется разузнать о счетах Фишера, которыми занимается Оуэн, эта информация кажется жизненно

необходимой, она гораздо важнее той связи, что возникла на миг между мной и Боно, который кажется призрачным и далеким. Я поворачиваюсь к Полу Оуэну.

— Эй, — кричу я. — Ну как?

— Вон те парни... — он показывает на парней, стоящих в проходе у дальнего края первого ряда, разглядывающих толпу и о чем-то друг с другом болтающих. — Они показывали на Эвелин, Кортни и Эшли.

— А кто они? — кричу я, — они от Оппенгеймера?

— Нет, — орет в ответ Оуэн. — Я думаю, это администраторы, подыскивающие девочек, которых можно отвести за сцену и там трахнуть.

— А, — усмехаюсь я. — А я думал, что они в Barney's работают.

— Нет, — кричит он. — Их называют секс—координаторы.

— А ты-то откуда знаешь?

— Мой двоюродный брат — менеджер «All We Need of Hell», — орет он.

— Меня бесит, что ты это знаешь, — говорю я.

— Что? — кричит он.

— Ты все еще занимаешься счетами Фишера? — ору я в ответ.

— Да, — кричит он. — Повезло мне, правда, Маркус?

— Это точно, — ору. — Как тебе это удалось?

— Ну, я занимался счетами Рэнсома, а потом оно как-то совпало. — Он беспомощно пожимает плечами, дружелюбный мерзавец. — Понимаешь?

— Ого, — кричу я.

— Ага, — кричит он, потом оборачивается и кричит на двух толстых придурковатых девиц из Нью-Джерси, курящих здоровый косяк, один на двоих. Одна из этих коров завернута во что-то, похожее на ирландский флаг. — Слушайте, уберите вы свой косяк. Он воняет.

— Я бы тоже не отказался, — кричу я ему.

— От чего бы ты не отказался?! — кричит он. — От марихуаны?!

— Да нет, ничего, — кричу я, у меня уже горло болит. Я возвращаюсь на свое место и тупо гляжу на сцену и покусываю большой палец, уничтожая вчерашний маникюр.

Мы уходим, как только возвращаются Эвелин с Эшли. Мы торопимся в Манхэттен, чтобы успеть в «Брюссель», где заказан столик. В лимузине мы открываем еще одну бутылку шампанского Cristal, на экране — по-прежнему Рейган, а Эвелин с Эшли рассказывают, как, когда они вышли из туалета, к ним подкатились двое громил и попытались затащить их за кулисы. Я объясняю, кто это были такие и что им было надо.

— О Боже, — шепчет Эвелин, — ты что, хочешь сказать, что меня... секс-координировали?

— Могу поспорить, что у Боно маленький член, — говорит Оуэн, глядя в тонированное окно. — Ирландец, ну вы понимаете.

— Вы не знаете, у них там есть банкомат? — спрашивает Луис.

— Эшли, — кричит Эвелин. — Ты слышала? Нас с тобой секс—координировали!

— Как у меня прическа? — спрашиваю я.

— Еще шампанского? — спрашивает Кортни у Луиса.

ВТОРНИК: ПОСЛЕПОЛУДЕННЫЕ ОБРЫВКИ

...и вот уже середина дня, и я стою в телефонной будке на углу, где-то в центре, понятия не имею — где, но я весь потный, и голова у меня раскалывается, и как-то мне беспокоино и страшно, я ищу по карманам валиум, ксанакс, остатки гальциона, что-нибудь, но нахожу только три таблетки нуприна в коробочке от Gussi, так что я закидываю их в рот и запиваю диетической пепси, не знаю, откуда взялась эта мысль, но мне показалось, что от этих таблеток зависит моя жизнь. Я напрочь забыл, с кем я сегодня обедал и, главное, — где. Может быть, с Робертом Эйлсом в «Beats»? Или с Тодом Хендриксом в «Ursula's», — это новое бистро, которое Филипп Данкен Холмс открыл в Трибеке? Или с Рики Уоррелом в «Декабре»? Или все-таки с Кевином Уебером в «Contra»? Что я заказывал? Сэндвич с куропаткой и зелеными помидорами на булочке или большую тарелку салата-эндивия с соусом из моллюсков?

— О боже, я не помню, — бормочу я со стоном. На мне — спортивный пиджак (лен с шелком), хлопчатобумажная рубашка, полотняные брюки-хаки, все от Matsuda, шелковый галстук с эмблемой Matsuda, ремень от Coach Leatherware. Вся одежда пропитана потом, я снимаю пиджак и вытираю им лицо. Телефон продолжает трезвонить, но я не знаю, кому звонил, так что я просто стою в телефонной будке, очки Ray-Ban криво держатся на лбу, и я слышу слабый знакомый звук, исходящий из телефонной трубки, — мягкий голос

Джин, пытающийся перебороть вечный бродвейский гам. В сегодняшнем Шоу Патти Винтерс обсуждали тему «Может ли аспирин спасти вашу жизнь?»

— Джин? — кричу я. — Алло, Джин?

— Патрик, это ты? — отвечает она. — Алло?

— Джин, мне нужна помощь, — кричу я в трубку.

— Патрик?

— Что?

— Звонил Джесс Форрест, — говорит Джин. — Он заказал столик в «Melrose» сегодня на восемь, а Тэд Мэдисон и Джейми Конвей хотят выпить с тобой в «Harry's». Патрик? — говорит Джин. — Ты где?

— Джин? — я вздыхаю и вытираю нос. — Я не...

— Ах, да, еще звонил Тод Лаудер, — говорит Джин, — Ой, то есть Крис... а, нет, все-таки, Тод. Да, Тод Лаудер.

— О, черт, — я издаю слабый стон и распускаю узел галстука, августовское солнце жарит вовсю. — Что ты там бормочешь, тупая сука.

— Не в «Сохо», Патрик, столик заказан в «Melrose». А не в «Сохо».

— Что я делаю? — кричу я.

— Ты где? — Она секунду молчит и добавляет:. — Патрик? Что случилось?

— Сегодня я уже не приду в офис, Джин, — говорю я и потом, через силу, — и вообще никуда не пойду.

— Почему? — она, кажется, расстроена, а может, просто удивлена.

— Просто... скажи им... «нет», — кричу я.

— Что случилось, Патрик? С тобой все в порядке? — спрашивает она.

— Блядь, не говори со мной таким... похоронным тоном, — кричу я.

— Извини, Патрик. Я хотела... я собиралась сказать... просто сказать «нет», но...

Я вешаю трубку и выскакиваю из телефонной будки, и плейер, висящий у меня на шее, внезапно кажется мне булыжником, удушающим меня (и ранний Диззи Гиллеспи, звучащий из наушников, жутко раздражает), и мне приходится выкинуть дешевенький плейер в ближайшую урну, я об нее спотыкаюсь, хватаюсь за край и стою, тяжело дыша, дешевый пиджак от Matsuda завязан вокруг талии, я смотрю на плейер, все еще крутящий кассету, мусс у меня на волосах тает под жаркими лучами солнца, смешивается с потом, стекающим со лба, и попадает мне в рот, когда я облизываю губы, и мне нравится вкус, и проведя рукой по волосам, я жадно лижу ладонь. Я иду по Бродвею, не обращая внимания на старушек, раздающих флаеры, прохожу мимо джинсовых магазинов, из которых доносится музыка, она выплескивается на улицу, и движения людей попадают в такт, в ритм песни Мадонны, «life is a mystery, everyone must stand alone...», «жизнь — это загадка, которую каждый решает сам», курьеры на велосипедах проносятся мимо, и я стою на углу, хмуро поглядывая на них, но люди спешат по своим делам, никто не обращает внимания, никто даже и не притворяется, что не обращает внимания, и это меня ненадолго отрезвляет, так что я направляюсь к ближайшему Conran's, чтобы купить заварочный чайник, но как только я осознаю, что вернулся в нормальное состояние, у меня вдруг скручивает живот, и я приваливаюсь плечом к первой попавшейся двери и прижимаю обе руки к животу, пытаюсь унять боль, и вдруг понимаю, что могу стоять прямо, и захожу в ближайший хозяйственный магазин, и покупаю набор ножей для мяса, топор, бутылку соляной кислоты, и потом, в зоомагазине через квартал, клетку для грызунов из прозрачного пластика и двух белых крыс, которых потом планирую пытать ножами и кислотой, но, видимо, позже, я забыл клетку с крысами в Pottery Barn, когда покупал свечи... или все-таки я купил чайник? Я иду по Лафайет, постанываю и потею, расталкиваю людей, на губах пена, спазмы в желудке — может быть, от стероидов, но что-то сомнительно, — но потом я слегка успокаиваюсь и захожу в Gristede's, краду банку консервированной ветчины, спокойно выхожу на улицу с банкой, спрятанной под пиджаком, и ковыляю по какому-то переулку, где я пытаюсь спрятаться в фойе American Felt Building, там открываю банку ключами, не обращая внимания на швейцара, который, похоже, меня узнал, но потом, когда я хватаю ветчину руками и запихиваю в рот вялые розовые волокна, они застревают у меня под ногтями, а швейцар грозит вызвать полицию. Я вылетаю на улицу, наклоняюсь, и меня рвет у плаката «Отверженных» на автобусной остановке, и я целую милое лицо Эпонины, ее губы, и струйки желчи стекают по ее нежному личику и слову «ЛЕСБИ», накарябанному под ним. Я ослабляю подтяжки, не обращая внимания на нищих, нищие не обращают внимания на меня, истекающего потом, разгоряченного, я вдруг понимаю, что иду обратно в Tower Records, и успокаиваю себя, бормоча себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь: «Мне нужно вернуть кассеты, мне нужно вернуть кассеты», — и я покупаю два экземпляра моего любимого компакт «Возвращение Бруно» Брюса Уиллиса, потом застреваю в крутящейся двери, делаю полных пять оборотов, и, оказавшись на улице, натываюсь на Чарльза Мерфи из

Kidder Peabody, хотя, может быть, это был Брюс Бейкер из Morgan Stanley, впрочем, кто бы это ни был, он говорит: «Привет, Кинсли», — и я рыгаю ему в лицо, закатываю глаза, зеленоватая желчь капает с моих зубов, а он предлагает, как ни в чем ни бывало: «Встретимся во „Флейтах“, ага? Северт придет». Я визжу и, шагая назад, врезаюсь в стойку с фруктами и овощами у корейского магазинчика, яблоки, апельсины и лимоны катятся по мостовой, через бордюр — на проезжую часть, где их давят машины и автобусы, и я сбивчиво извиняюсь, сую орущему корейцу мою платиновую кредитку, потом даю ему двадцатку, которую он быстро прячет в карман, но продолжает держать меня за лацканы грязного мятого пиджака, я вырываюсь и смотрю на его узкоглазое круглое лицо, и он внезапно раздражается песней «Lightnin' Strikes» Лу Кристи. Я в ужасе вырываюсь из его цепких пальцев и ковыляю по направлению к дому, но люди и магазины по-прежнему меня бесят, и уличный дилер на Тринадцатой предлагает мне крэк, и когда я вслепую вытаскиваю полтинник и протягиваю ему, он благодарно бормочет: «О, Боже, мужик», — пожимает мне руку и сует мне в ладонь пять ампул, и я запикиваю их в рот целиком, он тарашится на меня, пытаюсь замаскировать тревогу удивленной усмешкой, я хватаю его за шею и сворачиваю ее, у меня изо рта дурно пахнет, «Лучший мотор — BMW750iL», и потом я иду к телефонной будке, где что-то бессвязно бормочу оператору, пока, наконец, у меня не спрашивают номер кредитной карточки, и я говорю с центральным офисом «Xclusive», и отменяю сеанс массажа, на который и не записывался. Мне удается успокоиться, просто глядя на свои ноги, обутые в туфли без шнурков от A.Testoni, я пинаю голубей, и даже не замечаю, что захожу в какую-то занюханную забегаловку на Второй Авеню. Я по-прежнему испуганный, потный, дезориентированный, и я подхожу к маленькой толстой безвкусно одетой старухе-еврейке.

— Послушайте, — говорю я. — У меня тут заказан столик. На фамилию Бэйтмен. Где метрдотель? Я знаю Джеки Мэйсона.

— Я могу посадить вас и так. Заказ не нужен, — вздыхает она и достает меню.

Она ведет меня за ужасный столик в глубине зала, рядом с сортиром, я выхватываю у нее меню и мчусь за столик, который поближе к выходу, испуганный дешевизной еды.

— Это что, черт подери, здесь так шутят? — я чувствую, что официантка рядом, и говорю, даже не глядя. — Чизбургер. Средней прожарки.

— Извините, сэр, — говорит официантка. — Нет сыра. Кошер.

Я не понимаю, о чем она говорит, и отвечаю:

— Хорошо. Кошер бургер, но с сыром. Monterey Jack, может быть, и... о, черт, — у меня снова крутит живот.

— Нет сыра, сэр, — говорит она. — Кошер...

— О, черт, что еще за кошер — может, это кошмар, блядская ты жидовка? — бурчу я себе под нос, и потом: — Деревенский сыр? Просто принесите, а?

— Я позову менеджера, — говорит она.

— Как хотите. Но, может, пока мне попить принесете, а?

— Да?

— Э... ванильный... молочный коктейль...

— Нет молочных коктейлей. Кошер, — говорит она. И добавляет: — Я позову менеджера.

— Нет, постойте.

— Мистер, я позову менеджера.

— Что тут, блядь, происходит? — я потихонечку прихожу в ярость, моя платиновая AmEx уже лежит на грязном столе.

— Нет молочных коктейлей. Кошер, — говорит она, поджав губы. Обычная женщина, одна из миллиардов жителей нашей планеты.

— Тогда принесите мне этот мудацкий... ванильный... — ору я, забрызгивая слюной открытое меню. Она тарашится на меня, и я добавляю: — И погуще!

Она уходит за менеджером, и когда я вижу, что он идет к моему столу (копия официантки, только лысый), я встаю и кричу:

— Да ебись ты в рот, ублюдошный блядский жид, — и выбегаю на улицу, где...

ЙЕЛЬСКИЙ КЛУБ

— Как нужно носить вязаный жилет? — спрашивает Ван Паттен.

— О чем ты? — Макдермотт морщит лоб, потягивая «Абсолют».

— Да, — говорю я. — Уточни.

— Ну, он считается однозначно неформальным...

— Или его можно носить с костюмом? — прерываю я, заканчивая предложение.

— Точно, — улыбается он.

— Ну, если по мнению Брюса Бойера... — начинаю я.

— Подожди, — прерывает меня Ван Паттен. — Это тот, который работает в Morgan Stanley?

— Нет, — улыбаюсь я. — Он там не работает.

— Это не тот, который серийный убийца? — подозрительно спрашивает Макдермотт и громко стонет. — Только не надо рассказывать нам про очередного серийного убийцу, Бэйтмен. Только не это!

— Нет, Макдермо, он был не серийным убийцей, — говорю я, повернувшись к Ван Паттену, но прежде чем продолжить, оглядываюсь на Макдермотта. — И меня бесит твоё замечание.

— Но ты все время про них вспоминаешь, — говорит Макдермотт. — И всегда вот так, будто бы невзначай. Я просто хочу сказать, что ничего не хочу знать ни про Сына Сэма, ни про мудацкого Хиллсайдского Душителя, ни про Теда Банди или про Перистую Голову, черт их всех подери.

— Перистая Голова? — переспрашивает Ван Паттен. — А кто это? Звучит неприятно.

— Он имеет ввиду Кожаное Лицо, — говорю я сквозь зубы. — Кожаное Лицо. Тот, который участвовал в Большой Техасской резне.

— Ах, — вежливо улыбается Ван Паттен. — Да, конечно.

— И он был исключительно опасен, — говорю я.

— Ах, да, конечно, продолжай. А Брюс Бойер, что сделалон? — Макдермотт тяжело вздыхает и закатывает глаза. — Снял с кого-нибудь кожу заживо? Заморил голодом до смерти? Переехал машиной? Скормил собакам? Что?

— Ну ты даешь, — говорю я, покачивая головой в притворном восхищении. — Он сделал кое-что похуже.

— Что, например? Отвел кого-нибудь на обед в новый ресторан МакМануса? — спрашивает Макдермотт.

— Да, кстати о птичках, — вспоминает Ван Паттен. — Ты там был? Жуткое место, да?

— Ты заказывал мясную запеканку? — спрашивает Макдермотт.

— Запеканку? — Ван Паттен в шоке. — Как насчет интерьера? И ебанных скатертей?

— Но ты заказывал мясную запеканку? — не отстает Макдермотт.

— Конечно, и мясной рулет, и голубей, и марлина, — говорит Ван Паттен.

— О, черт, я забыл про марлина, — стонет Макдермотт. — Марлин с соусом чили.

— Кто, будучи в здравом уме, прочитав обзор Миллера в Times, не закажет мясной рулет или марлина?

— Но Миллер был в корне неправ, — говорит Макдермотт. — Кесадила с папайей? Обычно весьма неплохое блюдо, но там, о Боже... — он свистит, качая головой. — Там такая помойка.

— И к тому же дешевая, — добавляет Ван Паттен.

— Да, и дешевая! — соглашается Макдермотт. — И арбузный торт...

— Господа, — я прокашливаюсь. — Кхм. Не хотелось бы вас прерывать, но...

— Хорошо, хорошо, продолжай, — говорит Макдермотт. — Расскажи нам еще что-нибудь про этого Чарлза Мойера.

— Брюса Бойера, — поправляю я. — Он автор книги «Умение правильно одеваться. Руководство для элегантных мужчин». Да, кстати, Крэйг, он и в свободное от работы время не был серийным убийцей.

— И что же малыш Брюс имеет нам сказать? — спрашивает Макдермотт, посасывая кусочек льда.

— Ты дурак. Это отличная книга. Да, кстати, Брюс Бойер считает, что вполне допустимо носить вязаный жилет с костюмом, — говорю я. — Ты слышал, что я назвал тебя дураком?

— Слышал.

— А разве он не отмечал, что жилет не должен бросаться в глаза и забивать костюм? — говорит Ван Паттен тоном знатока.

— Да... — я слегка раздражен, что Ван Паттен явно неплохо позанимался дома, но все равно спрашивает совета. Но я спокойно продолжаю:

— С костюмом в тонкую светлую полоску рекомендуется надевать жилет приглушенно синего или угольно-серого цвета. А костюм из шотландки допускает более смелые варианты.

— И главное, — добавляет Макдермотт, — последняя пуговица должна быть расстегнута.

Я с подозрением смотрю на Макдермотта. Он улыбается, отпивает из своего стакана и довольно облизывает губы.

— Почему? — спрашивает Ван Паттен.

— Это традиция, — говорю я, все еще глядя на Макдермотта. — И еще — так удобнее.

— А если надеть подтяжки, будет ли жилет сидеть лучше? — спрашивает Ван Паттен.

— С чего бы? — спрашиваю я, повернувшись к нему.

— Ну, потому что, когда на тебе подтяжки, у тебя нет... — Он замолкает, будто подыскивая подходящее слово.

— Затруднений с...? — помогаю я.

— Пряжкой ремня? — заканчивает Макдермотт.

— Все правильно, — соглашается Ван Паттен.

— И еще важно помнить... — начинаю я, и снова меня прерывает Макдермотт.

— Важно помнить, что жилет должен соответствовать стилю и цвету костюма, но ни в коем случае не совпадать по структуре с носками и галстуком, — говорит Макдермотт Ван Паттену, но улыбается мне.

— А мне казалось, что ты не читал... эту книгу, — со злости я начинаю заикаться. — Ты ведь только что сказал, что не видишь разницы между Брюсом Бойером и... и Джоном Уэйном Гэйси.

— Ну, я вдруг вспомнил, — пожимает он плечами.

— Слушай, — поворачиваюсь я к Ван Паттену, посчитав выходку Макдермотта дешевым выпендрежем. — Надевать носки в ромбик с таким же галстуком — это будет смотреться слишком вызывающе.

— Ты так считаешь? — спрашивает он.

— В таком виде ты будешь смотреться как идиот, — говорю я, внезапно расстроившись, и опять поворачиваюсь к Макдермотту. — Перистая Голова? Как вообще у тебя получилась Перистая Голова из Кожаного Лица?! Это надо было очень постараться.

— Расслабься, Бэйтмен, — говорит он, хлопывает меня по спине и пытается сделать мне массаж шеи. — Что случилось? Остался без шиацу сегодня утром?

— Давай, еще потрогай меня вот так, — говорю я и плотно зажмуриваю глаза; меня колотит, чуть ли не крутит в судорогах, — и у тебя вместо руки будет культя.

— Хо-хо, держи себя в руках, приятель, — говорит Макдермотт, отшатываясь в притворном страхе.

Макдермотт и Ван Паттен по-идиотски хихикают и хлопают друг друга по плечам, им и в голову не приходит, что я и вправду могу отрезать ему руки, да и что-то еще — и к тому же, с большим удовольствием.

Мы втроем — Дэвид Ван Паттен, Крэйг Макдермотт и я — обедаем в ресторане Йельского клуба. На Ван Паттене — костюм из шотландки от Crazier Homo, рубашка от Brooks Brothers, галстук от Adirondack и ботинки от Cole-Naan. На Макдермотте — кашемировый блейзер из овечьей шерсти, брюки из шерстяной фланели от Ralph Lauren, рубашка и галстук тоже от Ralph Lauren, ботинки от Brooks Brothers. На мне — тиковый шерстяной костюм с отделкой из шотландки, хлопчатобумажная рубашка от Luciano Barbera, галстук от Luciano Barbera, ботинки от Cole-Naan и темные очки от Bausch & Lomb. В сегодняшнем Шоу Патти Винтерс рассказывали про нацистов, и при просмотре я вдруг испытал приятное возбуждение. Не то чтобы я был очарован их подвигами, но они не показались мне отталкивающими (как и большинству зрителей, вероятно). Один из нацистов имел редкое чувство юмора и даже жонглировал грейпфрутами, — мне это очень понравилось, так что я сел в кровати и захлопал в ладоши.

Луис Керрутерс сидит в пяти столиках от нашего, одетый так, как будто сегодня утром на него напали злобные лягушатники: на нем неопознанный костюм от какого-то французского портного, и если я не ошибаюсь, котелок на полу под креслом тоже его, — это прямо написано у него на лице. Он улыбается мне, но я притворяюсь, что не замечаю его. Сегодня утром я провел в Xclusive два часа и поскольку мы все втроем взяли сегодня выходной, после обеда мы пойдем на массаж. Мы еще ничего не заказывали, и даже меню еще не смотрели. Мы пока просто пьем. Крэйг хотел заказать для начала бутылку шампанского, но Дэвид покачал головой и пробурчал: «Нет, нет, нет», — так что мы просто заказали напитки. Я все еще смотрю на Луиса, а когда он поворачивается ко мне, запрокидываю голову и смеюсь, даже если Ван Паттен с Макдермоттом не говорят ничего забавного, — а это всегда так. У меня это получается так естественно, что никто не замечает моих уловок. Луис встает, вытирает рот салфеткой и снова глядит на меня перед тем, как выйти, — видимо, в сортир.

— Но есть же какой-то предел, — говорит Ван Паттен. — Я хочу сказать, мне не хочется проводить вечер в обществе Коржика[25]].

— Но ты же все еще встречаешься с Мередит, так что какая разница? — говорю я. Он, естественно не слышит.

— И все-таки пижонство — это круто, — говорит Макдермотт. — Пижонство — это очень круто.

— Бэйтмен? — оживляется Ван Паттен. — Что наш стилист говорит по поводу пижонства?

— Что? — рассеянно говорю я, вставая.

— Пижонство, а? — говорит Макдермотт. — Пижонство — это замечательно, comprende[26]]?

— Слушай, — говорю я, отодвигая стул. — Я просто хочу, чтобы все знали, что я — за семейные ценности и

против наркотиков. Извините.

Удаляясь, я слышу, как Ван Паттен подзывает официанта и скучным голосом говорит:

— Это что, вода из-под крана? Я не пью воду из-под крана. Принесите мне Evian или что-нибудь в этом роде, ладно?

Интересно, если Луис умрет, буду ли я меньше нравиться Кортни? Ответ на этот вопрос мне еще предстоит узнать, но пока что ответа нет, и я иду через ресторан, маша рукой кому-то, похожему на Винсента Моррисона, кому-то, кого я совсем не узнаю, и кому-то, похожему на Тома Ньюмена. Будет ли Кортни уделять мне то время, которое она сейчас проводит с Луисом, если он сойдет со сцены, не будет больше мешать... если он будет мертв? Если Луиса убьют, расстроится ли Кортни? Смогу ли я искренне не смеяться ей в лицо, когда ярость клокочет во мне, подавляя все? Может быть, ее возбуждает, что она встречается со мной у него за спиной, или ей просто нравится мое тело, или размер моего члена? В таком случае, что нужно сделать, чтобы угодить Кортни? Если ей во мне нравятся только мышцы и то, как я трахаюсь, тогда она просто сучка. Но физически совершенная сучка, потрясающе красивая сучка, и это извиняет все, ну кроме, может быть, запаха изо рта и желтых зубов (этого достаточно, чтобы порвать отношения). Как сложатся наши отношения, когда я задушу Луиса? Если я женюсь на Эвелин, будет она заставлять меня покупать ей халаты от Lacoste, пока мы с ней не разведемся? Интересно, южноафриканские колониальные войска и чернокопые коммунистические обезьяны уже помирились в Намибии? Станет ли мир безопаснее и добрее, если порубить Луиса на кусочки? Мой мир, возможно, и станет лучше, тогда почему бы и нет? На самом деле, здесь нет и не может быть... других мнений. На самом деле, сейчас уже поздно задаваться вопросами, потому что я уже стою в мужском туалете, глядя на себя в зеркало — загар и прическа превосходны, — и рассматриваю свои зубы, которые тоже совершенно прямые, белые и блестящие. Подмигиваю своему отражению, натягиваю пару кожаных перчаток от Armani и направляюсь в кабинку, которую занимает Луис. В сортире никого нет, кроме нас двоих. Все кабинки пусты, кроме одной — с краю, дверца не заперта, оставлена чуть приоткрытой, слышно, как Луис насвистывает что-то из «Отверженных», звук становится все громче по мере моего приближения.

Он стоит в кабинке спиной ко мне. На нем кашемировый блейзер, шерстяные брюки в складку, белая рубашка из хлопка с шелком. Он писает в унитаз. Я понимаю, что он чувствует движение у себя за спиной, потому что напрягается, прислушиваясь, и струйка мочи останавливается. Мое тяжелое дыхание заглушает все остальные звуки, зрение расплывается, — я очень медленно поднимаю руки, хватаю его за шею поверх воротника его кашемирового свитера и хлопчатобумажной рубашки, мои большие пальцы соединяются на затылке Луиса, а указательные — под кадыком. Я сжимаю руки, но пока не очень сильно, чтобы Луис смог повернуться ко мне. Теперь он стоит лицом ко мне, одну руку на свитере, другая поднимается, как в замедленной съемке. Его глаза подрагивают, а потом широко распахиваются, что мне и требуется. Лицо Луиса уже скривилось и стало багровым, а я хочу, чтобы он знал, кто его убивает. Я хочу, чтобы мое лицо было последним, последним, что Луис увидит перед смертью, я хочу закричать: «Я ебусь с Кортни! Ты меня слышишь? Я ебусь с Кортни! Ха-ха-ха!» — и эти слова станут последним звуком, который услышит Луис, пока его собственные хрипы и треск позвоночника не заглушат все. Луис смотрит на меня, и я напрягаю мышцы рук, готовясь к борьбе, которая, к моему разочарованию, почему-то не начинается.

Вместо того, чтобы сопротивляться, он смотрит на мои запястья, и вдруг как бы в нерешительности вздрагивает, наклоняет голову и... целует мое левое запястье, потом опять поднимает глаза на меня и смотрит так застенчиво и с выражением... любви и как бы небольшой неловкости. Он поднимает левую руку и нежно гладит меня по щеке. Я стою столбом, руки так и лежат у Луиса на шее.

— О господи, Патрик, — шепчет он. — Почему здесь?

Его рука играет с моими волосами. Я смотрю на заднюю стенку кабинки, где нацарапано: «Эдвин толкает клевою шмаль», — я все еще парализован, и тупо тарашусь на эти слова, на рамочку, окружающую буквы, как будто в ней содержится ответ, некая высшая истина. Эдвин? Какой-то Эдвин? Я трясую головой, чтобы сбросить оцепенение, и перевожу взгляд на Луиса, у которого на лице как будто прилеплена эта жуткая влюбленная улыбка, я пытаюсь крепче сжать его шею, но мое собственное лицо искажается от этого непомерного усилия, и я не могу этого сделать, мои руки никак не сжимаются, мои руки, все еще простертые вперед, кажутся нелепыми и бесполезными в таком положении.

— Я видел, как ты смотрел на меня, — говорит он с придыханием. — Я заметил, — он сглатывает, — как ты разгорячен.

Он пытается поцеловать меня в губы, но я отступаю и случайно закрываю дверцу кабинки. Я убираю руки с шеи Луиса, он тут же хватается их и кладет обратно. Я опять убираю их, и стою, обдумывая, что делать дальше, но не

могу даже пошевелиться.

— Не будь таким... робким, — говорит он.

Я глубоко вздыхаю, закрываю глаза, считаю до десяти, открываю глаза и делаю беспомощную попытку поднять руки, чтобы все-таки задушить Луиса, но руки кажутся совершенно неподъемными, руки меня не слушаются.

— Ты даже не знаешь, как долго я этого хотел... — он тяжело дышит, поглаживая мои плечи дрожащими руками. — Еще с той Рождественской вечеринки в «Аризоне 206». На тебе тогда был еще галстук от Armani в красную полоску.

Я только теперь замечаю, что его брюки все еще не застегнуты, и тихо и беспрепятственно выбираюсь из кабинки, чтобы помыть руки, но на руках у меня перчатки, и я не хочу их снимать. Мужской туалет Йельского клуба внезапно становится самой холодной комнатой на земле, и меня бьет озноб. Луис выходит следом, теревит мой пиджак, наклоняясь вместе со мной над раковиной.

— Я хочу тебя, — говорит он хриплым пидорским шепотом, и я медленно поворачиваю голову, чтобы посмотреть ему в глаза, и он ловит мой взгляд и добавляет, — тоже.

Я выбегаю из сортира и сталкиваюсь, кажется, с Брюстером Випплом. Я улыбаюсь метрдотелю и, пожав ему руку, бегу к закрывающемуся лифту, но опаздываю, и громко матерюсь, стоя перед закрывшимися дверями. Я замечаю, что метрдотель разговаривает с официантом, и оба вопросительно поглядывают на меня, так что я выпрямляюсь и машу им рукой. Луис спокойно выходит из туалета, все еще улыбаясь, раскрасневшийся, а я просто стою и смотрю, как он подходит ко мне. Он молчит.

— Что... это? — наконец, говорю я сквозь зубы.

— Ты куда собираешься? — смущенно шепчет он.

— Я... я собираюсь... — обалдевший, я осматриваю заполненный ресторан, потом поворачиваюсь к Луису и вдруг понимаю, что меня всего колотит. — Мне нужно вернуть видеокассеты, — говорю я, тыча в кнопку вызова лифта, но потом, когда мое терпение иссякает, иду обратно за столик.

— Патрик, — окликает он меня.

Я оборачиваюсь:

—Что?

Он шепчет: «Я позвоню тебе», — с таким выражением на лице, которое вроде как должно уверить меня, что он сохранит мой секрет.

— О боже, — мне хочется проблеяться, меня всего трясет, и когда я сажусь за наш столик, я понимаю, что полностью опустошен, я все еще в перчатках. Я залпом проглатываю остатки моего коктейля. И как только я сажусь, Ван Паттен спрашивает:

— Эй, Бэйтмен, как правильно надо носить булавку для галстука?

— С деловым костюмом булавка для галстука вовсе не обязательна, но если она все-таки есть, она должна его дополнять. Аксессуар ни в коем случае не должен забивать сам галстук. Лучше всего выбрать простую золотую заколку и поместить ее у нижнего конца галстука, под углом в сорок пять градусов.

УБИТЬ СОБАЧОНКУ

Звонит Кортни, она приняла слишком много элавила и не сможет пойти со мной ужинать в «Cranes», новый ресторан Китти Оатс Сандерс в Гремерси Парк, где Джин, моя секретарша, заказала нам столик еще неделю назад. Я в замешательстве. И хотя о «Cranes» были отличные отзывы (один — в журнале New York, другой — в The Nation), я не пытаюсь уговорить Кортни, потому что мне нужно разобраться еще с двумя контрактами и посмотреть Шоу Патти Винтерс, которое я записал утром, но еще не успел посмотреть. Сегодня оно было посвящено женщинам, перенесшим мастэктомию, так что в семь-тридцать, между завтраком и работой, я просто не смог это выдержать, но сейчас — после того, как в офисе сломался кондиционер, после нудного ланча с Каннингхемом в «Odeon», после того, как в этой ебаной китайской химчистке не смогли отчистить очередной пиджак от Soprani от пятен крови, после того, как я просрочил четыре видеокассеты, что будет стоить мне маленького состояния, да еще после того, как мне пришлось двадцать минут дожидаться очереди на тренажер... в общем, это меня добило. Но зато все вышесказанное укрепило мой дух, так что теперь я готов ко всему — даже к такой малоприятной теме.

Две тысячи отжиманий и полчаса прыганья через скакалку в гостиной, под «The Lion Sleeps Tonight», играющей снова и снова, хотя сегодня я уже накачался в спортзале — занимался почти два часа. Потом я одеваюсь и собираюсь за продуктами в D'Agostino. Надеваю синие джинсы от Armani, белую рубашку Polo, спортивную куртку тоже от Armani, без галстука; волосы приглаживаю муссом Thompson; на улице моросит, поэтому я надеваю черные водонепроницаемые ботинки от Manolo Blahnik; три ножа и два пистолета в черном кожаном

кейсе от Louis Vuitton (\$3,200), а поскольку сегодня похолодало, а я не хочу испортить свой маникюр, то надеваю еще и перчатки от Armani из оленьей кожи. Наконец, я завязываю пояс черного кожаного пальто от Gianfranco Ferré, которое стоит четыре тысячи долларов. И хотя до D'Agostino идти очень близко, я все равно беру с собой плейер, в котором играет диск с полной версией «Wanted dead or alive» Бон Джови. На всякий случай я беру зонт с деревянной ручкой от Bergdorf Goodman (триста долларов на распродаже) из недавно купленной стойки для зонтов в прихожей, и выхожу за дверь.

После работы я позанимался в Xclusive, а как только пришел домой, решил поразвлечься и пошутить по телефону над молоденькими девочками из Dalton, номера телефонов которых я нашел в офисе управляющего, куда залез ночью в прошлый четверг.

— Я корпоративный налетчик, — сладострастно шепчу я в трубку. — Осуществляю захваты компаний. А как тебе это понравится, а? — Я делаю паузу, а потом изображаю звуки, похожие на сосущие хлюпы, переходящие в причмокивающее хрюканье. — А, сука?

Было сразу понятно, что они испугались, и меня это жутко порадовало, по этому поводу у меня даже встал и стоял все время, пока я забавлялся телефонными звонками, но потом одна девочка, Хилари Уоллес, невозмутимо спросила:

— Папа, это ты? — и у меня сразу опал. Приунывший и разочарованный, я сделал еще пару-тройку звонков, но уже безо всякого энтузиазма, почитывая параллельно сегодняшнюю почту, и, наконец, повесил трубку на середине фразы, когда наткнулся на персональное напоминание от Клиффорда, моего продавца-консультанта у Armani, что в бутике на Мэдисон была закрытая распродажа для постоянных клиентов... две недели назад! И хотя это, наверное, кто-нибудь из портье специально задержал письмо, чтобы меня взбесить, это не отменяет тот факт, что я пропустил эту ебаную распродажу, и сейчас, когда я прохожу по Центральному парку где-то в районе Шестьдесят шестой, Шестьдесят седьмой, это меня жутко бесит, и я прихожу к выводу, что этот мир, в сущности, очень жестокое и плохое место.

Кто-то, похожий на Джексона Тейлора из Morgan Stanley (темные волосы, зачесанные назад, темно синее двубортное кашемировое пальто с бобровым воротником, черные кожаные ботинки), проходит под фонарем, кивает мне, и я убавляю звук плейера и слышу, как он говорит:

— Привет, Кевин.

Я улавливаю слабый запах Grey Flannel, на ходу оборачиваюсь на этого парня, похожего на Тейлора, на парня, который может быть Тейлором, мимоходом пытаюсь предположить, встречается ли он еще с Шелби Филиппс, и тут почти спотыкаюсь о нищенку, лежащую на тротуаре, развалившись у входа в заброшенный теперь ресторан, который Тони Макманус открыл два года назад — называется «Амнезия». Черная и абсолютно чокнутая попрошайка все повторяет одну и ту же фразу:

— Деньги пожалуйста помогите мистер деньги пожалуйста помогите мистер, — на манер какой-то буддистской мантры. Я пытаюсь прочесть ей лекцию на тему, что стоило бы найти какую-нибудь работу — например, в кинокомплексе Odeon, отнюдь не невежливо предлагаю я, а про себя думаю, не открыть ли сумку и не достать ли оттуда нож или пистолет. Но тут до меня доходит, что это слишком легкая мишень, и никакого удовлетворения мне не будет, так что я посылаю ее, включаю плейер, как раз на вопле Бон Джови: «It's all the same, only the names have changed» («Все осталось по-прежнему, только имена изменились»), — и ухожу. Я останавливаюсь у банкомата, чтобы снять триста баксов — без всякой причины, просто так, — все банкноты хрустящие, свежеепечатанные двадцатки, и я осторожно кладу их в карман, стараясь не помять. У Колумбус-серкл фокусник в грязном плаще и высокой шляпе, обычно промышляющий тут после полудня и зовущий себя Гуттаперчевым человеком, развлекает небольшую равнодушную толпу, и несмотря на то, что я ищу жертву, а он, без сомнения, заслуживает моей ярости, я иду дальше, чтобы найти кого-нибудь поизысканнее. Если бы он был мимом, он бы точно уже был мертв.

Выгоревшие плакаты Дональда Трампа на обложке Time закрывают окна другого заброшенного ресторана, который раньше назывался «Palace», и мне это придает уверенности. Я подхожу к D'Agostino, встаю прямо напротив входа, уставившись в витрину, и у меня возникает неодолимая потребность пройти все ряды в магазине, осмотреть каждую витрину, наполнить корзину бутылочками с ароматическими маслами и морской солью, прогуляться мимо продуктовых прилавков, изучая цвет красного перца, желтого перца, зеленого перца и пурпурного перца, решить, какого вкуса и какой формы имбирный пряник купить, но мне все-таки нужно что-то более проникновенное и глубокое, что-то неопределенное, так что я ухожу в темноту холодных улиц западной части Центрального парка, ловлю свое отражение в затемненных стеклах лимузина, припаркованного рядом с Café des Artistes, и мои губы непроизвольно кривятся, язык увлажняется, глаза начинают моргать в своем

собственном ритме, независимо от меня. В свете уличных фонарей моя тень четко видна на сыром тротуаре, и я вижу, как движутся мои руки в перчатках, сжимаются в кулаки и опять разжимаются, и мне приходится остановиться на углу Шестьдесят седьмой, чтобы взять себя в руки и успокоиться, прошептать себе что-то хорошее, вспомнить о D'Agostino, о столике в «Дорсии», о новом диске Mike and the Mechanics, и я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не отхлестать себя по щекам.

По улице неторопливо бредет пожилой педик в кашемировом свитере с высоким воротом, шерстяном шейном платке пейсли и фетровой шляпе. Он прогуливает бело-коричневого шарпея, который нюхает тротуар, чуть ли не вжимаясь в него своей складчатой мордой. Они идут мне навстречу, проходят сначала под одним фонарем, потом — под другим, и я принимаю решение, снимаю плеер и незаметно открываю кейс. Я стою на бордюре рядом с белым BMW320i, а педик с шарпеем уже совсем рядом, и я могу рассмотреть его получше: далеко за пятьдесят, пухлый, с непристойно здоровой и гладкой кожей и нелепыми усами, только подчеркивающими его женственные черты. Он одаривает меня игривой улыбочкой, а его шарпей деловито обнюхивает дерево, а потом — мусорный мешок рядом с BMW.

— Милый песик, — улыбаюсь я, приседая.

Шарпей настороженно смотрит на меня и рычит.

— Ричард! — Мужик смотрит на собаку, потом — опять на меня, как бы извиняясь, я чувствую, что он польщен, и не только тем, что я обратил внимание на его собаку, но и тем, что я остановился поговорить с ним о ней. Клянусь, что старый козел раскраснелся, и наверняка у него встало в его широких вельветовых брюках, кажется, от Ralph Lauren.

— Все нормально, — говорю я и ласково глажу собаку, положив кейс на землю. — Это шарпей, да?

— Нет. Шар-пей, — говорит он шепеляво с каким-то странным произношением.

— Шар-пей? — я пытаюсь повторить его интонацию, по-прежнему глядя собаку по мягкой шерстке.

— Нет, — кокетливо смеется он. — Шар-пей. Ударение на последний слог.

Утаренье на паслетний слок.

— Ну, все равно, — говорю я, выпрямляюсь и улыбаюсь ему по-мальчишески, — красивая собака.

— О, спасибо, — говорит он. И потом, шепотом, добавляет: — Он стоит мне целое состояние.

— Серьезно? Как это? — говорю я, опять отпускаюсь на корточки и глажу собаку. — Привет, Ричард, привет, красавец.

— Вы не поверите, — говорит он. — Видите, вот эти мешки у него вокруг глаз нужно подтягивать каждые два года — хирургическим путем, так что мы ездим с ним в Ки-Уэст — там есть одна ветеринарная клиника, единственная, которой я действительно доверяю. Здесь обрезать, там подшить — и Ричард опять замечательно видит, правда, малыш? — Он одобрительно кивает, глядя на то, как я глажу его собаку.

— Ну, — говорю я, — выглядит он замечательно.

Пауза. Я смотрю на собаку. Ее хозяин все еще смотрит на меня, и, наконец, не выдерживает и нарушает молчание.

— Послушайте, — говорит он. — На самом деле, мне неудобно об этом спрашивать...

— Да нет, продолжайте, — говорю я ободряюще.

— Господи, это так глупо, — он смущенно хихикает.

Я смеюсь:

— Почему?

— Вы не модель? — говорит он и еще громче смеется. — Могу поклясться, я вас видел в журнале или еще где-то... но точно видел.

— Нет, я не модель, — говорю я, решив быть честным. — Но я польщен.

— Ну, просто вы смотрите прямо как кинозвезда. — Он делает какой-то неопределенный жест. — Ну, я не знаю... — он умолкает, а потом шепелявит себе под нос — я клянусь, он шепчет сам себе: — Ой, прекрати сейчас же, ты себя дураком выставляешь.

Я наклоняюсь, делая вид, что поднимаю кейс, но кейс стоит в тени, и поэтому старый педик не видит, как я вытаскиваю оттуда нож, самый острый, с зазубренным наконечником, и я спрашиваю его, сколько он заплатил за Ричарда, спрашиваю как бы между прочим, но при этом продуманно, даже не оглядевшись по сторонам, чтобы проверить, не проходит ли кто мимо нас. Одним мягким движением я быстро хватаю собаку за шею и держу ее левой рукой в круге света от фонаря, а она вгрызается мне в руку, пытаюсь прокусить перчатки, ее челюсти клацают, но я просто усиливаю хватку, и собака уже не лает, я слышу, как хрустит ее трахея у меня под рукой. Я вонзаю зазубренное лезвие ей в желудок, и вспарываю ее безволосое брюхо, из разреза хлещет бурая

кровь, ее лапы все еще дергаются и царапают меня, красные и синие кишки вываливаются наружу, и, наконец, я бросаю собаку на тротуар, а педик просто стоит столбом и все еще сжимает в руке поводок; все это случилось так быстро, что он просто остолбенел от ужаса, он в шоке таращится в одну точку и все повторяет: «О боже, о боже», — а шарпей из последних сил подволакивает свое тело, виляя хвостом и повизгивая, и начинает лизать и обнюхивать грудь собственных внутренностей на тротуаре, часть их так и торчит у него из брюха, а потом он выгибается в предсмертных конвульсиях, а я резко встаю и оборачиваюсь к хозяину, толкаю его назад — толкаю рукой в окровавленную перчатку, — и бью его снова и снова ножом в лицо и в голову, потом двумя быстрыми движениями перерезаю ему глотку, и фонтан буро-красной крови бьет в белый BMW, припаркованный у тротуара, с такой силой, что в машине включается сигнализация. Из растерзанного горла старого педераста вырываются еще четыре фонтанчика крови. Звук как от спрея. Он падает на мостовую, шатаясь, как пьяный; кровь все еще хлещет, я вытираю нож насухо об его пиджак, убираю обратно в кейс и ухожу, но прежде, чтобы удостовериться, что педик действительно мертв, а не притворяется (они иногда притворяются), я дважды стреляю ему в лицо из пистолета с глушителем, и тогда уже ухожу, чуть не поскользнувшись в луже крови, которая натекла возле его головы, я спускаюсь по улице и выхожу из темноты и, как в кино, появляюсь возле D'Agostino, продавцы приглашают меня зайти, и я использую просроченный купон, чтобы купить пачку овсяных хлопьев, а девица на кассе — черная тормознутая дура — этого не просекает, она не замечает, что купон уже просрочен, хотя я покупаю всего одну вещь, и, как ни странно, но это меня возбуждает, я выхожу из магазина, открываю пачку хлопьев, на ходу зачерпываю их горстями и отправляю в рот, пытаюсь одновременно насвистывать «Hip to be Square», а потом открываю зонтик и несусь сломя голову по Бродвею, сначала — в одну сторону, потом — обратно и снова назад, я кричу, как баньши, и пальто у меня развеивается, как старинный широкий плащ.

ДЕВУШКИ

Сегодня — бесконечно раздражающий меня ужин в Raw Space с Кортни, которая непонятно почему выпендривается: все время задает вопросы о том, чем кормят на курортах, о Джордже Буше, Тофутти и прочих персонажах, которых можно увидеть только в кошмарном сне. Я не обращаю на нее никакого внимания, но это не помогает, и на середине фразы — (Page Six, Джеки О) я ищу спасения у официанта: заказываю холодный суп из мидий с кукурузой и лимоном с арахисом и укропом, императорский салат с руколой и филе рыбы-меч с горчицей на киви. Правда, я это уже один раз заказывал, о чем он и сообщает. Я смотрю на него, даже не пытаюсь скрыть удивления, и мрачно улыбаюсь.

— Да, заказывал, точно.

Флоридская кухня выглядит впечатляюще, но порции маленькие и дорогие, особенно в таком месте, где на каждом столе блюдце с цветными мелками. (Кортни рисует на своей бумажной подстилке вензель Laura Ashley, я же рисую на своей внутренности Моники Ластгарден и когда Кортни, очарованная моим рисунком, спрашивает, что это, я отвечаю: «М-м-м... арбуз.») Счет, который я оплачиваю своей платиновой карточкой American Express, оказывается больше трехсот долларов. Кортни неплохо выглядит: на ней — шерстяной жакет Donna Karan, шелковая блузка и кашемировая юбка. Неизвестно почему я сегодня надел смокинг. Сегодня утром в Шоу Патти Винтерс говорилось о новом виде спорта под названием «метание пигмеев».

Пока я подвожу ее к «Nell's», где, как предполагалось, мы должны выпить с Мередит Тейлор, Луизой Самуэльсон и Пирсом Тауэрсом. Я говорю Кортни, что мне надо купить наркотиков, и обещаю вернуться до полуночи.

— Да, и передай Нелл привет, — добавляю я небрежно.

— Господи, да купи ты здесь внизу, если тебе так надо, — хнычет она.

— Но я договорился, что заеду туда. Паранойя. Понимаешь? — ною я в ответ.

— У кого паранойя? — спрашивает она, глаза прищурены. — Не поняла.

— Милая, наркотики, которые продаются здесь внизу, обычно оказываются слабее, чем сахарозаменитель, — говорю я ей. — Ты ведь сама знаешь.

— Патрик, меня не впутывай, — предупреждает она.

— Просто иди туда и закажи мне пиво Foster's, ладно?

— Куда ты идешь на самом деле? — спрашивает она спустя мгновение, теперь уже с подозрением.

— Я еду к Ноджу, — говорю я. — Я покупаю кокаин у Ноджа.

— Нодж — шеф-повар в «Шезлонге», — говорит она, пока я выпихиваю ее из лимузина. — Нодж не торгует наркотиками. Он шеф-повар!

— Не надо истерики, Кортни, — вздыхаю я, подталкивая ее в спину.

— Только не ври мне насчет Ноджа, — ноет она, сражаясь за то, чтобы остаться в машине, — Нодж — шеф-повар в «Шезлонге», понял?

Я остолбенело смотрю на нее, мне в глаза бьет резкий свет фонарей, висящих у входа в «Nell's».

— Я имею в виду Фидлера, — наконец смиренно признаю я. — Я еду к Фидлеру.

— Ты невозможный, — бормочет она, выходя из машины. — Что-то с тобой в самом деле не так.

— Я вернусь, — кричу я ей вслед, громко хлопая дверью лимузина, потом торжествующе хихикаю, вновь зажигая сигару. — Но не рассчитывай на это.

Я говорю шоферу, чтобы он ехал в самый блядский район города, к западу от «Nell's», поискать проституток вокруг бистро «Flogent», и после того как я дважды внимательно прочесываю округу — на самом деле я потратил месяцы, рыская в этой части города в поиске подходящей девки — я обнаруживаю ее на углу улиц Вашингтон и Тринадцатой. У нее стройное тело и светлые волосы, она молоденькая и простоватая, но не как эти бабищи из эскорт-службы. Самое главное — она белая, что является редкостью в этих краях. На ней обтягивающие обрезанные шорты, белая майка и дешевая кожаная куртка. Кожа бледная, только над левым коленом синяк, лицо тоже бледное, хотя пухлые губы густо накрашены розовым. Позади нее на стене заброшенного универмага полуметровыми квадратными красными буквами нарисовано слово МЯСО, и порядок расположения букв пробуждает что-то во мне, а над зданием, словно кулиса, нависает безлунное небо, которое днем закрывали облака, но сейчас их нет.

Лимузин скользит рядом с девушкой. Вблизи, сквозь затемненные стекла, она кажется бледнее, ее светлые волосы теперь кажутся обесцвеченными, а судя по чертам лица, она даже моложе, чем я думал. И поскольку она — единственная белая девушка, которую я увидел сегодня в этой части города, она кажется особенно чистой; ее можно легко принять за студентку Нью-йоркского университета, возвращающуюся домой из Mars после того, как она весь вечер пила коктейль Seabreeze, танцую под новые песни Мадонны, а потом, может быть, поругалась со своим парнем, каким-нибудь Ангусом или Ником или... Поки. Может быть, она идет в «Flogent» посудачить с друзьями, выпить, возможно, еще один Seabreeze или, может быть, капуччино, или стакан воды Evian. В отличие от большинства здешних шлюх, она едва смотрит на лимузин, медленно тормозящий рядом с ней. Вместо этого она непреднамеренно мешкает, делая вид, что ей неизвестно, что на самом деле означает этот лимузин. Когда открывается окно, она улыбается, но смотрит в сторону. Последующий обмен фразами занимает не более минуты.

— Что-то я здесь тебя не видел, — говорю я.

— А ты просто не смотрел, — отвечает она весьма удачно.

— Хочешь посмотреть на мою квартиру? — спрашиваю я, шелкая зажигалкой внутри на заднем сиденье лимузина, так чтобы ей было видно мое лицо и смокинг. Она смотрит на лимузин, потом на меня, снова на лимузин. Я лезу в свой бумажник из газелевой кожи.

— Мне не положено, — говорит она, глядя в проем темноты между двумя зданиями на противоположной стороне улицы, но когда ее взгляд вновь возвращается ко мне, она замечает протянутую ей стодолларовую купюру, и не спрашивая, чем я занимаюсь, не спрашивая, чего я от нее хочу, даже не спрашивая, не полицейский ли я, она берет купюру и теперь мне позволено перефразировать мой вопрос.

— Ты хочешь поехать ко мне или нет? — интересуюсь я с ухмылкой.

— Мне не положено, — вновь произносит она, но взглянув еще раз на длинную черную машину, на купюру, которую она теперь засовывает в задний карман, на нищего, который шаркает к лимузину, а в покрытой струпами руке у него зажат стаканчик с монетами, она наконец решается ответить:

— Но я могу сделать исключение.

— Принимаешь American Express? — спрашиваю я, гася зажигалку.

Она все также глядит в темноту, словно ищет там какой-то невидимый знак. Потом она переводит взгляд на меня, и, когда я повторяю: «Ты принимаешь American Express?», — она смотрит на меня так, как будто я ненормальный, но я глупо улыбаюсь, открывая перед ней дверь и говорю: «Ладно, шучу. Садись.» Она кивает кому-то на другой стороне улицы, и я усаживаю девушку на заднее сиденье темного лимузина, захлопываю дверь и запираю ее.

Дома Кристи принимает ванну (я не спрашивал, как ее зовут на самом деле, но приказал ей отвечать только если я называю ее Кристи), а я набираю номер эскорт-службы Cabana Vi и, при помощи золотой карточки American Express, заказываю блондинку, обслуживающую пары. Я дважды повторяю адрес, после чего снова подчеркиваю: блондинку. Чувак на другом конце провода, какой-то старый итальяшка, заверяет меня, что блондинка будет у меня в течение часа.

Обработав зубы ниткой и переодевшись в шелковые трусы-боксеры Polo и хлопчатобумажную футболку от Bill Blass, я захожу в ванную. Кристи лежит в ванне, потягивая из стакана Steuben белое вино. Присев на мраморной край ванны, я наливаю в нее масло для купания Monique Van Freere с травяным запахом и рассматриваю тело, лежащее в молочной воде. Долгое время мои мысли скачут, их захлестывает грязь: ее голова — вот она, я могу ее размножить; но в ту же секунду мое желание ударить, оскорбить и покарать ее утихает, и я в состоянии спокойно сказать:

— Ты пьешь очень хорошее шардоне.

После долгой паузы, сжимая в руке маленькую, почти детскую грудь, я говорю:

— Я хочу, чтобы ты вымыла свое влагалище.

Она смотрит на меня эдаким взглядом семнадцатилетней, потом обводит им все свое тело, отмокающее в ванне. Едва заметно пожав плечами, она ставит свой стакан на край ванны и опускает руку вниз, к редким светлым волосикам, кладет ее ниже своего плоского, гладкого как фарфор живота, а потом слегка раздвигает ноги.

— Не так, — тихо говорю я, — сзади. Встань на колени.

Она вновь пожимает плечами.

— Я хочу смотреть, — поясняю я. — У тебя очень красивое тело, — говорю я.

Она поворачивается, становится на четвереньки, ее зад приподнят над водой и я перехожу к другому краю ванны, чтобы лучше видеть ее пизду, которую она трогает мыльной рукой. Выше ее запястья я веду свою руку к анальному отверстию, которое я раздвигая и, мазнув маслом для купания, легонько массирую. Оно сокращается, она вздыхает. Я вынимаю палец, затем он соскальзывает в ее пизду, оба наши пальца оказываются внутри, потом снаружи, потом снова внутри. У нее там мокро и я веду свой влажный указательный палец обратно к ее анальному отверстию: теперь он легко проскальзывает туда до самого сустава. Она дважды тяжело вздыхает и сама насаживает себя на мой палец, продолжая гладить своей рукой пизду. Это продолжается до тех пор, пока не раздастся звонок в дверь, — пришла Сабрина. Я велю Кристи вытереться, взять из шкафы халат (только не Vījan) и ждать меня с гостьей в гостиной. Я иду в кухню, где наливаю Сабрине стакан вина.

Однако Сабрина — не блондинка. И после того как мой первоначальный шок проходит, я наконец выпускаю ее. Ее волосы — каштаново—светлые, а не настоящие светлые и хотя это бесит меня, я ничего не говорю, поскольку она очень хороша; не так юна, как Кристи, но и не слишком потаскана. Если коротко, сколько бы я ни заплатил, она этого стоит. А когда она снимает пальто, и я вижу великолепное тело, одетое в обтягивающие черные лосины, топ в цветочек и черные остроносые туфли на высоком каблуке, то я успокаиваюсь и моя злость проходит. Почувствовав облегчение, я веду ее в гостиную и усаживаю на белую пуховую софу. Не спрашивая, хочет ли она чего-нибудь выпить, приношу ей стакан белого вина на серебряном подносе из гавайского отеля Мауна Кеа. Играет компакт-диск с бродвейской постановкой мюзикла «Отверженные». Когда приходит Кристи в махровом халате от Ralph Lauren, я усаживаю ее на кушетку рядом с Сабриной, они приветствуют друг друга кивком, а сам сажусь напротив в кресло Nordian из хрома и тикового дерева. Светлые волосы Кристи зачесаны назад, а сама она после ванны кажется совсем бледной.

Я решаю, что лучше познакомиться до того, как мы пойдем в спальню, и потому, откашлявшись, нарушаю долгое, но нетягостное молчание.

— Итак, — начинаю я, закидывая ногу на ногу. — Вы не хотите знать, чем я занимаюсь?

Обе они долго смотрят на меня. Неподвижные улыбки застыли на их лицах, они смотрят друг на друга, прежде чем Кристи неуверенно пожимает плечами и тихо произносит:

— Нет.

Сабрина улыбается и, пользуясь подсказкой, соглашается:

— Нет, в общем-то нет.

В крайнем раздражении я с минуту смотрю на них, потом, вытянув ноги, вздыхаю:

— Ну ладно. Я работаю на Уолл-стрит. В Pierce & Pierce.

Долгая пауза.

— Слышали о такой фирме? — спрашиваю я.

Еще одна долгая пауза. Наконец молчание нарушает Сабрина:

— Это как-то связано с Mays... или Masy's?

Проходит время, прежде чем я спрашиваю:

— Mays?

Она думает минуту, потом говорит:

— Да. это ведь обувной магазин. Разве P&P не обувной магазин?

Я смотрю на нее тяжелым взглядом.

Кристи, удивляя меня, поднимается и идет к стереосистеме

— Здорово у тебя здесь, Пол...

Потом, окинув взглядом сотни компакт-дисков, стоящих в алфавитном порядке на большой полке из светлого дуба, она спрашивает:

— Сколько все это стоит?

Я встаю, чтобы налить себе второй стакан «Акации».

— Вообще-то это не твое дело, Кристи, но могу тебя заверить, что это определенно было недешево.

Из кухни я замечаю, как Сабрина вытащила из своей сумочки пачку сигарет, и прежде чем она успевает закурить, я вхожу обратно в гостиную, качая головой.

— Нет, курить нельзя, — говорю я ей. — Не здесь.

Она улыбается, слегка медлит и с легким кивком отправляет сигарету назад в пачку. Я несу с собой поднос с шоколадными конфетами, одну из которых предлагаю Кристи.

— Трюфель?

Она бессмысленно смотрит на поднос, затем вежливо качает головой. Я иду к Сабрине, которая, улыбаясь, берет одну конфету и я с беспокойством замечаю, что ее стакан все еще полный.

— Я не хочу, чтобы ты напивалась, — говорю я ей, — но ты не пьешь превосходное шардоне.

Я ставлю поднос с трюфелями на стеклянный журнальный столик Palazzetti и сажусь обратно в кресло, движением руки указывая Кристи на кушетку, куда она и возвращается. Так мы сидим молча, слушая «Отверженных». Сабрина задумчиво жует трюфель, берет второй.

Я снова вынужден сам прервать молчание.

— Кто-нибудь из вас был за границей?

В ту же секунду мне приходит в голову, что мой вопрос может быть неправильно истолкован, и я уточняю:

— В Европе кто-нибудь был?

Они смотрят друг на друга, словно обмениваясь какими-то тайными знаками. Потом Сабрина качает головой, и ее движение повторяет Кристи.

После ещё одной долгой паузы я задаю следующий вопрос:

— Кто-нибудь из вас был в колледже, а если был, то где?

Они не отвечают, а только обмениваются красноречивыми взглядами, так что я решаю, что это подходящий момент для того, чтобы отвести их в спальню. Там я заставляю еще одетую Сабрину немного потанцевать в свете всех галогеновых ламп, а мы с Кристи смотрим. Я надеваю на нее шелковую ночную рубашку с кружевами (Christian Dior), раздеваюсь сам, оставив лишь на ногах кроссовки Nike, а потом Кристи снимает халат Ralph Lauren и остается абсолютно голой, не считая шелкового с латексом шарфика от Angela Cummings, который я заботливо повязал ей на шею, и замшевых перчаток дизайнера Gloria Jose от Bergdorf Goodman, купленных на распродаже.

Теперь мы все трое на футоне. Кристи стоит на четвереньках, ее зад высоко поднят, я сижу на ней верхом, мои колени — на матрасе, хуй полустойт, лицо обращено к Сабрине, уставившейся в широко раздвинутый зад Кристи с выражением решимости. Ее улыбка кажется вымученной, она смачивает свои половые губы, теревит их, водит по ним блестящим указательным пальцем, словно наносит блеск для губ. Двумя руками я удерживаю зад и пизду Кристи широко раздвинутыми и понуждаю Сабрину наклониться ближе и понюхать их. Теперь лицо Сабрины находится на уровне зада и пизды Кристи, которые я слегка глажу пальцем. Я знаком показываю Сабрине подвинуться еще ближе, чтобы она могла обнюхать мои пальцы, которые я сую ей в рот, — она с жадностью их облизывает. Другой рукой я продолжаю массировать узкую, мокрую пизду Кристи, набухающую под расширившимся анальным отверстием.

— Понюхай ее, — говорю я Сабрине и она придвигается так близко, что ее голова уже в двух сантиметрах, уже в сантиметре от анального отверстия Кристи. Мой хуй теперь торчит вверх и я дрочу, чтобы он не опал.

— Сперва полижи ее пизду, — говорю я Сабрине. Она широко раздвигает ее пальцами и, как собака, принимается лизать, одновременно массируя клитор, а затем переходит к анальному отверстию, которое точно так же вылизывает. Стоны Кристи становятся неуправляемыми, она принимается все сильнее толкать свой зад в лицо Сабрине, на ее язык, который Сабрина медленно засовывает в анальное отверстие Кристи. Я смотрю на это не отрываясь, и начинаю быстро тереть клитор Кристи, пока она не прилипает к лицу Сабрины с криком: «Я кончаю!». Теребя свои длинные соски, она испытывает долгий, продолжительный оргазм. И хотя она, возможно, притворяется, мне нравится эта сцена и поэтому я не бью ее.

Устав держать равновесие, я сваливаюсь с Кристи и ложусь на спину, притягиваю Сабрину к себе, так, чтобы ее лицо располагалось над моим огромным твердым хуем, который я своей рукой засовываю ей в рот. Пока она сосет головку, я дрочу. Я притягиваю к себе Кристи, крепко целую ее в рот, засовываю в него язык, вылизываю ее рот внутри, пихаю ее язык своим, проталкивая так глубоко, насколько возможно. Она тербит свою пизду, такую мокрую, что кажется, будто кто-то перемазал верхнюю часть ее ляжек чем-то липким и маслянистым. Я отпихиваю Кристи ниже, к моим бедрам, чтобы она помогла Сабрине сосать мой хуй, и после того как обе они попеременно лижут головку и крайнюю плоть, Кристи переходит к болезненно набухшим яйцам, каждое из которых размером с небольшую сливу, и она вылизывает их, а потом берет в рот мошонку целиком, поочередно массирует и слегка посасывает яички, раздвигая их языком. Потом она возвращается к члену, который сосет Сабрина, и они начинают крепко целоваться, рот в рот, прямо над головкой моего хуя, роняя на него слюну и продолжая его гладить. Кристи продолжает мастурбировать тремя пальцами, издает стоны, смачивает клитор своими соками. Это заводит меня настолько, что я хватаю ее за бедра и разворачиваю ее так, чтобы ее пизда была над моим лицом, на которое она с радостью усаживается. Чистая и розовая, мокрая и раскрытая, с набухшим, налившимся кровью клитором, ее пизда нависает над моей головой, и я утыкаюсь в нее, работаю языком, выпиваю ее соки, одновременно массируя анальное отверстие. Сабрина по-прежнему гладит и сосет мой член, потом она садится мне на грудь, я срываю с нее трусики, так что ее зад и пизда оказываются перед Кристи, и я нагибаю голову Кристи и велю ей лизать и сосать клитор Сабрины.

Это — неудобная позиция для всех троих, но мы находимся в ней только две-три минуты: за это короткое время Сабрина кончает в лицо Кристи, а та энергично трется пиздой о мое лицо и кончает надо мной, так что мне приходится крепко схватить ее за ляжки, чтобы она своими прыжками не сломала мне нос. Я до сих пор не кончил, а Сабрина не очень старается, так что я вытаскиваю член из ее рта и усаживаю Сабрину на него сверху. Мой член проскальзывает внутрь чересчур легко, — ее пизда слишком мокрая, истекающая собственным соком и слюной Кристи, поэтому трение отсутствует. Я снимаю шарфик с шеи Кристи, вытаскиваю свой член из пизды Сабрины и вытираю его и ее пизду, потом снова ебу ее и одновременно вылизываю Кристи, которую за пару минут привожу к еще одному оргазму. Девушки сидят лицом друг к другу (Сабрина на моем хуе, Кристи у меня на лице), и Сабрина наклоняется вперед, чтобы сосать и покусывать маленькие, крепкие груди Кристи. Затем Кристи начинает крепко целовать Сабрину, залезая языком в рот, а я продолжаю лизать ее. Мой рот и подбородок измазаны ее соком, который мгновенно высыхает, но тут же течет снова.

Я спихиваю Сабрину с моего хуя и укладываю на спину, на нее я укладываю Кристи, так что они оказываются в позиции «69». Зад Кристи приподнят, я натягиваю презерватив и ввожу палец с капелькой вазелина в узкое анальное отверстие Кристи: оно расслабляется, растягивается, и мне удается пропихнуть в него член. В это время Сабрина вгрызается в пизду Кристи, водит в ней пальцем, сосет набухших клитор. Время от времени она берет в руки и слегка сжимает мои яйца, щекочет мое анальное отверстие влажным пальцем. Потом Кристи наклоняется к пизде Сабрины, грубо раздвигает ей ноги как можно шире, и начинает совать свой язык в пизду Сабрине, но это продолжается недолго, поскольку ее сотрясает еще один оргазм, она поднимает голову, смотрит на меня, лицо ее блестит от смазки, она кричит: «Еби меня, о, я кончаю, съешь меня», и я начинаю очень сильно ебать ее в жопу, пока Сабрина вылизывает ее пизду, нависающую над ее лицом, покрытым смазкой Кристи. Я вытаскиваю свой хуй из зады Кристи и заставляю Сабрину пососать его, а потом снова втыкаю его в раздвинутую пизду Кристи, и через пару минут я чувствую, что сейчас кончу. В этот момент Сабрина отрывается от моих яиц, и непосредственно перед тем, как я спускаю в пизду Кристи, она широко раздвигает мои ягодицы и протискивается языком в мое анальное отверстие, которое сжимается вокруг него, и благодаря этому мой оргазм продлевается. Потом Сабрина вынимает язык и начинает стонать, потому что она тоже кончает, так как Кристи, кончив, снова начала вылизывать пизду Сабрины. Тяжело дыша, я перегибаюсь через Кристи, я наблюдаю, как Сабрина подкидывает бедра к лицу Кристи, а потом мне приходится лечь на спину, хоть я и кончил, но мой все еще твердый, блестящий член по-прежнему болит из-за сильной эякуляции, я закрываю глаза, у меня дрожат колени.

Меня будит случайное прикосновение одной из девушек к моему запястью. Открыв глаза, я предупреждаю их, чтобы они не прикасались к моим часам Rolex. Они тихо лежат по разные стороны от меня, время от времени касаясь моей груди, притрагиваясь к мышцам моего живота. Через полчаса у меня снова стоит. Я поднимаюсь и подхожу к шкафу, где рядом со строительным пистолетом лежит заостренная вешалка, ржавый нож для масла, спички из «Gotham Bar and Grill» и наполовину выкуренная сигара. Повернувшись, я — голый, с торчащим хуем — показываю девушкам эти предметы и хриплым шепотом поясняю: «Мы еще не закончили...»

Через час я нетерпеливо провожаю их до двери, они обе одеты, всхлипывают, кое-где течет кровь, но им хорошо

заплачено. У Кристи, наверное, будет ужасный синяк под глазом и сильные царапины на ягодицах от крючка вешалки. Мягкая бумажная салфетка, закапанная кровью, лежит на краю кровати рядом с пустой картонкой от итальянской приправы, которую я стащил в Dean & Deluca.

ПОКУПКИ

Вот список коллег, которым мне нужно купить подарки: Виктор Пауэлл, Пол Оуэн, Дэвид Ван Паттен, Крэйг Макдермотт, Луис Керрутерс, Престон Николс, Конноли О'Брайн, Рид Робинсон, Скотт Монтгомери, Тед Мэдисон, Джефф Дюваль, Борис Каннингхем, Джеми Конвей, Хью Тернболл, Фредерик Диббл, Тод Хэмлин, Малдвин Батнер, Рикки Хендрикс и Джордж Карпендер. Хотя я мог бы отправить Джин бегать по магазинам, вместо этого я усадил ее клеить марки и подписывать рождественские открытки — триста дизайнерских открыток от Марка Костаби. Потом ей нужно сходить их отправить, и еще я попросил ее разузнать все, что возможно, о счетах Фишера, которыми занимается Пол Оуэн. Сейчас я иду по Мэдисон-авеню, а до этого почти час простоял в ступоре возле лестницы в магазине Ralph Lauren на Семьдесят второй, глядя на шерстяные жилеты, — сбитый с толку, ошеломленный, голодный. И когда я наконец-то пришел в себя, после того, как не сумел выудить адресок у смазливой светловолосой продавщицы, строившей мне глазки, я выскочил из магазина с воплем: «Придите все верующие!»[27] Сейчас я хмуро пялюсь на нищего, который сидит у входа в магазин под названием EarKarma, сжимая в руках табличку: «ГОЛОДНЫЙ И БЕЗДОМНЫЙ... ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ, И БЛАГОСЛОВИ ВАС БОГ», а потом я, оказывается, иду вдоль по Пятой в направлении к Saks, пытаюсь вспомнить, включил ли я запись на видео, и меня вдруг прошибает уверенность, что я забыл поменять кассету, и теперь что-то там записывается поверх «Тесной дырки Памелы». Ксанакс не унимает панику. А Saks ее только усиливает.

...ручки и фотоальбомы, подставки для книг и дорожные сумки, электрические щетки для обуви и нагреватели для полотенец, графины на серебряных подставках и портативные цветные телевизоры с наушниками, подсвечники и скворечники, коврики в прихожую, корзины для пикников и ведерки для льда, громадные льняные салфетки с кружевом, зонты, клюшки для гольфа с серебряными монограммами, уловители дыма с угольным фильтром, настольные лампы, фигурные парфюмерные флаконы, шкатулки для драгоценностей, свитера, корзины для журналов, наборы емкостей для хранения продуктов, офисные сумки, всевозможные канцелярские принадлежности, шарфы и кашне, папки, записные книжки, ежедневники...

До Рождества я должен сделать следующее: (1) заказать столик в «Дорсии» на пятницу на восемь, ужин с Кортни, (2) получить приглашение на рождественскую вечеринку на яхте у Трампов, (3) выяснить все, что удастся, о таинственных счетах Фишера, которыми занимается Пол Оуэн, (4) отпилить голову у какой-нибудь миловидной шлюхи и послать ее экспресс-почтой Робину Баркеру, тупой скотине из Salomon Brothers, и (5) извиниться перед Эвелин, но так, чтобы это не выглядело, будто я извиняюсь. В сегодняшнем Шоу Патти Винтерс рассказывали о женщинах, вышедших замуж за гомосексуалистов, и я хотел уже позвонить Кортни и предостеречь ее — шутки ради, — но потом передумал и удовольствовался тем, что живо представил себе, как Луис Керрутерс делает ей предложение, она стеснительно его принимает, и какой у них будет кошмарный медовый месяц. Я злобно пялюсь на очередного нищего, который ежится в зябкой измороси на углу Пятьдесят седьмой и Пятой, подхожу и треплю его за щеку. Потом громко смеюсь.

— Его глаза сияют, подобно звездам! Ямочки у него на щеках! — это хор Армии спасения нестройно выводит «Радость миру». Я машу рукой парню, очень похожему на Дункана Макдональда, и захожу в Bergdorf's.

...галстуки с узором пейсли, хрустальные кувшины, наборы стаканов и офисные часы с термометром, барометром и прибором для измерения влажности, электронные записные книжки с музыкой и фужеры для коктейля «маргарита», наборы десертных тарелок, вешалки, наборы писчей бумаги, зеркала и часы для душа, фартуки и свитера, спортивные сумки, шампанское, фарфоровые кашпо, банные полотенца с вышитыми монограммами, миникалькуляторы для расчета курса иностранных валют, записные книжки с серебряными уголками, пресс-папье с рыбой, канцелярские принадлежности, штопоры, компакт-диски, теннисные мячи, шагомеры и кофейные чашки...

Покупая лосьон для шеи в отделе Clinique, я смотрю на свой Rolex, чтобы удостовериться, что мне хватит времени забежать еще в парочку магазинов до «Princeton Club», где в семь часов мы с Тимом Севертом собирались выпить. Утром, до того, как поехать в офис, я провел два часа в тренажерном зале, и вместо того, чтобы бегать по магазинам, я мог бы пойти на массаж (я сейчас занимаюсь по усиленной программе, и у меня болят мышцы) или к косметологу, хоть я и был у нее вчера. Но в ближайшие пару недель я просто обязан посетить столько коктейлей и вечеринок, что у меня просто не будет времени на магазины. А поскольку подарки покупать надо, то я решил сделать это сегодня. Потому что потом я уже не успею. На выходе из

F.A.O.Schwarz я натыкаюсь на Бредли Симпсона из P&P. На нем — шерстяной пиджак в клетку с V-образными лацканами от Perry Ellis, поплиновая хлопчатобумажная рубашка от Gitman Brothers, шелковый галстук от Savoy, часы-хронограф Breil с ремешком из крокодиловой кожи, плащ от Paul Smith и фетровая шляпа от Paul Stuart. Он говорит:

— Привет, Дэвис.

Неожиданно для себя я начинаю перечислять имена всех восьми оленей Санта-Клауса в алфавитном порядке, и когда я умолкаю, он улыбается и говорит:

— В «Nekenieh» будет рождественская вечеринка, придешь?

Я уверяю, что приду обязательно, и иду себе дальше, кивая в пространство, а потом оборачиваюсь и ору:

— Ты урод, я очень хочу посмотреть, как ты сдохнешь, муди-и-ила, — и начинаю вопить, как баньши. Иду по Пятьдесят восьмой, колочу по стенам дорогим портфелем Bogetta Veneta. На Лексингтон еще один хор поет «Слушайте ангелов возвещающих», и я приплясываю перед ними, что-то мыча, потом я на автомате захожу в Bloomingdale's, направляюсь к первому же прилавку с галстуками, и говорю продавцу — молоденькому педикю:

— Потрясающе, просто потрясающе, — поглаживая при этом шелковый галстук-шарф.

Он строит мне глазки и спрашивает, не фотомодель ли я.

— Да пошел ты к черту, — говорю я и ухожу.

...цветочные вазы и фетровые шляпы с пером, несессеры для туалетных принадлежностей из крокодиловой кожи, серебряные флаконы, щетки для волос и рожки для обуви за двести долларов, подсвечники и наволочки, перчатки и тапочки, пуховки для пудры и свитера ручной вязки, горнолыжные защитные очки от Porsche, антикварные аптекарские пузырьки, бриллиантовые сережки, шелковые галстуки, ботинки, парфюмерные флаконы, бриллиантовые сережки, ботинки, рюмки для водки, визитницы, фотоаппараты, лопаточки для салата из красного дерева, шарфы, лосьоны после бритья, фотоальбомы, наборы для соли и перца, формочки для выпечки, рожки для обуви за двести долларов, рюкзаки и наборы емкостей для хранения продуктов, наволочки...

Пока я рыскаю по Bloomingdale's, передо мной открывается экзистенциальная пропасть, что заставляет меня сначала найти телефон и проверить сообщения у меня на автоответчике, а потом — когда я уже близок к слезам и принял три гальциона (мой организм давно уже привык к таблеткам, так что они не вызывают у меня сонливости, а лишь отгоняют подступающее безумие), — броситься к стойке Clinique и купить шесть тюбиков крема для бритья. Я расплачиваюсь кредитной карточкой American Express, и попутно нервно флиртую с девушками-продавщицами, и прихожу к выводу, что причина этой страшной пустоты — во всяком случае, одна из причин, — мое поведение по отношению к Эвелин в «Баркадии» в тот вечер, хотя я вовсе не исключаю возможности, что дело в моем видеомэгнитофоне, у которого барахлит запись, и я мысленно отмечаю, что мне надо бы появиться на рождественской вечеринке у Эвелин, и едва не поддаюсь искушению позвать с собой одну из девушек-продавиц из Clinique. И надо бы почитать инструкцию и разобраться с записью на видеомэгнитофоне. Я вижу девочку лет десяти; она стоит рядом с матерью, которая покупает шарф и какие-то украшения. Я смотрю на нее и думаю: «Очень даже неплохо». На мне кашемировое пальто, двубортный спортивный пиджак в клетку из альпаки, шерстяные брюки в складку, узорчатый шелковый галстук, все — от Valentino Couture, и кожаные ботинки от Allen-Edmonds.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ВЕЧЕРИНКА

Перед тем как пойти на рождественскую вечеринку к Эвелин, я зашел выпить с Чарльзом Мерфи в «Rusty's», чтобы собраться с духом. На мне двубортный четырехпуговичный костюм (шерсть с шелком), хлопчатобумажная рубашка с воротником на пуговичках от Valentino Couture, узорный шелковый галстук от Armani и кожаные туфли от Allen-Edmonds. Мерфи одет в двубортный шестипуговичный габардиновый костюм от Courreges, полосатую хлопчатобумажную рубашку и шелковый галстук-фуляр — и то, и другое от Hugo Boss. Мерфи разглагольствует о японцах.

— Они купили Эмпайр Стейт Билдинг и «Nell's». Представляешь себе, Бэйтмен? Даже «Nell's»! — восклицает он после второй порции Absolut со льдом, и это что-то пробуждает во мне. Покинув «Rusty's» и побродив по верхнему Вест Сайду, я обнаруживаю, что притаился в арке, ведущей к «Carly Simon's», — еще недавно это был модный ресторан Джи Экейла, закрывшийся прошлой осенью. Когда мимо проезжает на велосипеде курьер-японец, я сбиваю его с велосипеда и затаскиваю в арку, ноги его запутались в велосипеде Schwinn, что очень кстати, поскольку когда я перерезаю ему глотку (легко, без усилий), велосипед блокирует судороги, обычно сопровождающие эту процедуру, хоть парню и удастся оторвать его от земли пять-шесть раз, пока он захлебывается собственной горячей кровью. Я открываю картонные коробки с японской едой и вываливаю их

содержимое на парня, но, к моему удивлению, вместо суши и терияки, роллов и лапши соба на окровавленное, жадно глотающее воздух лицо падает курица с орехами кешью, говядина чау мейн и креветки с рисом, на вздымающуюся грудь шлепается свинина му-шу[28]], и это неприятное открытие (под руку случайно попал не тот азиат) вынуждает меня посмотреть, кому был предназначен заказ: Салли Рубинштейн. На обратной стороне квитанции ручкой Mont Blanc я вывожу: «Я и до тебя доберусь, сука», и кладу квитанцию парню на лицо. Виногато пожав плечами, бормочу: «Извини, что ли». Сегодня утром темой Шоу Патти Винтерс были Девочки-Подростки, Продающиеся За Крэк. Два часа я провел в спортзале и теперь могу сделать двести подъемов на пресс меньше чем за три минуты. Неподалеку от кирпичного особняка Эвелин я вручаю мерзнущему бомжу одно из печений с предсказанием, которые взял у разносчика, и нищий, засунув его в рот вместе с бумажкой, благодарно кивает.

— Мудак ебанный, — говорю я так, чтобы он слышал.

Свернув за угол и устремляясь к дому Эвелин, я вижу, что дом ее обезглавленной соседки Виктории Белл все еще оцеплен полицейскими лентами. Перед домом Эвелин четыре лимузина, один с работающим двигателем. Я опоздал. В столовой и гостиной — толпы людей, желания беседовать с которыми у меня нет. По обе стороны камина стоят высокие, пышные, усыпанные мерцающими белыми огоньками ели. Играют старые рождественские песни шестидесятых в исполнении Ronettes. Бармен в смокинге разливает шампанское, глинтвейн и мартини, смешивает коктейли «Манхэттен» и мартини, открывает бутылки пино нуар Calera Jensen и шардоне Chappellet. Бутылки с портвейном двадцатилетней выдержки выстроились между вазами с пуансеттией. Длинный раздвижной стол покрыт красной скатертью и уставлен тарелками, блюдами и вазочками: жареные лесные орешки, омары, раковый суп, суп из сельдерея с яблоками, канапе с черной икрой, луковые кольца в сливочном соусе, жареный гусь с каштанами, икра в маленьких корзиночках из теста, овощные тарталетки с тапенадом, жареная утка, телячьи ребрышки с луком-шалот, гратен из ньочки, овощной штрудель, вальдорфский салат, гребешки, тосты с маскарпоне, суфле из белых трюфелей и зеленого чили, куропатки-гриль с луком, картофелем, шалфеем и клюквенным соусом, пирожки с изюмом и орехами, шоколадные трюфели, тарталетки с лимонным суфле и ореховый тарт-татэн. Повсюду горят свечи в серебряных подсвечниках Tiffany. И вокруг разгуливают одетые в красно-зеленые костюмы карлики с закусками на подносах (хотя я не уверен, что это не галлюцинация). Притворившись, что я их не заметил, я направляюсь напрямиком в бар и одним махом выпиваю стакан неплохого шампанского, а потом иду к Дональду Петерсену, которому, как и большинству присутствующих мужчин, кто-то нацепил на голову бумажные оленьи рога. В другом конце комнаты — Дева Мария и пятилетняя дочь Дарвина Хаттона Кассандра, на которой семисотдолларовое бархатное платье от Nancy Halser. После второго стакана шампанского я перехожу на мартини — с двойным Абсолютом, и, успокоившись, я внимательно рассматриваю комнату, но карлики никуда не исчезли.

— Слишком много красного, — бормочу я. — Это меня нервирует.

— Привет, Макклой, — восклицает Петерсен. — Что ты сказал?

Я прихожу в себя и спрашиваю на автомате:

— Это британское исполнение «Отверженных» или нет?

— Веселого тебе рождества, — пьяно тыкает он на меня пальцем.

— Так что это за музыка? — с раздражением переспрашиваю я. — И кстати, сэр, своими поздравлениями можете украсить холл.

— Это Билл Септор, — пожимает он плечами. — То ли Септор, то ли Скептор.

— И почему бы ей не поставить Talking Heads? — горько сетую я.

В другом конце комнаты стоит Кортни, в руках у нее стакан шампанского, и она полностью игнорирует меня.

— А может, это «Отверженные»? — предполагает он.

— Американское или британское исполнение? — мои глаза сужаются. Я проверяю его.

— М-м-м, британское, — мямлит он, и в этот момент карлик вручает нам тарелки с вальдорфским салатом.

— Уж конечно, — бормочу я, глядя, как ковыляет прочь карлик.

Неожиданно к нам вихрем подлетает Эвелин. На ней — соболий жакет и бархатные брючки от Ralph Lauren, в одной руке — ветка омелы, которую она поднимает над моей головой, в другой — леденец на палочке.

— Осторожно, омела! — восклицает она, сухо целуя меня в щеку. — С Рождеством, Патрик. С Рождеством, Джимми.

— С... Рождеством, — говорю я, не имея возможности оттолкнуть ее — в одной руке у меня мартини, в другой — вальдорфский салат.

— Опаздываешь, милый, — говорит она.

— Я не опаздываю, — открыто протестую я.

— Нет, опаздываешь, — нараспев произносит она.

— Я был здесь все это время, — осаживаю я ее. — Ты просто меня не видела.

— Ну, перестань хмуриться. Ты просто Мистер Гринч[29]]. — Она поворачивается к Петерсену. — Ты знаешь, что Патрик — Мистер Гринч?

— Глупости, — вздыхаю я, глядя на Кортни.

— Черт возьми, мы все знаем, что Макклой — это Гринч, — пьяно ревет Петерсен. — Как поживаете, мистер Гринч?

— А что мистер Гринч хочет на Рождество? — сюсюкает Эвелин. — Гринчик в этом году был хорошим мальчиком?

Я вздыхаю.

— Гринч хочет плащ от Burberry, кашемировый свитер Ralph от Lauren, новые часы Rolex, автомагнитола...

Эвелин вынимает леденец изо рта.

— Но у тебя нет машины, милый.

— А я все равно хочу, — вновь вздыхаю я. — Гринч все равно хочет автомагнитола.

— Как вальдорфский салат? — озабоченно спрашивает Эвелин. — Как тебе кажется — вкусно?

— Восхитительно, — бормочу я, вытягивая шею. Я кое-кого заметил, и с уважением говорю: — А ты не говорила, что пригласила Лоуренса Тиша.

Она оборачивается.

— О ком ты говоришь?

— Ну, как же, это ведь Лоуренс Тиш разносит подносы с канапе? — спрашиваю я.

— Господи, Патрик, это не Лоуренс Тиш, — говорит она. — Это один из рождественских эльфов.

— Один из кого? Ты хочешь сказать — из карликов?

— Это эльфы, — подчеркивает она. — Маленькие помощники Санта-Клауса. Боже, какой ты ворчун! Они такие милые! Вот тот — Рудольф, леденцы разносит Блитцен, там Доннер...

— Постой, постой, Эвелин, — говорю я, прикрывая глаза рукой, в которой я держу вальдорфский салат. Меня бросает в пот от какого-то странного дежавю. Разве эти эльфы мне встречались раньше? Надо не думать об этом.

— Так зовут оленей Санта Клауса. А не эльфов. Блитцен был оленем.

— Он — единственный еврей среди них, — напоминает нам Петерсен.

— О... — похоже, Эвелин озадачена этой информацией, она смотрит на Петерсена и ждет, что тот подтвердит ее. — Это правда?

Он пожимает плечами, задумывается, кажется, он смущен.

— Э, крошка — олени, эльфы, Гринчи, брокеры... Какая, к черту, разница, пока Cristal льется рекой? — Он прищмыкивает и пихает меня в бок. — Верно, мистер Гринч?

— Неужели тебе не кажется, что они такие... рождественские? — с надеждой спрашивает она.

— Да, Эвелин, — говорю я ей. — Они очень рождественские, честное слово.

— А мистер Ворчун опоздал, — дует она, укоризненно трясая передо мной проклятой веткой омелы. — И ни словом не обмолвился о салате.

— Знаешь, Эвелин, в этом мегаполисе миллион вечеринок, которые я мог бы посетить, но я выбрал твою.

Возможно, тебе интересно, почему? Я тоже спрашиваю себя, почему. И не нахожу ответа. Так или иначе, но я здесь, так что, знаешь, будь благодарна, крошка, — говорю я.

— Ах, вот что ты мне подарил на Рождество? — язвительно спрашивает она — Как это мило, Патрик, с твоей стороны.

— Нет, вот твой подарок, — протягиваю я ей нитку лапши, застрявшую, как я только что заметил, за манжетой.

— О, Патрик, я сейчас расплачусь, — говорит она, поднося лапшу к пламени свечи. — Это великолепно. Могу я ее надеть?

— Нет. Скорми ее кому-нибудь из эльфов. Вон у того особенно голодный вид. Прости меня, мне надо еще выпить.

Я вручаю Эвелин тарелку с вальдорфским салатом, отрываю один рог у Петерсена и направляюсь в бар, мурлыча «Silent Night», Меня расстраивает, что большинство женщин одеты в пуловеры, кашемировые свитера, пиджаки, длинные шерстяные юбки, вельветовые платья. Холодная погода. Нет красивых тел.

Возле бара с узким стаканом шампанского в руках стоит Пол Оуэн и рассматривает свои антикварные серебряные карманные часы (из Hammacher Schlemmer), я уже собираюсь подойти и заговорить с ним об этих проклятых счетах Фишера, но на меня, налетает Хемфри Райнбек, который пытается не наступить на эльфа. Он еще не успел снять кашемировое пальто-честерфилд[30] дизайна Crombie от Lord & Taylor, а под ним — двубортный смокинг из шерсти с остроконечными лацканами, хлопчатобумажная рубашка от Perry Ellis, галстук-бабочка от Hugo Boss и бумажные рожки — он про них явно не знает, так криво они надеты, и ни с того ни с сего этот нахал говорит скороговоркой:

— Привет, Бэйтмен, на прошлой недели я отнес к своему портному новый твидовый пиджак «в елочку», чтобы кое-что подшить.

— Не могу не поздравить, — пожимаю я его руку. — Это шикарно.

— Спасибо, — краснеет он, опуская глаза. — В общем, портной заметил, что продавец заменил исходную бирку на свою собственную. Так вот я хочу узнать, не противозаконно ли это?

— Я понимаю, это вызывает сомнения, — говорю я, пробираясь сквозь толпу. — Как только партия одежды была приобретена у производителя, продавец абсолютно законно может поменять исходные бирки на свои собственные. Но он не может заменить их на бирки другого продавца.

— Подожди, но почему?

— Потому что информация, касающаяся состава ткани и страны происхождения или регистрационного номера производителя, должна оставаться неприкосновенной. Подделку ярлыков обнаружить крайне трудно, случаи подделки редко становятся известны, — ору я через плечо.

Кортни целует Пола Оуэна в щеку, они крепко держат друг друга за руки. На меня находит оцепенение, я останавливаюсь. Райнбек натывается на меня. Но Кортни уже уходит, и на ходу машет кому-то рукой.

— Так что же делать? — кричит сзади Райнбек.

— Покупай одежду известных марок у продавцов, которых ты знаешь, и сними эти мудацкие рога со своей головы, Райнбек. Ты выглядишь, как идиот. Прошу прощения.

После того, как Хемфри нащупывает на своей голове рога и восклицает: «О боже!», я ухожу.

— Оуэн! — кричу я, радостно протягивая руку, а другой рукой хватаю мартини с подноса проходящего мимо эльфа.

— Маркус! С рождеством, — пожимает мою руку Оуэн. — Как дела? Все работаешь?

— Давненько тебя не видел, — говорю я, потом подмигиваю. — Все работаешь?

— Мы только что вернулись из клуба «Knickerbocker», — говорит он, здороваюсь с толкнувшим его человеком («Привет, Кинсли»), потом снова поворачивается ко мне, — Мы едем в «Nell's». Лимузин у подъезда.

— Надо бы как-нибудь пообедать, — говорю я, пытаюсь как-то тактично подвести разговор к счетам Фишера.

— Да, отличная мысль. Может, ты взял бы с собой...

— Сесилию? — гадаю я.

— Да, Сесилию, — отвечает он.

— О, Сесилия будет... в восторге, — говорю я.

— Ну, так давай так и сделаем, — улыбается он.

— Да, можно пойти в... «Le Bernardin», — говорю я, затем после паузы, — покушать... морепродуктов. А?

— В этом году «Le Bernardin» в первой десятке «Загата». — кивает он. — Ты в курсе?

— Можно там заказать... — я снова замолкаю, смотрю на него, потом более решительно продолжаю, — рыбу. А?

— Морских ежей, — говорит Оуэн, обводя взглядом комнату. — Мередит обожает тамошних ежей.

— Правда? — говорю я.

— Мередит, — зовет он, делая знаки кому-то за моей спиной. — Пойди сюда.

— Она здесь? — спрашиваю я.

— Она там разговаривает с Сесилией. Мередит, — кричит он, маша рукой. Я оборачиваюсь. Мередит и Эвелин пробираются к нам.

Я быстро поворачиваюсь обратно.

Мередит идет рядом с Эвелин. На ней габардиновое платье с бисером и болеро от Geoffrey Beene из Barney's, золотые сережки с бриллиантами от James Savitt (\$13000), перчатки дизайнера Geoffrey Beene для Portolano Products. Она говорит:

— Да, мальчишки? О чем это вы тут болтаете? Обсуждаете планы на Рождество?

— О морских ежах в «Le Bernardin», дорогая, — говорит Оуэн.

— Моя любимая тема, — Мередит обвивает рукой мое плечо, доверительно шепча на ухо, — они восхитительны.

— Прелестно, — нервно откашливаюсь я.

— А что вы думаете о вальдорфском салате? — спрашивает Эвелин. — Понравился?

— Сесилия, дорогая, я его еще не пробовал, — говорит Оуэн. Он видит знакомое лицо в другом конце комнаты:

— Но я хотел бы понять, почему Лоуренс Тиш разносит глинтвейн?

— Это не Лоуренс Тиш, — мямлит Эвелин, искренне расстроенная. — Это рождественский эльф. Патрик, что ты наговорил ему?

— Ничего, — отвечаю я. — Сесилия.

— А кроме того, Патрик, ты — Мистер Гринч.

При упоминании моего настоящего имени я тут же начинаю болтать, надеясь, что Оуэн ничего не заметил.

— Знаешь, Сесилия, я сказал ему, что по-моему, это как бы смесь из них обоих, вроде... — я замолкаю, кидаю на них быстрый взгляд и робко выдавливаю — рождественский Тиш.

Потом я нервно выдергиваю веточку петрушки из фазаньего паштета, которую пронесит мимо эльфа, и, не дав Эвелин опомниться, поднимаю веточку над ее головой.

— Осторожно, омега, — ору я.

Окружающие внезапно отшатываются от нас, я целую Эвелин в губы, не сводя глаз с Оуэна и Мередит, оба они как-то странно смотрят на меня, и краем глаза я замечаю Кортни, которая разговаривает с Райнбеком и отвечает мне ненавидящим взглядом.

— Парик, — начинает Эвелин.

— Сесилия! Пойди-ка быстренько сюда, — тяну я ее за руку, потом обращаясь к Оуэну и Мередит. — Извините нас. Мы должны поговорить с этим эльфом и, все выяснить.

— Простите меня, — говорит Эвелин, беспомощно пожимая плечами, пока я тащу ее за руку. — Патрик, в чем дело?

Лавируя между людьми, я увожу ее в кухню.

— Патрик? — спрашивает она. — Что нам делать на кухне?

— Послушай, — я крепко держу ее за плечи и смотрю прямо в глаза. — Поехали отсюда.

— Патрик, — вздыхает она. — Я не могу уйти. Разве тебе здесь плохо?

— Почему ты не можешь уйти? — спрашиваю я. — Какие доводы тебе нужны? Ты и так пробыла здесь слишком долго.

— Патрик, эта моя рождественская вечеринка, — говорит она, — и, кроме того, с минуту на минуту эльфы запоют «О, Таннембаум!»[31]].

— Ну же, Эвелин. Давай уйдем отсюда, — я на грани истерики, я паникую от того, что Пол Оуэн или, того хуже, Маркус Холберстам могут войти на кухню. — Я хочу увести тебя от всего этого.

— От всего чего? — спрашивает она, ее глаза сужаются. — Тебе не понравился вальдорфский салат, так?

— Я хочу увести тебя от этого, — обвожу я жестом кухню. — От суши, эльфов... от всего.

Эльф входит в кухню, ставит поднос с грязными тарелками и за ним я вижу, как Пол Оуэн склонился к Мередит, которая что-то кричит ему на ухо, пытаюсь перекрыть музыку, а он ищет взглядом кого-то, кивает, потом в поле зрения входит Кортни и я хватаю Эвелин и притягиваю ее к себе.

— Суши? Эльфы? Патрик, я ничего не понимаю, — говорит Эвелин. — Мне это не нравится.

— Пошли, — крепко сжав ее руку, я тащу Эвелин к выходу. — Ну хоть раз в жизни поступи безрассудно. Хотя бы раз в жизни, Эвелин!

Она останавливается, отказывается идти, потом вдруг начинает улыбаться, обдумывая мое предложение, и все же она только слегка заинтригована.

— Ну пожалуйста, — начинаю просить я. — Пусть это будет моим рождественским подарком.

— Но я уже была в Brooks Brothers и... — начинает она.

— Перестань. Ну пойдем, я прошу тебя, — говорю я и, наконец, в последней отчаянной попытке игриво улыбаюсь, легонько целую ее в губы и добавляю. — Миссис Бэйтмен?

— О, Патрик, — вздыхая, тает она. — А как же уборка?

— Карлики этим займутся, — уверяю я ее.

— Но кто-то должен руководить ими, милый.

— Ну выбери эльфа, и пусть он будет начальником над остальными, — говорю я. — Идем скорее!

Я снова тащу ее к заднему выходу, каблук Эвелин скрипят на мраморном полу Muscoli.

Наконец-то мы на улице, быстро идем по аллее, я останавливаюсь и заглядываю за угол — посмотреть, есть ли кто-нибудь у парадного входа. Вообще-то мы бежим к лимузину, который я считаю машиной Оуэна, но, чтобы не вызывать подозрений у Эвелин, я просто подхожу к ближайшей машине, открываю дверь и вталкиваю ее внутрь.

— Патрик, — визжит она, довольная. — Это так неприлично. И лиму... Я захлопываю дверь, обхожу машину и стучу в окно водителя. Стекло опускается.

— Привет, — говорю я, протягивая руку. — Пат Бэйтмен. Водитель молча смотрит на меня, во рту зажата незажженная сигара, сначала он смотрит на протянутую руку, потом на мое лицо, потом на мою макушку.

— Пат Бэйтмен, — повторяю я. — В чем дело?

Он продолжает смотреть на меня. На всякий случай я трогаю свои волосы — вдруг они спутались, и к своему удивлению и стыду нащупываю две пары бумажных рогов. Блядь, на моей голове четыре рога. С криком «О боже» я срываю их, в ужасе смотрю на мятые рога, швыряю их на землю и вновь обращаюсь к шоферу.

— Ладно. Пат Бэйтмен, — говорю я, приглаживая рукой волосы.

— Ну, Сид, — пожимает он плечами.

— Послушай, Сид. Мистер Оуэн сказал, что мы можем взять эту машину, так что... — я замолкаю, в морозном воздухе мое дыхание превращается в пар.

— А кто такой мистер Оуэн? — спрашивает Сид.

— Пол Оуэн, как кто. Тот, кого ты возишь.

— Нет, это лимузин мистера Баркера, — говорит он. — А рожки-то были ничего.

— Черт, — говорю я, бегаю к дверце, чтобы успеть вытащить Эвелин, куда чего не вышло, но уже поздно. В ту же секунду, когда я открываю дверь, Эвелин высовывает голову и визжит:

— Патрик, дорогой, мне так нравится. Шампанское, — в одной руке у нее бутылка Cristal, в другой — золотистая коробочка, — и трюфели.

Я хватаю ее за руку, вытаскиваю из машины, сбивчиво бормочу «Не тот лимузин, забери трюфели», — и мы направляемся к другому лимузину. Открыв дверь, я сажаю Эвелин, а потом иду вперед и стучу в окошко водителя.

Окошко опускается. На вид водитель точная копия предыдущего.

— Привет. Пат Бэйтмен, — произношу я, протягивая руку.

— Да? Привет. Дональд Трамп. Моя жена Ивана сидит сзади, — язвительно произносит он, пожимая мою руку.

— Ты не слишком-то, — предупреждаю я. — Мистер Оуэн сказал, что мы можем взять его машину. Меня зовут... о черт. Маркус.

— Ты только что сказал, что тебя зовут Пат.

— Нет. Я ошибся, — суровым голосом говорю я, глядя шоферу прямо в глаза. — Я ошибался, сказав, что меня зовут Пат. Меня зовут Маркус. Маркус Холберстам.

— Ты уверен? — спрашивает он.

— Слушай, мистер Оуэн сказал, что я могу взять его машину на ночь, так что... — я делаю паузу, — так что давай не рассусоливать.

— Я думаю, что мне нужно переговорить с мистером Оуэном, — играя со мной, говорит довольный шофер.

— Нет, погоди, — говорю я, но потом успокаиваюсь. — Слушай, я... все нормально. — Я начинаю чертыхаться про себя. — Но у мистера Оуэна очень плохое настроение.

— Мне не разрешается делать этого, — не глядя на меня, произносит водитель. — Это абсолютно незаконно. Никоим образом. Так что и не надейся.

— Послушай, командир, — говорю я.

— Это противоречит правилам компании, — заявляет он.

— Да хуй с этими правилами компании, — рывкаю я.

— Хуй с этими правилами компании? — с улыбкой переспрашивает он.

— Мистер Оуэн сказал, что ничего страшного. Ты что, не слышал?

— Это невозможно, — качает он головой.

Я умолкаю, выпрямляюсь, провожу рукой по лицу, делаю вдох.

— Послушай меня... — я снова набираю полную грудь воздуха. — У них там карлики, — я показываю назад, в сторону особняка, — и они вот-вот собираются запеть «О Танненбаум...» — я смотрю на него умоляюще, с надеждой на сострадание и в то же время довольно испуганно. — Ты представляешь, как это ужасно? Эльфы, — сглатываю я, — поют хором... — и после короткой паузы говорю, — ты только представь.

— Послушайте, мистер...

— Маркус, — напоминаю я ему.

— Ну пусть Маркус. Я не могу нарушать правила. Ничего не могу сделать. Таковы правила. Я не собираюсь их нарушать.

Мы оба погружаемся в молчание. Я вздыхаю, смотрю вокруг, размышляя, стоит ли тащить Эвелин к третьему лимузину, или лучше обратно к машине Баркера — он настоящий кретин, — но, черт возьми, я хочу лимузин Оуэна... Тем временем водитель тоже вздыхает:

— А если карлика охота петь, так пусть поют.

— Проклятье, — чертыхаюсь я, вынимая бумажник из газелевой кожи. — Здесь сто. — Я протягиваю ему два полтинника.

— Двести, — говорит он.

— Дерьмовый город, — бормочу я, передавая ему деньги.

— Куда хотите ехать? — со вздохом принимает он купюры, одновременно заводя машину.

— Клуб «Чернобыль», — говорю я, быстро открывая дверь и усаживаясь в машину.

— Слушаюсь, сэр, — кричит он.

Как только я захопываю дверь, машина направляется в сторону Риверсайд Драйв. Я восстанавливаю дыхание и вытираю холодный пот со лба носовым платком от Agmani, Эвелин сидит рядом. Повернувшись к ней, я вижу, что она вот-вот расплачется: губы у нее дрожат, она молчит.

— Не пугай меня. В чем дело? — Я испуган. — Что, ну что я сделал? Вальдорфский салат был изумителен. Ну что с тобой?

— О Патрик, — вздыхает она. — Это... прекрасно. Я не знаю, что сказать.

— Ну... — осторожно произношу я. — Я тоже... не знаю.

— Вот, — говорит она, показывая бриллиантовое ожерелье от Tiffany, это подарок Оуэна Мередит. — Помоги мне надеть его, дорогой. Ты не Гринч, милый.

— Но Эвелин, — мямлю я, потом чертыхаюсь про себя, а Эвелин поворачивается ко мне спиной, чтобы я застегнул ожерелье. Лимузин рванул вперед, и Эвелин со смехом падает на меня, целуя в щеку.

— Какая красота, как мне нравится... Ой, от меня, наверное, пахнет, конфетами. Извини, милый. Налей мне шампанского, оно должно быть где-то здесь.

— Но... — я беспомощно смотрю на сверкающее ожерелье, — это не то.

— Что? — озираясь, спрашивает Эвелин. — Здесь есть стаканы? Что не то, милый?

— Это не то, — монотонно отвечаю я.

— Милый, — улыбается она. — У тебя есть еще что-то для меня?

— Нет, я имею в виду...

— Ну же, чертенок, — она шаловливо ощупывает карман моего пальто. — Что это?

— Что что это? — холодно, с раздражением спрашиваю я.

— Ты хочешь подарить мне что-то еще. Я сейчас угадаю. Кольцо, такое же, как ожерелье? — гадает она. — Браслет? Брошь? Вот оно что! — Она хлопает в ладоши. — Брошь к ожерелью!

Пока я пытаюсь оттолкнуть ее, завернув одну ее руку ей за спину, другая ее рука шарит за моей спиной и выхватывает что-то из моего кармана: это — еще одно печенье с предсказанием, которое я подобрал у мертвого китайчонка. Она озадаченно смотрит на меня и говорит:

— Патрик, ты такой... романтичный, — а потом, рассмотрев печенье, уже с меньшим энтузиазмом добавляет:

— Такой... оригинальный.

Я тоже смотрю на это печенье. Оно все в крови, я пожимаю плечами и как можно беззаботнее отвечаю:

— Ну, ты знаешь меня.

— Но в чем это оно? — она подносит кусочек поближе к глазам — что это за... красный налет?

— Это... — я тоже рассматриваю печенье, как будто эти пятна и меня заинтересовали, потом делаю гримасу: — Это кисло-сладкий соус.

Она с воодушевлением разламывает печенье и недоуменно читает предсказание.

— Что там? — вздыхаю я, пытаюсь настроить радио, потом ищу взглядом портфель Оуэна, соображаю, где же может быть шампанское, как вдруг вижу безнадежно пустую коробку из-под шампанского Tiffany на полу, и резко падаю духом.

— Тут написано... — она замолкает, потом, прищурившись, перечитывает записку, — ...тут написано:

«Свежеобжаренная фуа гра в „Le Cirque“ превосходна, а вот крабовый салат — так себе».

— Это мило, — бормочу я, продолжая искать фужеры для шампанского, кассеты, хоть что-нибудь.

— Здесь действительно так написано, Патрик, — она передает мне записку, на ее лице проскальзывает легкая улыбка, которую можно различить даже в темноте. — Что бы это значило? — робко спрашивает она. Я читаю записку, смотрю на Эвелин, потом снова на записку, потом в тонированное окно, в свете фонарей кружатся снежинки, люди на улицах ждут автобусов, по тротуарам бесцельно ковыляют нищие. Вслух я говорю:

— Все могло быть гораздо хуже. Гораздо.

— Милый, — она обнимает меня, гладит меня по голове, — обед в «Le Cirque»? Ты — самый лучший. Ты не Гринч. Беру свои слова обратно. Четверг? Четверг тебя устраивает? Ой, нет, . я не могу в четверг. у меня травяные обертывания. А как насчет пятницы? И мы действительно хотим в «Le Cirque»? Может быть...

Я отталкиваю Эвелин и стучу в разделительную перегородку, колочу по ней костяшками пальцев до тех пор, пока водитель не опускает ее.

— Сид, то есть Ерл, как там тебя, в «Чернобыль» — не сюда.

— Нет, мы правильно едем, мистер Бэйтмен.

— Эй!

— Я имею в виду, мистер Холберстам. Авеню С, верно? — он вежливо кашляет.

— Может быть, — говорю я, вглядываясь в окно. — Я не понимаю, где мы.

— Авеню С? — Эвелин поднимает взгляд от ожерелья, которое Оуэн купил для Мередит. — Что за Авеню С? С как в... Cartier, да?

— Там клево, — заверяю я ее. — Там очень клево.

— Ты там был? — спрашивает она.

— Тысячу раз, — бормочу я.

— «Чернобыль»? Нет, только не «Чернобыль», — ноет она. — Милый, сегодня же Рождество!

— Ну и что, черт возьми? — спрашиваю я.

— Водитель, а водитель, — Эвелин тянется вперед, балансируя на моих коленях. — Водитель, мы едем в «Rainbow Room». Водитель, в «Rainbow Room», пожалуйста.

Я усаживаю ее на место.

— Не обращай на нее внимания. «Чернобыль». И как можно скорее.

Я нажимаю на кнопку и перегородка поднимается.

— Ну Патрик! Сегодня же Рождество!

— Ты повторяешь это, как будто это что-то значит, — говорю я, не сводя с нее глаз.

— Но сегодня Рождество, — опять ноет она.

— Не выношу «Rainbow Room», — твердо говорю я.

— Но почему, Патрик? Там самый лучший вальдорфский салат. Тебе понравился мой салат? Тебе понравился мой вальдорфский салат, милый?

— О боже, — шепчу я, закрывая лицо обеими руками.

— Только честно. Понравился? — спрашивает она. — Это единственное, что меня волнует и еще фарш из каштанов... — она замолкает. — Потому что фарш был... густой, понимаешь...

— Я не хочу ехать в «Rainbow Room», — перебиваю я ее, все еще закрывая лицо руками, — потому что там я не смогу купить наркотиков.

— Вот как, — она неодобрительно смотрит на меня. — Так, так, так. Наркотики, Патрик? О каких это наркотиках идет речь?

— Речь идет о наркотиках, Эвелин. О кокаине. О наркотиках. Я хочу сегодня кокаину. Поняла? — я выпрямляюсь и в упор смотрю на нее.

— Патрик, — говорит она, качая головой так, словно утратила в меня веру.

— Я вижу, что ты смущена, — напеваю я.

— Я просто не хочу иметь с этим ничего общего, — говорит она.

— А ты и не будешь иметь с этим ничего общего, — отвечаю я. — Тебе, может, ничего и не предложат.

— Я просто не понимаю, почему тебе обязательно надо испортить мне именно этот праздник.

— Представь, что кокаин — это иней. Рождественский иней. Дорогой рождественский иней, — говорю я.

— Ну, — произносит она, просветлев. — Ведь это так захватывающе — опуститься на дно, да?

— Ничего себе «дно» — тридцать долларов за вход с каждого, Эвелин. — Потом я с недоверием спрашиваю. — А почему Дональд Трамп не был приглашен на твою вечеринку?

— Опять Дональд Трамп, — стонет Эвелин. — О боже. Так вот почему ты все время ерничал? Это наваждение должно прекратиться! — почти кричит она. — Вот почему ты вел себя как полный кретин!

— Это из-за вальдорфского салата, Эвелин, — говорю я, стиснув зубы. — Это из-за вальдорфского салата я вел себя как полный кретин.

— О господи. Не может быть, — в отчаянии она закидывает назад голову. — Я так и знала. Так и знала.

— Но ведь ты даже его не готовила! — ору я. — Ты его купила, его привезли!

— О боже, — причитает она, — поверить не могу.

Лимузин останавливается перед входом в клуб «Чернобыль». Несколько человек томятся у входа. Выйдя из машины, я использую Эвелин в качестве тарана, к ее вящему неудовольствию. Проталкиваясь сквозь толпу, я, к счастью, замечаю, что перед входом стоит человек, очень похожий на Джонатана Лизердейла, и уже просто толкая вперед Эвелин, которая так и держит в руках «рождественский подарок», я кричу ему: «Джонатан, эй, Джонатан!». Как я и ожидал, толпа разом подхватывает крик. Обернувшись, Джонатан замечает меня и кричит в ответ: «Привет, Бакстер», — подмигивает, показывает большой палец, но не мне, а кому-то еще. Мы с Эвелин все равно делаем вид, что мы из его компании. Охранник опускает канат прямо перед нами и спрашивает:

— Это вы приехали в том лимузине? — мотнув головой в сторону бордюра.

— Да, — с готовностью киваем мы с Эвелин.

— Проходите, — произносит он, поднимая канат.

Мы входим и я выкладываю шестьдесят долларов, и не получаю ни единого талона на выпивку. В клубе, как и полагается, темно, только вспышки стробоскопа освещают зал, но даже в этих вспышках я вижу только, как дымит сухой лед, и еще одна симпатичная девка танцует под INXS, «New Sensation»: музыка орет из динамиков с такой силой, что тело вибрирует. Я прошу Эвелин сходить в бар и принести два стакана шампанского.

— Конечно, — кричит она в ответ, наугад направляясь в сторону единственной светящейся полоски неона, — судя по этому свету, только там может продаваться алкоголь. Тем временем я покупаю грамм у человека, похожего на Майка Дональдсона, и через десять минут, пока я наблюдаю за танцующей девкой и взвешиваю «за» и «против» насчет того, а не стоит ли кинуть Эвелин, она возвращается с двумя наполовину наполненными фужерами. Судя по ее лицу, она негодует.

— Это Korbel, — кричит она. — Давай уйдем.

Я отрицательно качаю головой и тоже ору:

— Пойдем в туалет.

Эвелин идет за мной.

Единственный туалет в «Чернобыле» — общий. Там уже присутствуют две другие пары: одна пара заперлась в единственной кабинке, вторая пара с нетерпением ждет, когда кабинка освободится, — как и мы. На девушке топ на лямках из шелкового джерси, шифоновая юбка и шелковые туфли с завязками, все от Ralph Lauren. На парне костюм какой-то итальянской марки, то ли William Fioravanti, то ли Vincent Nicolosi, а может, Scali. У обоих стаканы с шампанским: у него — полный, у нее — пустой. Тишина, только из кабинки доносится шмыганье и приглушенный смех. Дверь в туалет такая толстая, что музыки совершенно не слышно, только глухое буханье ударных. Парень нетерпеливо постукивает ногой. Девушка все время вздыхает и странно взмахивает головой, отчего волосы соблазнительно струятся по ее плечам. Потом она смотрит на Эвелин и на меня, шепчет что-то своему парню, потом снова что-то шепчет, тот кивает и они уходят.

— Слава богу, — шепчу я, нащупывая грамм в своем кармане, потом обращаюсь к Эвелин:

— Ты почему притихла?

— Это все вальдорфский салат, — бормочет она, не глядя на меня. — Черт побери.

Раздается щелчок, дверь кабинки открывается и оттуда выходит молодая пара: парень в двубортном костюме из шерстяной саржи, хлопчатобумажной рубашке и шелковом галстуке, все от Givenchy, на девушке — шелковое платье из тафты со страусиными перьями от Geoffrey Beene, серьги из позолоченного серебра от Stephen Dweck Moderne и бальные туфли от Chanel. Они незаметно вытирают носы, стоя перед зеркалом. Но как только мы с Эвелин собираемся войти в освободившуюся кабинку, как в туалет влетает первая пара и пытается занять ее.

— Прошу прощения, — говорю я, расставив руки и закрыв ими вход. — Вы ушли. Теперь наша очередь, знаете ли.

— Мне так не кажется, — мягко говорит парень.

— Патрик, — шепчет сзади Эвелин. — Ну пусти их...

— Нет. Теперь наша очередь, — отвечаю я.

— Да, но мы здесь ждали раньше.

— Послушай, я не хочу ссориться...

— А сам ссоришься, — замечает его скусающая подруга, умудрившись все-таки выдавить улыбку.

— О господи, — бормочет позади Эвелин, выглядывая из-за моего плеча.

— Послушай, давай прямо здесь, — предлагает девка, которой я не отказался бы засадить.

— Ну и сучка, — бормочу я, качая головой.

— Послушай, — смягчаясь, произносит парень. — Пока мы спорим, кто-то из нас уже мог бы быть там.

— Да, — отвечаю я. — Мы.

— Бог ты мой, — говорит девушка, уперев руки в бока и глядя на нас с Эвелин. — Кого они только сюда пускают!

— Вот сучка, — не верю я своим ушам. — Тебе известно, что ты ведешь себя мерзко?

Поперхнувшись, Эвелин сжимает мое плечо («Патрик!»).

Парень, прислонившись к двери, уже начал нюхать свой кокаин, черпая порошок из коричневого пузырька и хихикая после каждой порции.

— Твоя подруга — законченная сука, — обращаюсь я к парню.

— Патрик, — говорит Эвелин. — Прекрати.

— Она сука, — говорю я, показывая на девушку.

— Патрик, извинись, — говорит Эвелин.

У парня начинается истерика, закинув назад голову, он громко шмыгает и пытается восстановить дыхание.

— О господи, — испуганно произносит Эвелин. — Почему ты смеешься? Защищай ее.

— Зачем? — пожимает плечами парень, обе его ноздри испачканы белым порошком. — Он прав.

— Я ухожу, Дэниэл, — едва не плачет девушка. — Это невыносимо. Я тебя ненавижу. И их ненавижу. Я предупреждала тебя еще в «Vice».

— Давай, — отвечает парень. — Уходи. Давай же. Вали. Мне плевать.

— Патрик, что за кашу ты заварил? Это никуда не годится. — Эвелин отступает от меня на несколько шагов, потом добавляет, глядя на флуоресцентные лампочки, — и этот свет... Я ухожу.

Но она остается, словно чего-то ожидая.

— Я ухожу, Дэниэл, — говорит девушка. — Ты слышал?

— Давай, — машет ей рукой Дэниэл, рассматривая в зеркало свой нос. — Я сказал, вали.

— Я занимаю кабинку, — обращаюсь я ко всем. — Ничего? Никто не возражает?

— Разве ты не собираешься защищать свою подругу? — спрашивает Эвелин Дэниэла.

— Господи, ну что ты от меня хочешь? — смотрит он на нее в зеркало, вытирая нос и снова шмыгая. — Я пригласил ее на ужин. Представил ее Ричарду Марксу. Господи, ну что еще ей нужно?

— Может, мне нужно, чтобы ты его как следует отлупил, — говорит девица, указывая на меня.

— Дорогая, — качаю я головой. — Если бы ты знала, что я могу с тобой сделать обыкновенной вешалкой.

— Прощай, Дэниэл, — после театральной паузы говорит девушка. — Я ухожу.

— Отлично, — отвечает Дэниэл, вынимая пузырек. — Мне же больше достанется.

— И не звони мне, — кричит она, открывая дверь. — Мой автоответчик включен, и я вижу, кто мне звонит!

— Патрик, — натянутым тоном говорит Эвелин. — Я буду на улице.

Несколько мгновений я смотрю из кабинки на нее и на девушку, стоящую в дверях.

— И что теперь?

— Патрик, — предупреждает Эвелин. — Не говори того, о чем пожалеешь.

— Уходи. Просто уходи. Можешь взять лимузин.

— Патрик...

— Уходи, — рявкаю я. — Гринч сказал, уходи.

Я хлопаю дверцей кабинки и начинаю зачерпывать кокаин из конверта своей пластиковой карточкой AmEx.

Между занюхиваниями я слышу, как Эвелин уходит и, всхлипывая, говорит девушке:

— Он заставил меня уйти с моей собственной рождественской вечеринки, ты представляешь? С моей собственной вечеринки?

Девушка ухмыляется:

— Ну ты даешь.

Я начинаю хрипло смеяться, стучаясь головой о стены кабинки. Я слышу, что парень, шмыгнув носом еще пару раз, сваливает. Прикончив почти весь грамм, я высовываюсь из кабины, чтобы проверить, не вертится ли где-нибудь поблизости обиженная Эвелин с закушенной губой (ай-й-й-й, детка), но она не вернулась, и я

представляю себе Эвелин с подругой Дэниэла в постели, девушка раздвигает ноги Эвелин, Эвелин на четвереньках лижет ее анальное отверстие, пальцем массирует пизду, и от этого меня немного мутит. Возбужденный, я выхожу из туалета, чтобы найти себе кого-нибудь.

Но уже поздно и публика изменилась: теперь здесь больше панков, рокеров и черных, меньше парней с Уолл-стрит, слоняются богатые скучающие девчонки с Авеню А. Музыка тоже поменялась: вместо Белинды Карлайл, поющей «I Feel Free», черный рэппер выкрикивает: «Her Shit on His Dick», «ее дерьмо на его хуе», если мне слух не изменяет. Я подкатываю к двум симпатичным богатым девчонкам, обе одеты в уродские платья а-ля Бетси Джонсон, а я обдолбан по самое немогу, и начинаю с фразы типа: «Клевая музыка — мы не встречались в Salomon Brothers?» Одна из этих девок ухмыляется и говорит: «Катись на Уолл-стрит», а другая, с серьгой в носу, добавляет: «Яппи ебаный».

Они говорят это, несмотря на то, что во мраке мой костюм кажется черным, а галстук (пейсли, Armani, шелк) почти развязан.

— Слушайте, — отвечаю я, скрипя зубами. — Можете считать меня гадким яппи, но я, честное слово, не таков, — объясняю я им, быстро сглатывая. Крыша у меня совсем поехала.

Вместе с ними за столиком сидят двое черных. Оба в потертых джинсах, футболках и кожаных куртках. У одного отражающие темные очки, другой — с бритой головой. Оба смотрят на меня. Я вытягиваю согнутую руку, пытаюсь изобразить рэппера.

— Эй, — говорю я. — Я свежак. Свежак как... глушак. Глушайший. — Я отхлебываю шампанское. — Глушак, короче.

В подтверждение этого я подхожу к чернокожему парню с дредами и восклицаю «Растаман!». Я протягиваю руку, ожидая, что он хлопнет своей пятерней о мою. Но ниггер стоит как вкопанный.

— Я имею в виду, — кашляю я — Мон[32]], — и потом с меньшим энтузиазмом, — может, устроим как-нибудь джем...

Он уносится прочь от меня, качая головой. Я смотрю на девушек: они тоже качают головой — знак, что мне не следует приближаться. Перевожу взгляд на симпатичную девку, танцующую сама с собой рядом с колонной, допиваю шампанское, подхожу к ней и спрашиваю ее номер телефона. Она улыбается. Выход.

«NELL's»

Полночь. Я сижу в «Nell's» с Крейгом Макдермоттом, Алексом Тейлором, который только что отключился, и тремя моделями из агентства Elite: Либби, Дейзи и Керон. Сейчас почти лето, середина мая, но в клубе прохладно из-за кондиционера, в полупустой зале растекаются волны легкого джаза, кружатся лопасти вентиляторов на потолке, а на улице под дождем ждут и волнуются человек двадцать. Либби — блондинка, на ней шелковые черные вечерние туфли на высоком каблуке с чересчур острым носом и красными атласными бантиками от Yves Saint Laurent. Дейзи еще светлее, на ней черные атласные лодочки, суживающиеся к носку, и прозрачные черные чулки с серебряными вкраплениями от Betsey Johnson. Керон — платиновая блондинка в кожаных ботинках из телячьей кожи на многослойном каблуке с заостренным носком и отворотами из твида, дизайн Karl Lagerfeld для Chanel. Все три девушки одеты в узкие черные шерстяные вязаные платья от Giorgio di Sant'Angelo, пьют шампанское с клюквенным соком и персиковым шнапсом, курят немецкие сигареты — я не ропщу, хотя на мой взгляд, в «Nell's» не помешало бы сделать отделение для некурящих. Две из них носят темные солнцезащитные очки Giorgio Armani. У Либби «джет лаг». Из всех трех я выебал бы только Дейзи, да и то с оговорками. Сегодня, после того, как я встретился со своим адвокатом по поводу ложного обвинения в изнасиловании, у меня была паническая атака, когда я занимался на тренажере Dean & Deluca в спортклубе Xclusive. Потом я выпил с моделями в Trump Plaza. После этого я пошел в кино на французский фильм, который я абсолютно не понял, но все равно он был довольно клевый, потом ужин в ресторане-суши под названием «Vivids» возле Lincoln Centre и вечеринка в квартире бывшего приятеля одной из моделей, в Челси. Там подавали плохую приторную сангрию. Прошлой ночью я видел сон, в котором пялил девок, сделанных из картона, а свет был как в порнофильме. Утреннее Шоу Патти Винтерс посвящалось аэробике.

На мне двухпуговичный шерстяной костюм с брюками в складку от Luciano Soprani, хлопчатобумажная рубашка от Brooks Brothers и шелковый галстук от Armani. Макдермотт в шерстяном костюме от Lubium с льняным платочком в кармашке от Ashear Bros, хлопчатобумажной рубашке от Ralph Lauren и шелковом галстуке от Christian Dior. Он собирается бросить монетку, которая должна решить, кто из нас отправится вниз за Боливийским Живительным Порошком. Дело в том, что никто из нас не хочет сидеть с этими девушками, потому что, хотя мы, возможно, не против выебать их, но не хотим, или даже, как выяснилось, не можем разговаривать с ними, — им просто нечего сказать, то есть, я знаю, что не стоит этому удивляться, и все же это

как-то обескураживает. Тейлор сидит, но глаза его закрыты, а рот слегка приоткрыт, и хотя сперва мы с Макдермоттом думали, что Тейлор притворяется в знак протеста против неспособности девушек поддержать разговор, потом до нас дошло, что он действительно пьян в зюзю (он почти лыка не вязал после трех сакэ, которые проглотил в «Vivids»). Ни одна из девушек не обращает на это внимания, за исключением, может быть, сидящей рядом с ним Либби, но и это сомнительно, весьма сомнительно.

— Орел, орел, орел, — бормочу я.

Макдермотт побрасывает монетку.

— Решка, решка, решка, — заклинает он, а потом прихлопывает рукой приземлившуюся на салфетку монету.

— Орел, орел, орел, — молюсь я.

Он поднимает кисть.

— Решка, — восклицает он, глядя на меня.

Я долго смотрю на монету, и потом прошу его:

— Давай еще раз.

— Пока, — говорит он, смотрит на девушек, перед тем как подняться, потом снова на меня, закатывает глаза, качает головой.

— Слушай, — наминает он мне, — я хочу еще один martini. С «Абсолютом». Двойной. Без оливки.

— Давай скорее, — кричу я ему вслед, и, глядя, как он машет мне с лестницы, вполголоса произношу. — Мудак ебаный.

Поворачиваюсь обратно. За соседним столиком — симпатичные европейские дуры, подозрительно напоминающие бразильских трансвеститов, гогочут хором.

Посмотрим, что мне предстоит. В субботу вечером вместе с Джеффом Хардингом и Леонардом Девисом я иду на игру в «Metz». В воскресенье возьму в видеопрокате «Рембо». В понедельник привезут новый тренажер Lifecycle... Я молча смотрю на модели, смертельно долго, несколько минут, потом замечаю, что кто-то заказал ломтики папайи и тарелку спаржи, но оба блюда остались нетронутыми. Дейзи пристально смотрит на меня, прицеливается и выпускает сигаретный дым мне в голову. Дым плывет по моим волосам, не попадая в глаза, защищенные очками Oliver Peoples без диоптрий в оправе красного дерева, которые я не снимал почти весь вечер. Либби, у которой «джет лаг», пытается понять, как развернуть салфетку. Как ни странно, я не так уж разочарован: все могло быть хуже. В конце концов, эти девушки могли быть англичанками. Мы могли пить... чай.

— Итак! — хлопаю я в ладоши, стараясь выглядеть энергичным. — Здорово было сегодня, правда?

— А где Грег? — Либби заметила отсутствие Макдермотта.

— Там внизу Горбачев, — говорю я ей. — Макдермотт, то есть Грег сегодня подписывает с ним договор о мире, между Соединенными Штатами и Россией.

Я замолкаю, пытаюсь оценить ее реакцию, потом добавляю:

— Макдермотт один из тех, кто стоит за гласностью, понимаешь?

— Ну -да, — кивает она, ее голос невероятно бесцветный. — Только он говорил мне, что занимается слиянием предприятий и... аквасессиями.

Я смотрю на все еще спящего Тейлора, оттягиваю и отпускаю одну из его подтяжек — никакой реакции, он даже не шевелится. Поворачиваюсь обратно к Либби:

— Ты смущена, нет?

— Нет, — пожимает она плечами. — Вовсе нет.

— Горбачева нет внизу, — неожиданно произносит Керон.

— Ты что, соврал? — с улыбкой спрашивает Дейзи.

Я думаю: «О господи».

— Ага. Керон права. Горбачева нет внизу. Он в «Туннеле». Прощу прощения. Эй, девушка!

Я цепляюсь за проходящую мимо симпатичную официантку, одетую в темно-синее короткое платье от Bill Blass с шелковыми кружевными манжетками.

— Мне J&B со льдом и разделочный нож или что-нибудь острое из кухни. Девушки, а вам?

Они молчат. Официантка смотрит на Тейлора. Я тоже обращаю свой взгляд на него, потом на официантку, снова на Тейлора.

— Принесите ему грейпфрутовый шербет, ну и виски, ладно?

Официантка продолжает молча смотреть на него.

— Алло, милая? — машу я рукой перед ее лицом. — J&B? Со льдом? — четко выговариваю я каждое

слово, пытаюсь перекричать джаз-банд, играющий превосходную версию «Take five».

Наконец она кивает.

— И принесите им, — показываю я на девушек, — что они там пили. — Дюшес? Вино с водой?

— Нет, — говорит Либби. — Это шампанское, — показывает она на стакан, а потом обращается к Керон. — Верно?

— Наверное, — пожимает плечами Керон.

— Шампанское, — повторяю я официантке. — С... персиковым шнапсом. Понятно?

Официантка кивает, что-то записывает, отходит, я смотрю на ее зад, потом поворачиваюсь обратно к моделям, пристально разглядываю каждую, пытаюсь заметить знак, предательскую тень, проскользнувшую по лицам, какой-нибудь жест, который выдаст, что они лишь притворяются роботами, но в «Nell's» довольно темно — я выдаю желаемое за действительное. Мне остается только хлопнуть в ладоши и глубоко вдохнуть:

— Итак! Здорово было сегодня, да?

— Мне нужна новая шубка, — вздыхает Либби, глядя в свой стакан с шампанским.

— Длинная или до лодыжки? — спрашивает Дейзи все тем же бесцветным голосом.

— Боа? — предлагает Керон.

— Или длинная или... — Либби замолкает и сосредоточенно думает минуту. — Я видела такую короткую пелерину...

— Но норка, да? — спрашивает Дейзи. — Наверняка норка.

— О да. Норка, — отвечает Либби.

— Эй, Тейлор, — шепчу я, пихая его в бок. — Проснись. Они разговаривают. Ты должен это видеть.

— Да, но какая? — заводится Керон.

— А вам не кажется, что норка слишком... пушистая? — спрашивает Дейзи.

— Да, норка бывает очень пушистая, — на этот раз Либби.

— Серебристая лиса — это очень модно, — бубнит Дейзи.

— И бежевые тона тоже, — выдает Либби.

— А что бывает в бежевых тонах? — спрашивает кто-то.

— Рысь, шиншилла, горностаи, бобер.

— Привет, — просыпается, моргая, Тейлор. — Я здесь.

— Спи дальше, Тейлор, — вздыхаю я.

— А где мистер Макдермотт? — потягивается он.

— Где-то внизу бродит. Ищет кокс, — пожимаю я плечами.

— Серебристая лиса — очень модно, — произносит одна из них.

— Енот. Хорек. Белка. Ондатра. Монгольская овца.

— Мне это снится? — спрашивает меня Тейлор. — Или они действительно беседуют?

— Наверное, можно это и так назвать, — вздрагиваю я, — тс-с-с. Ты слушай. Это вдохновляет.

В ресторане-суши Макдермотт, совсем расстроенный, спросил девушек, знают ли она, как называются девять планет солнечной системы. Либби с Керон назвали Луну. Дейзи не знала наверняка, но упомянула... комету.

Она думала, что комета — это планета. Ошеломленные, Макдермотт, Тейлор и я заверили ее, что так оно и есть.

— Сейчас легко найти хороший мех, — медленно произносит Дейзи.

— С тех пор как в меховую отрасль пришло много дизайнеров, проектирующих готовую одежду, выбор меха увеличился, так как каждый дизайнер выбирает разные меха, с тем, чтобы придать своей коллекции индивидуальность.

— От этого всего так страшно, — вздрагивает Керон.

— Не надо пугаться, — говорит Дейзи. — Мех — это всего лишь аксессуар. Пусть он тебя не пугает.

— Но мех еще и предмет роскоши, — заявляет Либби.

Я обращаюсь сразу ко всем:

— Кто-нибудь держал в руках девятимиллиметровый «УЗИ»? Это автомат. Никто не держал? Он особенно удобен, поскольку у этой модели нарезной ствол, к которому легко присоединяется глушитель, а сам ствол можно удлинить.

Все это я говорю, кивая головой.

— Мех не так уж и страшен, — замечает Тейлор глядя на меня. — Постепенно узнаю сенсационную информацию.

— Мех — это предмет роскоши, — опять заявляет Либби.

Снова появляется официантка, ставит на стол выпивку и с вазочку с грейпфрутовым шербетом. Глядя на это, Тейлор, моргая, произносит:

— Я это не заказывал.

— Нет, заказывал, — говорю я ему. — Во сне ты это заказал. Ты заказал это во сне.

— Нет, не заказывал, — неуверенно произносит он.

— Я съем, — говорю я. — Ты слушай. — Я громко стучу по столу.

— Karl Lagerfeld, разумеется, — говорит Либби.

— Почему? — Керон.

— Естественно потому, что он создал коллекцию Fendi

Дейзи закуривает сигарету.

— А мне нравится смесь монгольской овцы и крота или... — Керон перестает хихикать, — такая черная кожаная куртка, отороченная персидской овцой.

— А что ты думаешь о Geoffrey Beene? — спрашивает ее Дейзи.

Керон задумывается.

— Белые атласные воротнички... сомнительно.

— Но он делает такие чудесные вещи из тибетской овцы, — говорит Либби.

— Carolina Herrera? — спрашивает Керон.

— Нет, нет, у нее слишком пушистые вещи, — качает головой Дейзи.

— Для школьниц, — соглашается Либби.

— Хотя самые замечательные брюшки русской рыси — в коллекции у James Galanos...

— И не забудьте Arnold Scaasi. Белый горностаи, — говорит Либби. — Умереть можно.

— Правда? — мои губы складываются в порочную ухмылку. — Можно умереть?

— Умереть можно, — повторяет Либби, — наконец-то она хоть в чем-то уверена, впервые за весь вечер.

— Думаю, в от Geoffrey Beene ты выглядел бы обворожительно, Тейлор, — взвизгиваю я высоким педерастическим голосом и мягко хлопаю его по плечу, но он снова спит, так что все напрасно. Со вздохом я убираю руку.

— Там Майлс... — Взгляд Керон устремлен на соседний столик, где пожилой орангутанг с седым ежиком держит на коленях вертлявую девчонку лет примерно одиннадцати.

Либби оборачивается, чтобы удостовериться в этом:

— А я думала, он в Филадельфии снимает свой фильм о Вьетнаме.

— Нет, на Филиппинах, — произносит Керон. — Не в Филадельфии.

— Да? — спрашивает Либби. — Ты уверена?

— Да. На самом деле он уже снят, — произносит Керон абсолютно неуверенным голосом. Она моргает. — На самом деле он... уже вышел. — Снова моргает. — На самом деле, мне кажется, он вышел... в прошлом году. Они обе без интереса смотрят на соседний столик, потом вновь поворачиваются к нашему столу, смотрят на спящего Тейлора, и Керон со вздохом обращается к Либби:

— Может, пойдем поздороваемся?

Либби медленно кивает, при свете свечей лицо ее кажется насмешливым, и поднимается.

— Извините нас.

Они уходят. Дейзи встает, выпивает шампанское из стакана Керон. Я представляю ее обнаженной, мертвой, изъеденной червями, пожирающими ее живот, груди в черных ожогах от сигарет, Либби, лижущая этот труп.

Потом откашливаюсь.

— Ну так что, здорово было сегодня?

— Да, — соглашается она.

— Спроси меня о чем-нибудь, — говорю я ей, неожиданно чувствуя себя непринужденно.

Она затягивается сигаретой, выпускает дым.

— А чем ты занимаешься?

— А ты как думаешь? — еще и игриво.

— Ты — модель? — пожимает она плечами. — Актер?

— Нет, — отвечаю я. — Весьма лестно, но нет.

— Ну и?

— Моя специализация — в основном убийства. Казни. По-разному, — пожимаю я плечами.

— И тебе нравится? — спрашивает она, совершенно не шокированная.

— Ну... все относительно. А что? — Я ем ложечку шербета.

— Ну, большинство моих знакомых занимаются покупкой и слиянием предприятий, но на самом деле им это не нравится, — говорит она.

— Я не это сказал, — выдавливаю я натужную улыбку, допивая свой J&B.

— Задай теперь ты мне вопрос, — просит она.

— Ладно. Куда ты... — я замолкаю, потому что ничего не приходит в голову, но потом продолжаю, — куда ты едешь летом?

— В Мейн, — говорит она. — Спроси еще что-нибудь.

— В какой спортклуб ходишь?

— Занимаюсь у частного тренера, — отвечает она. — А ты?

— Exclusive, — говорю я. — В верхнем Вест Сайде.

— Правда? — улыбается она, потом замечает кого-то за моей спиной, но выражение ее лица не меняется, а голос остается таким же ровным.

— Франческа. О господи. Это Франческа. Смотри.

— Дейзи! И Патрик, вот черт! — кричит Франческа. — Дейзи, господи, что ты делаешь с таким самцом, как Бэйтмен?

Она усаживается за наш столик вместе со скучающей блондинкой, которую я не узнаю. На Франческе бархатное платье от Saint Laurent Rive Gauche, а на девушке, которую я не узнаю, — шерстяное платье от Geoffrey Beene. . Обе в жемчугах.

— Привет, Франческа, — говорю я.

— Дейзи, господи, Бен и Джерри здесь. Я обожаю Бена и Джерри, — мне кажется, она произносит это на одном дыхании, стараясь перекричать музыку, — на самом деле, она ее даже заглушает. — Разве ты не любишь Бена и Джерри? — спрашивает она, широко раскрыв глаза, потом переключается на проходящую официантку. — Апельсиновый сок. Мне нужен апельсиновый сок. О господи, мать твою, этих официанток надо гнать. Где Нел? Все расскажу ей, — бормочет она, смотря по сторонам, а потом снова обращается к Дейзи. — Как тебе мое лицо? Бэйтмен, здесь Бен и Джерри. Не сиди ты как идиот. Господи, да я шучу. Обожаю Патрика! Но послушай, Бэйтмен, встряхнись, наконец, вот самец! Бен и Джерри здесь. — Она подмигивает, потом сладострастно обводит языком губы. Франческа пишет для Vanity Fair.

— Но я уже... — осекаюсь я и озадаченно смотрю на свой шербет. — Я уже заказал грейпфрутовый шербет. — Я удрученно показываю на свою тарелку. — Я больше не хочу никакого мороженого.

— Боже ты мой, Бэйтмен, Джеггер здесь. Мик. Джерри. Ну, вы понимаете, — обращается Франческа неизвестно к кому, при этом не переставая оглядывать зал. Выражение лица у Дейзи так за весь вечер ни разу и не поменялось.

— Ну и я-п-п-и, — по буквам говорит она блондинке, потом ее взгляд падает на мой шербет. Я придвигаю вазочку к себе.

— Ах, да, — говорю я. — «Just another night, just another night with you...», «Еще одна ночь с тобой», — напеваю я. — Я знаю, кто он.

— Ты такая худая, Дейзи, мне на тебя смотреть больно. Ладно, познакомьтесь с Элисон Пул, она тоже слишком тощая, и от этого мне тоже плохо делается, — говорит Франческа. Она похлопывает по моей руке, прикрывающей шербет, и тянет вазочку к себе. — А это Дейзи Милтон и Патрик...

— Мы знакомы, — говорит Элисон, глядя на меня.

— Привет, Элисон. Пат Бэйтмен, — протягиваю я ей руку.

— Мы знакомы, — говорит она снова, взгляд ее стал жестче.

— Ой... Правда? — спрашиваю я.

Франческа вскрикивает:

— Господи, вы только посмотрите на Бейтмена в профиль! У него абсолютно римский профиль. А эти ресницы! — вопит она.

Дейзи одобряюще улыбается, я стараюсь ее не замечать.

Наконец я узнаю Элисон: это девушка, с которой я развлекался прошлой весной на дерби в Кентукки, когда отдыхал там вместе с Эвелин и ее родителями. Я помню, как она кричала, когда я пытался запихнуть ей во влагалище свой кулак в перчатке, смазанной вазелином, зубной пастой и еще чем-то. Она была пьяна, под кокаином, а я связал ее проволокой и заклеил скотчем ей рот, лицо, грудь. Франческа раньше брала у меня в рот. Не помню, где и когда, но она брала в рот и это мне понравилось. Внезапно я вспоминаю с болью, что тогда,

прошлой весной, я хотел посмотреть, как Элисон умрет, истекая кровью, но что-то меня остановило. Она была настолько обдолбана... «О господи», — стонала она несколько часов, кровь шла у нее из носа пузырями, — но она так и не заплакала. Может быть, в этом была причина; может быть, это спасло ее. В тот уикэнд я выиграл крупную сумму, поставив на лошадь, которую звали Неприлично Голая.

— Ну... привет, — вяло улыбаюсь я, но вскоре самообладание возвращается ко мне. Элисон вряд ли рассказала кому-нибудь о том случае. Ни одна живая душа не может знать слышать о том милом, чудовищном вечере. В полумраке, царящем в «Nell's», не видно, что я расплываюсь в улыбке:

— Да, я помню тебя. Ты была просто... — я замолкаю, а потом рывкаю, — просто насильница.

Она молчит и смотрит на меня так, как будто я враг человечества или что-то в этом роде.

— Господи, Тейлор спит или просто умер? — спрашивает Франческа, пожирая остатки моего шербета. — Бог ты мой, кто-нибудь читал сегодня Page Six? Там было обо мне и о Дейзи. А еще про Теффи.

Элисон поднимается, не глядя на меня:

— Я пойду найду Скипа внизу и потанцую.

Она уходит.

Возвращается Макдермотт и, усаживаясь рядом со мной, оценивающе оглядывает с головы до пят Элисон, которая протискивается мимо него.

— Удачно? — спрашиваю я.

— Фишка не легла, — отвечает он, вытирая нос. Он берет мой стакан, нюхает содержимое, делает глоток и закуривает одну из сигарет Дейзи. Прикуривая, он смотрит на меня, представляется Франческе и опять глядит на меня.

— Не смотри на меня так остолбенело, Бэйтмен. Так бывает.

Я молчу, уставившись на него, а потом спрашиваю:

— Ты что, Макдермотт, фуфло мне гонишь?

— Нет, — говорит он. — Не повезло.

Я вновь замолкаю, смотрю на свои колени и вздыхаю:

— Слушай, Макдермотт, ты уже несколько раз этот фокус проделывал. Я знаю, что ты творишь.

— Я ее ебал, — он снова шмыгает носом, показывая на какую-то девушку за столиком впереди нас. Макдермотт обильно потеет и воняет одеколоном Heugus.

— Правда? Ух ты. А теперь послушай меня, — произношу я, потом замечаю кое-что уголком глаза. — Франческа!..

— Что? — поднимает она голову, капля мороженого стекает по ее подбородку.

— Ты что, ешь мой шербет? — показываю я на вазочку.

Она сглатывает, не сводя с меня глаз:

— Будь проще, Бэйтмен. Ну что ты хочешь от меня, великолепный самец? Тест на СПИД? О господи, кстати, видишь того парня, Краффта? Вот у него. Невелика потеря.

Парень, на которого указала Франческа, сидит рядом со сценой, где оркестр играет джаз. Его волосы зачесаны назад, лицо мальчишеское, он одет в костюм с брюками в складку, шелковую рубашку и светло-серый в горошек галстук от Comme des Garçons Homme. Парень потягивает мартини. Совсем нетрудно представить, как сегодня где-нибудь в спальне он лжет, — возможно, даже девушке, сидящей рядом с ним (блондинка, большие сиськи, одета в платье с шипами от Giorgio di Sant'Angelo).

— Может, скажем ей? — спрашивает кто-то.

— Нет, — говорит Дейзи. — Не надо. Кажется, она настоящая стерва.

— Послушай меня, Макдермотт, — наклоняюсь я к нему. — У тебя есть наркотики. Я вижу это по твоим глазам. Не говоря уж о твоём, блядь, шмыганьи.

— Не-а. Ничего. Не сегодня, милый, — качает он головой.

Раздаются аплодисменты джазовому оркестру, — хлопает весь стол, даже Тейлор, которого нечаянно разбудила Франческа. Я, страшно огорченный, отворачиваюсь от Макдермотта и, как и все остальные, хлопаю в ладоши. К столу подходят Керон с Либби, и Либби говорит:

— Керон завтра должна ехать в Атланту. Съёмки для Vogue. Нам надо идти.

Кто-то приносит счет и Макдермотт оплачивает его своей золотой карточкой AmEx., что окончательно доказывает, что он уторчан, поскольку Макдермотт — известный скряга.

Снаружи душно и слегка моросит дождь, такой мелкий, что кажется, что это туман, сверкают молнии, но грома нет. Я иду за Макдермоттом в надежде вывести его на чистую воду, почти наталкиваюсь на человека в

инвалидной коляске, который, как я помню, пробирался к входу, еще когда мы входили, — коляска ездит вперед-назад по тротуару, охрана в дверях не обращает на нее никакого внимания.

— Макдермотт, — кричу я. — Чем ты занимаешься? Дай мне наркотиков.

Он оборачивается, смотрит мне прямо в глаза и неожиданно пускается в пляс, кружится на месте, потом так же внезапно останавливается и идет к чернокожей женщине с ребенком, сидящей возле закрытых «Деликатесов» рядом с «Nell's». Как обычно, она просит еды, и, как обычно, возле ее ног картонка с надписью. Трудно сказать, черный ли ребенок (ему лет шесть-семь), и вообще — ее ли это ребенок, поскольку свет перед «Nell's» слишком яркий, просто беспощадный — в нем кожа любого человека кажется желтоватой.

— Что они делают? — спрашивает замершая на месте Либби. — Разве они не знают, что надо стоять ближе к канатам?

— Либби, пошли, — Керон тянет ее в направлении двух такси, стоящих у тротуара.

— Макдермотт, — взываю я. — Какого черта?!

Макдермотт с остекленевшим взглядом машет однодолларовой купюрой перед лицом женщины, и та начинает всхлипывать, жалко пытаюсь схватить купюру, но, естественно, он ей ее не отдает. Вместо этого он поджигает купюру спичками из Canal Bar и прикуривает огрызок сигары, зажатый между ровными белыми зубами — вероятно, это коронки. Шут гороховый.

— Как это благородно с твоей стороны, Макдермотт, — говорю я ему.

Дейзи облокотилась на белый мерседес, припаркованный у обочины. Другой мерседес, черный лимузин, стоит рядом с белым. Еще одна вспышка молнии. Вниз по Четырнадцатой улице с воем проносится машина скорой помощи. Макдермотт подходит к Дейзи и целует ей руку перед тем, как сесть во второй мерседес.

Я остаюсь стоять перед плачущей негритянкой, Дейзи смотрит на меня.

Господи, — бормочу я. — Вот...

Я протягиваю женщине коробок спичек из «Lutesce», потом, поняв свою ошибку, вынимаю коробок из «Таверны на траве» и кидаю его ребенку, а первый забираю из грязных, покрытых струпьями рук.

— Господи, — бормочу я снова, направляясь к Дейзи.

— Такси больше нет, — говорит она, уперев руки в боки.

Очередная вспышка молнии заставляет ее завертеть головой и завизжать. — Где фото графы? Кто снимает?

— Такси, — свищу я, пытаюсь остановить проезжающую машину.

Молния прорезает небо над Зекендорф Тауэрс и Дейзи вопит:

— Где фотограф, Патрик? Скажи, чтобы они прекратили.

Она в смятении, ее голова вертится вправо, влево, вперед, назад. Дейзи снимает темные очки.

— О Боже, — бормочу я, но мой голос усиливается до крика. — Это молния. А не фотограф. Молния!

— Ну да. И я должна верить тебе. Ты говорил, что в вестибюле был Горбачев, — укоризненно произносит она. — Я тебе не верю. Я думаю, здесь журналисты.

— Господи, вон такси. Эй, такси! - свищу я приближающемуся такси, только что повернувшему с Восьмой авеню, но кто-то трогает меня за плечо, и когда я оборачиваюсь, передо мной стоит Бетани — девушка, с которой я встречался в Гарварде и которая потом бросила меня. На ней отороченный кружевами свитер и брюки из вискозы с крепом от Christian Lacroix, в руке открытый белый зонт. Такси, которое я пытался поймать, проносится мимо.

— Бетани, — остолбенело произношу я.

— Патрик, — улыбается она.

— Бетани, — повторяю я.

— Как дела, Патрик? — спрашивает она.

— Ну... ну у меня — нормально, — заикаюсь я после неловкого секундного замешательства. — А ты как?

— Все хорошо, спасибо, — отвечает она.

— Так ты что... была там? — спрашиваю я.

— Да, — кивает она. — Рада тебя видеть.

— А ты... живешь здесь? — сглатываю я. — В Манхэттене?

— Да, — улыбается она. — Я работаю в Milbank Tweed.

— А... прекрасно. — Я оглядываюсь на Дейзи и внезапно меня охватывает злость — я вспоминаю, как мы обедали в «Quoters», в Кембридже, где Бетани (рука на перевязи, небольшой синяк под глазом) порвала со мной, и так же внезапно мне приходит на ум: моя прическа — о господи, моя прическа! — я чувствую, как дождь ее портит.

— Ну, мне надо идти.

— А ты в Р&P, да? — спрашивает она. — Отлично выглядишь.

Заметив, что приближается еще одно такси, я отступаю:

— Ну, ладно...

— Давай как-нибудь пообедаем, — предлагает она.

— Отличная идея, — неуверенно отвечаю я.

Таксист заметил Дейзи и остановился.

— Я позвоню тебе, — говорит Бетани.

— Как хочешь, — отвечаю я.

Какой-то черный парень открывает дверь перед Дейзи и она грациозно садится внутрь, парень продолжает держать дверь для меня, пока я сажусь, машу рукой и киваю Бетани.

— А на чай, — просит черный, — не дадите ли на чай?

— Щас, — рывкаю я, стараясь посмотреть в зеркало заднего вида, как лежат мои волосы. — Устройся на нормальную работу, ебанный негритос, будет тебе на чай..

Я захлопываю дверь и говорю водителю, чтобы он отвез нас в верхний Вест Сайд.

— А правда, интересно, как это в сегодняшнем кино они, с одной стороны, были шпионами, а с другой стороны — нет? — говорит Дейзи.

— А ее можешь высадить в Гарлеме, — говорю я шоферу.

Я стою у себя в ванной, обнаженный по пояс, смотрюсь в зеркало Orobwener и раздумываю, не стоит ли мне принять ли душ и помыть голову, так как из-за дождя мои волосы выглядят херово. Пока что я наношу на них мусс и расчесываюсь гребешком. Дейзи сидит возле футона в кресле Louis Montoni из меди и хрома и ест ложечкой мороженое Naagen-Dazs с макадаемией. На ней только кружевной лифчик и пояс для чулок из Bloomingdale's.

— Знаешь, — говорит она, — сегодня на вечеринке мой бывший парень, Фиддлер, никак не мог понять, зачем мне сдался яппи.

Я не слушаю ее, но, все еще рассматривая свои волосы, выдавливаю:

— Правда?

— Он сказал, — смеется она, — что от тебя у него дурные вибрации.

Я вздыхаю, потом напрягаю бицепс:

— Это... печально.

Она пожимает плечами и бесцеремонно заявляет:

— Он плотно сидел на кокаине. Бил меня иногда...

Я начинаю слушать, но она говорит:

— ...но никогда по лицу не бил.

Я захожу в спальню и начинаю раздеваться.

— Ты считаешь меня дурочкой, да? — спрашивает она, перекинув через ручку кресла загорелые, мускулистые ноги.

— Что?

Я скидываю туфли и нагибаюсь, чтобы поднять их.

— Ты считаешь меня дурочкой, — повторяет она. — Ты думаешь, что все модели — глупые.

— Нет, — я стараюсь не смеяться. — Честное слово, нет.

— Нет, считаешь, — настаивает она. — Я же вижу.

— Я думаю, что ты... — мой голос замирает.

— Да? — усмехается она.

— Я думаю, что ты просто великолепна и невероятно... великолепна, — монотонно произношу я.

— Как мило, — безмятежно улыбается она, облизывая ложечку. — Ты весьма нежен.

— Спасибо.

Сняв брюки, я аккуратно складываю их и вместе с рубашкой и галстуком вешаю на черную вешалку Philippe Stark.

— Знаешь, недавно я видел, как моя горничная вытащила из мусорного ведра кусок зернового хлеба.

Дейзи переваривает услышанное, а потом спрашивает:

— Зачем?

Я выдерживаю паузу, разглядывая ее плоский, рельефный живот. Ее тело — загорелое и мускулистое. Мое

тоже.

— Она сказала, что проголодалась.

Дейзи вздыхает и задумчиво облизывает ложку.

— Как тебе моя прическа?

На мне остались только трусы от Calvin Klein, которые натягивает моя эрекция, и пятидесятидолларовые носки от Armani.

— Нормально, — пожимает она плечами. — Хорошо.

— Сегодня я избил девушку, попрошайничавшую на улице, — я делаю паузу, а потом продолжаю, стараясь взвешивать каждое слово. — Она была молоденькой и казалась испуганной, у нее была табличка, что она потерялась в Нью-Йорке и у нее ребенок, хотя я его не видел. Ей нужны были деньги, на еду и еще что-то. На билет на автобус до Айовы. Мне кажется, это была Айова... — я замолкаю, скручивая носки, а потом снова расправляю их.

Дейзи с минуту смотрит на меня пустыми глазами, затем спрашивает:

— А что потом?

Я рассеянно молчу, поднимаюсь, чтобы пойти в ванную, и бормочу:

— Потом? Избил ее до полусмерти.

Из шкафчика в ванной я вынимаю презерватив и возвращаюсь в комнату.

— Она сделала ошибку в слове «калека». То есть, я не поэтому ее избил, но все-таки... знаешь, — пожимаю я плечами. — Изнасиловать ее я не мог — она была слишком уродливая.

Дейзи встает, кладет ложку рядом с коробочкой Haagen-Dazs на столик дизайнера Gibert Rhode. Я делаю ей замечание:

— Нет. Положи ее в коробочку.

— Извини, — говорит она.

Пока я натягиваю презерватив, она восторгается вазой Palazzetti. Я ложусь на Дейзи, мы занимаемся сексом, но подо мной, даже в свете галогеновых ламп, всего лишь тень. После мы лежим на разных сторонах кровати, я дотрагиваюсь до ее плеча.

— Мне кажется, тебе пора домой, — говорю я.

Она открывает глаза, почесывает свою шею.

— Мне кажется, я могу... сделать тебе больно, — говорю я ей. — Боюсь, я не смогу сдержаться.

Посмотрев на меня, она пожимает плечами.

— Ладно, хорошо, — она начинает одеваться. — Мне все равно не нужны серьезные отношения.

— Мне кажется, может случиться что-то ужасное, — говорю я ей.

Она натягивает трусики, смотрит на свое отражение в зеркале Nabolwev и кивает:

— Я поняла.

После того, как она оделась и закончились минуты тягостного молчания, я, не без надежды, спрашиваю:

— Ты же не хочешь, чтобы тебе сделали больно, правда?

Она застегивает верхние пуговицы своего платья и, не глядя на меня, вздыхает:

— Поэтому я и ухожу.

Я говорю:

— По-моему, я упустил эту возможность.

ПОЛ ОУЭН

Все утро я не отвечал на звонки. Я усталое смотрел на радиотелефон, а сам пил травяной чай без кофеина. Потом я пошел в тренажерный зал, где занимался два часа, потом пообедал в «Баре здоровья», но смог съесть только половину салата из цикория с морковкой. Возвращаясь из заброшенного высотного здания возле Хеллс Китчен[33], где я снимал квартиру, я остановился в «Barney's». Потом ходил к косметологу. Поиграл в сквош с Брюстером Уипплом в Йельском клубе и оттуда зарезервировал столик в «Техагкана», где мы сегодня ужинаем с Полом Оуэном, — на восемь часов на имя Маркуса Холберстама. Я выбрал «Техагкана», потому что знаю, что сегодня вечером там, скорее всего, не будет никого, кто меня знает. К тому же сегодня мне хочется поесть свинину с чили и выпить парочку кружек Dixie. Сейчас июнь, на мне льняной двухпуговичный костюм, хлопчатобумажная рубашка, шелковый галстук и кожаные туфли без шнурков, все от Armani. У дверей «Техагкана» ко мне подходит веселый черный попрошайка и объясняет, что он младший брат Боба Хоупа. Ну да. Он протягивает мне пластиковую кофейную чашку. Это кажется мне забавным, и я даю ему четвертак. Я опаздываю на двадцать минут. Из открытого окна на Десятой улице доносятся последние строчки песни Битлз

«A Day in the Life», «Просто еще один день из жизни».

Бар в «Texarkana» абсолютно пуст, а в ресторане занято всего четыре или пять столиков. Оуэн сидит за столиком в дальнем конце зала и распекает официанта: въедливо допытывается, почему у них сегодня кончился суп из бамии с лангустами. Официант похож на педика, но выглядит очень даже неплохо, — кажется, он растерялся, и что-то бормочет в свое оправдание. Оуэн явно не намерен шутить, впрочем, я тоже. Когда я сажусь за столик, официант еще раз извиняется и спрашивает, что я буду пить.

— J&B, чистый, — говорю я с нажимом. — И пиво «Dixie».

Он улыбается и записывает заказ — мерзавец даже пытается строить мне глазки, — и когда я уже собираюсь предупредить его, чтобы он даже не смел со мной заговаривать, Оуэн рывкает, что он хочет двойной мартини с «Абсолютом», и наша голубая фея испаряется.

— Да, Холберстам, ресторан сегодня забит до отказа, — говорит Оуэн, показывая на полупустой зал. — Весьма популярное место, весьма.

— Слушай, здесь просто отменный суп из грязи и пережаренная рукола, — говорю я ему.

— Да ладно, — ворчит он, глядя в свой стакан с мартини. — Ты опоздал.

— Послушай, мои родители развелись, когда я был маленьким. Нельзя на меня обижаться, — я пожимаю плечами и думаю про себя: «Ох, Холберстам, какой же ты мудака». И, изучив меню, я добавляю:

— Гм, сегодня у них нет свинины с лаймовым желе.

На Оуэне — двубортный костюм из шелка и льна, хлопчатобумажная рубашка и шелковый галстук, все от Joseph Abboud. У него безупречный загар. Но сегодня он какой-то мрачный и неразговорчивый, и это портит мне настроение, а ведь я очень многого ожидал от сегодняшнего вечера. Чтобы мое хорошее настроение не испортилось окончательно, мне приходится отпускать дурацкие комментарии вроде «Это там кто, не Ивана Трамп?» А потом, со смехом: «Господи, Патрик, то есть, Маркус, о чем ты думаешь?! Что бы Иване тут делать?»

Но веселее от этого мне не становится. Это никак не отменяет тот факт, что Полу Оуэну столько же лет, сколько и мне — двадцать семь, и обстановка не становится непринужденной.

То, что я поначалу принял в Оуэне за напыщенность, на проверку оказывается обычным опьянением. Когда я пытаюсь вытащить из него информацию насчет счетов Фишера, он отделяется бесполезными статистическими данными, которые я и так уже знаю: что сначала ими занимался Ротшильд, а потом они оказались у Оуэна. И хотя Джин, по моей просьбе, собрала всю доступную информацию еще несколько месяцев назад, я продолжаю кивать, притворяясь, что для меня это ново и интересно, и говорить всякие глупости вроде «Это весьма поучительно», хотя очень хочется сказать другое: «Я совершенно безумен» или «Мне нравится расчленять девушек». Каждый раз, когда я пытаюсь перевести разговор обратно на загадочные счета Фишера, он меняет тему и начинает говорить о соляриях, или о марках сигарет, или о клубах здоровья, или о том, где в Манхэттене можно покататься на лошадях, и продолжает надираться, что меня весьма огорчает. Вначале я пью пиво Southern, пока ем закуски, а потом перехожу на диетическую пепси, потому что мне надо оставаться трезвым. Я уже собираюсь сказать Оуэну, что у Сесилии, девушки Маркуса Холберстама, две вагины, и что мы планируем пожениться следующей весной в Ист-Хемптоне, но он меня перебивает.

— Я, кажется, это... слегка перебрал, — признает он, роняя на стол дольку лайма, которую пытался положить в кружку с пивом.

— Угу.

Я макаю ломтик яма в соус из горчицы и ревеня и делаю вид, что не слушаю его. К концу ужина он такой пьяный, что я (1) заставляю его оплатить счет на двести пятьдесят долларов, (2) заставляю его признать, какой он, на самом деле, тупой сукин сын, и (3) отвожу его к себе домой, и там он наливает себе еще выпить, — на самом деле, он открывает бутылку «Акации», которую, как мне казалось, я хорошо спрятал, серебряным штопором от Mulazoni, купленную мне Рэдлоффом после того, как мы заключили сделку с Хитербергом. В ванной я достаю топор, заранее спрятанный в душе, принимаю две таблетки валиума по пять миллиграммов каждая, запиваю их колпачком средства для полоскания рта Плах, потом иду в коридор, надеваю дешевенький дождевик, который купил в среду в Brooks Brothers, и возвращаюсь к Оуэну, который сидит в гостиной у стереосистемы и рассматривает мою коллекцию дисков. В квартире включен весь свет, жалюзи плотно закрыты. Он встает, медленно отходит назад, прихлебывая вино из стакана, обходит гостиную, садится в белое алюминиевое раскладное кресло, купленное мною на распродаже в честь Дня Памяти в Conran пару недель назад, и, наконец, замечает газеты — New York Times, USA Today и W, — разложенные на полу у него под ногами, чтобы не испачкать полированный паркет из светлого дуба его кровью. Я подхожу к нему с топором в

руке, свободной рукой я застегиваю дождевик.

— Эй, Хелберстем, — говорит он, умудрившись исковеркать оба слова.

— Да, Оуэн, — говорю я, подходя ближе.

— А почему здесь разложены эти газеты со светской хроникой и «Стилем жизни»? — спрашивает он устало. — У тебя что, есть собака? Чау-чау или что-нибудь в этом роде?

— Нет, Оуэн. — Я медленно обхожу кресло и, наконец, встаю прямо напротив него, но он такой пьяный, что даже не видит топор, когда я поднимаю его над головой. Не видит его он и тогда, когда я опускаю его на уровень груди, держа как будто бейсбольную битку, как будто я собираюсь отбить мяч, которым в данном случае будет голова Оуэна.

Оуэн пару секунд молчит, а потом говорит:

— Короче, раньше я терпеть не мог Игги Попа, но теперь, когда его музыка стала коммерческой, он мне нравится больше, чем...

Топор прерывает его на середине предложения, толстое лезвие входит прямо в открытый рот, затыкая его навсегда. Пол смотрит на меня, потом закатывает глаза, потом снова смотрит на меня, и он вдруг поднимает руки, пытаюсь схватить рукоять топора, но сила удара сводит его усилия на нет. Сначала крови нет, и нет никаких звуков, если не считать шелеста газет под дергающимися ногами Оуэна, но когда я вытаскиваю топор (при этом почти выдергиваю Оуэна из кресла) и снова бью его топором по лицу, вскрывая череп, его руки цепляются за пустоту, кровь бьет двумя коричневыми гейзерами, заливая мой дождевик. И все это сопровождается ужасным шипящим звуком, исходящим из ран в черепе Оуэна — из тех мест, где кость и плоть больше не соединяются друг с другом, а вслед за этим раздается совсем другой звук, как будто кто-то испортил воздух, но это просто кусочек мозга, розовый и блестящий, под давлением вылезает наружу сквозь раны на лице. Пол Оуэн в агонии падает на пол, его лицо все покрыто мозгами и кровью, крови нет только в глазах, которые непроизвольно моргают; рот — каша из зубов, мяса и челюстей, язык свисает из открытой раны на щеке, он держится только на чем-то, похожем на тонкую лиловую струну.

— Блядский тупой ублюдок. Блядский ублюдок, — кричу я ему только один раз. Я стою над ним, жду и смотрю на трещину над картиной Оника, которую так и не заделали. Через пять минут Пол, наконец, умирает. Еще через тридцать минут его тело перестает кровоточить.

Я беру такси и еду через Центральный парк, в мертвой тишине этой душной июньской ночи, туда, где жил Оуэн. Только потом до меня доходит, что я так и не снял окровавленный дождевик. Я открываю дверь ключами, которые взял у него в кармане, вхожу, обливаю дождевик бензином для зажигалки и сжигаю его в камине. Гостиная обставлена по-минималистски аскетично. Бетонные стены покрашены в белый цвет, и только одна стена представляет собой огромный рисунок, изображающий что-то научное, а стена, выходящая на Пятую авеню, украшена панелью из искусственной воловьей кожи. У этой стены стоит диван, обтянутый черной кожей.

Я включаю широкоэкранный телевизор Panasonic, диагональ 31 дюйм, и смотрю шоу Поздно ночью с Дэвидом Леттерманом, потом иду к автоответчику, чтобы поменять на нем сообщение (Оуэн дает все номера, по которым его можно найти, включая морской порт, — господи, ну это-то зачем?! — а на заднем плане стильно наигрывают «Времена года» Вивальди). Я задумываюсь, куда бы мне отослать Пола, и через пару минут лихорадочных размышлений выбираю Лондон.

— Пошлем ублюдка в Англию, — хихикаю я, уменьшаю громкость телевизора и записываю новое сообщение. Голоса у нас с Оуэном очень похожи, а отличить их по телефону будет вообще невозможно. Сегодня Леттерман рассказывает о «смешных трюках домашних животных». Немецкая овчарка с кепкой на голове очищает и ест апельсин. Это показывают дважды, в замедленной съемке.

В кожаный чемодан ручной работы, обшитый парусиной цвета хаки, с утяжеленными уголками и золотыми замками (от Ralph Lauren) я укладываю шерстяной шестипуговичный двубортный костюм с узором «штрихи мела», с отворотами мысиком, и шерстяной с фланелью костюм темно синего цвета, оба — от Brooks Brothers, а также электробритву Mitsubishi с зарядным устройством, посеребренный рожок для обуви от Barney, спортивные часы Tag-Heuer, черный кожаный бумажник от Prada, ручной копировальный аппарат Sharp, электронную записную книжку Sharp, его паспорт в специальном кожаном футляре для паспорта и портативный фен Panasonic. Себе я беру портативный CD-плеер Toshiba, в котором стоит саундтрек к «Отверженным». Ванная комната полностью белая, и только одна стена оклеена обоями в пятна «под далматинца». Я бросаю все туалетные принадлежности, необходимые для поездки, в пластиковый мешок Nefty.

Когда я возвращаюсь к себе, тело Оуэна уже окоченело, и я заворачиваю его в четыре дешевых полотенца,

приобретенных мною на все той же распродаже в Conran, засовываю головой вперед в спальный мешок на гусином пуху от Canalino и без труда волочу его до лифта, потом — через холл, мимо ночного портье, вниз по ступенькам, где я натываюсь на Артура Кристала и Китти Мартин, ужинавших в «Кафе Люксембург». К счастью, Китти Мартин встречается с Крэйгом Макдермоттом, который сегодня ночью находится в Хьюстоне, поэтому они не задерживаются, чтобы поговорить со мной, хотя Кристал — грубый ублюдок — спрашивает меня, как правильно носить белый смокинг. Я отвечаю ему очень коротко, потом выхожу на улицу, ловлю такси, без проблем укладываю мешок на заднее сидение, сам сажусь на переднее и даю водителю адрес квартиры в районе Hell's Kitchen. Я втаскиваю тело Оуэна на четвертый этаж — до квартиры в заброшенном здании, которую я приобрел недавно, — укладываю его в большую фарфоровую ванну, снимаю с него костюм и, смочив тело водой, высыпаю на него два мешка негашеной извести.

Позже, около двух, я все еще никак не могу заснуть. Эвелин отлавливает меня, когда я прослушиваю сообщения на своем 976-TWAT и смотрю кассету с записью сегодняшнего Шоу Патти Винтерс, тема которого — люди-уроды.

— Патрик? — говорит Эвелин.

Я молчу, потом говорю монотонным спокойным голосом:

— Вы позвонили Патрику Бэйтмену. В данный момент я не могу подойти к телефону. Пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала... — я делаю паузу и добавляю: — Всего хорошего. — Потом опять делаю паузу, моля бога, чтобы она поверила, и издаю жалобное «Пи».

— Прекрати, Патрик, — говорит она раздраженно. — Я же знаю, что это ты. Что с тобой, черт тебя подери? Я держу телефон перед собой на расстоянии вытянутой руки, потом роняю его на пол и пинаю так, что он врезается в тумбочку. Я нажимаю кнопки, очень надеюсь, что когда я опять поднесу трубку к уху, там раздастся гудок.

— Алло? Алло? — говорю я. — Говорите! Да?

— Ради бога, прекрати. Прекрати, — вопит Эвелин.

— Привет, Эвелин, — говорю я радушно, хотя на лице у меня гримаса.

— Где ты был сегодня вечером? — спрашивает она. — Я думала, мы поужинаем вместе. Я думала, у нас столик заказан в «Raw Space».

— Нет, Эвелин, — вздыхаю я и вдруг понимаю, что очень устал. — Мы не собирались ужинать вместе. С чего ты взяла?

— Я думала, у меня так записано, — ноет она. — Моя секретарша записывала.

— Ну, кто-то из вас ошибся, — говорю я, перематывая кассету с пульта. — «Raw Space»? Господи. Ты... совсем с ума сошла.

— Дорогой, — говорит она недовольным тоном. — Где ты был сегодня вечером? Надеюсь, ты не ходил в «Raw Space» без меня.

— О Господи, — я начинаю стонать. — Мне надо было взять видеокассеты. То есть, мне надо было вернуть видеокассеты.

— А чем еще ты занимался? — спрашивает она все еще обиженно.

— Ну, случайно встретился с Артуром Кристалом и Китти Мартин, — говорю я. — Они возвращались из «Кафе Люксембург».

— Правда? — ей тут же становится интересно. — А в чем была Китти?

— В бальном платье с открытыми плечами, бархатным лифом и кружевной юбкой с цветами от Laura Marokalos, по-моему.

— А Артур?

— В том же самом.

— О, мистер Бэйтмен, — она хихикает. — Мне нравится ваше чувство юмора.

— Слушай, уже поздно. Я устал, — я делаю вид, что зеваю.

— Я тебя разбудила? — с тревогой в голосе спрашивает она. — Надеюсь, я тебя не разбудила?

— Да, — говорю. — Разбудила. Но я взял трубку, так что сам виноват.

— Поужинаем вместе, дорогой? Может, завтра? — спрашивает она, явно ожидая положительного ответа.

— Завтра я не могу. Работа.

— Ты ведь почти хозяин этой чертовой компании, — стонет она. — Какая работа? Чем ты занимаешься? Я не понимаю.

— Эвелин, — вздыхаю я. — Пожалуйста.

— О, Патрик, давай поедem куда-нибудь этим летом, — тоскливым голосом говорит она. — Давай поедem в Эдгартаун или в Хемптонс.

— Может быть, — говорю я. — Очень может быть.

PAUL SMITH

Я стою в магазине Paul Smith и разговариваю с Нэнси и Чарльзом Гамильтонами и с их двухлетней дочерью Гленн. На Чарльзе — четырехпуговичный двубортный льняной костюм от Redaelli, хлопчатобумажная черная рубашка от Ascot Chang, узорчатый шелковый галстук от Eugenio Venanzi и кожаные туфли от Brooks Brothers. На Нэнси -шелковая блузка с перламутровыми пуговицами, шелковая шифоновая юбка от Valentino и серебряные сережки от Reena Pachochi. На мне — шестипуговичный двубортный шерстяной костюм в тонкую полоску и шелковый галстук с узором, и то, и другое — от Louis, Boston, а также шелковая рубашка от Luciano Barbera. На Гленн — шелковый комбинезон от Armani, на голове у нее маленькая кепочка. Пока Чарльз рассчитывается с продавщицей, я играю с девочкой, сидящей на руках у Нэнси: протягиваю ей мою платиновую карточку American Express, она пытается ее схватить, а я качаю головой и говорю с ней тоненьким детским голосом, держа ее за подбородок и помахивая карточкой у нее перед лицом:

— Да, я абсолютно невменяемый психопат-убийца, о да, я такой, я люблю убивать людей, да, дорогая, да, мой маленький сладенький пирожок, я такой...

После офиса я играл в сквош с Рики Хендриком, а потом мы выпили в «Флейтах» со Стивеном Дженкинсом; а в восемь вечера мы с Бонни Эббот ужинаем в «Rooscakes», новом ресторане Бишопа Салливана на Греммерси-парк. В сегодняшнем Шоу Патти Винтерс речь шла о людях, переживших концентрационные лагеря. Я достаю свой карманный телевизор Sony (FD-270) с черно-белым миниэкраном, диагональ 2,7 дюйма, он весит всего тринадцать унций, и протягиваю его Гленн. Нэнси спрашивает:

— Ты пробовал селедочную икру в «Rafaeli's»? Как тебе? — На улице еще не совсем стемнело, но сумерки уже сгущаются.

— Великолeпно, — говорю я, радостно глядя на Гленн.

Чарльз подписывает чек, убирает в бумажник свою золотую карточку American Express, оборачивается ко мне и видит кого-то у меня за плечом.

— Привет, Луис, — говорит Чарльз, улыбаясь.

Я оборачиваюсь.

— Привет, Чарльз. Привет, Нэнси. — Луис Керрутерс целует Нэнси в щеку и жмет руку девочке. — Приветик, Гленн. Какая ты стала большая!

— Привет, Луис, познакомься. Это Роберт Чан... — начинает Чарльз.

— Пат Бэйтмен, — говорю я, убирая телевизор обратно в карман. — Не надо. Мы уже знакомы.

— Прошу прощения. Точно, Пат Бэйтмен, — говорит Чарльз. На Луисе -костюм из шерстяного крепа, хлопчатобумажная поплиновая рубашка и шелковый галстук, все — от Ralph Lauren. Его волосы зачесаны назад, как и у Чарльза, как и у меня, и он носит очки в оправе из красного дерева от Oliver Peoples. Мои-то, по крайней мере, без диоптрий.

— Привет-привет, — говорю я, пожимая Луису руку. Его рукопожатие крепкое и в то же время чудовищно чувственное. — Простите, мне надо выбрать галстук. — Я машу рукой малышке Гленн и иду выбирать галстук в соседний зал, по дороге вытерев руку о двухсотдолларовое полотенце, которое висит на мраморном крюке. Вскоре входит Луис и прислоняется к витрине, делая вид, что изучает галстуки, как и я.

— Что ты здесь делаешь? — шепчет он.

— Покупаю галстук для брата. У него скоро день рождения. Прошу прощения, — я продвигаюсь вдоль стенда с галстуками, подальше от него.

— Ему очень повезло, что у него такой брат, — говорит он, снова пододвигаясь ко мне и радостно улыбаясь.

— Может быть, но меня от него воротит. — говорю я. — Хотя тебе бы он наверняка понравился.

— Патрик, почему ты не смотришь на меня? — чуть ли не с болью в голосе спрашивает Луис. — Посмотри на меня.

— Луис, я тебя очень прошу, пожалуйста, оставь меня в покое, — говорю я, закрываю глаза и сжимаю кулаки от бессильного гнева.

— Да ладно тебе, пойдem выпьем в «Sofi's» и поговорим, — предлагает он, вернее, даже не предлагает, а умоляет.

— Поговорим о чем? — недовольно спрашиваю я и открываю глаза.

— Ну...о нас, — он пожимает плечами.

— Ты что, специально пришел за мной сюда? — спрашиваю я.

— Куда сюда?

— Сюда. В Paul Smith. Зачем?

— Я? Пришел за тобой? Да ладно тебе, — он пытается рассмеяться, как бы издеваясь над моим предположением. — Господи.

— Луис, — я заставляю себя посмотреть ему в глаза. — Пожалуйста, оставь меня в покое. Уходи.

— Патрик, — говорит он. — Я люблю тебя, очень люблю. Надеюсь, ты это понимаешь.

Я только качаю головой и перехожу к стенду с обувью, улыбаясь продавцам.

Луис идет за мной.

— Патрик, что мы тут делаем?

— Ну, я пытаюсь купить брату галстук и... — я хватаю какую-то туфлю, потом вздыхаю, — а ты пытаешься у меня отсосать, образно выражаясь. Господи, нет, я ухожу.

Я возвращаюсь к галстукам, хватаю первый попавшийся, не выбирая, и иду к кассе. Луис плетется за мной. Я его полностью игнорирую, даю продавщице свою платиновую карточку American Express и говорю ей.

— Там на улице бродяга, — я показываю ей за окно, где на скамейке у входа в магазин стоит бомж с пакетом газет и что-то кричит. — Наверное, надо вызвать полицию или что-нибудь еще в этом роде.

Она благодарно кивает мне и пропускает мою карточку через компьютер. Луис просто стоит рядом и застенчиво смотрит в пол. Я подписываю чек, беру пакет и сообщаю девушке-продавщице, указывая на Луиса: — Он не со мной.

На Пятой авеню я пытаюсь поймать такси. Луис выбегает из магазина следом за мной.

— Патрик, нам надо поговорить, — кричит он, пытаюсь переорать рев машин. Он бежит ко мне и хватает меня за рукав пальто. Я разворачиваюсь, мой пружинный нож уже наготове, и я машу ножом перед носом Луиса, заставляя его отойти. Люди обходят нас и спешат по своим делам.

— Эй, Патрик, — говорит он, поднимая руки и пятясь назад. — Патрик.

Я шиплю на него, все еще держа нож в руке, до тех пор, пока рядом не останавливается такси. Луис пытается подойти ко мне, но я опять выставляю нож, открываю свободной рукой дверцу машины и забираюсь внутрь, потом захлопываю дверцу и говорю водителю, чтобы он ехал в Гремерси-Парк, к «Pooncakes».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ, БРАТЯ

Сегодня вечером мы с братом Шоном ужинаем в «Жирафе в юбке», и я весь день думаю, за каким столиком мы там будем сидеть. Поскольку сегодня у него день рождения и он в этот день оказался в городе, папин бухгалтер Чарльз Конрой, и его поверенный по недвижимости Николас Лей позвонили мне на прошлой неделе и оба сказали, что для всех было бы очень желательно использовать эту дату в качестве повода для встречи, поговорить и выяснить, что Шон собирается делать дальше, и, может быть, задать ему пару насущных вопросов. И хотя они оба знают, что я презираю Шона и что это чувство взаимно, все равно было бы очень неплохо, если бы я вытащил брата поужинать, а если он категорически не согласится, то в качестве наживки можно будет упомянуть — в форме весьма ясного намека, — что встретиться необходимо, потому что случилось что-то плохое. Разговор состоялся в прошлую среду, причем я разговаривал сразу с обоими при помощи «телефонной конференции».

— Что-то плохое? Что, например? — спросил я, пытаюсь сосредоточиться на цифрах у себя на мониторе и делая знаки Джин, чтобы она ушла, хотя она принесла мне на подпись целую пачку бумаг. — Что на северо-востоке закрываются все пивоваренные заводы Michelob? Что 976-BIMBO прекратил принимать вызовы на дом?

— Нет, — сказал Чарльз и спокойно добавил: — Скажи ему, что вашей матери... стало хуже.

Я помедлил, обдумывая эту тактику, и сказал:

— Ему, скорее всего, наплевать.

— Скажи ему... — Николас сделал паузу, прочистил горло и деликатно так предложил, — скажи, что речь идет о ее недвижимости.

Я оторвался от монитора, сдвинул на кончик носа темные авиаторские очки Wayfarer, пристально посмотрел на Джин и провел пальцами по свежему выпуску справочника «Загат», лежавшему у меня рядом с компьютером. «Пастели» — сразу отпадает. «Дорсия» — тоже. Когда я в последний раз звонил в «Дорсию» там повесили трубку еще до того, как я успел спросить: «Ну, если не в следующем месяце, то, может быть, в январе?», — и хотя я поклялся себе, что когда-нибудь все-таки закажу столик в «Дорсии» (если не в этом календарном году, то хотя бы до того, как мне исполнится тридцать), я уже предвижу, что это потребует нервов и немалых затрат энергии, которую мне жалко тратить на Шона. Тем более, что «Дорсия» — слишком шикарное место для такого

придурка. Я хочу, чтобы он вытерпел этот ужин; я не хочу, чтобы вечер был для него приятным, чтобы его отвлекали соблазнительные девицы. Я хочу выбрать такое место, где в мужском туалете есть служитель и братцу пришлось бы обойтись без кокаина — я даже не сомневаюсь, что он сидит на кокаине хронически. Я отдал справочник Джин и попросил ее выбрать самый дорогой ресторан в Манхэттене. Она заказала столик на девять часов в «Жирафе в юбке».

— Дела в Сэндстоуне совсем плохи, — говорю я Шону. Я позвонил ему после обеда, часа в четыре. Он остановился в квартире отца в Карлайле. Мне слышно, как у него орет MTV. Слышно, как льется вода в душе. Слышны какие-то голоса.

— Что там случилось? Мать съела подушку? Или что?

— Нам надо встретиться, — говорю я.

— Доминик, сделай потише, — говорит он, потом прикрывает трубку рукой и говорит что-то в сторону.

— Эй, Шон? Что там у тебя происходит? — говорю я.

— Я тебе перезвоню, — он вешает трубку.

На прошлой неделе я купил Шону галстук в Paul Smith, но он мне понравился самому, и я решил не дарить его брату (хотя мысль о том, как мой мудака-братец повесится на подаренном мною галстуке, доставляет мне истинное наслаждение). На самом деле, я собираюсь надеть этот галстук сегодня. Вместо галстука я подарю ему часы Casio QD-150 с калькулятором, записной книжкой на пятьдесят телефонных номеров и опцией голосового набора номера в тоновом режиме через встроенный микрофон. Я смеюсь, убирая этот бесполезный подарок обратно в коробку, и говорю себе, что вряд ли у Шона вообще найдется пятьдесят знакомых. Он даже не сможет назвать пятьдесят имен. В сегодняшнем Шоу Патти Винтерс речь шла о салат-барах.

Шон перезванивает в пять часов из клуба «Racquet» и говорит, что мы с ним встречаемся в «Дорсии». Он только что переговорил с владельцем, Брином, и заказал столик на девять. Я в замешательстве. Можно сказать, что я в расстроенных чувствах. Не знаю уже, что и думать. В сегодняшнем Шоу Патти Винтерс речь шла о салат-барах. Вечер. «Дорсия», девять тридцать: Шон опаздывает на полчаса. Метрдотель не желает сажать меня за столик, пока не появится брат. Мой самый кошмарный страх превратился в реальность. Столик прямо напротив бара — лучшее место. Пока за ним никого нет, он ждет, когда Шон почтит его своим присутствием. Из последних сил я борюсь со злостью, помогая себе ксанаксом и «Абсолютом» со льдом. Иду в сортир, чтобы отлить. Пока отливаю, смотрю на тонкую, похожую на паутинку трещину над писсуаром, и думаю, что если я вдруг исчезну в этой самой трещине — скажем, уменьшусь и провалюсь туда, то вполне может быть, что никто этого и не заметит... никто не заметит, что меня больше нет. Никто не заметит. Всем... будет... наплевать. А если мое отсутствие и заметят, то кое-кто наверняка вздохнет с облегчением по этому поводу, с несказанным облегчением. Это правда: без некоторых людей жить станет легче. Жизни людей вовсе не связаны между собой. Никто ни с кем не пересекается. Эта теория устарела. Есть люди, которым просто незачем жить среди людей. К таким людям относится и мой братец Шон, который, когда я возвращаюсь из туалета, уже сидит за столиком напротив бара. По дороге я завернул к телефону, чтобы позвонить домой и прослушать сообщения на автоответчике (Эвелин собирается покончить с собой, Кортни хочет купить чау-чау, Луис предлагает вместе поужинать в четверг). Шон уже курит сигарету за сигаретой, и я думаю про себя: «Чёрт, почему я ему не сказал, чтобы он заказал столик в секции для некурящих?» Он пожимает руку метрдотелю, но когда я подхожу, ему не приходит в голову нас представить. Я сажусь и киваю. Шон тоже кивает. Он уже заказал бутылку шампанского Cristal, зная, что плачу я; и зная — я в этом уверен, — что я знаю, что он не пьет шампанского.

Шон, которому сегодня исполнилось двадцать три, прошлой осенью уехал в Европу. Во всяком случае, так он сказал Чарльзу Конрою, и хотя Чарльзу потом пришел весьма солидный счет из гостиницы Plaza, подпись на счете не совпадала с подписью Шона, и никто точно не знал, сколько времени Шон провел во Франции и был ли он там вообще. Потом он вроде бы вернулся в Америку, шатался туда-сюда, завис недели на три в Кэмдене. Сейчас он в Манхэттене, а потом улетает то ли в Палм-Бич, то ли в Новый Орлеан. Вполне можно предположить, что сегодня он пребывает в дурном настроении и будет держаться особенно высокомерно. Я также заметил, что он начал выщипывать брови. Так что у него теперь две брови, а не одна. Меня подмывает высказать это наблюдение вслух, и чтобы сдержаться, я сжимаю кулак — с такой силой, что ногти пропарывают ладонь, а бицепсы на левой руке напрягаются и проступают сквозь ткань льняной рубашки от Armani.

— Тебе нравится это место? — интересуется он, ухмыляясь.

— Мое... любимое, — шучу я, скрипя зубами.

— Давай заказывать, — говорит он, не глядя на меня. Он делает знак официантке, которая приносит нам два меню и отдельное меню со спиртным. Она заискивающе улыбается Шону, но тот ее полностью игнорирует. Я открываю меню, и — вот бяда — оно без комплексного меню, а это значит, что Шон заказывает омара с икрой и персиковые равиоли на закуску, а в качестве основного блюда — омара, жареного на углях, под земляничным соусом. Два самых дорогих блюда во всем меню. Себе я заказываю перепелиный сашими с поджаренной булочкой и крабов в виноградном желе. Симпатичная официантка открывает бутылку шампанского Cristal и разливает по его хрустальным стаканам без ножки. Видимо, предполагается, что это очень круто. Когда официантка уходит, Шон замечает, что я смотрю на него неодобрительно, и спрашивает:

— Что такое?

— Ничего, — отвечаю я.

— В чем... дело... Патрик? — меня бесит его манера делать паузы между словами.

— Омар — в начале ужина? На закуску?!

— А ты что хотел, чтобы я заказал на закуску? Картофельные чипсы «Прингл»?

— Но два раза — омара?

— У них омары чуть больше, чем эти вот спички, — говорит он. — И потом, я не особенно хочу есть.

— Тем более.

— Я пошлю извинения по факсу.

— Шон, не заводись.

— Рок-н-ролл...

— Я знаю-знаю, вся жизнь сплошной рок-н-ролл, все заебись и вообще, да?

Я отпиваю шампанское и поднимаю свободную руку, как будто сдаюсь. Про себя я размышляю, что, может быть, еще не поздно позвать официантку и попросить, чтобы она принесла кусок торта с одной свечкой — просто чтобы поставить этого говнюка на место, сбить с него гонор, — но вместо этого я ставлю стакан на стол, делаю глубокий вдох и спрашиваю:

— Слушай, а что... чем ты занимался сегодня?

— Играл в сквош с Ричардом Линдквистом, — он презрительно пожимает плечами. — Купил смокинг.

— Николас Лей и Чарльз Конрой хотели бы знать, собираешься ли ты летом в Хемптонс или нет.

— Вообще-то, нет, — пожимает он плечами.

Мимо нашего столика проходит блондинка — ее тело практически совершенно, у нее большие сиськи, а в руке — программка «Отверженных». На ней — длинное вечернее платье из искусственного шелка от Michael Kors из Bergdorf Goodman, туфли Manolo Blahnik и позолоченные серьги-подвески от Ricardo Siberno. Она останавливается, чтобы поздороваться с Шоном, и хотя даже я отымел бы ее с очень даже большим удовольствием, Шон игнорирует ее заигрывания и не представляет нас друг другу. Шон вообще держится очень грубо, но девушка все равно улыбается и машет ему рукой в перчатке.

— Мы потом поедem в «Mortimer's». Может, увидимся там.

Он кивает, глядя на мой стакан с водой, потом подзывает официантку и заказывает себе виски.

— Это кто? — интересуюсь я.

— Да так, одна крошка, она раньше ходила в «Stephens».

— А где ты с ней познакомился?

— В бильярдной в «М.К.», — он пожимает плечами.

— Она не из du Pont[34], случайно?

— А что? Хочешь ее телефончик?

— Да нет. Просто мне интересно, в du Pont она или нет.

— Может быть. Я не знаю. — Он закуривает очередную сигарету. Похоже, что у него золотая зажигалка от Tiffany's, восемнадцать карат. — Может быть, она подруга кого-то из du Pont.

Я по-прежнему пытаюсь придумать хотя бы одну причину, почему я сейчас сижу здесь, в «Дорсии», с моим братцем Шоном, но на ум ничего не приходит. После ужина (порции здесь микроскопические, зато еда просто отменная; Шон вообще ничего не ест) — я говорю ему, что мне надо встретится с Андреа Ротмере в «Nell's», так что если он хочет десерт или кофе, то пусть заказывает прямо сейчас, потому что к полуночи мне надо быть в центре.

— Зачем суетиться? — говорит он. — «Nell's» — уже не такое стильное заведение, как раньше.

— Ну... — я запинаясь, но быстро беру себя в руки, — Мы там просто встречаемся. На самом деле, мы собираемся... — я лихорадочно перебираю в уме названия клубов, — ...в «Чернобыль». — Я отпиваю еще

шампанского из стакана без ножки.

— Скучное заведение, — говорит он, обводя взглядом зал. — Очень скучное.

— Или в «Контраклуб Восток», я не помню.

— Уже немодно. Каменный век. Доисторические времена, — он цинично смеется.

Напряженная пауза.

— А ты-то откуда знаешь?

— Рок-н-ролл, — он пожимает плечами. — Вся жизнь — сплошной рок-н-ролл.

— Ладно, Шон, а ты где будешь сегодня вечером?

Он отвечает без промедления:

— В «Petty's».

— А, ну да, — я совершенно забыл, что его уже открыли.

Он курит, что-то насвистывая себе под нос.

— А мы идем на вечеринку у Дональда Трампа, — вру я.

— Замечательно. Повеселитесь по полной программе.

— Дональд — приятный парень. Тебе надо с ним познакомиться, обязательно, — говорю я. — Я... я вас познакомлю.

— Правда? — говорит Шон, может, с надеждой, а может, и нет.

— Ну, разумеется.

Правда-правда.

Так, пока принесут чек... пока я расплачусь, пока поймаю такси, пока доеду до дома... будет уже почти полночь, а это значит, что я никак не успею вернуть в видеопрокат вчерашние кассеты, а если не заезжать домой, тогда я еще успеваю зайти в прокат и взять еще одну кассету, в членской карточке сказано, что можно брать не более трех кассет одновременно. А я вчера взял только две («Двойное тело» и «Горячая, мертвая блондинка»), так что я могу взять еще одну, но я совершенно забыл, что участвую в их членской программе «Золотой круг», то есть, если я за полгода набираю кассет на тысячу долларов (минимум), тогда мне можно брать одновременно — за один раз — сколько хочешь кассет, но я не знаю, можно ли взять кассеты, если ты не вернул предыдущие, а две я уже взял вчера, так что...

— Дэмиен. Ты — Дэмиен, — слышу я бормотание Шона. Во всяком случае, мне так показалось.

— Что ты сказал? — я смотрю на него. — Я не расслышал.

— Хороший загар, — он вздыхает. — Я сказал, хороший у тебя загар.

— А, — я все еще пытаюсь сообразить, как быть с кассетами. Я опускаю глаза и смотрю... куда? Себе на колени?

— Спасибо.

— Рок-н-ролл, — он тушит сигарету в хрустальной пепельнице. Из пепельницы поднимается дым, но быстро рассеивается.

Шон знает, что я знаю, что он может меня провести в «Petty's», новый клуб Нормана Прейджера на Пятьдесят девятой, но я не буду его просить, а сам он не предложит. Я кладу поверх чека мою платиновую American Express. Шон таращится на смазливую девицу у барной стойки — платье из джерси от Thierry Mugler, шаль от Claude Montana, — она лениво потягивает шампанское из стакана без ножки. Когда официантка подходит, чтобы забрать чек и карточку, я отрицательно качаю головой, и Шон все-таки опускает глаза и видит мою AmEx, и тогда я делаю знак официантке, чтобы она подошла и взяла чек с карточкой.

ЛАНЧ С БЕТАНИ

Сегодня я встречаюсь с Бетани за ланчем в «Vanities», — это новое бистро Эвана Килея в Трибеке, и хотя утром я два часа занимался в спортзале, а потом еще до полудня поработал с гантелями прямо в офисе, чувствую я себя нервно. Сложно определить причину, но я думаю, что одно из двух. Либо я опасаясь, что меня обломают (хотя непонятно, с чего бы вдруг мне опасаться облома: она сама мне позвонила, она хочет видеть меня, она хочет со мной пообедать и снова со мной поебаться, — она, а не я), либо все дело в этом новом итальянском муссе для волос, который я попробовал как раз сегодня, и хотя он приятно пахнет, и волосы кажутся гуще, он оставляет какое-то липкое неприятное ощущение, и вполне может быть причиной моей непонятной нервозности. Чтобы за обедом нам было о чем поговорить, я вчера попытался прочесть сборник рассказов одного модного молодого писателя, о котором недавно писали в New York. Книжка называется «Котелок для рагу», я купил ее в «Barnes&Noble». Я честно пытался ее читать, но все рассказы начинались с фразы: «когда луна бьет в глаза, как большая пицца», — так что я поставил книжку на полку, выпил J&B со льдом

и принял два ксанакса, чтобы прийти в себя после такого напряжения. В качестве компенсации, перед тем, как лечь спать, я написал Бетани стихотворение и потратил на это немало времени, что меня удивило, потому что в Гарварде я часто писал ей стихи, длинные мрачные поэмы, до того, как мы с ней расстались. Господи, думаю я, входя в «Vainities» (опаздывая всего на пятнадцать минут), я очень надеюсь, что она не связалась с Робертом Холлом, этим тупым мудаком. Проходя мимо зеркала, что висит над стойкой, я смотрю на свое отражение — мусс смотрится очень даже неплохо. В сегодняшнем Шоу Патти Винтерс обсуждали Патрика Суэйзи — стал ли он циником или нет?

Метрдотель подводит меня к столику, где сидит Бетани (все происходит как бы в замедленной съемке). Она сидит спиной к залу и не видит меня. Я вижу только ее затылок — шея открыта, каштановые волосы подняты вверх и собраны в элегантный пучок, — а когда она поворачивает голову, чтобы взглянуть в окно, я вижу ее профиль: она выглядит как модель. На ней шелковая блузка и шелковая с атласом юбка с кринолином. Зеленая замшевая сумочка от Paloma Picasso стоит перед ней на столе, рядом с бутылкой минеральной воды San Pellegrino. Бетани смотрит на часы. Пара за соседним столиком курит, и после того, как я неожиданно наклоняюсь к Бетани и целую ее в щеку, я сдержанно обращаюсь к метрдотелю и прошу пересадить нас в зал для не курящих. Я говорю тихо и вежливо, но все же достаточно громко, чтобы курильщики за соседним столом меня слышали — надеюсь, их это немного смутит.

— Ну, так что? — Я стою, скрестив руки на груди и нетерпеливо постукивая носком ботинка по полу.

— Боюсь, сэр, у нас нет зала для некурящих, — говорит метрдотель.

Я прекращаю стучать ногой по полу и медленно обвожу взглядом ресторан, то есть быстро. Меня очень волнует, как выглядят мои волосы, и я вдруг очень жалею, что не сменил мусс, потому что с тех пор, как я в последний раз видел свои волосы, пару секунд назад, ощущение стало другим. Мне кажется, что пока я шел от бара до столика, в моей прическе что-то изменилось. К горлу подступает теплая тошнота, но, поскольку на самом деле мне все это снится, то мне все-таки удастся произнести:

— То есть, вы говорите, у вас нет зала для некурящих? Я правильно понял?

— Да, сэр

Похожий на педика метрдотель, с невинными глазками (без сомнения, актер) добавляет:

— Прошу прощения.

— Ну, это... весьма интересно. С этим я как-то могу смириться.

Я достаю свой бумажник из газелевой кожи, вынимаю оттуда двадцатку и сую ее метрдотелю, в его неуверенную ладонь. Он растерянно смотрит на банкноту, смущенно бормочет:

— Спасибо вам, — и уходит, слегка ошарашенный.

— Нет. Спасибо вам, — кричу я ему вдогонку и сажусь напротив Бетани, вежливо киваю паре за соседним столиком, и хотя я пытаюсь как можно дольше игнорировать Бетани, насколько это допустимо правилами этикета, у меня ничего не выходит. Она выглядит потрясающе, как модель. Все расплывается. Я на пределе. Меня лихорадит, романтические порывы...

— А разве ты в Гарварде не курил? — это первое, что она спрашивает.

— Сигары, — говорю я. — Только сигары.

— Ага, — говорит она.

— Но я давно бросил, — лгу я, делаю глубокий вдох и сжимаю кулаки.

— Это правильно, — кивает она.

— Слушай, ты без проблем заказала столик? — интересуюсь я.

Меня, блядь, трясет. Я кладу руки на стол, как дурак — я надеюсь, что под ее пристальным взглядом они перестанут дрожать.

— Здесь не нужно заказывать столик, Патрик, — говорит она успокаивающе, протягивает руку и кладет ее поверх моей. — Успокойся. Вид у тебя диковатый.

— Я спокоен, я абсолютно спокоен, — я делаю глубокий вдох и пытаюсь улыбнуться, а потом, сам того не желая, но не в силах терпеть, все-таки спрашиваю: — А как у меня прическа?

— Замечательная прическа, — говорит она. — Успокойся. Все хорошо.

— Я спокоен, — я опять пробую выжать из себя улыбку, но уверен, что получается просто гримаса.

Она говорит после короткой заминки:

— Хороший костюм. Henry Stuart?

— Нет, — говорю я обиженно, прикасаясь к лацкану пиджака, — Garrick Anderson.

— Очень хороший. — Она умолкает на пару секунд и вдруг спрашивает с искренним участием:

— С тобой все нормально, Патрик? Тебя так... колотит.

— Послушай, я просто устал. Я только что прилетел из Вашингтона. Буквально сегодня утром.

Все это я выпаливаю на едином дыхании, избегая смотреть ей в глаза.

— На частном самолете Дональда Трампа. Замечательный был полет. Сервис — на высшем уровне. Мне надо выпить.

Она улыбается, как будто я сказал что-то забавное, и пристально смотрит на меня.

— Правда? — говорит она, как мне кажется, не без некоторого самодовольства.

— Да.

Я не могу на нее смотреть, и мне стоит немалых усилий просто развернуть салфетку, положить ее на колени и поправить, чтобы она лежала так как надо. Я смотрю на стакан рядом с моей тарелкой и мысленно умоляю, чтобы скорей подошла официантка. Неловкая тишина, и поэтому кажется, что мои следующие слова звучат очень громко.

— Ты сегодня смотрела Шоу Патти Винтерс?

— Нет, я ходила бегать, — отвечает она. — Оно было про Майкла Джея Фокса, да?

— Нет, — поправляю я. — Про Патрика Суэйзи.

— Правда? За ними сложно уследить. Ты уверен?

— Да. Про Патрика Суэйзи. Совершенно точно.

— И как оно было?

— Очень интересно, — я делаю глубокий вдох. — Там в основном были споры на тему, стал ли он циником или нет.

— А ты как считаешь? — спрашивает она, по-прежнему улыбаясь.

— Ну нет, я не знаю, — я снова разнервничался, — это вообще-то интересный вопрос. На самом деле, они его рассмотрели не особенно глубоко. Я имею в виду, после «Грязных танцев» — нет, однозначно. Но после «Тигра Варшавы» — я не знаю. Может быть, я сумасшедший, но мне показалось, что я заметил в нем некую горечь. Я не уверен.

Она смотрит на меня, и ее выражение не меняется.

— Да, чуть не забыл, — я лезу в карман, — я написал тебе стихотворение.

Я передаю ей листок бумаги.

— Вот.

Я себя чувствую совершенно разбитым, меня немного подташнивает. Я действительно на пределе.

— О, Патрик, — она улыбается. — Как это мило.

— Ну, ты понимаешь, — я скромно отпускаю глаза.

Бетани берет листок и разворачивает его.

— Прочитай, — прошу я, воодушевившись.

Она озадаченно пробегает глазами стихотворение, на лице у нее отражается недоумение. Она прищуривается и переворачивает листок, чтобы посмотреть, нет ли чего на обороте. Видимо, она понимает, что это очень короткое стихотворение, снова переворачивает листок и еще раз читает строчки, написанные на лицевой стороне красной ручкой.

— Это типа хайку, понимаешь? — говорю я. — Давай. Прочитай его вслух.

Она прочищает горло и начинает читать. Очень медленно, запинаясь на каждом слове.

— Бедный ниггер на стене. Посмотри на него.

Она умолкает, щурится на листок, а потом неуверенно продолжает:

— Посмотри на несчастного ниггера. Посмотри на несчастного ниггера... на стене.

Она опять умолкает, в замешательство смотрит на меня и вновь опускает глаза на листок.

— Ну давай, — говорю я, оглядываясь в поисках официантки, — читай дальше.

Она опять прочищает горло и читает дальше, не отрывая взгляда от листа и понизив голос почти до шепота:

— Ну и хуй с ним... Хуй с ним, с этим ниггером на стене...

Она умолкает, вздыхает и все же читает последнее предложение:

— Этот черный — последний де... дебил?

Пара за соседним столиком — он и она — медленно обернулись и смотрят на нас. Мужчина ошеломлен, женщина в ужасе. Я злобно смотрю на нее, пока она не отводит взгляд и не опускает глаза на свой блядский салат.

— Ну, Патрик, — Бетани откашливается и протягивает мне листок, пытаюсь улыбнуться.

— Что? — говорю я.

— Я вижу, что... — она за секунду задумывается, — что твое чувство... социальной несправедливости... — она опять откашливается и опускает глаза, — осталось прежним.

Я забираю у нее листок, убираю его в карман и улыбаюсь. Я пытаюсь изобразить искреннее и открытое выражение и сидеть прямо, чтобы она не подумала, будто я перед ней заискиваю. Подходит официант, и я спрашиваю у него, какое здесь подают пиво.

— Хейнекен. Будвайзер. Амстель Лайт, — перечисляет он.

— Да? — я смотрю на Бетани и делаю ему знак продолжать.

— Это... все, сэр, — говорит он.

— Что, у вас нет Короны? И Кирина? И Гролша? И Моррети тоже нет? — я озадачен и взбешен.

— Простите, сэр, нет, — говорит он осторожно. — Только Хейнекен, Будвайзер и Амстель Лайт.

— Но это безумие, — я вздыхаю. — Принесите тогда J&B со льдом. Нет, мартини Абсолют. Нет, J&B чистый.

— А мне еще минеральную воду San Pellegrino, — говорит Бетани.

— Мне тоже, — быстро добавляю я. У меня подергивается нога, и я ничего не могу с собой сделать.

— Хорошо. Перечислить вам наши специальные блюда? — спрашивает официант.

— Разумеется, — говорю я раздраженно, но тут же беру себя в руки и ободряюще улыбаюсь Бетани.

— Вы уверены? — Он смеется.

— Пожалуйста, — мне совсем не смешно. Я изучаю меню.

— На закуску у меня вяленые помидоры и икра с чили-поблано, также могу предложить суп из свежего цикория...

— Подождите минутку, — перебиваю я, подняв руку. — Подождите минутку.

— Да, сэр? — официант озадачен.

— У меня, вы сказали? Я могу предложить? Вы хотели сказать: у нас, в ресторане, — поправляю я. — У вас...

то есть, лично у вас... нет никаких вяленых помидоров. Они есть в ресторане. У вас нет чили-поблано. Он есть в ресторане. Вы изъяснитесь нормально.

Официант ошарашенно смотрит на Бетани, которая искусно разряжает обстановку вопросом:

— А как подают суп из цикория?

— Э... холодным, — говорит официант, еще не до конца оправившийся после моей вспышки. Он чувствует, что я на пределе, что я могу сорваться в любой момент. Он неуверенно умолкает.

— Продолжайте, — говорю я. — Пожалуйста, продолжайте.

— Его подают холодным, — повторяет он. — В качестве основного блюда у нас сегодня морской черт с манго, рыбный сэндвич на булочке с кленовым сиропом и... — он сверяется по блокноту, — ...хлопком.

— М-м-м, звучит заманчиво. Хлопок — это, должно быть, вкусно, — я нетерпеливо потираю руки. — Бетани?

— Мне, пожалуйста, севице с луком-пореем и щавелем, — говорит Бетани. — И цикорий с... ореховым соусом.

— Сэр? — осторожно спрашивает официант.

— Мне... — я быстро просматриваю меню. — Мне кальмаров с кедровым орехом, и можно еще ломтик козьего сыра, шевр... — я смотрю на Бетани, скривится она или нет от моего неправильного произношения... — ...и соус рядом на тарелке.

Официант кивает и уходит. Мы остается одни.

— Ну, — она улыбается, а потом замечает, что стол слегка трясется. — Что... что у тебя с ногой?

— А что у меня с ногой? А. — Я смотрю вниз, под стол, потом — снова — на Бетани. — Это из-за... музыки.

Мне очень нравится эта песня. Которая играет.

— А что это? — она слегка наклоняет голову, вслушиваясь в мелодию, которая играет в динамиках под потолком над стойкой.

— Это... кажется, это Белинда Карлайл. Но я не уверен.

— Но... — начинает она, но умолкает на полуслове. — Ладно, забыли.

— Что — но? Говори.

— Но это вроде бы просто мелодия, без слов, — она улыбается и опускает глаза, изображая застенчивость.

Я придерживаю ногу, чтобы она не тряслась, и делаю вид, что слушаю.

— Но это одна из ее песен, — говорю я и добавляю, слегка запинаясь: — Кажется, она называется «Heaven Is a Place on Earth», «Рай это место на земле». Ты ее знаешь.

Она говорит:

— Слушай, а ты в последнее время ходил на концерты?

— Нет, — меня злит, что из всех тем она выбрала именно эту. — Я не люблю живую музыку.

— Живую музыку? — переспрашивает она, заинтригованная, и отпивает свою минералку.

— Да. Ну, разные там группы.

По ее выражению я понимаю, что я говорю совершенно не то.

— А нет, я забыл. Я был на концерте U2.

— И как они? — спрашивает она. — Мне очень понравился их новый диск.

— Ну, они были классными. Абсолютно классными. Абсолютно... — я умолкаю, не зная, что сказать. Бетани в недоумении приподнимает бровь и явно желает услышать продолжение. — Абсолютно... ирландскими.

— Я слышала, что они хорошо выступают на концертах, — говорит она, и ее голос звучит мелодично, почти напевно. — А кто еще тебе нравится?

— Ну... — я по-настоящему растерялся. — The Kingsmen. «Louie, Louie». Что-то типа того.

— Господи, Патрик, — говорит она, пристально глядя на меня.

— Что? — Я паникую и прикасаюсь рукой к волосам. — Слишком много мусса? Тебе не нравятся The Kingsmen?

— Нет, — она смеется. — Ты раньше не был таким загорелым, в университете.

— Но я был загорелым, правда? — говорю я. — То есть я не был бледным, как привидение Каспер, правда?

Я ставлю локоть на стол, напрягаю мышцы и прошу ее потрогать мой бицепс. Она делает, как я прошу, хотя и неохотно, и я продолжаю расспрашивать ее дальше:

— В самом деле я был не таким загорелым в Гарварде? — я изображаю шутливую тревогу, но я и вправду встревожен.

— Нет-нет, — она смеется. — Ты определенно был нашим Джорджем Гамильтоном.

— Спасибо, — говорю я, довольный.

Официант приносит напитки — две бутылки San Pellegrino. Сцена вторая.

— Так ты теперь, где? В Mill... как там его? — говорю я. Ее тело, цвет ее кожи — все такое упругое и розовое.

— Millbank Tweed, — говорит она.

— Замечательно, — говорю я, выжимая себе в стакан дольку лайма. — Просто здорово. Юридический колледж вполне окупился.

— А ты... в R&P? — спрашивает она.

— Да, — отвечаю.

Она кивает, пару секунд молчит, хочет что-то сказать, сомневается, стоит ли это говорить, а потом все-таки спрашивает:

— Но разве твоя семья не владеет...

— Я не хочу об этом говорить, — твердо перебиваю я. — Но да, Бетани. Да.

— Но ты все же работаешь в R&P? — ее каждое слово отзывается у меня в голове оглушительным гулом.

— Да, — говорю я, украдкой разглядывая зал.

— Но... — она смущена. — Разве твой отец...

— Да, конечно, — я опять перебиваю ее, не давая договорить. — Ты пробовала фокачку в «Pooncakes»?

— Патрик.

— Что?

— Что с тобой?

— Просто я не хочу говорить... — я запинаюсь, — о работе.

— Почему?

— Потому что я ее ненавижу, — говорю я. — Слушай, так ты была в «Pooncakes»? Мне кажется, Миллер их недооценивает.

— Патрик, — медленно говорит она. — Если ты так ненавидишь свою работу, то почему ты ее не бросаешь? Тебе вовсе не нужно работать.

— Потому что, — я смотрю ей прямо в глаза, — я хочу... соответствовать.

Долгая пауза. Бетани улыбается:

— Я понимаю.

Очередная пауза.

На этот раз я нарушаю молчание:

— Смотри на это, как, скажем... на новый подход к бизнесу.

— Как это... — она запинается, — благоразумно. — Она опять запинается. — Как практично.

Обед превращается в некий непосильный груз, в загадку, которую надо разрешить, в препятствие, которое надо преодолеть, но вдруг — безо всяких усилий с моей стороны, — я испытываю странное облегчение. Я вновь в состоянии виртуозно сыграть спектакль — моя изрядная проницательность подключается к делу и дает мне знать, что Бетани меня хочет, и хочет неудержимо, но я сдерживаю себя, не желая принимать на себя никаких обязательств. Она тоже ведет себя сдержанно, но все равно заигрывает со мной. Она вполне однозначно дала мне понять, на что рассчитывает, когда пригласила меня пообедать вместе, и когда приносят кальмара, я впадаю в панику, абсолютно уверенный, что я никогда не приду в себя, если не оправдаю ее надежд. Другие мужчины, проходящие мимо нашего столика, обращают внимание на Бетани. Иногда я понижаю голос почти до шепота. У меня в голове звучат какие-то странные, загадочные шумы. Бетани приоткрывает рот, отпивает воду, глотает, улыбается — ее губы притягивают меня, как магнит в блеске губной помады, — она что-то упоминает про факс, дважды. Я, наконец, заказываю J&B со льдом, потом — коньяк. Она заказывает мятно кокосовый шербет. Я прикасаюсь к ее руке, держу ее за руку — я для нее больше, чем просто друг. На улице светит солнце. Ресторан потихоньку пустеет, уже почти три часа. Она заказывает стакан шардоне, потом — еще один, потом просит чек. Она расслабилась, но что-то все-таки происходит. У меня сердце падает и поднимается, но потом опять бьется ровно. Я внимательно слушаю, что она говорит. Стоит вообразить себе возможность, как она исчезает. Бетани опускает глаза, а когда снова смотрит на меня, я отвожу взгляд.

— А у тебя есть кто-нибудь? — спрашивает она.

— Моя жизнь по сути своей проста, — говорю я задумчиво, застигнутый врасплох.

— И что это значит? — спрашивает она.

Я отпиваю коньяк и загадочно улыбаюсь, играя с ней, подавая ей надежду, возбуждая ее мечты о воссоединении.

— У тебя есть кто-нибудь, Патрик? — повторяет она. — Скажи мне.

Думая об Эвелин, я говорю:

— Да.

— Кто? — спрашивает она.

— Большая бутылка дезирела[35]], — говорю я рассеянно, и мне вдруг становится очень грустно.

— Что? — она улыбается, но потом что-то соображает и качает головой.

— Нет, на самом деле, у меня никого нет, — говорю я, выхожу из ступора и вдруг добавляю, сам того не желая, как будто помимо воли: — Я хочу сказать, что значит есть? Когда у тебя что-то есть, значит, это твое, правильно? А разве другой человек может быть твоим? Такое, вообще, бывает? Разве я у тебя был? Ха! У меня кто-то есть? Я этого не понимаю. Ха! — я смеюсь.

Она переваривает услышанное и кивает:

— Наверное, в этом есть своя логика.

Еще одна долгая пауза, а потом я спрашиваю с опаской:

— А у тебя кто-нибудь есть?

Она улыбается, очень собой довольная, и признается, не поднимая глаз, но с неподражаемой определенностью:

— Ну, да, у меня есть бойфренд, и мы...

— Кто?

— Что? — она поднимает глаза.

— Кто он? Как его зовут?

— Роберт Холл, а что?

— Который из Salomon Brothers?

— Нет. Он шеф-повар.

— Из Salomon Brothers?

— Патрик, он шеф-повар. И совладелец ресторана.

— Какого ресторана?

— А это имеет значение?

— Нет, правда, какого? — говорю я и добавляю, себе под нос: — Я его вычеркну из своего справочника «Загат».

— Он называется «Дорсия», — говорит она, а потом: — Патрик, с тобой все в порядке?

Да, мозг у меня взрывается, а желудок как будто выворачивается наизнанку — спазматическая, кислотная, гастритная реакция; планеты и звезды, взвихренные галактики, состоящие целиком из крошечных белых поварских колпаков кружатся у меня перед глазами. Я выдавливаю очередной вопрос:

— Почему Роберт Холл? Почему именно он?

— Ну, я не знаю, — голос у Бетани слегка пьяный. — Наверное, все дело в том, что мне уже двадцать семь, и...

— Ну и что? Мне тоже уже двадцать семь, и половине Манхэттена — двадцать семь. И что с того? Это еще не причина, чтобы выходить замуж за Роберта Холла.

— Замуж? — она широко раскрывает глаза. — Разве я говорила, что собираюсь замуж?

— А разве нет?

— Нет, но кто знает, — она пожимает плечами. — Может быть, мы и поженимся.

— Уж-жасно.

— Как я начала говорить, Патрик, — она смотрит на меня игриво, и от этого меня подташнивает, — ты и сам, наверное, знаешь... время проходит. Биологические часы не остановишь, — говорит она, а я думаю: господа, неужели ей хватило всего двух стаканов шардоне, чтобы это признать? Господа, ну и слабачка. — А я хочу детей.

— От Роберта Холла? — говорю я скептически. — С тем же успехом можно завести детей от Капитана Лу Албано. Я тебя не понимаю, Бетани.

Она теребит в руках салфетку и опускает глаза. Потом обводит взглядом зал, где официанты уже накрывают столы для ужина. Она смотрит на них, и я тоже на них смотрю.

— Почему у меня ощущение, что ты злишься, Патрик? — тихо спрашивает она и отпивает еще вина.

— Может быть, потому что я злюсь, — цежу я сквозь зубы.

— Господа, Патрик, — она пытается заглянуть мне в глаза. Видно, что она искренне огорчена. — Мне казалось, что вы с Робертом были друзьями.

— Что? — говорю я. — Я не помню.

— Разве вы с Робертом не дружили?

Я молчу, сомневаюсь.

— А мы дружили?

— Да, Патрик, дружили.

— Роберт Холл. Роберт Холл. Роберт Холл, — бормочу я, пытаюсь вспомнить. — Не тот, который студент-стипендиат? Президент старшего курса? — подумав еще секунду, я добавляю: — Такой, со слабовольным подбородком?

— Нет, Патрик, — говорит она. — Другой Роберт Холл.

— Я его путаю с другим Робертом Холлом?

— Да, Патрик, — сердито говорит она.

Я весь напрягаюсь внутри, закрываю глаза и вздыхаю.

— Роберт Холл. Это не тот, чьи родители владеют половиной Вашингтона? Не тот, кто был, — я тяжело сглатываю слюну, — капитаном университетской команды? Шесть футов ростом?

— Да, — говорит она. — Этот Роберт Холл.

— Но... — я умолкаю.

— Что — но? — похоже, она решила дождаться ответа.

— Но он же был педиком, — выпаливаю я на едином дыхании.

— Нет, Патрик, не был, — говорит она, явно обиженная.

— Я уверен, что был, — я киваю головой.

— И с чего бы ты так уверен? — спрашивает она без улыбки.

— Потому что он позволял парням... ну, не тем, с которыми я общался... как бы это сказать... он был не против, когда они вставляли ему всем скопом, и привязывали к кровати, и все дела. По крайней мере, мне так говорили, — честно признаюсь я, а потом со стыдом добавляю: — Знаешь, Бетани, однажды он мне предложил... э, минет. В библиотеке.

— О господа, — она морщится от омерзения. — Ну, где там чек?

— Его ведь, кажется, выгнали из университета за диплом по Бабару? Или что-то вроде того? — говорю я. — По слону Бабару? Господа, по французскому слонику?[36]

— Ты о чем?

— Послушай, — говорю я, — он ходил в бизнес-школу в Келлоге, на северо-западе, правильно?

— Ходил, но бросил, — говорит она, не глядя на меня.

— Послушай, — я прикасаюсь к ее руке.

Она морщится и убирает руку.

Я пытаюсь улыбнуться.

— Роберт Холл вовсе не педик...

— Можешь не сомневаться, уж я-то знаю, — говорит она как-то слишком натянуто. Похоже, она не на шутку обижена, а мне непонятно, как можно так злиться из-за Роберта Холла? И вместо того, чтобы ответить: «Ну да, тупая ты сука», я примирительно говорю:

— Я и не сомневаюсь, что знаешь, — и потом добавляю: — Расскажи мне про него. Мне интересно, как у вас с ним. — А потом, улыбаясь, кипя от ярости, я извиняюсь: — Прости.

Не сразу, но она все же отходит и улыбается мне в ответ, и я снова прошу:

— Расскажи, — и добавляю тихонько себе под нос, улыбаясь Бетани: — Мне бы очень хотелось разрезать твою пизду.

Ее слегка развезло от вина, так что она смягчается и начинает рассказывать.

Пока она говорит, я размышляю о своем: вода и воздух, небо и время, мгновение, краткий миг в прошлом, когда мне хотелось показать ей всю красоту мира. У меня не хватает терпения для откровений, для того, чтобы начать все сначала, для событий, которые происходят за пределами моего непосредственного поля зрения. Одна молоденькая девочка, первокурсница, с которой я познакомился в баре в Кембридже, когда сам был студентом первого курса в Гарварде, как-то сказала мне, в ту же осень: «Жизнь полна бесконечных возможностей». Когда она выдала этот бесценный перл, почечный камень мудрости, мне с трудом удалось не подавиться солеными орешками; я спокойно запил их «Хейнекемом», улыбнулся и устался в угол, где ребята играли в дартс.

Наверное, нет нужды говорить, что она не дожила до второго курса. Той же зимой ее расчлененное тело нашли в реке Чарльз, отрезанная голова висела на дереве на берегу, привязанная к ветке за волосы, в трех милях от места, где обнаружили тело. В Гарварде моя ярость была не такой жгучей, какой стала теперь, и бесполезно надеяться, что мое раздражение пройдет. Никогда.

— О, Патрик, — говорит она. — А ты все такой же, ни капельки не изменился. Даже не знаю, хорошо это или плохо.

— По-моему, хорошо.

— Да? Правда? — она слегка хмурится. — Сейчас хорошо. А тогда?

— Ты меня знала только с одной стороны, — говорю я. — Как студента.

— А как любовника? — спрашивает она, и в ее голосе проскальзывает что-то человеческое.

Я холодно смотрю на нее, нисколько не растрогавшись. Где-то снаружи, на улице, играет музыка. Сальса.

Официант, наконец-то, приносит счет.

— Я заплачу, — я вздыхаю.

— Нет, — говорит она и открывает сумочку, — это я тебя пригласила.

— Но у меня платиновая American Express, — говорю я.

Она улыбается:

— У меня тоже.

Я умолкаю и наблюдаю за тем, как она кладет свою карточку на поднос с чеком. Если я сейчас не разряжусь, меня скрутит в судорогах.

— Вау. Вот это я понимаю, эмансипация, — улыбаюсь я, совершенно не впечатленный.

Бетани ждет на улице, пока я бую в туалете непереваренным кальмаром, который уже не такой ярко-красный, каким был у меня на тарелке. Я выхожу на улицу, надеваю темные очки Wayfarers. Я жую мятную жвачку Cert и тихонечко напеваю себе под нос. Я целую Бетани в щеку и говорю:

— Прости, что долго. Надо было позвонить моему адвокату.

— Да? — она изображает участие... тупая сука.

— Один мой друг, — я пожимаю плечами, — Бобби Чамберс, сейчас в тюрьме. Его друзья... ну, в основном, только я... ищут ему хорошего адвоката. — Я опять пожимаю плечами и резво меняю тему: — Послушай.

— Что? — она улыбается.

— Уже поздно, я не хочу возвращаться в офис, — говорю я, глядя на Rolex. Солнечный свет отражается от циферблата и бьет Бетани в глаза, на мгновение ослепляя ее. — Может, поедем ко мне?

— Что? — она смеется.

— Может, поедем ко мне? — повторяю я.

— Патрик, — она призывно смеется. — Ты серьезно?

— У меня там бутылка Pouilly-Fuisse, охлажденного, ну так как? — я поднимаю бровь.

— Слушай, такое могло бы сработать в Гарварде, но... — она снова смеется и продолжает: — теперь я старше

и... — она вдруг умолкает.

— И... что? — спрашиваю я.

— Не надо мне было пить, — говорит она.

Мы идем по улице. Жара такая, что трудно дышать. Градусов сто, не меньше. Уже не день, но еще не ночь. Небо кажется желтым. На углу Дуан и Гринвич я подаю нищему доллар, исключительно ради того, чтобы произвести на нее впечатление.

— Давай поедem ко мне, — я чуть ли не хнычу. — Ну, давай.

— Не могу, — говорит она. — У меня в офисе сломался кондиционер, но я все равно не могу. Я бы с удовольствием, но не могу.

— Да ладно тебе, поедem, — я хватаю ее за плечи и добродушно сжимаю.

— Патрик, мне нужно вернуться в офис, — стонет она, слабо протестуя.

— Но ты там спечешься, — говорю я.

— У меня нет выбора.

— Поехали. — Я пытаюсь ее соблазнить: — Хочу тебе показать серебряный чайный сервиз Durgin Gorham сороковых годов.

— Я не могу, — она смеется и надевает темные очки.

— Бетани, — говорю я с нажимом.

— Слушай, — говорит она, смягчаясь. — Я куплю тебе батончик Dove. В качестве компенсации.

— Какой кошмар, ты меня напугала. Знаешь, сколько граммов жира и натрия содержится только в шоколадной глазури? — я изображаю притворный ужас.

— Да ладно тебе — говорит она, — об этом тебе нечего беспокоиться.

— Нет, да ладно тебе, — я прохожу чуть вперед, чтобы она не заметила моего агрессивного настроения. — Давай забежим ко мне, чего-нибудь выпьем, а потом сходим в «Дорсию», и я повидеюсь с Робертом, хорошо? — Я оборачиваюсь к ней и продолжаю идти, но пятаюсь спиной вперед. — Пожалуйста.

— Патрик, — говорит она. — Ты так просишь...

— Я очень хочу показать тебе этот чайный сервиз Durgin Gorham, — я умолкаю. — Пожалуйста. — Я опять умолкаю. — Я за него заплатил три с половиной тысячи.

Она останавливается, потому что останавливаюсь я, смотрит себе под ноги, а когда поднимает голову, я вижу, что лицо у нее все покрыто испариной — тонкой пленкой влаги. Ей жарко. Она вздыхает и улыбается своим мыслям. Смотрит на часы.

— Ну? — говорю я.

— Если мы поедem к тебе... — начинает она.

— Да-а-а, — говорю я, растягивая слово.

— Если мы поедem к тебе, мне надо сперва позвонить.

— Нет, — говорю я твердо и машу рукой, подзывая такси. — позвонишь от меня.

— Патрик, — возражает она. — Вот же здесь телефон.

— Поехали, — говорю я. — Вот такси.

В такси, по дороге ко мне домой, она говорит:

— Не надо мне было пить то вино.

— Ты что, пьяная?

— Нет, — говорит она, обмахиваясь программкой «Отверженных», которую кто-то забыл на заднем сидении.

Кондиционера в этом такси нет, и хотя оба окна открыты, она продолжает обмахиваться. — Просто слегка... под шофе.

Мы оба смеемся, просто так — безо всякой причины, она прижимается ко мне, а потом соображает, что делает что-то не так, и отстраняется.

— У тебя есть консерж в доме, да? — с подозрением спрашивает она.

— Да, — я улыбаюсь. Меня возбуждает, что она опасается некоей мнимой опасности, но даже не подозревает, что ее ждет.

У меня дома. Она проходит в гостиную, одобрительно кивает и говорит:

— Очень мило, мистер Бэйтмен, очень мило.

Я запираю дверь на все замки, проверяю, что она заперта надежно, потом иду к бару и наливаю себе J&B. Бетани проводит рукой по проигрывателю Wurlitzer. Я начинаю тихонько рычать себе под нос; у меня так дрожат руки, что я решаю не класть в стакан льда. Я захожу в гостиную и встаю за спиной Бетани, изучающей

картину Давида Оника — она висит у меня над камином. Она наклоняет голову набок, пристально глядя на картину, потом вдруг хихикает, оборачивается ко мне с озадаченным видом, снова смотрит на картину и смеется. Я не спрашиваю, почему: меня это не волнует. Я выпиваю стакан одним глотком и иду к комоду из светлого дуба, где у меня лежит новенький пневматический молоток, прикупленный на прошлой неделе в хозяйственном рядом с моим офисом на Уолл-стрит. Я надеваю пару резиновых черных перчаток и проверяю, заряжен ли молоток гвоздями.

— Патрик? — говорит Бетани, продолжая хихикать.

— Да? — говорю и добавляю: — Милая.

— Кто вешал картину Оника?

— Тебе нравится? — спрашиваю.

— Картина хорошая, но... — она умолкает на миг и продолжает: — Она висит вверх ногами.

— Что?

— Кто вешал Оника?

— Я, — я все еще стою к ней спиной.

— Ты повесил Оника вверх ногами, — она смеется.

— Да? — Я стою у комода, держу в руке пневматический молоток, привыкаю к его весу у меня в кулаке.

— Вверх ногами, глазам не верю, — говорит она. — И давно она так висит?

— Тысячу лет, — шепчу я, оборачиваюсь и подхожу к ней.

— Что? — говорит она, все еще изучая Онику.

— Я говорю: какого хуя ты с Робертом Холлом? — шепчу я.

— Что ты сказал? — она оборачивается ко мне. Как будто в замедленной съемке. Как будто в кино.

Я жду, пока она не увидит пневматический молоток и резиновые перчатки, и кричу в полный голос:

— Какого хуя ты с Робертом Холлом?

Может быть, инстинктивно, может быть, потому, что она запомнила расположение комнат, она с криком бросается к входной двери. Шардоне, выпитое за обедом, притупило ее рефлексy, а вот виски, наоборот, обострило мои, и я без труда опережаю ее, преграждаю ей дорогу и вырубая четырьмя ударами пневматического молотка по голове. Ташу ее обмякшее тело обратно в гостиную, кладу ее на пол, постелив предварительно белую хлопковую простыню Voilacutro, вытягиваю ее руки в стороны, ладонями вверх, и прибиваю гвоздями к полу по три пальца на каждой руке — за кончики. От боли она приходит в сознание и начинает орать. Я брызгаю спреем «Масе»[37] ей в глаза, в рот и в ноздри, я укрываю ей голову пальто из верблюжьей шерсти от Ralph Lauren, которое более-менее приглушает крики. Я продолжаю вбивать гвозди ей в руки, пока почти не остается живого места — сплошные гвозди. Теперь ей уже ни за что не подняться и не сесть. Мне пришлось снять с нее туфли, — это меня немного разочаровывает, но она отчаянно била каблуками в пол и портила мне паркет из беленого дуба. Все это время я кричу ей:

— Сука ты, сука, — а потом понижаю голос и хрипло шепчу ей в ухо: — Ты ебаная пизда.

Наконец, когда я снимаю пальто у нее с головы, она пытается молить меня о пощаде. Адреналин на мгновение перекрывает боль.

— Патрик о господи прекрати пожалуйста о господи прекрати мне больно...

Но боль возвращается, ясное дело, очень сильная боль, — и Бетани снова теряет сознание, ее рвет, и мне приходится держать ей голову, чтобы она не задохнулась. Я снова брызгаю ей в лицо спреем «Масе». Я пытаюсь откусить ее пальцы, которые не прибиты гвоздями, и у меня почти получается с большим пальцем на левой руке — я обглодал его до кости, — а потом я опять, в принципе, уже без надобности, брызгаю ей в лицо спреем. Я снова укрываю ей голову пальто из верблюжьей шерсти, на случай, если она очнется и снова начнет орать, и включаю портативную видеокамеру Sony, чтобы заснять, что будет дальше. Я ставлю камеру на автомат, а сам беру ножницы и разрезаю на Бетани платье, снизу вверх, а когда дохожу до груди, я тыкаю ножницами наугад и совершенно случайно (или, может быть, не случайно) отрезаю ей сосок — через лифчик. Когда я сдираю с нее платье, она опять начинает кричать. Теперь на ней только лифчик, правая чашечка потемнела от крови, и трусики, пропитанные мочой. Но их я оставляю на потом.

Я наклоняюсь над ней и кричу, пытаюсь переорать ее вопли:

— Да, кричи, попытайся кричать, кричи...

Я открыл все окна и дверь на балкон, и я стою над ней, и рот у нее открыт, но она уже не кричит, а издает только гортанные хриплые звуки, какие-то даже не человеческие, а животные, которые перемежаются рвотными позывами.

— Кричи, моя сладкая, — говорю я, — кричи. — Я наклоняюсь над ней еще ниже и убираю волосы у нее со лба. — Никому нет дела. Никто тебе не поможет...

Она пытается закричать снова, но теряет сознание и издает только сдавленный стон. Пользуясь ее беспомощным состоянием, я снимаю перчатки, раскрываю ей рот и ножницами вырезаю ее язык. Я без труда достаю его у нее изо рта, и он лежит у меня на ладони, еще теплый и кровоточащий, он кажется меньше, чем когда был у нее во рту, и я швыряю его о стену, он на мгновение прилипает, оставляя на стене алый подтек, и падает на пол с тихим и влажным всхлипом. Изо рта у нее хлещет кровь. И мне приходится держать ей голову, чтобы она не задохнулась. Потом я ебу ее в рот, а когда кончаю и вынимаю член, я снова брызгаю ей в лицо спреем «Масе». Позже, когда она на короткое время приходит в сознание, я надеваю женскую шляпку, которую мне подарила одна из моих бывших подруг на первом курсе Гарварда.

— Помнишь это? — кричу я, нависая над ней. — И посмотри! — кричу я победно, доставая сигару. — Я по-прежнему курю сигары. Ха! Видишь? Это сигара. — Я прикуриваю, руки у меня все в крови, но они не дрожат, ее лицо — белое до синевы — искажено болью, глаза остекленели от ужаса. Она закрывает их, приоткрывает. Ее жизнь обернулась кошмаром.

— И вот еще что, — кричу я, расхаживая взад-вперед по комнате. — Это не Garrick Anderson. Это костюм от Armani! Giorgio Armani. — Я злорадно умолкаю, а потом наклоняюсь над ней и кричу: — А ты думала, что это Henry Stuart. Господи боже мой. — Я бью ее по лицу и добавляю: — Тупая сука. — Я плюю ей в лицо, но оно все покрыто толстой застывшей коркой «Масе», так что она вряд ли чувствует мой плевок, поэтому я снова брызгаю ее «Масе» и пытаюсь еще раз выебать ее в рот, но не могу кончить и прерываюсь на середине.

ЧЕТВЕРГ

Через некоторое время (на самом деле следующим вечером) мы втроем — Крэйг Макдермотт, Кортни и я — едем в такси в «Nell's» и разговариваем о воде Evian. Кортни, в норке от Armani, только что призналась, хихикая, что использует Evian для приготовления кубиков льда, и начинается разговор о минеральной воде. По просьбе Кортни каждый из нас пытается перечислить известные ему марки.

Кортни начинает, при каждом названии загибая один из пальцев.

— Ну, есть Sparcal, Perrier, San Pellegrino, Poland Springs, Calistoga...

Она останавливается, увязнув, и с надеждой смотрит на Макдермотта.

Он вздыхает, потом перечисляет: — Canadian Springs, Canadian Calm, Montclair — тоже канадская, Vittel из Франции, итальянская Stodo...

Он замолкает и задумчиво потирает подбородок, думая об еще одной, потом, как бы с удивлением, объявляет ее. Elan. И хотя кажется, что он вот-вот назовет еще одну, Крэйг впадает в беспросветное молчание.

— Elan? — спрашивает Кортни.

— Это швейцарская вода, — отвечает он.

— А, — произносит она, потом поворачивается ко мне. — Твоя очередь, Патрик.

Я гляжу в окно такси, погруженный в свои мысли, и тишина, вызванная моим молчанием, наполняет меня несказанным ужасом. В оцепенении я монотонно перечисляю:

— Ты забыл Alpenwasser, Down Under, Schat, которая из Ливана, Qubol и Cold Springs...

— Я ее уже называла, — гневно перебивает меня Кортни.

— Нет, — говорю я. — Ты сказала Poland Spring.

— Правда? — бубнит Кортни, дергая Макдермотта за пальто. — Он прав, Крэйг?

— Наверное, — пожимает плечами Макдермотт. — Пожалуй.

— Следует помнить, что надо всегда покупать минеральную воду только в стеклянных бутылках. И не покупать в пластиковых, — зловеще произношу я, а потом жду, когда кто-нибудь из них спросит меня, почему.

— Почему? — в голосе Кортни слышится подлинный интерес.

— Потому что она окисляется, — объясняю я. — Ты же хочешь, что бы она была свежей, без послевкусия.

После долгой паузы, которая скорее приличествовала бы Кортни, Макдермотт, глядя в окно, смущенно признает:

— Он прав.

— Я не понимаю разницы в воде, — бубнит Кортни. Она сидит между мной и Макдермоттом на заднем сиденье. Под норковой шубой на ней костюм из шерстяной саржи от Givenchy, лосины от Calvin Klein и туфли от Warren Susan Edmonds. Чуть раньше, в этой же машине, когда я пощупал норку, только за тем, чтобы определить ее качество, и Кортни, почувствовав это, тихо спросила меня, нет ли у меня мятных таблеток. Я ничего не ответил.

— Что ты имеешь в виду? — серьезно спрашивает Макдермотт.

— Ну, — говорит она, — я имею в виду, есть ли на самом деле разница между «водой из источника» и натуральной водой, если, конечно, такая вообще существует.

— Кортни, натуральная вода — это вода из любого подземного источника, — вздыхает Крэйг, по-прежнему глядя в окно. — Содержание минералов в ней не изменяется, хотя ее могут дезинфицировать или профильтровать.

На Макдермотте шерстяной смокинг с V-образными лацканами от Gianni Versace и от него воняет Хегуус.

Я моментально выхожу из полусонного состояния, чтобы продолжить разъяснения.

— А в «воду из источника» добавляют минеральные вещества, или, наоборот, уменьшают их количество, и ее, как правило, фильтруют, а не очищают.

Я делаю паузу.

— В действительности семьдесят пять процентов бутилированной воды в Америке — «вода из источника».

Я снова замолкаю, потом спрашиваю. — Кому-нибудь это известно?

После долгой холодной паузы Кортни задает следующий вопрос, сформулировав его лишь наполовину:

— А разница между дистиллированной и очищенной водой в...?

В общем-то, я не вслушиваюсь в эти разговоры, даже в то, что я сам говорю, поскольку я размышляю о том, как избавиться от тела Бетани, по крайней мере, оставить ли его еще на день в квартире или нет. Если я решу избавиться от него сегодня, то легко могу запихать останки в пакет для мусора Neftu и оставить его на лестнице; или вытащить его на улицу (что потребует дополнительных усилий) и бросить у обочины вместе с остальным мусором. Я даже могу перевезти его на квартиру в Хеллс Китчен, залить известью, выкурить сигару, слушая плейер и глядя на то, как оно растворяется. Но мне хотелось бы хранить женские тела отдельно от мужских, и кроме того, я хочу посмотреть Кровожадного — видеокассету, взятую напрокат сегодня вечером. Реклама этого фильма гласит: «Некоторые клоуны вынуждают вас смеяться, но Бобо заставит вас умереть, а потом съест ваш труп». После полуночной поездки в Хелл'с Китчен, даже если я не буду по дороге останавливаться в «Bellvue's», чтобы перекусить, у меня уже не останется времени. Кости Бетани, большинство внутренностей и мясо я свалю в кремационную печь, которая стоит у меня в холле.

Кортни, Макдермотт и я только что ушли с вечеринки Morgan Stanley, проходившей недалеко от Манхэттенского морского порта, в новом клубе «Coldcard», который сам похож на большой город. Там я столкнулся с Вальтером Родесом, — это стопроцентный канадец, которого я не видел со времен Эксетера и от которого, как и от Макдермотта, воняло одеколоном Хегуус, так что я сказал ему буквально следующее: «Слушай, я стараюсь держаться подальше от людей. Избегаю даже разговоров», — и попросил прощения.

Вальтер был совсем немного ошарашен и сказал: «Конечно, м-м-м, я понимаю». На мне шестипуговичный двубортный смокинг из крепа, брюки в складку и шелковая бабочка, все от Valentino. Луис Керруттерс уехал на неделю в Атланту. Вместе с Гербертом Гитсом мы вынюхали дорожку кокаина, и еще до того, как Макдермотт поймал это такси, чтобы поехать в «Nell's», я принял таблетку гальциона, чтобы унять взвинченность, наступившую от кокаина, но все-таки она до сих пор еще не прошла. Похоже, Кортни нравится Макдермотт: сегодня ее карточка Chembank не работала, по крайней мере в том автомате, у которого мы остановились (это из-за того, что она слишком часто насыпает на нее кокаин, хотя и не признается в этом; в разное время кокаин испортил и несколько моих карточек). Карточка Макдермотта действовала, и она пренебрегла моей карточкой в пользу его. Насколько я знаю Кортни, это означает, что она хочет его трахнуть. Но это не имеет никакого значения. Хотя я и гораздо красивее Крэйга, мы довольно похожи. Темой утреннего Шоу Патти Винтерс были разговоры с животными. В студийном аквариуме, с прикрепленным к одному из щупалец микрофоном, плавал осьминог и просил «сыра» — по крайней мере так уверял его «тренер», не сомневающийся в наличии голосовых связок у моллюсков. Слегка оцепенев, я смотрел на это, пока не начал всхлипывать. На темном углу Восьмой и Десятой улиц над мусорным контейнером дергался нищий, одетый гавайцем.

— Из дистиллированной и очищенной воды, — говорит Макдермотт, — большинство минеральных веществ удалено. Воду кипятят и пар конденсируется в очищенную воду.

— А дистиллированная вода безвкусна и, как правило, не подходит для питья, — я ловлю себя на том, что зеваю.

— А минеральная вода? — интересуется Кортни.

— Ей нет определения... — начинаем мы одновременно с Макдермоттом.

— Продолжай, — говорю я, зевая снова, тем самым вызывая зевок и у Кортни.

— Нет, ты давай, — апатично произносит он.

— Комитет по продуктам питания не дал ей определения, — отвечаю я. — В ней нет химикалий, солей, сахара

или кофеина.

— А газированная вода шипит от углекислого газа, да? — спрашивает Кортни.

— Да. — Мы оба с Макдермоттом киваем, глядя прямо вперед.

— Я так и знала, — нерешительно произносит она, но по тону ее голоса, я чувствую, что она улыбается, говоря это.

— Только покупай натурально газированную воду, — предостерегаю я ее. — Это значит, что углекислый газ уже содержится в источнике.

— К примеру, содовая и сельтерская искусственно карбонизированы, — поясняет Макдермотт.

— Сельтерская White Rock — исключение, — замечаю я, недовольный тем, что Макдермотт не оставляет нелепых попыток быть на один шаг впереди меня. — Отличная газированная минеральная вода — Ramlosa.

Таксист хочет повернуть на Четырнадцатую, но направо уже поворачивают четыре или пять лимузинов, и мы не успеваем на зеленый. Я проклинаю водителя, но спереди, приглушенно, слышится старая песня шестидесятых, кажется, это Supremes, мне плохо слышно из-за пластиковой перегородки. Я пытаюсь открыть ее, но она заперта и не отодвигается. Кортни спрашивает:

— А какую надо пить после тренировки?

— Ну, — вздыхаю я, — любую, главное, холодную.

— Почему? — спрашивает она.

— Потому что она усваивается быстрее, чем вода комнатной температуры. — Я равнодушно смотрю на свой Rolex. — Пей воду. Evian. Но не в пластиковой бутылке.

— Мой тренер говорит, что подойдет Gatorade[38]. — противоречит Макдермотт.

— Но тебе не кажется, что вода лучше всего возмещает потерю влаги, поскольку поступает в кровь быстрее, чем любая другая жидкость? — Я не могу сдержаться. — А, приятель?

Я снова смотрю на часы. Если в «Nell's» я выпью только один J&B со льдом, то еще успею домой посмотреть до двух Кроважадного. В машине опять тишина, такси упорно продвигается к толпе возле клуба, лимузины, высадив пассажиров, отъезжают, каждый из нас концентрируется на этом, да еще на небе, тяжело нависающем над городом, на котором вырисовываются темные облаками. Лимузины безрезультатно библикают друг другу. Из-за кокаина у меня пересохло в горле и я сглатываю, пытаюсь увлажнить его. На забитых досками окнах пустых многоэтажных домов на другой стороне улицы висят рекламные плакаты, сообщающие о распродаже в Crabtree&Evelyn. Как пишется «могол», а, Бэйтмен. М-о-г-о-л. Мо-гол. Мог-ол. Лед, призраки, пришельцы...

— Я не люблю Evian, — печально произносит Макдермотт.

— Она слишком пресная. — У него такой жалкий вид, когда он признается в этом, что мне приходится согласиться.

Глядя на него в темноте машины, понимая, что он, вероятно, окажется сегодня в постели с Кортни, на мгновение я ощущаю жалость.

— Да, Макдермотт, — медленно говорю я. — Evian — слишком пресная.

Сегодня на полу была такая лужа крови Бетани, что я увидел в ней свое отражение, когда пошел за телефоном, и я смотрел на себя, пока записывался на стрижку в Gio's. Кортни выводит меня из транса признанием: «А я в первый раз боялась Pellegrino». Она нервно смотрит на меня — в ожидании, что я... что, соглашусь? — потом на Макдермотта, предлагающего ей бледную, натянутую улыбку.

— Но попробовала и... она была нормальная.

— Как это смело, — вновь зевая, бормочу я, машина сантиметр за сантиметром продвигается к «Nell's», затем, чуть громче, спрашиваю:

— Слушайте, кто-нибудь знает о каком-нибудь приспособлении, которое можно подключить к телефону, чтобы оно воспроизводило короткие гудки?

Вернувшись домой, я стою над телом Бетани. Задумчиво потягивая напиток, я изучаю его состояние. Ее веки полуоткрыты, а нижние зубы кажутся выступающими, поскольку губы я оторвал, — точнее, откусил. Утром я отпилил ей руку, что, собственно, окончательно и убило ее, и теперь я поднимаю ее, держа за кость, торчащую на том месте, где было запястье (где кисть, я не имею понятия: в морозильнике? в шкафу?), стискиваю в руке, словно трубу, мясо и мышцы держаться на ней, хотя большую часть я отрезал или отгрыз, и опускаю руку ей на голову. Всего пяти-шести ударов хватает, чтобы разнести ее нижнюю челюсть, а после еще двух ударов лицо проламывается внутрь.

УИТНИ ХЬЮСТОН

Дебютный альбом Уитни Хьюстон с одноименным названием вышел в 1985-ом, и на нем было сразу четыре сингла, поднявшихся на верхние строчки хит-парадов, в том числе «The Greatest Love of All», «You Give Good Love» и «Saving All My Love for You». Этот альбом он получил премию «Грэмми» за лучший женский вокал и две премии American Music Awards: одну — за лучший ритм-н-блюз сингл, вторую — за лучшее ритм-н-блюз видео. Журналы «Billboard» и «Rolling Stone» назвали Уитни Хьюстон лучшим дебютом года. Меня лично подобный ажиотаж несколько насторожил. Очень часто бывает, что альбомы, которые так активно расхваливают, на деле оказываются тусклыми и совершенно неинтересными, но «Whitney Houston» (Arista) получился на удивление проникновенным, сочным и органичным ритм-н-блюзовым альбомом за последние десять лет, тем более, что голос у Уитни действительно очень сильный. Уже по оформлению альбома — элегантная, очень красивая фотография Уитни на обложке (в платье от Giovanna De Maura) и весьма сексапильный снимок на обороте (в купальном костюме от Norma Kamali) — можно понять, что это не скучный профессиональный проект: альбом записан качественно и гладко, но при этом звучит очень живо и держит слушателя в напряжении, а голос Уитни настолько оригинален и многогранен (хотя, в основном, она все-таки джазовая певица), что воспринять альбом в целом с первого раза достаточно сложно. Но это альбом не для разового прослушивания. Его хочется слушать снова и снова.

Он начинается с песен «You Give Good Love» и «Thinking About You». Продюсером и аранжировщиком обеих песен выступил Кашиф: это теплые джазовые аранжировки, но с современным синтезированным ритмом. Это очень хорошие песни, но настоящее удовольствие начинается с «Someone for Me» (продюсер Джермен Джексон), где Уитни очень красиво поет под мелодию в стиле диско-джаза, и контраст между ее страстным голосом и энергичной, веселой музыкой производит неизгладимое впечатление. Баллада «Saving All My Love for You» — самая сексапильная и романтическая песня на всем альбоме. Также надо отметить убойное соло на саксофоне в исполнении Тома Скотта. В песне чувствуется влияние женских оркестров шестидесятых (она написана в соавторстве с Джерри Гоффином), но она получилась гораздо эмоциональнее и сексуальнее, чем все, что делали женские группы шестидесятых. «Nobody Loves Me Like You Do», великолепный дуэт с Джерменом Джексонем (он также является продюсером песни) — это только один пример того, насколько тонким и поэтичным получился альбом в смысле текстов. Очень многие исполнители, которые не пишут песни самостоятельно и вынуждены полагаться на вкус продюсеров в плане подбора репертуара, страдают от острой нехватки достойных текстов. Но эту проблему Уитни и компания решили с блеском.

Танцевальный сингл «How Will I Know» (на мой взгляд, лучшая танцевальная песня восьмидесятых) — это радостная ода влюбленной девчонке, переживающей, нравится ли она парню, в которого влюблена. Там очень хорошая партия клавишных, и это единственный трек на альбоме, спродюсированный продюсером-вундеркиндом Нарадой Майклом Уолденом. Моя самая любимая баллада (не считая «The Greatest Love of All», бесспорного шедевра Уитни) — «All at Once»: песня про молодую женщину, которая вдруг понимает, что ее любимый мужчина теряет к ней интерес, что его чувства тускнеют и угасают. Больше всего меня в ней привлекают роскошные струнные аранжировки. На альбоме нет ни одной «проходной» песни; разве что «Take Good Care of My Heart» (еще один дуэт с Джерменом Джексонем) несколько не попадает под общий стиль. Это единственная песня, которая выбивается из общей джазовой стилистики альбома и в которой слишком чувствуется влияние танцевальной музыки восьмидесятых.

В полной мере таланты Уитни проявляются в «The Greatest Love of All», одной из лучших и самых сильных песен за всю историю поп-музыки на тему любви к себе и веры в себя. С первой и до последней строчки (слова Майкла Мессера и Линды Крид) эта баллада — произведение искусства. А поет Уитни настолько великолепно, что я бы не побоялся назвать ее исполнение совершенным. Песня несет в себе сильный заряд надежды, так что действительно хочется верить, что еще не поздно перемениться к лучшему, стать сердечнее и добрее. Мы живем в мире, в котором соперничать другим невозможно, но можно соперничать себе. Это хорошая мысль — на самом деле, наверное, ключевая мысль, — и подана она в очень красивой форме.

Четыре сингла со второго альбома «Whitney» (Arista; 1987) заняли верхние строчки в хит-парадах: «I Wanna Dance with Somebody», «So Emotional», «Didn't We Almost Have It All?» и «Where Do Broken Hearts Go?». Продюсером большинства песен выступил Нарادا Майкл Уолден, и хотя в целом альбом получился слабее «Whitney Houston», его ни в коем случае нельзя расценивать как провал. Его открывает подвижная, танцевальная композиция «I Wanna Dance with Somebody (Who Loves Me)», которая сделана в том же ключе, что и последняя песня на диске, необузданная «How Will I Know». За ней следует очень чувственная «Just the Lonely Talking Again»; в ней снова ощущается серьезное джазовое влияние, которым проникнут весь первый альбом. Голос Уитни звучит по-новому, более зрело и сочно. Все вокальные аранжировки сделала она сама, и это

особенно чувствуется в «Love Will Save the Day», самой амбициозной на данный момент песне Уитни. Продюсером этой вещи выступил Джеллибин Бенитес; она вся пронизана энергичным ритмом, и, как и большинство песен альбома, посвящена взрослению человека и осознанию мира, в котором мы все живем. Уитни поет, и мы ей верим. Это заметная перемена по сравнению с образом маленькой девочки, потерявшей в большом мире, который несет столько обаяния на первом альбоме.

В песне «Didn't We Almost Have It All?» (продюсер Майкл Мессер), в которой поется о встрече с бывшей любовью, Уитни выступает в образе еще более зрелого человека. Героиня рассказывает о своих чувствах, и в этой песне Уитни проявляет себя с самой романтической стороны. Как и в большинстве баллад Хьюстон, струнные аранжировки сделаны великолепно. «So Emotional» переключается по настроению с «How Will I Know» и «I Wanna Dance with Somebody», но в ней больше чувствуется влияние рока. Как и все песни на «Whitney», ее сыграла замечательная сборная студийная группой в составе Нарады (ударные), Уолтера Афанасьевфа (клавишные и синтез-бас), Коррадо Рустичи (синтез-гитара) и некоего Бонго Боба (дополнительная перкуссия и программирование ударных). «Where You Are» — единственная на альбоме песня, спродюсированная Кашифом, и несет на себе отпечаток его несомненного профессионализма. Гладкий, отточенный звук и блестящее фанки-соло на саксофоне в исполнении Винсента Генри. По моему мнению, это стопроцентный хит (хотя то же самое можно сказать про все песни альбома), и мне до сих пор не понятно, почему его не выпустили отдельным синглом.

Настоящий сюрприз альбома — «Love Is a Contact Sport», композиция, потрясающая по звучанию, дерзкая и сексуальная. Центральный трек на альбоме. Великолепный текст и хороший ритм. Одна из моих самых любимых песен. На «You're Still My Man» очень хорошо слышно, как мастерски Уитни владеет голосом: он звучит, как безупречный, отлично настроенный инструмент, и почти подавляет чувственность музыки, но мелодии и тексты слишком сильные и яркие, чтобы потеряться в тени исполнителя, пусть даже масштаба Уитни. Мастерство Нарады в программировании ударных проявляется в полной мере в композиции «For the Love of You». Песня сделана в стиле современного джаза и вызывает ассоциации не только с главными «поставщиками» джаз-рока типа Майкла Джексона и Шаде, но и с другими джазовыми музыкантами: Майлзом Дэвисом, Полом Баттерфилдом и Бобби Макферрином.

«Where Do Broken Hearts Go» — очень эмоциональная и сильная песня об утраченной невинности и попытках вновь обрести ощущение безопасности, которое было в детстве. Голос Уитни все так же красив и послушен, и плавно подводит нас к следующей композиции «I Know Him So Well», самой трогательной на всем альбоме, прежде всего потому, что это дуэт с мамой, Эмили («Сисси») Хьюстон. Это баллада о... чем? о взаимной любви? о давно потерянном отце? — пронзительное сочетание тоски, сожаления, решимости и красоты. Изящная и совершенная нота, завершающая альбом. Мы ждем новых работ от Уитни (она потрясающе спела балладу «One Moment At Time» на Олимпийских играх 1988 года), но даже если больше ничего не будет, она все равно останется лучшей чернокожей джазовой певицей своего поколения.

УЖИН С СЕКРЕТАРШЕЙ

Вечер понедельника, восемь тридцать. Я нахожусь в своем офисе, решаю во вчерашней New York Times воскресный кроссворд, слушаю на стерео рэп, пытаюсь понять его популярность, потому что маленькая симпатичная блондинка, с которой я два дня назад познакомился в «Au Bar», сказала, что слушает только рэп. И хотя потом я вышиб из нее мозги в чьей-то квартире в районе Дакота (почти отрезав ей голову; но это едва ли новый опыт для меня), ее музыкальные предпочтения преследовали меня все утро, так что я вынужден был зайти в Tower Records в Верхнем Вест Сайде и купить на девяносто долларов компакт-дисков. Как и ожидалось, покупка была неудачной: негритянские голоса произносят отвратительные слова типа «врубись, братан, без мазы». Джин сидит за своим столом, заваленном кипами документов, — я хочу, чтобы она в них разобралась. День прошел не так уж плохо: утром я два часа провел в спортзале; в Челси открылся новый ресторан Робисона Кирча под названием «Ginna»; Эвелин оставила мне два сообщения на автоответчике и еще одно передала через Джин, сообщая, что почти на неделю улетает в Бостон; но самое приятное: утреннее Шоу Патти Винтерс было в двух частях. В первой — эксклюзивное интервью с Дональдом Трампом, вторая — рассказ о женщинах, подвергшихся насилию. Ужинать я должен был с Мадисон Грей и Дэвидом Кемпионом в «Safe Luxembourg», но в восемь пятнадцать я узнаю, что к нам собирается присоединиться Луис Керрутерс, поэтому я звоню тупице Кемпиону, и говорю, что не смогу, а потом несколько минут размышляю, как же все-таки провести вечер. Глядя в окно, я понимаю, что через считанные мгновения небо над городом будет абсолютно темным.

Джин, осторожно постучавшись в полуоткрытую дверь, заглядывает в мой кабинет. Я делаю вид, что не замечаю ее присутствия, хотя и не понимаю, почему, поскольку мне немного одиноко. Она подходит к моему

столу. Я в темных очках Wayfarer пялюсь на кроссворд, — по-прежнему в оцепенении, хотя причин для этого нет.

Положив папку на стол, она спрашивает: «Отгадываешь кроссворд?», опустив бы в «отгадываешь» — жалкий жест близости, раздражающий укол навязываемой дружественности. Ком встает у меня в горле и, не глядя на нее, я киваю.

— Помочь? — спрашивает она, осторожно обходит стол и склоняется над моим плечом. Я уже заполнил все клеточки словами «мясо» и «кости» и, увидев это, она слегка охает от изумления, а потом замечает на столе кучу сломанных пополам карандашей №2, аккуратно собирает их и выходит из комнаты.

— Джин? — зову я.

— Да, Патрик? — она вновь входит в кабинет, стараясь скрыть свой энтузиазм.

— Ты бы не хотела составить мне компанию? Поужинаем вместе? — спрашиваю я, все еще глядя в кроссворд и осторожно стирая «" в одном из многочисленных «мясо», которыми заполнена сетка. — Конечно, если ты... не занята?

— Нет, — отвечает она слишком быстро, потом, видимо, осознав, что поспешила, говорит. — У меня нет планов.

— Ну, не совпадение ли, — говорю я, поднимаю голову и опускаю темные очки.

Она смеется, но в ее смехе чувствуется такая фальшь, такая неловкость, что от этого я начинаю чувствовать себя не столь тошнотворно.

— Наверное, — пожимает плечами она.

— У меня еще есть билеты на... Милла Ванилла, если ты хочешь, — небрежно замечаю я.

Смутившись, она спрашивает:

— Да? На кого?

— Милла... Ванилла, — медленно повторяю я.

— Милла... Ванилла? — неловко переспрашивает она.

— Милла... Ванилла, — отвечаю я. — Кажется, так они называются.

Она говорит:

— Я не уверена.

— Не уверена, что пойдешь?

— Нет, насчет названия. — Она задумывается, потом говорит. — Мне кажется, они называются... Милли Ванилли.

Я надолго замолкаю, перед тем, как произнести:

— А.

Она продолжает стоять, один раз кивает.

— Неважно, — говорю я, у меня все равно нет билетов. — Концерт через несколько месяцев.

— А-а, — говорит она, снова кивая. — Ладно.

— Слушай, ну и куда нам пойти? — Я откидываюсь на кресле и вынимаю из ящика стола «Загат».

Она молчит, боясь что-нибудь сказать, принимая мой вопрос за тест, который надо пройти, потом, неуверенная, что выбрала верный ответ, произносит:

— Куда хочешь.

— Нет, нет, нет, — улыбаюсь я, листая буклет. — Куда ты хочешь?

— О, Патрик, — вздыхает она. — Я не могу решить.

— Ну, смелее, — настаиваю я. — Все, что угодно.

— Я не могу, — беспомощно вздыхает она. — Я не знаю.

— Ну же, — понукаю я ее, — куда ты хочешь пойти? Любое место. Только скажи. Можем пойти куда угодно.

Она долго думает, потом, чувствуя, что ее время уходит, стараясь произвести на меня впечатление, робко спрашивает:

— Может... в «Дорсию»?

Я перестаю листать «Загат» и, не поднимая глаз, натянуто улыбаюсь. В животе что-то сжимается, и я беззвучно спрашиваю себя, действительно ли я хочу ответить «нет»? Действительно ли я хочу сказать, что скорее всего не смогу провести нас туда? Готов ли я к этому? Правда ли, что именно этого я желаю?

— Ита-а-а-к, — говорю я, откладывая книгу на стол, потом нервно вновь открываю ее, и ищу номер. —

Значит, Джин хочет пойти в «Дорсию»...

— Ой, я не знаю, — смутившись, говорит она. — Пойдем, куда хочешь.

— «Дорсия» — отлично, — небрежно роняю я, поднимаю трубку, и дрожащим пальцем очень быстро набираю семь кошмарных цифр, пытаюсь сохранять хладнокровие. Но вместо ожидаемого мной сигнала «занято», я и вправду дозваниваюсь в «Дорсию» и после двух длинных гудков все тот же напуганный голос, к которому за три месяца я уже привык, выкрикивает: «Дорсия, слушаю!» — на фоне оглушающего гама.

— Можно нам столик на двоих, минут через двадцать? — спрашиваю я, гляжу на свой Rolex, подмигиваю Джин. Кажется, это произвело на нее впечатление.

— Столиков больше нет, — самодовольно орет метрдотель.

— Правда? — говорю я, стараясь казаться довольным, меня едва не тошнит. — Ну и отлично.

— Я сказал, столиков уже нет, — орет он.

— Два на девять? — говорю я. — Великолепно.

— На сегодня нет свободных столиков, — гудит непоколебимый метрдотель.

— Тогда до встречи. — Я вешаю трубку и широко улыбаюсь, изо всех сил пытаюсь продемонстрировать удовольствие от того, что Джин выбрала «Дорсию», но ловлю себя на том, что мне не хватает воздуха, каждый мускул дико напряжен. На Джин платье от Calvin Klein из джерси с фланелью, крокодиловый ремень с серебряной пряжкой от Barry Kieselstein Cord, серебряные сережки и прозрачные чулки тоже от Calvin Klein. Она стоит перед столом в замешательстве.

— Что такое? — спрашиваю я, идя к вешалке. — Ты... нормально одета.

Она медлит, потом тихо говорит:

— Ты не сказал им фамилию.

Надевая свой пиджак от Armani и заново завязывая галстук, я обдумываю ее слова и, не заикаясь, сообщаю ей:

— Они... меня знают.

Пока метрдотель сажает какую-то пару, — мне кажется, что это Кейт Спенсер и Джейсон Лаудер, мы с Джин подходим к его столу, на котором лежит открытая книга заказов, имена разборчивы до абсурда, и, случайно наклонившись над ней, я обнаруживаю единственную незачеркнутую фамилию — заказ на двоих на девять, и это — о, господи — Шруотц. Я вздыхаю, постукиваю ногой, мысли скачут, я пытаюсь сострять какой-нибудь осуществимый план. Внезапно я поворачиваюсь к Джин и говорю:

— Почему бы тебе не сходить в туалет?

Она обводит глазами ресторан, обдумывая мои слова. Здесь царит хаос. Люди стоят у бара, у каждого места — очередь человек десять. Метрдотель усаживает пару за столик в середине зала. Сильвестр Сталлоне с какой-то дурой сидит за столиком впереди — к моему большому изумлению, всего несколько недель назад там сидели мы с Шоном. Телохранители Сталлоне теснятся за соседним столиком, владелец «Петтис» Норман Прейер развалился в третьей. Джин, повернув голову ко мне, пытается перекричать шум:

— Что?

— Почему бы тебе не сходить в туалет? — спрашиваю я. Метрдотель приближается к нам, без улыбки пробираясь через переполненный ресторан.

— Зачем? То есть... ты считаешь, мне надо?.. — спрашивает она в полном замешательстве.

— Просто... иди, — шиплю я, отчаянно стискивая ей руку.

— Но мне не надо, Патрик, — протестует она.

— О господи, — бормочу я. Теперь уже все равно поздно.

Метрдотель идет к своему столу, просматривает книгу, отвечает на телефонный звонок, через несколько секунд вешает трубку, потом смотрит на нас, без явного неудовольствия. Метрдотелю по меньшей мере пятьдесят и его длинные волосы собраны в хвостик. Чтобы привлечь его внимание, я дважды кашляю и жалко заглядываю ему в глаза.

— Да? — спрашивает он, словно его потревожили.

Перед тем, как внутренне задрожать, я достаиваю его величественным взглядом:

— Заказ на девять... — сглатываю я. — На двоих.

— Да-а-а? — растягивая слово, подозрительно спрашивает он. — Фамилия?

Потом он поворачивается к проходящей мимо официантке, — ей лет восемнадцать, она красивая, как модель.

Она спрашивает: «А где лед?» Пронзив ее взглядом, он орет: «Не сейчас. Хорошо? Сколько раз тебе говорить?»

Официантка смиренно пожимает плечами и тогда метрдотель указывает в сторону бара: «Лед там».

Он оборачивается к нам, и я искренне напуган.

— Фамилия, — командует он.

А я думаю: «почему из всех, блядь, ебанных фамилий именно эта?»

—Шроутц.

О боже.

— Мистер и миссис Шроутц.

Лицо у меня, я уверен, пепельное, фамилию я произношу механически, но метрдотель слишком занят, чтобы не купиться, а я даже не удосуживаюсь взглянуть на Джин, которая, я уверен, совершенно озадачена моим поведением. Нас ведут к столику Шроутцев — я уверен, что он хреновый, но я все равно чувствую облегчение. Меню уже лежит на столе, но я так нервничаю, что слова и даже цены кажутся мне китайской грамотой, и я полностью потерял. Официантка принимает наш заказ на напитки — та самая, что не могла отыскать лед — а я ловлю себя на том, что говорю вещи, не слушая Джин, что-то вроде «защита озонового слоя — это действительно клевая идея» и рассказываю тупые анекдоты. Я заставляю себя улыбаться, я где-то далеко, и вскоре — буквально через несколько минут, — официантка даже не успела рассказать нам о фирменных блюдах, — я замечаю у входа высокую, красивую пару, которая разговаривает с метрдотелем, и, глубоко вздохнув, с пустой головой, заикаясь, я заявляю Джин: «Сейчас у нас будут неприятности».

Она поднимает глаза от меню и отставляет свой стакан безо льда. «Почему? В чем дело?»

Метрдотель смотрит на нас, на меня, через весь зал, и ведет пару к нашему столику. Если бы эти люди были низкими, толстыми, если бы они были евреями, я бы смог удержать этот столик, даже без помощи полтинника. Но эта пара выглядит так, слово только что сошла с рекламы Ralph Lauren, и хотя мы с Джин выглядим точно так же (как и все остальные в этом проклятом ресторане) — на мужчине смокинг, а девушка — весьма пригодная для ебли крошка — увешана бриллиантами. Это реальность, как сказал бы мой отвратительный братец Шон, и я должен с ней столкнуться. Теперь, заложив руки за спину, метрдотель стоит у нашего стола, не улыбаясь, и после долгой паузы спрашивает: «Мистер и миссис... Шроутц?»

— Да? — я изображаю спокойствие.

Он просто смотрит. Все это сопровождается неестественным молчанием. Его жирный, седой хвостик свисает, словно какой-то символ зла.

— Знаете, — в конце концов произношу я вкрадливо, — я знаком с шеф-поваром.

Он продолжает смотреть. Пара, стоящая позади него, тоже смотрит на нас.

После еще одной долгой паузы я, неизвестно зачем, спрашиваю: «Он... в Аспене?»

Это ни к чему не ведет. Вздохнув, я поворачиваюсь к Джин, у которой абсолютно озадаченный вид.

— Ладно, пойдем.

Она тупо кивает. Униженный, я беру Джин за руку, и мы поднимаемся — она медленнее меня — прошмыгиваем мимо метрдотеля и пары, пробираемся через переполненный ресторан, а когда мы на улице, я полностью опустошен и, как робот, бормочу себе под нос: «я должен был предвидеть должен был предвидеть должен был предвидеть», — но Джин со смехом скачет по улице, таща меня за собой и когда я, наконец, замечаю ее неожиданное веселье, между смешками она фыркает: «Это было так смешно», и, пожимая мой стиснутый кулак, сообщает мне: «У тебя такое спонтанное чувство юмора». Потрясенный, деревянным шагом идя рядом, не обращая на нее внимания, я задаю себе вопрос: «Куда... теперь?» — и через секунду появляется ответ — «Аркадия», в сторону которой мы, видимо, и направляемся.

После того, как Хамилтон Конвей принимает меня за какого-то Теда Оуэна и спрашивает, не могу ли я провести его сегодня в «Petty's», я отвечаю: «Посмотрим, что я смогу сделать», — а затем обращаю внимание (точнее, то, что от него осталось) на Джин, сидящую напротив меня в почти пустой зале «Аркадии» — после того, как Конвей ушел, заняты всего пять столиков. Я заказал J&B со льдом. Джин потягивает белое вино и говорит о том, что на самом деле ей хочется «заняться банковской коммерцией», а я думаю: «ну-ну, мечтать не вредно». Кто-то еще, кажется, Фредерик Диббл, останавливается у нашего столика и поздравляет меня по поводу счетов Ларсона, а потом имеет смелость произнести: «Ладно, потом поговорим, Сол». Но я где-то далеко, за миллионы миль отсюда, а Джин этого не замечает: она говорит о новом романе, который прочла, какого-то молодого автора — я видел, что обложка сплошь неоновая, а тема — возвышенные страдания. Почему-то мне кажется, что она говорит о чем-то другом, и я слышу, как, не глядя на нее, говорю: «Надо иметь слоновую кожу, чтобы выжить в этом городе». Она вспыхивает, кажется смущенной, делает еще один глоток вина — отличного совињон блан.

— Ты кажешься отстраненным, — замечает она.

— Что? — спрашиваю я, моргая.

— Я сказала, ты кажешься отстраненным, — говорит она.

— Нет, — вздыхаю я. — Я все тот же гадкий мальчишка.

— Это хорошо.

Она облегченно — мне это снится? — улыбается.

— Слушай, — говорю я, стараясь задержать взгляд на ней. — А что тебе на самом деле хочется в этой жизни? Потом, памятуя о том, как она гундосила о карьере в банковской коммерции, я добавляю:

— Только коротко, знаешь, сжато.

И затем:

— И не говори мне, что тебе нравится работа с детьми.

— Ну, мне хотелось бы путешествовать, — повествует она. — Или вернуться в школу, я не знаю, на самом деле...

Она задумчиво замолкает и простодушно заявляет:

— У меня такой период в жизни, когда кажется, что возможностей полно, но я такая... Я не знаю... я очень неуверенная.

— Мне также кажется, что для людей важно сознавать свои пределы.

Потом, ни с того ни с сего, я спрашиваю:

— А у тебя есть парень?

Она застенчиво улыбается, вспыхивает и говорит:

— Нет. Ничего серьезного.

— Интересно, — бормочу я.

Я открываю меню и изучаю цены.

— А ты с кем-нибудь встречаешься? — робко осмеливается она спросить.

Я решаю взять рыбу-лоцман с тюльпанами и корицей, и, вздыхая, ухожу от ответа:

— Просто я хочу серьезных отношений с особенным для меня человеком, — и, не дав ей времени на ответ, спрашиваю, что она будет заказывать.

— Наверное, макрель, — говорит она, и прищуривается. — С имбирем.

— А я буду рыбу-лоцман, — говорю я. — Мне начинает нравится. Рыба-лоцман, — говорю я, кивая.

Позже, после посредственного ужина и бутылки дорогого калифорнийского каберне-совиньон и одной порции крем брюле на двоих, я заказываю стаканчик пятидесятидолларового портвейна, а Джин пьет эспрессо без кофеина и спрашивает меня, откуда произошло название ресторана. Я рассказываю ей, ничего не придумывая, — хотя меня так и подмывает сказать какую-нибудь чушь, только чтобы посмотреть, поверит ли она. Сидя напротив Джин во мраке «Аркадии», легко поверить, что она проглотит все, что угодно, — ее влюбленность делает ее беззащитной. Я нахожу это на удивление незротичным. Я даже мог бы рассказать ей про мою приверженность апартеиду и вынудить ее найти причины, по которым ей следует согласиться со мной и вложить крупную сумму денег в расистские организации, которы...

— Аркадия — это древняя область в Пелопоннесе, это в Греции. Она была основана в 370 году до нашей эры, и была полностью окружена горами. Ее крупнейшим городом был... Мегалополис, который стал и центром политической активности и столицей Аркадийской конфедерации...

Я делаю глоток портвейна, густого, крепкого и дорогого.

— Он был разрушен во время греческой войны за независимость.

Я снова замолкаю.

— Первоначально Пану поклонялись в Аркадии. Ты знаешь, кто такой был Пан?

Не сводя с меня глаз, она кивает.

— Его празднества походили на празднества Бахуса, — рассказываю я. — По ночам он резвился с нимфами, а вот днем любил... поугубить путников... Отсюда произошло слово пан-ика.

Ну и так далее. Я поражен, что это сохранилось в моей памяти и, подняв глаза от портвейна, куда задумчиво смотрел, улыбаюсь ей. Она долго смущенно молчит, не зная, как отреагировать, но, в конце концов, глубоко заглядывает мне в глаза и подавшись вперед над столом, запинаясь, произносит:

— Это... так... интересно.

Это все, что она говорит, но больше от нее и не требуется.

11:34. Мы стоим на тротуаре перед домом Джин в Верхнем Вест Сайде. Швейцар осторожно наблюдает за нами, его взгляд следит за мной из подъезда, наполняя меня несказанным ужасом. Завеса звезд, миллионы рассеянных звезд сверкают на небе, их столько, что это унижает меня, и мне трудно это стерпеть. Я что-то говорю о тревожности, Джин пожимает плечами и кивает. Похоже, ее сознание не в ладах с языком, она словно пытается найти рациональный ответ на вопрос, кто я такой на самом деле, но, это, разумеется, невозможно: ключа... нет.

— Ужин был замечательный, — говорит она. — Большое тебе спасибо.

— На самом деле еда была так себе, но пожалуйста, — пожимаю я плечами.

— Может, зайдешь, выпьешь что-нибудь? — спрашивает она чересчур небрежно. Но даже если мне не нравится ее поведение, это не значит, что я не хочу подняться — вот только что-то останавливает меня, подавляет жажду крови: швейцар? освещение подъезда? ее губная помада? К тому же я начинаю думать, что порнография значительно проще, чем реальный секс, и из-за поэтому гораздо приятнее.

— А у тебя есть пейот[39]]? — спрашиваю я.

Она озадаченно молчит.

— Что?

— Шучу, — говорю я, потом. — Слушай, я хочу посмотреть передачу Дэвида Леттермана, поэтому... — я замолкаю, не понимая, почему я медлю. — Мне надо идти.

— Ты можешь посмотреть его... — она останавливается, потом предлагает, — у меня.

Выдержав паузу, я спрашиваю:

— А у тебя есть кабельное?

— Да, — кивает она. — У меня есть кабельное.

Поставленный в тупик, я снова замолкаю, делаю вид, что должен обмозговать это.

— Да нет, ладно. Я лучше посмотрю... не по кабельному.

Она кидает на меня печальный, недоумевающий взгляд:

— Что случилось?

— Мне надо вернуть видеокассеты, — торопливо объясняю я.

Помолчав, она говорит:

— Сейчас? Но ведь уже... — она смотрит на свои часы, — почти полночь.

— Ну да, — говорю я, гораздо отрешеннее.

— Ну тогда... спокойной ночи, — произносит она.

Какие книги читает Джин? Заголовки проносятся у меня в голове: Как Заставить Мужчину Влюбиться в Вас.

Как Сохранить Его Любовь Навечно. Венец — Делу Конец: Как Выйти Замуж За Год. Дополнение. В кармане пальто я тереблю пачку презервативов в футляре из страусиной кожи, купленных на прошлой неделе в Luc Venoit.

Но нет.

Нет.

После неловкого рукопожатия, она, не отпуская мою руку, спрашивает:

— Это правда? У тебя нет кабельного?

И хотя вечер был совершенно неромантическим, она обнимает меня и на этот раз от нее исходит тепло, с которым я не знаком. Я привык воображать, что все происходит как в кино, что события как-то укладываются в рамки сюжета, что сейчас я почти слышу, как играет оркестр, почти вижу, как медленно плывет вокруг нас камера, как над головами у нас в замедленной съемке вспыхивает салют, как ее семидесятимиллиметровые губы шепчут мне: «Я хочу тебя», — с Dolby звуком. Но я обнимаю ее холодно, и понимаю — сначала смутно, а потом все с большей ясностью, что буря, которая бушевала внутри меня, утихла, и что Джин целует меня в губы. Это возвращает меня в реальность, и я легонько отталкиваю ее. Она со страхом смотрит на меня.

— Слушай, мне надо идти, — говорю я, глядя на свой Rolex. — Я не хочу пропустить... Дурацкие Выходки наших Питомцев.

— Хорошо, — произносит она, успокаиваясь. — Пока.

— Спокойной ночи, — говорю я.

Мы оба устремляемся в разные стороны, но неожиданно она что-то выкрикивает.

Я оборачиваюсь.

— Не забудь, что у тебя завтрак с Фредериком Бенне и Чарльзом Рустом в «21», — говорит она из двери, которую держит для нее открытой швейцар.

— Спасибо, — кричу я, маша рукой. — У меня полностью вылетело из головы.

Помахав в ответ, она исчезает в вестибюле.

Потом я иду к Парк авеню, чтобы поймать там такси, и прохожу мимо бездомного бродяги — представителя генетического низшего класса. Пока он тихо клянчит мелочь, хоть «что-нибудь», я замечаю рядом с ним, на ступенях церкви, где он сидит, пакет из книжного магазина Barnes & Noble, и не могу вслух не рассмеяться: «Ого, так ты читаешь», — а потом, на заднем сиденье такси, по дороге домой через город, представляю, как мы

с Джин прохладным весенним утром бежим по Централ Парк, взявшись за руки и смеясь. Мы покупаем воздушные шарик и отпускаем их в небо.

ДЕТЕКТИВ

Май перетекает в июнь, перетекающий в июль, подкрадывающийся к августу. Из-за жары последние четыре ночи подряд меня преследовали сны о вивисекции, а сейчас я ничем не занят, прозябаю у себя в кабинете с тошнотворной головной болью, слушаю плеер с приятным диском Кенни Джи, но комнату заливают яркий полуденный свет, он пронизывает мой череп, заставляя похмелье пульсировать в голове — и поэтому сегодня утром тренировки не было. Слушая музыку, я замечаю, что мигает вторая лампочка на телефоне, а это означает, что ко мне рвется Джин.

Вздыхнув, я осторожно снимаю наушники.

— В чем дело? — монотонно спрашиваю я.

— М-м-м, Патрик? — начинает она.

— Да-а-а, Джи-ин? — снисходительно тяну я.

— Патрик, мистер Дональд Кимбел хочет встретиться с тобой, — нервно произносит она.

— Кто такой? — рассеянно огрызаюсь я.

Она издает тихий беспокойный вздох и понижает голос:

— Детектив Дональд Кимбел.

Я медлю, глядя в окно на небо, потом на свой монитор, на безголовую девушку, которую я рисовал на обложке свежего номера Sports Illustrated, раз-другой провожу рукой по глянцевой поверхности, потом отрываю обложку и комкаю ее. Наконец я заговариваю:

— Скажи ему...

Потом, обдумав свои возможности, замолкаю и начинаю снова:

— Скажи ему, что я обедаю.

Джин молчит, потом шепчет:

— Патрик... я думаю, он знает, что ты здесь.

Я долго молчу, тогда она добавляет, по-прежнему приглушенно:

— Сейчас только полонинадцатого.

Я вздыхаю, опять молчу, потом, сдерживая панику, говорю:

— Нупусти его.

Я встаю, подхожу к зеркалу Jodi, висящему рядом с картиной Джорджа Стаббса, и проверяю прическу, приглаживаю волосы роговым гребешком, потом хладнокровно беру телефонную трубку и, готовя себя к трудной сцене, притворяюсь, что говорю с Джоном Акерсом. Четко говорить в телефон я начинаю до того, как детектив входит в мой кабинет.

— Итак, Джон...

Я откашливаюсь.

— Тебе следует носить одежду, соответствующую твоему телосложению, — говорю я в пустоту. — Что касается рубашек в широкую полосу, дружище, то тут есть определенные можно и нельзя. Рубашка в широкую полосу требует, чтобы костюм и галстук были либо однотонными, либо с очень сдержанным узором...

Дверь в кабинет открывается, и я жестом приглашаю войти детектива. Он на удивление молод, может, даже моего возраста. На нем льняной костюм от Armani, похожий на мой, хотя он выглядит немного небрежно, и это круто, так что это беспокоит меня. Я обнадеживающе улыбаюсь ему.

— А рубашка с более высоким номером ткани означает, что она более ноская, чем... Да, я знаю... Но чтобы определить это, тебе нужно внимательно изучить материал...

Я указываю на хромированное кресло из тикового дерева от Mark Schragger, стоящее по другую сторону от моего стола, приглашая его сесть.

— ...прочные ткани создаются не только при помощи повышенного количества пряжи, но и при помощи пряжи из высококачественных, длинных и тонких волокон... да... которые... создают ровное плетение, в противоположность коротким и ворсистым волокнам, вроде тех, что используются в твиде. Ткань же свободного плетения, например, трикотажная, — чрезвычайно деликатная и требует заботливого обращения... Из-за того, что пришел детектив, вряд ли день будет удачным. Я осторожно наблюдаю за тем, как он садится и закидывает ногу на ногу. Его поведение наполняет меня несказанным ужасом. Когда он оборачивается, чтобы посмотреть, не закончил ли я разговор, я понимаю, что молчал слишком долго.

— Да, именно, Джон... так. И... всегда давай стилисту пятнадцать процентов... — Я делаю паузу. — Нет,

владельцу салона не давай...

Беспомощно я пожимаю плечами, закатывая глаза. Детектив кивает, понимающе улыбается и меняет ноги.

Красивые носки. О господи.

— Девушке, которая моет волосы? Это зависит... Доллар или два...

Я смеюсь.

— Это зависит от того, как она выглядит...

Смеюсь сильнее.

— Да, и что моет, кроме волос...

Вновь замолкаю, потом говорю:

— Слушай, Джон. Мне надо идти. Пришел Бун Пикинс...

Медленно, улыбаясь, как идиот, потом смеюсь.

— Шучу...

Еще одна пауза.

— Нет, владельцу салона не давай.

Смеюсь еще раз, и наконец:

— Ладно, Джон... хорошо, понял.

Выключаю телефон, задвигаю антенну и, тщетно подчеркивая свое спокойствие, произношу:

— Прошу прощения.

— Нет, это я прошу прощения, — говорит он, искренне извиняясь. — Я должен был договориться о времени.

Жестом указывая на телефон, который я поставил заряжаться, он спрашивает:

— Что-нибудь... м-м-м... важное?

— А, это? — переспрашиваю я, подходя к столу, опускаясь в свое кресло. — Просто болтаем о делах.

Исследуем возможности... Обмениваемся сплетнями... Распространяем слухи.

Мы оба смеемся. Лед тронулся.

— Привет, — говорит он, протягивая руку. — Меня зовут Дональд Кимбел.

— Привет, Пат Бэйтмен, — я крепко пожимаю его руку. — Рад познакомиться.

— Извините, — говорит он, — что я вот так нагрюнул, но я должен был поговорить с Луисом Керрутерсом, а его не оказалось... ну, а вы здесь, поэтому...

Он улыбается, пожимает плечами.

— Я знаю, что вы, парни, все в делах.

Он отводит взгляд от трех раскрытых номеров Sports Illustrated, которые валяются на столе рядом с плеером. Я тоже замечаю их, закрываю и засовываю в верхний ящик стола вместе с все еще работающим плеером.

— Итак, — начинаю я, пытаюсь казаться максимально дружелюбным и разговорчивым. — О чем хотите поговорить?

— Ну, — начинает он. — Я нанят Мередит Пауэл для расследования исчезновения Пола Оуэна.

Перед тем как задать вопрос, я задумчиво киваю.

— Вы не из ФБР или что-нибудь в этом роде?

— Нет, нет, — отвечает он. — Ничего такого. Я всего лишь частный сыщик.

— А, понятно... Да, — я вновь киваю, все еще не успокоенный. — Исчезновение Пола... да.

— Так что пока ничего официального, — сообщает он. — У меня просто несколько общих вопросов. О Поле Оуэне. О вас...

— Кофе? — неожиданно спрашиваю я.

Неуверенно он отвечает:

— Нет, спасибо.

— Может, воды? Perrier? San Pellegrino? — предлагаю я.

— Да не надо, спасибо, — снова говорит он, открывая маленькую черную записную книжечку, которую он вынул из кармана с золотой ручкой Cross. Я звоню Джин.

— Да, Патрик?

— Джин, не могла бы ты принести мистеру... — я останавливаюсь, поднимаю глаза.

Он тоже поднимает глаза:

— Кимбелу.

— ...мистеру Кимбелу бутылку San Pelle...

— Да нет, не надо, — сопротивляется он.

— Это не проблема, — говорю я ему.

У меня возникает чувство, что он старается не смотреть на меня странно. Он снова что-то записывает в записную книжку, потом вычеркивает.

Почти мгновенно входит Джин и ставит на стол перед Кимбелом бутылку San Pellegrino и гравированный высокий стакан Steuben. Она награждает меня озабоченным, испуганным взглядом, в ответ я хмурюсь. Кимбел поднимает глаза, улыбается и кивает Джин, которая, как я замечаю, сегодня без лифчика. Простодушно я наблюдаю за ее уходом, потом возвращаюсь взглядом к Кимбелу, хлопаю в ладоши, выпрямляюсь в кресле.

— Итак, о чем мы говорим?

— Об исчезновении Пола Оуэна, — напоминает он мне.

— Ах да, точно. Ну, я ничего не слышал об исчезновении Пола Оуэна или о чем-то таком... — я замолкаю, потом пытаюсь рассмеяться. — По крайней мере в Page Six не писали.

Кимбел вежливо улыбается.

— Я думаю, его семья хочет обойтись без шума.

— Это понятно, — киваю я на нетронутые стакан и бутылку, потом поднимаю глаза на него.

— Хотите лайм?

— Не нужно, правда, — говорит он. — Все нормально.

— Уверены? — спрашиваю я. — Для вас мы всегда достанем лайм.

Он делает короткую паузу, потом произносит:

— Хочу задать несколько предварительных вопросов, которые мне нужны для этого дела. Можно?

— Валяйте, — говорю я.

— Сколько вам лет?

— Двадцать семь, — отвечаю я. — В октябре будет двадцать восемь.

— Где вы учились? — он черкает что-то в книжечке.

— В Гарварде, — говорю я ему. — Потом в Гарвардской бизнес-школе.

— Ваш адрес? — глядя только в книжечку.

— Вест Сайд, Восемьдесят первая улица, пятьдесят пять, — говорю я. — Дом «Американские Сады».

— Хорошее место, — на него это произвело впечатление, и он поднимает на меня глаза. — Очень хорошее.

— Благодарю, — улыбаюсь я, польщенный.

— Это не там живет Том Круз? — спрашивает он.

— Угу, — я сжимаю горбинку на своем носу. Неожиданно я вынужден крепко зажмурить глаза.

До меня доносится его голос:

— Прошу прощения, с вами все в порядке?

Открыв глаза, в которых стоят слезы, я говорю:

— А почему вы спрашиваете?

— Вы, кажется... нервничаете.

Я лезу в ящик стола и вынимаю оттуда бутылочку аспирина.

— Нуприн? — предлагаю я.

Кимбел странно смотрит на бутылочку, потом вновь на меня, качает головой:

— Нет, м-м-м... спасибо.

Он вытаскивает пачку Marlboro и с отсутствующим видом кладет ее рядом с бутылкой San Pellegrino, попутно изучая что-то в книжечке.

— Дурная привычка, — замечаю я.

Он поднимает глаза, замечает мое неодобрение, застенчиво улыбается.

— Я знаю. Виноват.

Я смотрю на пачку.

— Вы не... или мне лучше не курить? — испытующе спрашивает он.

Я продолжаю смотреть на пачку сигарет, размышляя.

— Да нет... я думаю, нормально.

— Вы уверены? — спрашивает он.

— Нет проблем, — я звоню Джин.

— Да, Патрик?

— Принеси, пожалуйста, пепельницу для мистера Кимбела, — говорю я.

Через несколько секунд она приносит пепельницу.

— Что вы можете рассказать мне о Поле Оуэне? — спрашивает Кимбел после того, как Джин поставила хрустальную пепельницу Fortunoff на стол рядом с нетронутой бутылкой воды и ушла.

— Ну, — кашляю я, глотая два нуприна и не запивая их. — Я его не очень хорошо знал.

— А насколько хорошо вы его знали? — спрашивает он.

— М-м-м... я в растерянности, — говорю я весьма искренне. — Он был частью всей... Йельской истории, понимаете...

— Йельской истории?... — сконфужено переспрашивает он.

Я медлю, не имея ни малейшего представления, о чем я, собственно, говорю.

— Да... Йельская история...

— А что вы имеете в виду... под Йельской историей? — Теперь он заинтригован. Я снова медлю.

Действительно, что я имею в виду?

— Ну, начнем с того, что, он, видимо, был тайным гомосексуалистом. — Честно говоря, об этом я не имею ни малейшего представления, но вообще-то очень сомнительно, учитывая, как он велся на девок. — ...И постоянно нюхал кокаин...

Я замолкаю, потом, немного неуверенно, добавляю:

— Я эту Йельскую историю имею в виду.

Я понимаю, что изъясняюсь путано, но по-другому не могу это выразить. Теперь в офисе очень тихо. Внезапно кажется, что комната сжалась и поплыла, и хотя кондиционер включен на полную, воздух, похоже, начал сворачиваться.

— Итак... — Кимбел беспомощно смотрит в свою книжечку. — О Поле Оуэне вы рассказать ничего не можете?

— Ну, — вздыхаю я. — По-моему, он вел упорядоченную жизнь. Мне так кажется. — И вдруг ни с того, ни с сего заявляю:

— Он сбалансированно питался.

Я чувствую, что Кимбел разочарован, он спрашивает:

— Но какой он был человек? Кроме того... — он запинается, пытается улыбнуться, — что вы сейчас рассказали.

Что я могу сказать про Оуэна этому парню? Кичливый, надменный, жизнерадостный хуесос, который вечно пытался не заплатить по счету в «Nell's»? Что у его пениса было имя и звали его Микаэль? Нет. Спокойнее, Бэйтмен. Кажется, я улыбаюсь.

— Надеюсь, вы меня не допрашиваете? — удастся мне выдать.

— Вам так кажется? — спрашивает он. Вопрос звучит зловеще, но это не так.

— Да нет, — осторожно говорю я. — Нет, вообще-то.

Доводя меня до сумасшествия, он записывает еще что-то, потом, не поднимая глаз, покусывает кончик ручки и спрашивает:

— А где Пол бывал?

— Бывал? — переспрашиваю я.

— Да, — говорит он. — Где он бывал?

— Дайте подумать, — отвечаю я, постукивая пальцами по столу. -

«Новый порт», «Naggy's», «Флейты», «Индокитай», «Nell's», «Корнел Клуб». Нью-йоркский яхт-клуб. Вот там обычно он и бывал.

У Кимбела озадаченный вид.

— У него была яхта?

Я запутался, и небрежно роняю:

— Нет. Он просто там бывал.

— Где он учился? — спрашивает он.

Я медлю:

— А вы разве не знаете?

— Я просто хотел узнать, знаете ли вы, — произносит он, не поднимая — глаз.

— М-м-м, в Йеле, — медленно отвечаю я. — Правильно?

— Да.

— А потом в бизнес-школе в Колумбии, — добавляю я. — Кажется.

— А перед этим? — спрашивает он.

— Если я правильно помню, в Сен Поле... То есть...

— Спасибо, этого хватит. Вообще-то это к делу не относится, — извиняется он. — Кажется, у меня больше нет

вопросов. Пока никаких зацепок.

— Знаете, я бы... — тихо, тактично начинаю я. — Я хотел бы помочь.

— Я понимаю, — говорит он.

Еще одна долгая пауза. Он что-то отмечает, но, похоже, что-то не очень важное.

— Можете еще что-нибудь рассказать мне об Оуэне? — спрашивает он робко.

Я задумываюсь, потом слабым голосом говорю:

— В шестьдесят девятом нам обоим было по семь лет.

Кимбел улыбается:

— И мне тоже.

Притворяясь, что интересуюсь делом, я спрашиваю:

— Но у вас есть свидетели или отпечатки пальцев, или... Он устало перебивает меня:

— Есть сообщение на его автоответчике, где говорится, что он уехал в Лондон.

— Ну, может, так и есть? — с надеждой спрашиваю я.

— Его подруга так не считает, — бесцветно отвечает Кимбел.

Не успев это осознать, я думаю, какой пылинкой был Пол Оуэн в общем круговороте.

— Но... — я делаю паузу, — но кто-нибудь видел его в Лондоне?

Кимбел смотрит в свою книжку, перелистывает страницы, вновь смотрит на меня:

— В общем-то да.

— М-м-м, — говорю я.

— Мне было сложно получить внятное подтверждение, — признается он. — Стефан Хьюджс видел его там в ресторане, но я проверил и оказалось, что он принял за Пола Хуберта Айнсворта, так что...

— А-а-а.

— Вы помните, где вы были в тот вечер, когда исчез Пол? — Он смотрит в книжечку. — Двадцать четвертого июня?

— Господи... ну, наверное... — я думаю. — Наверное, я относил видеокассеты. — Открыв ящик стола, я вынимаю свой ежедневник и, просмотрев декабрь, объявляю:

— Я встречался с девушкой по имени Вероника... — нагло вру я, полностью это выдумав.

— Подождите, — смутившись, глядя в книжечку, произносит он. — У меня... другая информация. Мышцы моих ног напрягаются.

— Что?

— У меня другие сведения, — говорит он.

— Ну... — говорю я, неожиданно смутившись и испугавшись. Нуприн горчит в животе, говорю я. — Я... подождите... А что у вас за информация?

— Сейчас посмотрим... — он перелистывает странички, что-то находит. — Что вы были...

— Подождите, — смеюсь я. — Я могу ошибаться...

Моя спина покрывается потом.

— Ладно... — он останавливается. — Когда вы в последний раз были с Полем Оуэном? — спрашивает он.

— Мы, — о господи, Бэйтмен, придумай что-нибудь — мы ходили на новый мюзикл, который только что поставили. Он назывался... О Африка, Смелая Африка.

Я сглатываю.

— Дико смешной... что еще. Кажется, мы ужинали в «Orso's»... нет, в «Petaluma». Нет, в «Orso's».

Я останавливаюсь.

— По... последний раз когда я физически видел его... это было у банковского автомата. Не помню, какого... где-то возле «Nell's».

— В ту ночь, когда он исчез? — спрашивает Кимбел.

— Я не уверен, — отвечаю я.

— Мне кажется, вы путаетесь в датах, — глядя в книжечку, говорит он.

— Как это? — спрашиваю я. — А где, по-вашему, был Пол в тот вечер?

— В соответствии с его ежедневником, что было подтверждено его секретарем, он ужинал с... Маркусом Холберстамом, — говорит он.

— И? — спрашиваю я.

— Я допросил его.

— Маркуса?

— Да. Он отрицает это, — говорит Кимбел. — Хотя поначалу он не был уверен.

— Значит, Маркус отрицает.

— Да.

— И у него есть алиби? — теперь я повышенно восприимчив к его ответам.

— Да.

— Есть? — спрашивают. — Вы уверены?

— Я проверил, — произносит он со странной улыбкой. — Он чист.

Пауза.

— А-а.

— Ну, а где были вы? — смеется он.

Я тоже смеюсь, хотя и не понимаю, почему.

— И где же был Маркус?

Я почти хихикаю.

Кимбел по-прежнему смотрит на меня с улыбкой.

— Он не был с Полем Оуэном, — загадочно произносит он.

— Так с кем же он был? — я все еще смеюсь, но как во сне.

Кимбел открывает свою книжечку и впервые награждает меня слегка враждебным взглядом:

— Он был в «Atlantis» с Грегом Макдермоттом, Фредериком Дибблом, Гарри Ньюменом, Джорджем Батнером и... — Кимбел замолкает, потом поднимает глаза, — и вами.

Сейчас я думаю о том, как долго разлагался бы труп в этом кабинете. Когда я мечтаю, я обычно думаю вот о чем: поесть бы мясо на ребрышках в «Red, Hot and Blue» в Вашингтоне (округ Колумбия). Не сменить ли мне шампунь? Какое пиво на самом деле самое вкусное? Правда ли, что дизайнера Билла Робинсона переоценивают? Что происходит с IBM? Безграничная роскошь. Выражение «строить из себя крутого» — это наречие? Шаткий мир в Ассизи. Электрический свет. Совокупность роскоши. Высочайшей роскоши. Этот мерзавец носит тот же самый проклятый льняной костюм от Armani, что и я. Как легко было бы до смерти напугать этого пидораса. Кимбел абсолютно не подозревает, насколько я безучастен. В этом кабинете нет ни единого признака жизни и все же он продолжает делать пометки. К тому времени, как вы закончите читать это предложение, где-нибудь в мире взлетит или сядет пассажирский Боинг. Мне хочется пива «Пильзнер Уркел».

— Ах да, — говорю я. — Разумеется... Мы хотели, чтобы Пол Оуэн пришел. — Я киваю головой, словно вспоминая что-то, — но он сказал, что у него будут дела...

Потом, кротно:

— Наверное, я ужинал с Викторией... на следующий день.

— Послушайте, как я и говорил, меня всего лишь наняла Мередит, — вздыхает он, закрывая книжечку.

На всякий случай я спрашиваю:

— А вы знали, что Мередит Пауэл встречается с Брокком Томпсоном?

Пожав плечами, он вздыхает:

— Об этом я ничего не знаю. Знаю лишь, что Пол Оуэн должен ей большую сумму денег.

— Да? — говорю я, кивая — вот как?

— Лично мне, — признается он, — кажется, что парень разыграл дурака. Свалил на время из города. Может, он и поехал в Лондон. Развезтись. Выпить. Да что угодно. Мне все равно кажется, что рано или поздно он объявится.

Я медленно киваю, надеясь, что у меня подобающий случаю озадаченный вид.

— Как вы думаете, он не занимался оккультизмом или сатанизмом? — всерьез спрашивает Кимбел.

—Что?

— Я знаю, что это дурацкий вопрос, но в прошлом месяце в Нью-Джерси — не знаю, слышали ли вы об этом — молодой биржевой брокер был арестован и обвинен в убийстве мексиканской девушки и использовании разных частей ее тела в ритуалах вуду...

— Ох! — восклицаю я.

— То есть, я хочу сказать... — он снова застенчиво улыбается. — Вы что-нибудь слышали об этом?

— Парень отказался признать себя виновным? — с трепетом спрашиваю я.

— Точно, — кивает Кимбел.

— Это было интересное дело, — удается мне вымолвить.

— Парень, хотя и говорит, что невиновен, все равно считает себя инка, птичьим богом или кем-то таким, —

произносит Кимбел, черты его лица разглаживаются.

Мы оба громко смеемся.

— Нет, — наконец говорю я. — Пол был не таков. — Он сбалансированно питался, и...

— Да, я знаю, и вся эта Йельская история, — устало договаривает Кимбел.

Следует долгая пауза, на мой взгляд, самая долгая из всех.

— Вы консультировались с медиумом? — спрашиваю я.

— Нет. — Он качает головой с таким видом, словно обдумывал эту возможность. К чему?

— А в его квартире ничего не пропало? — спрашиваю я.

— В общем, нет, — отвечает он. — Отсутствуют туалетные принадлежности, костюм, несколько носильных вещей. Вот и все.

— Вы подозреваете, что дело нечисто?

— Не знаю, — говорит он. — Но, как я вам уже говорил, я не удивлюсь, если окажется, что он где-то скрывается.

— Я хотел спросить — никто не связывался с отделом по убийствам, да?

— Нет, пока нет. Как я говорил, мы не уверены, но... — с удрученным видом он замолкает. — В общем-то никто ничего не слышал.

— Но это обычное дело, не правда ли? — спрашиваю я.

— Да, просто это странно, — соглашается он, растерянно глядя в окно. — Сегодня ты на виду, ходишь на работу, живой, а потом... — Кимбел останавливается, не сумев закончить предложение.

— Ничего, — вздыхаю я, кивая.

— Люди просто... исчезают, — произносит он.

— Земля разверзается и проглатывает их, — печально говорю я, глядя на свой Rolex.

— Жутко, — потягиваясь, зевает Кимбел. — Правда, жутко.

— Зловеще, — киваю я в знак согласия.

— Все просто бессмысленно, — безнадежно вздыхает он.

Я молчу, не зная, что сказать, потом выдаю:

— Тщетность... с ней трудно смириться.

В моей голове нет никаких мыслей. В кабинете тишина. Чтобы нарушить ее, я указываю на книгу, которая лежит на столе, рядом с бутылкой San Pellegrino. «Искусство Сделки» Дональда Трампа.

— Читали? — спрашиваю я Кимбела.

— Нет, — вздыхает он, потом вежливо осведомляется. — Хорошая?

— Очень хорошая, — отвечаю я, кивая.

— Послушайте, — он снова кивает. — Я отнял у вас много времени.

Он убирает в карман Marlboro.

— У меня все равно через двадцать минут обед с Клиффом Хакстейблом во «Временах года», — вру я, поднимаясь. — Мне тоже надо идти.

— «Времена года» — не далеко ли это от центра? — с озабоченным видом говорит он и тоже поднимается.

— О, нет, — мямлю я. — Здесь тоже... есть один.

— Правда? — спрашивает он. — Я не знал.

— Да, — говорю я, провожая его до двери. — Очень хороший.

— Послушайте, — произносит он, разворачиваясь лицом ко мне. — Если что-нибудь вы вспомните, любая информация...

Я поднимаю руку.

— Разумеется. Я на сто процентов на вашей стороне, — торжественно провозглашаю я.

— Прекрасно, — довольно произносит этот слабак. — Благодарю за ваше... м-м-м... время, мистер Бэйтмен.

Я провожаю его до двери, мои ноги подкашиваются, как у космонавта. Несмотря на внутреннюю пустоту, отсутствие чувств, я все же ощущаю — без самообмана — что я чего-то достиг. Потом, уже совсем расслабившись, мы несколько минут говорим о бальзамах от порезов и ожогов и о пестрых рубашках. Разговор идет на удивление неторопливо, и это успокаивает. Вообще ничего не происходит, но когда Кимбел, улыбнувшись, дает мне свою визитку и уходит, то звук закрывающейся двери кажется мне писком миллиона насекомых, шкворчением килограммов жарящегося бекона, всеобъемлющей тишиной. После того как он покидает здание (по моей просьбе Джин связывается со службой безопасности и просит их за этим проследить), я звоню человеку, рекомендованному моим адвокатом, чтобы он проверил, что мои телефоны не

прослушиваются, и только после таблетки ксанакса я в состоянии встретиться со своим диетологом в дорогом престижном ресторане здоровой пищи под названием «Соевая кухня» в Трибеке. Сидя под лакированным чучелом согнутого дугой дельфина, висящим над тофу-баром, я в состоянии не пожившись обращаться к диетологу с вопросами вроде: «Ну хорошо, расскажите-ка мне все о пончиках». Через два часа, когда я уже в офисе, я узнаю, что телефоны не прослушиваются.

На этой же неделе, в пятницу вечером, я сталкиваюсь с Мередит Пауэл в «Egeze». Она пришла с Брокком Томпсоном, и хотя мы говорим минут десять — в основном про то, почему никто из нас не поехал в Хэмптонс, Брок не сводит с меня глаз, а она ни разу не упоминает Пола Оуэна. Я мучительно долго ужинаю с новой знакомой Жанетт. Ресторан новый и кричащий, ужин тянется невыносимо медленно. Порции скудные. Раздражение мое растет. После этого я хочу обойтись без «М.К.», хотя Жанетт и клянчит, что хочет танцевать. Я устал и мне нужен отдых. В своей квартире я лежу в постели, слишком расстроенный, чтобы трахнуть Жанетт, поэтому она уходит, после чего я смотрю утреннее Шоу Патти Винтерс, посвященное лучшим ресторанам на Ближнем Востоке, а потом беру телефонную трубку и неохотно, с сомнениями, набираю номер Эвелин.

ЛЕТО

Большую часть лета я провожу в ступоре, сидя то в офисе, то в новых ресторанах, то в своей квартире, просматривая видеокассеты, или в такси, или в только что открывшихся ночных клубах, кинотеатрах, в своей квартире в Хеллс Китчен. Этим летом было четыре крупные авиакатастрофы, почти все они засняты на видео, — как будто события планировались, и их бесконечно показывали по телевизору. Самолеты взрывались в замедленной съемке, за ними следовали бесчисленные кадры обломков и редкие кадры обгоревшего кровавого месива, спасатели со слезами на глазах раскапывают куски человеческих тел. Я начал пользоваться мужским дезодорантом Oscar de la Renta, и от него у меня пошла легкая сыпь. Под большие фанфары был выпущен фильм о маленькой говорящей мушке, он собрал более двухсот миллионов долларов. В «Mets» дела шли хреново. В августе бродяги и бездомные как будто размножились, так что на улицах несчастные, убогие и престарелые выстраивались рядами. Я ловил себя на том, что летом за многочисленными ужинами в новых ресторанах, перед тем как пригласить многочисленных знакомых на «Отверженных», я слишком часто спрашивал, видел ли кто-нибудь по каналу НВО фильм «The Toolbox Murders»[40], и все люди за столиком в молчании смотрели на меня, а потом я вежливо покашливал и делал официанту знак принести счет, или заказывал шербет, а если это было в начале ужина, то еще одну бутылку San Pellegrino, а потом снова спрашивал знакомых: «Нет, не видели?», — и заверял их: «Очень хорошее кино». Моя платиновая карточка American Express прошла через такое количество кокаина, что саморазрушилась, переломилась пополам за одним из ужинов, когда я пригласил двух партнеров по бизнесу в «Молодой и Энергичный», — это новый ресторан Пабло Лестера, но в бумажнике из газелевой кожи хватило наличных, чтобы расплатиться. В Шоу Патти Винтерс показывали одни повторы. Жизнь превратилась в блеклую тряпку, в банальность, в мыльную оперу. Я был на грани безумия. Ночная жажда крови захватывала меня и днем и ночью, и я был вынужден покинуть город. Над маской здравомыслия нависла постоянная угроза. Для меня это был мертвый сезон. Мне нужен был отпуск. Мне надо было съездить в Хэмптонс.

Я предложил Эвелин поехать вместе и она уцепилась за предложение, как паук.

Дом, в котором мы остановились, на самом деле принадлежал Тиму Прайсу, почему-то у Эвелин были ключи от него, но в этом одуревшем состоянии я не стал требовать объяснений.

Дом Прайса находился в восточном Хэмптонсе, у самой воды. В нем было четыре этажа и множество двухскатных крыш, все это связывала лестница из гальванизированной стали, и поначалу мне показалось, что в нем господствовали юго-западные мотивы, но это оказалось не так. Кухня в тысячу квадратных футов имела чисто минималистский дизайн; по одной стене располагалось все: две огромных плиты, массивный буфет, морозильная камера в человеческий рост, трехдверный холодильник. Стойка ручной работы из нержавеющей стали разделяла кухню на три отдельных части. В четырех из девяти ванных комнатах были картины «trompe l'oeil»[41], а в пяти из них над раковинами висели античные головы баранов, вода лилась из их ртов. Все раковины, ванны и душевые были сделаны из старинного мрамора, полы — из мелкой мраморной мозаики. В основной ванной комнате в стенной альков был встроен телевизор. В каждой комнате была стереосистема. В доме имелось также двенадцать напольных ламп от Frank Lloyd Wright, четырнадцать клубных стульев от Josef Heffernann, две стены от пола до потолка были забиты видеокассетами в стеклянных шкафах, еще одна была заставлена компакт-дисками. В главном холле висела люстра от Eric Schmidt, под ней была вешалка для шляп в форме стального лося (Atomic Ironworks), сделанная неизвестным мне молодым скульптором. В комнате,

расположенной рядом с кухней, стоял круглый русский обеденный стол девятнадцатого века, но стульев не было. Повсюду на стенах висели отвратительные фотографии Синди Шерман. Имелся там и спортзал. Кроме того, там было восемь гигантских шкафов-гардеробов, пять видеомэгафонов, обеденный стол Noguci из стекла и орехового дерева, а в холле столик от Marc Shaffer и факсовый аппарат. В главной спальне, рядом со скамейкой эпохи Людовика XVI стояло фигурно выстриженное дерево. Над одним из мраморных каминов висела картина Эрика Фишля. Был там и теннисный корт. Имелись две сауны, а в домике для гостей, расположенном возле бассейна с черным дном, находилась ванна-джакузи. Кое-где стояли странные каменные колонны. Я и в самом деле старался, чтобы в те недели, когда мы были там, все получилось бы как можно лучше. Мы с Эвелин катались на велосипедах, ездили верхом и играли в теннис. Обсуждали поездку на юг Франции или в Шотландию; говорили о том, чтобы проехать по Германии и посетить малоизвестные оперные театры. Мы занимались виндсерфингом. Говорили исключительно о романтических вещах: о том, как освещается восточный Лонг Айленд, о восходе луны над холмами в лесистой части Вирджинии. Мы вместе купались в больших мраморных ваннах. Завтракали в постели, свернувшись под кашемировыми одеялами после того, как я разливал импортный кофе из кофейника Melior в чашки Hermes. Я будил ее свежими цветами. Я прятал записки в ее сумочке от Louis Vuitton перед тем, как она уезжала на еженедельный массаж лица в Манхэттен. Я купил ей маленького черного щенка чау-чау, которого она назвала Нутрасвит[42] и кормила диетическими шоколадными трюфелями. Я читал вслух длинные отрывки из «Доктора Живаго» и «Прощай, оружие!» (мое любимое произведение Хемингуэя). В городе я брал напрокат фильмы, которых не было у Прайса, в основном комедии тридцатых годов, и мы смотрели их на одном из видеомэгафонов. Нашим любимым фильмом стали «Римские Каникулы», мы посмотрели его дважды. Мы слушали Фрэнка Синатру (только записи пятидесятых годов) и «После полуночи» Ната Кинга Коула, это было у Тима на компакт-дисках. Я купил ей дорогое белье, которое она иногда надевала.

Поздно вечером, искупавшись голыми в океане, мы, дрожа, заходили в дом, обернувшись огромными полотенцами от Ralph Lauren, делали омлеты и лапшу с трюфелями, грибами порчини и оливковым маслом; суфле с грушами-пашот и фруктовые салаты с корицей, жарили поленту с перченым лососем, готовили яблочный и ягодный шербеты, ставили на стол маскарпоне, красную фасоль с рисом, завернутую в салат-ромен, вазочки с соусом сальса, ската, тушеного в бальзамическом уксусе, острый томатный суп, ризотто со свеклой, лаймом, спаржей и мятой; мы пили лимонад, шампанское или хорошо выдержанное Chateau Margaux. Но вскоре мы перестали вместе заниматься со штангами и плавать в бассейне, а Эвелин ела одни диетические шоколадные трюфеля, которые не ел Нутрасвит, и жаловалась на лишний вес, которого у нее не было. Иногда по ночам я бродил по пляжу, выкапывал крохотных крабов и ел песок — это случалось глубоко ночью, когда небо было таким чистым, что можно было видеть всю солнечную система, и песок, освещенный ей, казался лунным. Я даже притащил в дом с пляжа медузу и ранним утром, перед рассветом, когда Эвелин спала, приготовил ее в микроволновой печи, скормив остатки чау-чау.

Потягивая бурбон, а потом шампанское из высоких стаканов с выгравированными на них кактусами, которые Эвелин расставляла на глиняных подносах, размешивая в них малиновый сироп мешалкой в форме перца-халапеньо из папье-маше, я лежал рядом, воображая, что убиваю кого-то лыжной палкой Allsop Racer или смотрел на старинный флюгер, висящий над камином, размышляя, можно ли им проткнуть человека, или, вне зависимости от того, была ли Эвелин в комнате или нет, жаловался, что надо было заказать столик в «Dick Loudon's Stratford Inn».

Вскоре Эвелин стала говорить только о водных процедурах и о пластической хирургии, а потом наняла массажиста, жуткого гомика, который жил по соседству с известным книгоиздателем и открыто заигрывал со мной. За последнюю неделю нашего пребывания в Хемптонсе, Эвелин возвращалась в город трижды: один раз — чтобы сделать маникюр, педикюр и массаж лица, второй раз — на персональную тренировку у Стефани Херман, и в третий раз — чтобы встретиться со своим астрологом.

— Зачем лететь на вертолете? — шепотом спросил я.

— А что ты предлагаешь? — завопила она, запихивая себе в рот еще один диетический трюфель. — Может, мне «Вольво» арендовать?

Пока она отсутствовала, я блевал (ради самого процесса) в грубые терракотовые вазы, выставленные по периметру внутреннего дворика или с жутким массажистом ездил в город купить бритвенных лезвий. По ночам я ставил Эвелин на голову светильник от Jerry Kott из искусственного бетона и алюминиевой проволоки, но после гальциона она спала мертвым сном и не стряхивала его, и я смеялся, глядя, как светильник вздымается, когда она глубоко вдыхает, но вскоре это стало меня печалить, и я перестал ставить его ей на голову.

Ничто не могло смягчить меня. Вскоре все стало казаться скучным: очередной рассвет, жизни героев, влюбленности, войны, открытия, которые люди делали насчет друг друга. Единственное, что мне не наскучило, — это мысль о том, как много денег сделал Тим Прайс, и все же со временем наскучило и это. Во мне не было ясных эмоций, только алчность и, кажется, безграничное отвращение. Я обладал всеми свойствами человеческого существа — плотью, кровью, кожей, волосами, — но разрушение моей личности зашло так далеко, что способность к обычному состраданию исчезла, — я намеренно медленно уничтожил ее. Я был просто подделкой, грубой копией человеческого существа, функционировал лишь слабый кусочек моего мозга. Происходило что-то ужасное, но я не мог понять, что именно и почему происходит. Утешал меня лишь звук льда, брошенного в стакан с J&B. В конце концов, я утопил чау-чау. Эвелин по ней не скучала; она даже не заметила ее пропажи, даже когда я кинул ее в огромный морозильник, завернув ее в свитер из Bergdorf Goodman. Нам нужно было уехать из Хемптонса, потому что я начал ловить себя на том, что предрассветными часами я стоял возле нашей кровати, стиснув в кулаке нож для колки льда, и ждал, когда Эвелин откроет глаза. Однажды утром за завтраком она поддержала мое предложение и в последнее воскресенье перед Днем Труда мы вернулись на вертолете в Манхэттен.

ДЕВУШКИ

— Мне показалось, что фасоль-пинто с лососем и мятой была самая-самая... ну, ты понимаешь, — говорит Элизабет, входя в мою гостиную. Она грациозным движением скидывает туфли из атласа с замшей от Maud Grizon и плюхается на кушетку, — ...вкусная, но боже мой, Патрик, как это было дорого и..., — она окрысывается — ...и это уже не новость.

— Мне показалось или на столах были золотые рыбки? — спрашиваю я, отстегивая подтяжки от Brook Brothers. Я ищу в холодильнике бутылку совињон блан. — Так или иначе, мне показалось, что место шикарное.

— Шикарное, Патрик? — выкрикивает она. — Дональд Трамп ест там.

Я отыскиваю бутылку и ставлю ее на стол, но прежде чем найти штопор, пустыми глазами смотрю на Элизабет из кухни.

— Да. Это что, сарказм?

— Угадай, — стонет она с последующим столь громким «Уф», что Кристи вздрагивает.

— Где ты работаешь сейчас, Элизабет? — спрашиваю я, задвигая ящик. — В универмаге или типа того?

Элизабет расплывается на это в улыбке, и пока я открываю «Акацию», жизнерадостно произносит:

— Мне не надо работать, Бэйтмен, — и через секунду добавляет уже со скукой:

— Кому как не тебе знать, что это за ощущение, мистер Уолл-стрит.

Она проверяет, все ли в порядке с губной помадой, глядя в крышечку компактной пудры Gucci; как и предполагалось, помада лежит превосходно.

Чтобы сменить тему, я спрашиваю:

— А кто выбрал это место? — я наливаю девушкам вино, а себе с делаю J&B со льдом и водой.

— Карсон. А может, Роберт.

Элизабет пожимает плечами, а потом, захлопнув пудру, пристально смотрит на Кристи.

— Твое лицо мне знакомо. Ты не училась в Далтоне?

Кристи отрицательно качает головой. Почти три утра. Я раздавливаю таблетку экстази и смотрю, как она растворяется в стакане с вином, который я намереваюсь вручить Элизабет. Утреннее Шоу Патти Винтерс было на тему: «Люди, Весящие Более Трехсот Килограмм — Что С Ними Делать?» Включив на кухне свет, я нахожу в морозильнике еще две таблетки наркотика и выключаю свет.

Элизабет — двадцатилетняя симпатичная девка, которая иногда появляется в рекламе Georges Marciano. Она — из Вирджинии, из древнего рода банкиров. Сегодня вечером мы ужинали с ее друзьями, двадцатисемилетним Робертом Фаррелом, финансистом, сделавшим довольно неровную карьеру, и Карсон Вайтол — подружкой Роберта. Роберт был в шерстяном костюме от Belvest, хлопчатобумажной рубашке с французскими манжетами от Charvet, галстуке из шелкового крепа с абстрактным рисунком от Hugo Boss и в темных очках Ray-Ban, которые он не снимал на протяжении всего ужина. На Карсон был костюм от Yves Saint Laurent и жемчужное ожерелье и к нему серьги из жемчуга с бриллиантами (от Harry Winston). Мы поужинали в «Free Spin», это новый ресторан Альберта Лиомана в районе Флетирон, а потом отправились в лимузине в «Nell's», где я извинился, заверив разгневанную Элизабет, что сейчас же вернусь, и дал указание шоферу ехать в район мясников, где подобрал Кристи. Пока она ждала на заднем сиденье запертого лимузина, мы с Элизабет, Робертом и Карсон пили в «Nell's» за одним из центральных столиков. Сегодня здесь было пусто, поскольку знаменитостей не было, — дурной знак. Наконец в два тридцать, пока Карсон пьяно хвасталась своим

ежемесячным счетом за цветы, мы с Элизабет ушли. Элизабет была так обижена рассказом Карсон о чем-то в последнем номере W, что даже не поинтересовалась, почему в машине оказалась Кристи.

По дороге в «Nell's» Кристи призналась, что все еще в шоке от нашей прошлой встречи и что на сегодня у нее были грандиозные планы, но я предложил слишком много денег, чтобы она отказалась, и обещал, что ничего похожего на прошлый раз не повторится. Несмотря на то, что она была все еще напугана, несколько рюмок водки в лимузине вместе с деньгами, которые я дал ей раньше (больше тысячи шестисот долларов), подействовали на нее успокаивающе, как транквилизаторы. Ее грусть возбудила меня, и когда я протянул ей первую порцию — шесть купюр в серебряном зажиме для денег от Hughlans, — она повела себя как настоящий игривый котенок. Но когда я усадил ее в лимузин, она сказала, что после прошлого раза ей может потребоваться хирургическая операция или адвокат, и я выписал ей чек на тысячу долларов, а так как знал, что денег по нему она никогда не получит, то я несколько не нервничал. Теперь, глядя на Элизабет в своей квартире, я вижу, как великолепно развита ее грудь, и надеюсь, что, когда экстази подействует, я смогу убедить девушек заняться передо мной любовью.

Элизабет спрашивает Кристи, не знакома ли она с мудаком по имени Спайси, и не бывает ли она в «Au Bar». Кристи качает головой. Пока Элизабет смотрит на Кристи так, словно та инопланетянка, я протягиваю ей вино с разведенной таблеткой экстази, и, очнувшись после ответа Кристи, Элизабет зевает:

— Ну, неважно. «Au Bar» теперь дерьмо. Просто кошмарное заведение. Я ходила туда на день рождения Малькольма Форбса. Вот уж господи прости.

Морщась, она выпивает залпом вино. Я сажусь в одно из кресел Sottsass из хромированного металла и дума и тянусь к ведерку со льдом, которое стоит на журнальном столике со стеклянной крышкой. Я опускаю туда бутылку вина, чтобы оно лучше охладилось.

Элизабет сразу же тянется к ней и наливает себе второй стакан. Перед тем как принести бутылку в гостиную, я растворил в ней две таблетки экстази. Угрюмая Кристи отпивает свое неиспорченное вино с опаской, стараясь не смотреть на пол; у нее все еще испуганный вид. Вероятно, молчание ей кажется невыносимым, и она спрашивает Элизабет, где та познакомилась со мной.

— О, господи, — стонет Элизабет, как будто бы она внезапно вспомнила нечто компрометирующее. — Я познакомилась с Патриком, боже, когда же... на дерби в Кентукки в восемьдесят шестом... нет, в восемьдесят седьмом... — она поворачивается ко мне. — Ты тогда таскался с этой дурой, Элисон... как же ее звали? Элисон Стул?

— Пул, милая, — хладнокровно отвечаю я. — Элисон Пул.

— Да, точно, — произносит она, потом с нескрываемым сарказмом, — Знойная телка.

— Что ты имеешь в виду? — обиженно спрашиваю я. — Она действительно была знойной телкой.

Элизабет поворачивается к Кристи и некстати замечает:

— Она отсосала бы у любого, у кого есть карточка American Express, — и я молю бога, чтобы Кристи не сказала бы, смущенно взглянув на Элизабет: «Мы не принимаем кредитных карточек». Чтобы этого не случилось, я добродушно говорю:

— Фигня.

— Слушай, — говорит Элизабет Кристи, протягивая ей руку, словно педик, который хочет поделиться сплетней. — Эта девчонка работала в солярии, — и, не меняя тона, — а ты чем занимаешься?

После долго молчания Кристи краснеет и еще более пугается, и я говорю:

— Она... моя кузина.

Медленно переварив это, Элизабет произносит: «А-а-а».

После еще одной долгой паузы я говорю: «Она... из Франции».

Элизабет скептически смотрит на меня — как будто я абсолютно ненормален — но решает не развивать эту тему и вместо этого спрашивает:

— Где у тебя телефон? Мне надо позвонить Харли.

Я иду в кухню и приношу телефонную трубку, выдвинув антенну.

Набрав чей-то номер и ожидая ответ, она смотрит на Кристи:

— А где ты бываешь летом? — спрашивает она. — В Саутгемптоне?

Кристи смотрит на меня, вновь на Элизабет и тихо произносит: «Нет».

— О господи, — стонет Элизабет. — Это его автоответчик.

— Элизабет, — я указываю на свой Rolex. — Три часа утра.

— Но ведь он, черт бы драл, торгует наркотиками, — сердито говорит она. — Сейчас самый час пик.

— Не говори ему, что ты здесь, — предупреждаю я.

— А зачем мне? — спрашивает она рассерженно. Она тянется за вином, выпивает второй полный стакан и делает гримасу.

— Дикий вкус.

Взглянув на этикетку, пожимает плечами.

— Харли, это я. Мне нужна твоя помощь. Понимай как хочешь. Я у... — она смотрит на меня.

— Ты у Маркуса Холберстама, — шепчу я.

— У кого? — наклоняясь вперед, недоверчиво ухмыляется она.

— У Мар-куса Хол-бер-стама, — снова шепчу я.

— Мне нужен номер, идиот. — Она машет, чтобы я отошел, и продолжает. — Ладно, я у Марка Хаммерстейна и перезвоню позже, но если завтра вечером я не увижу тебя в баре «Канал», то напущу на тебя своего парикмахера. Бон вояж. Как выключается эта штука? — спрашивает она, хотя и сама со знанием дела задвигает антенну, нажимает на кнопку off и кидает телефон на кресло Schrager, которое я пододвинул к музыкальному проигрывателю.

— Видишь, — улыбаюсь я. — Получилось.

Через двадцать минут Элизабет извивается на кушетке, а я пытаюсь заставить ее заняться передо мной сексом с Кристи. То, что сначала было случайной мыслью, теперь заняло все мои помыслы, так что я настойчив. Кристи бесстрастно уставилась на пятно на светлом дубовом полу, которое я не видел раньше, ее вино почти не тронут.

— Но я не лесбиянка, — хихикая, вновь протестует Элизабет. — Меня не интересуют девочки.

— И это твердое нет? — спрашиваю я, глядя на ее стакан, потом на почти пустую бутылку вина.

— Но почему ты думаешь, что мне нравится это? — спрашивает она. Благодаря экстази вопрос звучит кокетливо и, похоже, ее это искренне интересует. Ее нога трется о мое бедро. Я переместился на кушетку и сижу между девушками, массируя одну из икр Элизабет.

— Ну, во-первых, ты ходила в «Сара Лоуренс», — говорю я, — и, потом, все бывает.

— В «Сара Лоуренс» были и мальчики, Патрик, — замечает она, хихикая. Она извивается все сильнее, с шумом, с жаром, с содроганиями.

— Ну, извини, — признаю я. — Я обычно не имею дело с мальчиками, которые гуляют по улице в чулках.

— Патрик, ты же учился в Патрике, то есть, в Гарварде, о господи, я так пьяна. Ладно, слушай, я имею в виду, погоди... — она замолкает, делает глубокий вдох, бубнит что-то неумное о том, что чувствует себя странно.

Потом, закрыв глаза и открыв их вновь, спрашивает:

— У тебя есть кокаин?

Я смотрю на ее стакан, замечаю, что растворившееся экстази слегка изменило цвет вина. Следуя моему взгляду, она делает от него еще глоток, словно бы это некий эликсир, способный погасить ее нарастающее возбуждение. Она бессильно откидывает голову назад, на одну из диванных подушек.

— Или гальцион. Я бы выпила гальцион.

— Слушай, мне бы хотелось посмотреть... как вы вдвоем... начнете, — простодушно говорю я. — Что в этом дурного. И абсолютно незаразно.

— Патрик, — смеется она. — Ты сумасшедший.

— Ну давай, — настаиваю я. — Разве тебе не нравится Кристи?

— Только без грязи, — говорит она, но наркотик цепляет ее и я чувствую, что она возбуждена, хотя ей этого и не хочется. — У меня нет настроения вести грязные разговоры.

— Давай, — говорю я. — Мне кажется, будет здорово.

— Он всегда такой? — спрашивает Элизабет Кристи.

Я смотрю на Кристи.

Кристи, без комментариев, пожимает плечами, изучает заднюю крышку компакт диска, прежде чем положить его на стол рядом со стереопроектором.

— Ты что, хочешь сказать, что никогда не пробовала с девушкой? — спрашиваю я, касаясь черного чулка, а потом трогаю ее ногу.

— Но я не лесбиянка, — подчеркивает она. — Нет, никогда.

— Никогда? — переспрашиваю я, поднимая дугой брови. — Ну, все когда-нибудь бывает в первый раз...

— У меня голова идет кругом, — стонет Элизабет, уже не контролируя выражение своего лица.

— Я тут не при чем, — говорю я, потрясенный.

Элизабет завелась вместе с Кристи, они обе голые, лежат на моей кровати, все лампы в комнате включены. А я сижу рядом с футоном в кресле Louis Montoni, наблюдая за ними с очень близкого расстояния, и время от времени изменяю положение их тел. Сейчас я заставляю Элизабет лечь на спину и поднять ноги, раздвинув их как можно шире, а потом толкаю вниз голову Кристи, заставляя ее лакать пизду — не лизать, а жадно лакать, как собака, — теребя пальцем клитор. Два пальца другой руки она засовывает в открытую, мокрую пизду, потом она делает то же самое языком, а пальцы, которыми она дрочила пизду Элизабет, она засовывает ей в рот, заставляя Элизабет облизывать их. Потом я кладу Кристи сверху на Элизабет и она сосет и кусает полные, набухшие груди Элизабет, которые та сжимает руками, а потом я велю им целоваться, и Элизабет с жадностью, как животное, принимает в рот язычок, лизавший ее маленькую розовую пизду, и они обе дергаются, прижимаясь вагинами. Элизабет громко стонет, обвивая ногами бедра Кристи, ноги Кристи раздвинуты так, что сзади видна ее пизда, мокрая и открытая, а над ней безволосая розовая дырочка. Кристи садится, разворачивается, и, сидя верхом на Элизабет, прижимается пиздой к ее тяжело дышащему лицу, и вскоре, как в кино, как животные, они обе принимаются лихорадочно лизать и дрочить друг друга.

У Элизабет совершенно красное лицо, ее шея страшно напряжена, и она пытается зарыться головой в пизду Кристи, а потом, раздвинув ей ягодицы, издавая гортанные звуки, вводит язык в анальное отверстие.

— Правильно, — монотонно говорю я. — Сунь язык в жопу этой суки.

Пока все это происходит, я намазываю вазелином большой белый дилдо, прикрепленный к ремню. Я встаю и поднимаю Кристи с Элизабет, застегиваю ремень на талии Кристи, а потом переворачиваю Элизабет, ставлю ее на четвереньки, и заставляю Кристи трахать ее по-собачьи. В это время сам я дрочу пальцем сперва пизду Кристи, потом клитор, потом анальное отверстие — оно такое податливое и мокрое от слюны Элизабет, что мне без усилий удается просунуть туда указательный палец. Ее сфинктер сжимается, расслабляется и снова сжимается вокруг моего пальца. Я заставляю Кристи вытащить дилдо из пизды Элизабет, укладываю Элизабет на спину и Кристи ебет ее сверху. Элизабет бешено целует Кристи, засовывает язык в ее рот, теребит пальцем свой клитор, обхватив ногами бедра Кристи, ее лицо напряжено, рот открыт, помада размазана пиздой Кристи, она вопит: «О господи, я кончаю, кончаю, сильнее, я кончаю», — потому что я велел им обоим кричать, испытывая оргазм, и кричать громко.

Теперь очередь Кристи, Элизабет с живостью нацепляет дилдо и ебет Кристи в пизду, пока я, раздвинув жопу Элизабет, проникаю в нее языком, но Элизабет быстро отталкивает меня и принимается сама дрочить себя пальцем. Кристи вновь надевает дилдо и ебет Элизабет в зад, а Элизабет, дроча свой клитор, с урчанием брыкается задом о дилдо, пока не кончает второй раз. Вытащив дилдо у нее из жопы, я заставляю Элизабет обсосать его. Нацепив его снова, она с легкостью входит в пизду лежащей Кристи. В это время я лижу груди и с силой сосу соски Кристи, чтобы они стали красными и твердыми. Потом я продолжаю их теребить, чтобы они оставались в таком состоянии. Все это время Кристи остается в высоких, выше колена, замшевых сапогах от Henry Bendel, которые я заставил ее надеть.

Голая Элизабет выбегает из спальни, она уже окровавленная, ей трудно двигаться, она кричит что-то неразборчивое. Мой оргазм был долгим и бурным, и теперь у меня слабость в ногах. Я тоже голый, ору ей: «Сука, ах ты, ебаная сука». Поскольку сильнее всего кровоточат ее ноги, она подскальзывается и я неуклюже бью ее уже измазанным кухонным ножом, который сжимаю в правой руке. Я вспарываю ее шею сзади, перерезая какие-то вены. Она пытается убежать, устремляется ко входной двери, и я наношу второй удар, при этом кровь брызгает аж в гостиную, через всю квартиру, заливая закаленное стекло и ламинированные дубовые панели на кухне. Она пытается бежать, но я перерезал яремную вену, кровь брызжет во все стороны, мгновенно ослепляя нас, я подсакиваю к Элизабет в последней попытке прикончить ее. Она поворачивается лицом ко мне, ее черты искажены мукой, но после того, как я бью ее рукой в живот, ее ноги отказывают и она падает, а я опускаюсь рядом. Нанеся ей пять или шесть ударов ножом — кровь бьет струями — я придвигаюсь, чтобы вдохнуть аромат ее духов. Ее мышцы деревенеют, становятся жесткими, у нее начинается предсмертная агония; горло наполняется темно-красной кровью, она бьется, словно связанная, хотя и не связана, и я вынужден прижимать ее к полу. Рот переполняется кровью, она стекает по щекам и подбородку. Ее тело сотрясается в судорогах, и это, по-моему, похоже на эпилептический припадок. Я прижимаю ее голову, трусь своим твердым, покрытым хуем кровью о ее задыхающееся лицо до тех пор, пока она не замирает окончательно.

В спальне Кристи лежит на футоне. Ее ноги привязаны к кровати, ее руки связаны над головой, в рот запиханы вырванные страницы журнала Vanity Fair за прошлый месяц. Провода, соединенные с батареей, прикреплены зажимами к почерневшим грудям. Я кидал ей на живот горящие спички из «Le Relais» и бешеная (вероятно, от передоза экстази) Элизабет помогала мне, пока я не перешел на нее и не стал жевать ее сосок. Потом, перестав

владеть собой, я откусил его и проглотил. В первый раз я замечаю какое великолепное, миниатюрное тело у Кристи. Было. Я начинаю месить ее груди плоскогубцами, потом давлю. Их, дело движется быстро, я издаю шипящие звуки, она выплевывает клочки журнала, пытается укусить мою руку, я смеюсь, когда она умирает, а перед тем как умереть, она начинает плакать, ее глаза закатываются, словно она впадает в какой-то кошмарный сон.

К утру привязанные к батарее кисти рук Кристи раздулись неизвестно почему до размера футбольных мячей, пальцы неотличимы от ладоней, от запаха, исходящего от паленого трупа, меня трясет и я вынужден раздвинуть занавески, поднять жалюзи, забрызганные горелым жиром (это случилось, когда от электрического тока лопнули груди Кристи), и открыть окна, чтобы проветрить комнату. Глаза Кристи широко открыты, взгляд застыл, рот черный, в нем отсутствуют губы, на месте влагалища черная яма (хотя я и не помню, чтобы делал с ним что-нибудь), сквозь обуглившееся ребра видны легкие. Останки Элизабет свалены в углу гостиной. У нее отсутствует правая рука и кусок правой ноги. Левая кисть, отрубленная у запястья, лежит, стиснутая, на стойке в кухне, в лужице ее собственной крови. Голова восседает на кухонном столе и у пропитанного кровью лица (даже с обеими выковоренными глазами и надетыми поверх дыр темными очками от Alain Mikli) хмурый вид. Глядя на нее, я чувствую сильную усталость, и хотя я совсем не спал ночью и совершенно вымотался, у меня все же назначен на час обед в «Одеоне» с Джемом Девисом и Аланой Бертон. Он крайне важен для меня, и я раздумываю, отказаться мне от него или нет.

АТАКА ПЕДИКА

Осень. Воскресенье. Около четырех часов дня. Я в «Barney's», покупаю запонки. Я вошел в магазин в 14:30 после холодной напряженной трапезы с трупом Кристи. Подлетев к стойке, я заявил продавцу: «Мне нужна плетка. Честное слово». Кроме запонок, я купил чемодан из страусиной кожи с двойной молнией и виниловой подкладкой, старинную баночку для пилуль из серебра, стекла и крокодиловой кожи, старинный футляр для зубной щетки, зубную щетку из барсучьей щетины и щеточку для ногтей из искусственной черепахи. Где я ужинал вчера? В «Splash». Ничего особенного: водянистый коктейль Bellini, увядшая рукола, угрюмая официантка. После этого я смотрел старую запись Шоу Патти Винтерс, обнаруженную мной на кассете, где, как я думал, были записаны пытки и смерть двух эскорт-девушек весной (темой шоу было Как Сделать Вашего Питомца Кинозвездой). Прямо сейчас я покупаю ремень (не для себя), три галстука по девятисто долларов, десять носовых платков, четырехсотдолларовый халат и две пижамы от Ralph Lauren, все это пришлют мне на дом, за исключением платков, которые, после того как вышьют на них мою монограмму, пошлют в P&P. Я уже успел устроить нечто вроде сцены в отделе женской обуви, откуда меня, смущенного, изгнали рассерженные продавщицы. Поначалу это всего лишь ощущение скованности, и я не понимаю, в чем дело, но потом мне начинает казаться (хотя я и не могу быть полностью уверен), что за мной следят, словно кто-то ходит за мной по пятам по Barney's.

Я полагаю, что Луис Керрутерс здесь инкогнито. На нем шелковый вечерний пиджак леопардовой расцветки, перчатки из оленьей кожи, фетровая шляпа, авиаторские очки. Он прячется позади колонны, делая вид, что рассматривает галстуки, а потом бесстыдно кидает на меня косой взгляд. Наклонившись вперед, я что-то подписываю — счет, вероятно, — и попутно думаю (к этому вынуждает меня присутствие Луиса), что жизнь, связанная с этим городом, с Манхэттеном, с моей работой, не так уж хороша, и внезапно я представляю себе Луиса на каком-то кошмарном вечере, где он пьет хорошее сухое розовое вино, педик сгрудились у небольшого рояля, звучат популярные мелодии, у него в руках цветок, теперь вокруг его шеи боа из перьев, пианист наигрывает что-то из «Отверженных», милый.

— Патрик? Это ты? — слышу я его осторожный голос.

Подобно кадру из фильма ужасов — камера резко приближается — неожиданно, без предупреждения, из-за своей колонны появляется Луис Керрутерс, крадучись и подпрыгивая одновременно (если такое возможно). Улыбнувшись продавщице, я неловко отхожу прочь от него, к витрине с подтяжками, мне срочно нужен ксанакс, валиум, гальцион, фруктовое мороженое, что угодно.

Я не смотрю, я не могу смотреть на него, но ощущаю, что он рядом. Его голос подтверждает это.

— Патрик... Привет...

Закрыв глаза, я подношу руку к лицу и бормочу вполголоса:

— Не заставляй меня говорить это.

— Патрик, — говорит он с наигранным простодушием. — Что ты имеешь в виду?

И после длинной паузы:

— Патрик... почему ты не смотришь на меня?

— Я игнорирую тебя, Луис. — Сделав вдох, я успокаиваю себя тем, что смотрю на ценник на свитере от Armani. — Разве ты не видишь? Я тебя полностью игнорирую.

— Патрик, разве мы не можем просто поговорить? — спрашивает он, почти скуля. — Патрик... посмотри на меня.

После еще одного короткого вдоха, вздохнув, я признаюсь:

— Нам не о чем, не о чем говорить...

— Так не может больше продолжаться, — нетерпеливо обрывает он меня. — Я так больше не могу.

Я что-то бормочу и потихоньку отхожу от него. Он упорно идет за мной.

— Ладно, — произносит он, когда мы доходим до противоположного конца магазина, где я делаю вид, что рассматриваю ряды шелковых галстуков, хотя все расплывается у меня перед глазами, — наверное, тебе будет приятно узнать, что я переезжаю... в другой штат.

Я чувствую небольшое облегчение и мне удается спросить (правда, все еще не глядя на него):

— Куда?

— В Аризону, — совершенно спокойно говорит он, видимо, благодаря тому, что я заинтересовался его переездом. — Перехожу в другой отдел.

— Заммеч-а-ательно, — бормочу я.

— Хочешь знать, почему? — спрашивает он.

— Нет, не очень.

— Из-за тебя, — сообщает он.

— Не говори этого, — умоляю я.

— Из-за тебя, — повторяет он.

— Ты больной, — говорю я ему.

— Если я и больной, то из-за тебя, — чересчур небрежно произносит он, рассматривая ногти. — Я болен из-за тебя, и мне не станет лучше.

— Ты чудовищно преувеличил свою страсть. Чудовищно, — говорю я, и отхожу к другому стенду.

— Но я знаю, что ты чувствуешь то же, что и я, — продолжает Луис, плетясь за мной. — И я знаю, что если ты... — он понижает голос и пожимает плечами, — если ты не признаешься... в своих чувствах, это не значит, что у тебя их нет.

— Что ты хочешь этим сказать? — шиплю я.

— Что я знаю, что ты испытываешь те же чувства, что и я. — Он театральным жестом срывает с себя темные очки, словно в доказательство этой мысли.

— Ты пришел... к неверному выводу, — задыхаюсь я. — Ты, очевидно... нездоров.

— Почему? — спрашивает он. — Что плохого в том, чтобы любить тебя, Патрик?

— О... господи.

— Желать тебя? Хотеть быть с тобой? — спрашивает он. — Что в этом плохого?

Я чувствую, что он беспомощно смотрит на меня, что он на грани нервного срыва. Сначала я могу ответить на его слова только долгим молчанием, но потом мне удается парировать шипением:

— Ну что за хроническая неспособность разумно оценить ситуацию? — я замолкаю. — А?

Я поднимаю голову от свитеров, галстуков, или что там у нас, и смотрю на Луиса. На мгновение он улыбается, обрадованный тем, что я наконец-то признал его присутствие, но вскоре улыбка ломается и в темных закоулках своего пидорского мозга он что-то осознает и принимается плакать. Когда я хладнокровно захожу за колонну, за которой могу спрятаться, он тащится следом и, грубо схватив меня за плечо, разворачивает лицом к нему: Луис не хочет смотреть в лицо действительности.

В то же самое время, когда я прошу Луиса: «Уходи», — он всхлипывает:

— О господи, Патрик, отчего я тебе не нравлюсь? — а потом, к несчастью, валится на пол у моих ног.

— Поднимайся, — бормочу я, стоя над ним. — Поднимайся.

— Отчего мы не можем быть вместе? — всхлипывает он, колотя кулаком по полу.

— Потому что я... не... — я окидываю быстрым взглядом магазин, чтобы убедиться, что никто не слушает; он хватается за мои колени, я стряхиваю его руку.

— ...я не нахожу тебя... сексуально привлекательным, — глядя сверху вниз на него, громко шепчу я.

«Господи, я не верю, что сказал такое», — бормочу я про себя, ни к кому обращаясь. Я трясую головой, чтобы она прояснилась. Неразбериха достигла такого уровня, что я больше не способен к восприятию. Сказав Луису:

«Оставь меня, пожалуйста, в покое», — я начинаю двигаться прочь.

Не в состоянии понять эту просьбу, Луис, все еще лежа на полу, хватается за полу моего шелкового плаща от Armani с криком:

— Пожалуйста, Патрик, пожалуйста, не бросай меня!

— Послушай меня, — говорю я, опускаясь на колени и пытаюсь оторвать Луиса от пола. Но это вызывает у него какой-то несвязный крик, превращающийся в вопль, который усиливается таким крещендо, что привлекает внимание стоящего на входе охранника, и он направляется к нам.

— Смотри, что ты наделал, — в отчаянии шепчу я. — Вставай. Поднимайся.

— Все в порядке? — Охранник, здоровенный чернокожий парень, смотрит на нас сверху вниз.

— Да, благодарю, — отвечаю я, глядя на Луиса. — Все отлично.

— Не-е-ет, — воет Луис, захлебываясь плачем.

— Да, — повторяю я, глядя на охранника.

— Вы уверены? — спрашивает он.

Профессионально улыбаясь, я произношу:

— Дайте нам, пожалуйста, одну минутку. Оставьте нас наедине.

Я поворачиваюсь к Луису.

— Ну хватит, Луис. Вставай. Ты распустил нюни.

Я снова смотрю на охранника и, подняв руку, кивая, изрекаю: «Всего минуту, пожалуйста».

Охранник, неуверенно кивнув, нерешительно возвращается на свой пост.

Все еще стоя на колени, я хватаю Луиса за неподатливые плечи и спокойно, понизив голос, с самой серьезной угрозой, словно разговариваю с ребенком, которого ждет наказание, говорю ему:

— Слушай меня, Луис, если ты не прекратишь рыдать, жалкий ебанный пидор, я перережу тебе твою ебаную глотку. Ты слышишь меня? Пару раз я легонько шлепаю его по лицу. Яснее выразиться я не могу.

— О, убей меня, — хнычет он с закрытыми глазами, кивая головой, и все дальше погружается в бессвязность, а потом ревет. — Если у меня нет тебя, я не хочу жить. Я хочу умереть.

Мой рассудок едва не покидает меня прямо здесь, в Barney's. Я хватаю Луиса за воротник, стискиваю его в кулаке, и подтащив его голову вплотную к своему лицу, шепчу вполголоса:

— Слушай меня, Луис. Ты слышишь меня? Я обычно не делаю предупреждений людям, Луис.

Так-что-будь-благодарен-за-то-что-я-предупреждаю-тебя.

Его рассудок окончательно помутился, голова стыдливо опущена, он издает какие-то гортанные звуки, так что слов не разберешь. Я хватаю его за волосы — они жесткие от мусса, я узнаю запах новой марки, Cactus. Задрав его голову, путаясь, я рывкаю:

— Слушай, ты хочешь умереть? Я тебе это устрою, Луис. Я делал это и раньше и я, блядь, выпущу из тебя кишки, я вспорю твой ебанный живот и буду толкать твои ебанные внутренности в твою пидорскую глотку, пока ты не подавишься ими.

Он не слушает. Все еще сидя на корточках, я с недоверием смотрю на него.

— Пожалуйста, Патрик, пожалуйста. Послушай меня. Я все продумал. Я уйду из R&P, и ты, может быть, тоже, и мы переедем в Аризону, а потом...

— Заткнись, Луис, — трясу я его. — О господи, только заткнись.

Я быстро встаю, отряхиваюсь, а когда мне кажется, что он успокоился и я могу уйти, Луис хватается за мою правую лодыжку и пытается удержать меня. В конце концов, проволочив его полтора метра, я, беспомощно улыбаясь паре, пасущейся возле отдела носков, вынужден ударить его ногой в лицо. Луис смотрит на меня умоляющими глазами, на его левой щеке обозначается небольшая ранка. Пара уходит от нас.

— Я люблю тебя, — жалко ноет он. — Я люблю тебя.

— Я уже понял, Луис, — ору я. — Ты убедил меня. Теперь вставай.

По счастью, вмешивается продавец, взволнованный сценой, устроенной Луисом, и помогает ему подняться.

Через несколько минут он уже довольно спокоен, и мы стоим возле главного входа в магазин. Луис держит в руке носовой платок, его глаза крепко зажмурены, под левым глазом набухает синяк. Вид у него собранный.

— Знаешь, имей мужество взглянуть в лицо действительности, — говорю я.

С болью он смотрит сквозь вращающиеся двери на проливной дождь, потом, с печальным вздохом, поворачивается ко мне. Я смотрю на нескончаемые ряды галстуков, а потом на потолок.

УБИЙСТВО РЕБЕНКА В ЗООПАРКЕ

Проходит череда дней. По ночам я сплю интервалами по двадцать минут. У меня нет целей, все как в тумане, возникают навязчивые мысли об убийстве, потом они пропадают, вновь возникают и уходят, тихо дремлют во

время мирного завтрака в Alex Goes to Camp, где я заказываю салат из бараньей сосиски с омаром и белой фасолью под лимонным соком и уксусом foie gras. На мне выцветшие джинсы, куртка от Armani и белая майка от Comme des Garcons за сто сорок долларов. Я звоню к себе домой, чтобы прослушать сообщения на автоответчике. Сдаю видеокассеты. Останавливаюсь у банкомата. Вчера ночью Жанетт спросила меня: «Патрик, зачем у тебя в бумажнике лежат бритвенные лезвия?» Утреннее Шоу Патти Винтерс было посвящено мальчику, влюбившемуся в упаковку мыла.

Я неспособен быть достойным членом общества, и обнаруживаю, что беспокоюсь брожу по зоопарку, расположенному в Центральном Парке. У ворот по периметру торчат торговцы наркотиками, над их головами от проезжающих мимо колясок тянется запах лошадиного навоза, а верхушки небоскребов, жилых зданий на Пятой Авеню, Трамп Плаза, здания АТ&Т, окружающих парк, который, в свою очередь, окружает зоопарк, подчеркивают неестественность этого запаха. Чернокожий уборщик, моющий пол в мужском туалете, просит меня спустить за собой воду.

— Сам спустишь, черномазый, — отвечаю я, а когда он делает шаг в мою сторону, сверкнувшее лезвие ножа вынуждает его отступить. Все будки «Информация», похоже, закрыты. Слепой грызет сушку. Двое пьяных педиков утешают друг друга на скамейке. Рядом мать кормит грудью ребенка, и это зрелище пробуждает во мне нечто ужасное.

Зоопарк кажется пустым и безжизненным. У полярных медведей запущенный и обдолбанный вид. В грязном искусственном пруду мрачно плавает крокодил. Из стеклянных клеток печально глядят буревестники. У туканов — острые, как ножи, клювы. С бессмысленными криком ныряют со скал во вспенивающуюся воду тюлени. Хранители зоопарка кормят их дохлой рыбой. Возле бассейна собралась толпа, в основном взрослые, лишь некоторые с детьми. На бассейне табличка с предупреждением: **МОНЕТЫ МОГУТ УБИТЬ ЖИВОТНЫХ — ПРОГЛОЧЕННАЯ МОНЕТА МОЖЕТ СТАТЬ ПРИЧИНОЙ ЯЗВЫ, ИНФЕКЦИИ И ГИБЕЛИ.** И что же я делаю? Когда никто из служителей не видит, швыряю в бассейн полную пригоршню мелочи. Мне ненавистны не тюлени — меня раздражают радостные зрители. Глаза полярной совы очень похожи на мои, особенно когда она широко раскрывает их. И пока я смотрю на нее, опустив темные очки, что-то необъяснимое пробегает между мной и птицей — какое-то странное напряжение, невероятный зов. Это начало последующих событий, которые развиваются и заканчиваются очень быстро.

Пингвины обитают в темном помещении, претенциозно названном «Край Ледяных Торосов»; здесь прохладно, особенно по сравнению с влажной и теплой погодой снаружи. Пингвины в бассейне лениво скользят мимо зеркальных стен, у которых собрались зрители. Пингвины на скалах, которые не купаются, кажутся одуревшими, уставшими и скучающими; они по большей части зевают, временами потягиваются. Звуки, подражающие пингвиньим, вероятно на кассете, проигрывают через динамики, звук включен громко, так как в помещениилюдно. На мой взгляд, пингвины симпатичные. Я замечаю, что один похож на Макдермотта. Ребенок, которому не больше пяти лет, доедает шоколадный батончик. Его мать велит ему выкинуть обертку и возвращается к разговору с другой женщиной, у той ребенок приблизительно такого же возраста, все трое смотрят в грязную синеву аквариума. Первый ребенок отправляется к мусорной урне, стоящей в темном углу зала, — там притаился я. Поднявшись на цыпочки, он аккуратно опускает бумажку в урну. Я что-то шепчу. Заметив меня, ребенок остается стоять, вдали от толпы, он немного испуган, но смотрит на меня с неммым восторгом. Я смотрю на него.

— Хочешь... печенье? — спрашиваю я, опуская руку в карман.

Он кивает маленькой головкой, медленно опуская ее, но прежде чем успевает ответить, моя неожиданная беспечность превращается в дикую волну ярости. Я выхватываю из кармана нож и быстро бью его в шею. Ошеломленный, он пятится к урне, издавая булькающие звуки, как грудной младенец. Кровь, хлещущая из раны на шее, не дает ему крикнуть или заплакать. И хотя мне хочется посмотреть, как он умирает, я толкаю его за урну, а потом незаметно смешиваюсь с толпой, трогаю за плечо милостивую девушку и, улыбаясь, указываю на пингвина, приготовившегося нырять. Позади, если приглядеться, можно увидеть за урной дергающуюся ногу ребенка. Я слежу за его матерью, которая, заметив его отсутствие, начинает искать его взглядом по толпе. Я вновь касаюсь плеча девушки, но она улыбается мне и извиняющееся пожимает плечами, а я не могу понять, почему.

Когда мать наконец замечает его, она не кричит, поскольку видит одну ногу и предполагает, что он, играючи, прячется от нее. Сначала ее лицо выражает облегчение. Подходя к урне, она воркует:

— Ты что, малыш, играешь в прятки со мной?

С того места, где я стою, за спиной милостивой девушки, которая, как я уже понял, иностранная туристка, мне

виден тот самый момент, когда лицо матери искажается страхом. Закинув на плечо сумочку, она отпихивает урну, и видит лицо, полностью залитое кровью, из-за которой ему трудно моргать. Схватившись руками за горло, он слабо сучит ногами. Звук, изданный матерью, трудно описать — какое-то взвизгивание, переходящее в вопль.

После того как она падает на пол рядом с телом, несколько человек оборачиваются, я слышу свой крик, голос переполняют чувства: «Я врач, расступитесь, я врач», — и опускаюсь на колено рядом с матерью. Потом нас окружает любопытствующая толпа, я отвожу ее руки с тела ребенка, который, лежа на спине, тщетно хватаят воздух, кровь выходит из шеи ровными, постепенно ослабевающими струйками, заливая рубашку Polo, уже пропитанную ей. В эти минуты, пока я с благоговением придерживаю голову ребенка, стараясь не испачкаться кровью, я смутно понимаю, что если кто-нибудь вызовет помощь по телефону или здесь окажется настоящий врач, то существует реальный шанс спасти ребенка. Но этого не происходит. Вместо этого я бессмысленно держу его, а его мать (толстая домохозяйка, похоже, еврейка, которая, тщетно пытаясь выглядеть стильно, надела дизайнерские джинсы и некрасивый черный шерстяной свитер с узором из листочков) визжит. Мы с ней не обращаем внимания на хаос, на что-то кричащих вокруг нас людей, — мы сосредоточились на умирающем ребенке.

Хотя поначалу я доволен своими действиями, внезапно меня потрясает печальная безнадежность: как просто и бессмысленно можно отнять жизнь у ребенка. У маленького, скрюченного, окровавленного существа, лежащего передо мной, не было никакой истории, никакого достойного прошлого, практически ничего не утрачено.

Гораздо хуже (и приятнее) отнять жизнь у человека, достигшего расцвета, у которого есть семья, друзья, карьера, прошлое, — его смерть огорчит гораздо больше людей, способных на безграничное горе, чем смерть ребенка; возможно, смерть такого человека разрушит больше жизней, чем бессмысленная, жалкая смерть этого мальчика. Меня автоматически охватывает почти непреодолимое желание зарезать и его мать, бьющуюся в истерике, но мне удастся всего лишь сильно ударить ее по лицу и заорать, чтобы она успокоилась. Никто не посмотрел на меня неодобрительно. Я смутно понимаю, что теперь комнату освещена, где-то открыли дверь, появились работники зоопарка, охранники, кто-то — один из туристов? — фотографирует со вспышкой, за нами в бассейне охуевают пингвины, в страхе колотятся о стекло. Меня отталкивает полицейский, хоть я и говорю ему, что я — врач. Мальчика вытаскивают наружу, кладут на землю, снимают с него рубашку. Он хватаят воздух, умирает. Мать приходится держать.

Я чувствую опустошенность, как будто меня здесь уже нет, даже прибытие полиции не кажется мне достаточной причиной, чтобы уйти, я стою в толпе у пингвинария, рядом с десятками других людей, и долгое время не двигаюсь с места. Потом, наконец, я иду по Пятой Авеню, удивленный тем, как мало крови попало на мою куртку, захожу в книжный магазин и покупаю книжку, а потом в кондитерском киоске на углу Пятой и Шестой — покупаю шоколадный батончик с кокосом. Я представляю дыру, растущую на солнце, и это почему-то снимает напряжение, которое я впервые почувствовал, глядя в свиные глаза, и которое возникло вновь, когда мальчика вытащили из пингвинария, и я иду дальше, непойманный, и руки мои в крови.

ДЕВУШКИ

Последний месяц я появляюсь в офисе, мягко говоря, эпизодически. Мне хочется только качаться, поднимать штангу и заказывать столики в новых ресторанах, где я уже был, а потом отменять заказы. У меня в квартире пахнет гнилыми фруктами, хотя на самом деле этот запах исходит из содержимого головы Кристи, которое я выскреб и положил в хрустальный шар от Магсо, стоящий на тумбочке рядом с входной дверью. Сама голова — полая, измазанная засохшими мозгами, с пустыми глазницами, — лежит в углу гостиной, за пианино; хочу использовать ее вместо тыквы для фонарика на Хэллоуин. Из-за этой вони я решил воспользоваться квартирой Пола Оуэна, чтобы устроить небольшую оргию, запланированную на сегодня. Я обыскал всю квартиру на предмет наличия устройств слежения, но не нашел ни одного. Один человек, с которым я общаюсь через своего адвоката, говорит, что Дональд Кимбел, частный детектив, слышал, что Оуэн действительно в Лондоне, что его видели в холле Claridge's, и один раз у портного на Savile Row, и еще в новом модном ресторане в Челси. Кимбел вылетел туда позавчерашней ночью, а это значит, что за квартирой теперь никто не следит, ключи, которые я украл у Оуэна, все еще у меня, и замок там не сменили, так что я собираюсь принести все необходимое (электродрель, бутылку кислоты, пневматический молоток, ножи, зажигалку «Бик») прямо туда сразу после ланча. Я заказываю на вечер двух девушек из агентства досуга с хорошей репутацией, если подобное учреждение вообще может иметь хорошую репутацию, главное, что именно в это агентство я раньше не обращался; расплачиваюсь карточкой Оуэна American Express, потому что, как я полагаю, все думают, что Оуэн сейчас в Лондоне, и никто не проследит, куда уходят деньги с карточки, хотя на его платиновой AmEx

денег вполне достаточно. В сегодняшнем Шоу Патти Винтерс речь шла о секретах красоты принцессы Дианы (мне кажется, в ироническом смысле).

Полночь. Разговор, который я пытаюсь вести с двумя девочками — обе очень молодые блондинки с большими сиськами — немногословен, потому что мне сложно держать себя в руках.

— У вас тут прямо дворец, мистер, — детским голоском говорит одна из них, Торри, замороженная безвкусной квартирой Оуэна. — Настоящий дворец.

Я раздраженно смотрю на нее.

— Да ничего особенного.

Я делаю напитки — разумеется, из бара Оуэна, — и как бы вскользь упоминаю, что работаю на Уолл-стрит, в компании Pierce&Pierse. Похоже, они не особенно этим заинтересовались. Одна из них спрашивает, не обувной ли это магазин. Тиффани сидит на черном кожаном диване и листает номер GQ трехмесячной давности, вид у нее смущенный, как будто она чего-то не понимает, точнее, как будто она вообще ничего не понимает, и я думаю: «Молись, сука, просто молись». Потом я признаюсь себе, что меня очень заводит, что эти девочки унижаются передо мной за деньги, которые для меня — карманная мелочь. Налив им еще выпить, я упоминаю, что закончил Гарвард, и потом спрашиваю:

— Слышали когда-нибудь о Гарварде?

Ответ Торри меня поражает:

— У меня был один деловой знакомый, который говорил, что он там учился. — Она пожимает плечами.

— Клиент? — спрашиваю я, заинтересовавшись.

— Ну, — нервно говорит она. — Просто деловой знакомый, скажем так.

— Сутенер, что ли? — говорю я, и тут начинается самое странное.

— Ну, — она умолкает на пару секунд, потом продолжает. — Будем считать это деловым знакомством.

Она отхлебывает из стакана.

— Он говорил, что учился в Гарварде, но... я ему не поверила.

Она смотрит на Тиффани, потом на меня. Но мы оба молчим, и она сбивчиво продолжает.

— У него была типа... ну... обезьяна. И мне надо было присматривать за этой обезьяной, ну... у него в квартире.

Она умолкает и продолжает ровным, монотонным голосом, периодически отпивая из стакана.

— Приходилось весь день смотреть телевизор, потому что делать там было нечего, пока этого парня не было дома... а я пыталась следить за обезьяной. Но... что-то с ней было не так, с этой обезьяной.

Она опять умолкает и делает глубокий вдох.

— Эта обезьяна... она смотрела...

Она запинается, смотрит по сторонам, у нее на лице задумчивое выражение, как будто она пытается решить, стоит ли рассказывать эту историю, как будто мы — я и та вторая сучка — должны быть безмерно ей благодарны за этот рассказ. Соответственно, я готовлюсь к чему-то шокирующему, разоблачительному, к какому-то невыносимому откровению.

— Она смотрела только...

Она вздыхает, а потом вдруг начинает говорить быстро-быстро:

— ...Шоу Опри Уинфри, и больше ничего она смотреть не хотела. У этого парня была куча кассет с этим шоу, и он записывал их специально для своей обезьяны, — теперь она смотрит на меня умоляюще, как будто сходит с ума, прямо здесь и сейчас, в квартире Оуэна, и хочет, чтобы я... что? Проверил это? — А реклама была вырезана. Однажды я попыталась... переключить на что-то другое, выключила кассету... я хотела посмотреть сериал или что-нибудь еще... но...

Она допивает содержимое своего стакана и закатывает глаза. Она явно расстроена воспоминанием об этой истории, но, тем не менее, храбро продолжает:

— Обезьяна начала в-в-визжать и успокоилась только, когда я снова включила шоу Опри.

Она сглатывает, прочищает горло, похоже, она собирается заплакать, но этого не происходит.

— Понимаете, ну... ты пытаешься включить телевизор, какой-нибудь канал, а эта чертова обезьяна начинает визжать, — с горечью говорит она и обнимает себя за плечи. Ее трясет мелкой дрожью, и она тщетно пытается себя согреть.

Тишина. Ледяная, арктическая, абсолютная тишина. Свет в комнате — холодный, электрический. Я стою и смотрю на Торри и другую девушку, Тиффани, у которой такой вид, как будто ее тошнит.

Наконец, я открываю рот и выговариваю с запинкой:

— Мне все равно... какую жизнь ты ведешь... пристойную...или нет.

Начинается секс — жесткое порно, лучшие кадры. Я выбриваю Торри лобок, она ложится на спину на кровать Пола Оуэна, а я трахаю ее пальцем и время от времени лижу ей анус. Потом Тиффани делает мне минет. У нее горячий и влажный язык, и она водит им по головке члена, это меня раздражает, и я называю ее грязной шлюхой и сукой. Я надеваю презерватив и вставляю одной из них, а другая лижет мне яйца, я смотрю на шелкографию Ангелис, висящую над кроватью, и думаю о реках крови, о гейзерах крови. Иногда в комнате становится очень тихо, слышен только хлюпающий звук, с которым мой член входит в вагину одной из девиц. Тиффани и я по очереди лижем задницу и выбритую пизду Торри. Они одновременно, с громким криком, кончают в позиции «69». Теперь, когда они разгорячились, я достаю дилдо и позволяю им поиграться с ним. Торри раздвигает ноги и ласкает свой клитор, а Тиффани ебет ее большим скользким дилдо, Торри показывает Тиффани, что надо действовать более жестко, и, наконец, кончает, тяжело дыша.

Я опять заставляю их ласкать друг друга, но, кажется, это меня уже не заводит — я думаю только о крови, о том, как будет смотреться их кровь, и хотя Торри знает, что делать, как лизать пизду, мне это уже не интересно, я отталкиваю ее от Тиффани и начинаю сам лизать и кусать розовую, мягкую, влажную вагину, а Торри садится Тиффани на лицо и ласкает свой клитор. Тиффани жадно лижет ее пизду, влажную и блестящую, а Торри протягивает руки вниз и ласкает большие твердые груди Тиффани. Я начинаю кусаться сильнее, вгрызаясь зубами в пизду Тиффани, и она напрягается, и я говорю:

— Расслабься.

Она начинает визжать, пытается отодвинуться и кричит, когда мои зубы вонзаются в ее плоть. Торри думает, что Тиффани кончает, и плотнее прижимается к ее лицу, приглушая ее крики, но когда я смотрю на Торри — кровь течет у меня по лицу, изо рта торчат куски мяса и волосы, кровь из влагалища Тиффани хлещет на постель, — я чувствую, как в ней пробуждается страх. Я ослепляю их обеих спреем «Масе», а потом вырубаю обеих рукояткой пневматического молотка.

Торри приходит в себя и понимает, что связана и лежит на спине на кровати, свешиваясь с края, а ее лицо все в крови, потому что я отрезал ей губы ножницами. Тиффани, связанная шестью парами подтяжек Пола, лежит на другой стороне кровати, она стонет от страха, почти полностью парализованная жестокой реальностью. Я хочу, чтобы она видела, что я буду делать с Торри, и поэтому поворачиваю ее так, чтобы она не могла отвернуться. Как обычно, я пытаюсь понять, что испытывают девушки, и снимаю их смерть на видео. С Торри и Тиффани я использую ультра-миниатюрную камеру Minor LX, которая снимает на 9,5 мм пленку: линзы 15мм f/3*5, экспонометр, встроенный фильтр нейтральной плотности, тренога. Чтобы заглушить крики, я поставил в портативный CD-плеер на тумбочке у кровати компакт Traveling Wilburys.

Я начинаю с того, что слегка освеживаю Торри. Я делаю надрезы острым столовым ножом и срезаю куски плоти с ее ног и живота, а она в это время кричит и просит меня о пощаде высоким тонким голосом. Я надеюсь, что она умная девочка и понимает, как ей повезло, ведь ее наказание будет гораздо легче того, которое я приготовил для второй девушки. Я продолжаю брызгать на Торри спрей «Масе», потом пытаюсь отрезать ей пальцы ножницами и, наконец, поливаю кислотой ее живот и гениталии, но она никак не умирает, так что я решаю зарезать ее и вонзаю нож ей в горло, лезвие случайно вонзается в шею слева, натывается на кость, и я останавливаюсь. Тиффани смотрит на все это, а я в конце концов отрезаю голову Торри — потоки крови, разбрызгиваются по стенам и даже по потолку. Поднимая вверх голову Торри, как некий победный трофей, свободной рукой я беру свой член, посиневший от возбуждения, и, пригнув ее голову к своим бедрам, я заталкиваю член ей в рот и ебу ее до тех пор, пока не достигаю оргазма и не выплескиваю сперму ей в рот. Я так возбужден, что и после того, как кончил, могу ходить по комнате с головой Торри, висящей у меня на члене — она теплая и кажется мне почти невесомой. Какое-то время это меня забавляет, но мне необходим отдых, так что я снимаю голову, кладу ее на на шкаф из дуба и тикового дерева, а потом сажусь в кресло, обнаженный, весь в крови, включаю телевизор, смотрю канал НВО, пью «Корону» и жалуясь вслух на то, что Оуэн не успел обзавестись домашним кинотеатром.

Позже — теперь — я говорю Тиффани:

— Я тебя отпускаю...ш-ш-ш... — и нежно глажу ее по лицу, оно скользкое от слез и спрея «Масе», и меня обжигает мысль, что у нее в глазах действительно загорелась надежда, но потом она видит у меня в руке зажженную спичку, я ее вытащил из коробка, который мне дали в баре, где мы пили в прошлую пятницу с Робертом Фареллом и Робертом Пречтером. Я подношу спичку к ее глазам, она инстинктивно их закрывает, я опаливаю ей ресницы и брови, а потом достаю зажигалку Vis и подношу ее к глазницам, руками придерживая веки, чтобы глаза были открыты, я обжигаю палец, но держу зажигалку до тех пор, пока глазные яблоки не

лопаются. Пока Тиффани еще в сознании, я переворачиваю ее, раздвигаю ягодицы и вбиваю вибратор ей в анус, используя пневматический молоток. Потом я снова переворачиваю ее — она вся обмякла от страха, — срезаю ей губы и расширяю отверстие электродрелью с массивной насадкой. Она трясется, очевидно, пытаясь протестовать, а когда я, наконец, остаюсь доволен размером отверстия, ее рот выглядит, как большой красно-черный тоннель, в котором виднеется перекрученный язык и поредевшие зубы. Я засовываю руку ей в глотку, пока она не исчезает там по запястье — ее голова непроизвольно трясется, но она не может укусить меня, потому что электродрель выбила ей большинство зубов, — хватаю все вены, которые проходят у нее по горлу, как трубы, тяну их пальцами, и когда у меня в руке оказывается достаточно крупный пучок, вытягиваю их через рот, резко дергаю и тяну до тех пор, пока ее шея не исчезает. Кожа натягивается и лопается, однако крови почти нет. Почти все вены, проходящие в шее, включая яремную вену, свисают теперь у нее изо рта, а тело бьется в судорогах, она напоминает мне таракана, который перевернулся на спину и теперь не может подняться, она трясется, ее вытекшие глаза стекают по лицу, смешиваясь с «Масе». Быстро, чтобы не терять времени, я выключаю свет, и, перед тем, как она умирает, я разрываю ей живот голыми руками. Не знаю, что я там делаю, но у меня под руками все хлопает, а сами руки покрыты чем-то горячим.

Отходняк. Никакого страха, никакого смущения. И нет времени здесь расслабиться, сегодня у меня еще много дел: надо вернуть кассеты в видеопрокат, зайти в спортзал, на Бродвее идет новый английский мюзикл, на который я обещал сводить Жанетт, надо где-нибудь зарезервировать столик. То, что осталось от обоих тел, уже начинает коченеть. Часть тела Тиффани — кажется, это она, хотя мне теперь сложно различить, кто есть кто, — как-то просела, и теперь из того, что осталось от ее живота, торчат ребра, которые проткнули ей грудь.

Большинство ребер сломано. Голова прибита к стене, отрезанные пальцы образуют некое подобие хоровода вокруг CD-плеера. У одного из тел — того, что лежит на полу, — опорожнился кишечник, оно покрыто следами зубов. Я погружаю руку в желудок одного из тел, набираю крови и пишу на стене в гостиной: Я ВЕРНУЛСЯ, а под ними рисую жутковатую картинку, похожую на...

КРЫСА

В середине октября мне привозят вот что.

Приемник Pioneer VSX-9300S со встроенным процессором объемного звука Dolby Prologic, цифровой задержкой и полнофункциональным инфракрасным пультом управления, запоминающим до 154 функций любого другого пульта. Фронтальные колонки выдают 125 ватт, задние — 30.

Аналоговая магнитофонная дека фирмы Akai, модель GX-950B, с ручной настройкой подмагничивания, регулируемым уровнем записи и встроенным калиброванным генератором тона. Там еще есть система меток для стирания — помечаешь начало и конец заданного музыкального куска, и потом его можно стереть одним нажатием кнопки. Три головки с разделением записывающих и читающих блоков с минимальной интерференцией. Система шумоподавления, усиленная Dolby HX-Pro, все кнопки на передней панели дублируются на полнофункциональном дистанционном пульте.

Мультидисковый CD-плеер Sony, MDP-700, проигрывает как аудио-, так и видеодиски — все, что угодно, начиная от трехдюймовых синглов и заканчивая двенадцатидюймовыми видеодисками. Мультискоростная лазерная аудио-видеосистема с четырехскоростным сэмпингом, и двухдвижковой системой, обеспечивающей постоянное вращение диска предотвращающей диск от повреждений. Автоматический сенсор позволяет выбирать до девяноста девяти дорожек, а автопоиск названий дает возможность пометить до семидесяти девяти секторов видеодиска. В комплекте прилагается десятикнопочный пульт с колесиком (для поиска по кадрам) и программируемой остановкой. Для безупречных подсоединений имеются две пары аудио-видео разъемов, покрытые чистым золотом.

Отличная кассетная дека DX-500, производства NEC, сочетающая цифровую обработку звука с великолепным hi-fi звучанием. К ней подключается четырехголовочный модуль VHS-HQ с программированием событий на двадцать один день вперед, декодером MTS и 140 настроенными кабельными каналами. В качестве бесплатного приложения: при помощи дистанционного пульта на 50 функций я могу вырезать рекламы из телепередач.

Sony CCD-V200 — 8-миллиметровая видеокамера с выбором фона из палитры, генератором титров и переключателем режимов, позволяющим записывать кадры с задержкой. Мне, например, это дает возможность снимать разлагающийся труп с интервалом в пятнадцать секунд или записывать конвульсии отравленного щенка. У камеры встроенное цифровое аудио с возможностью прослушивания через свой же динамик; матрица позволяет писать изображение при четырех люксах освещенности, причем выдержку можно выбрать из шести вариантов.

Новый 27-дюймовый телевизор Toshiba CX-2788 имеет встроенный MTS декодер, гребенчатый фильтр на ПЗС,

программируемый поиск каналов, коннектор для SVHS. Звук — семь ватт на канал, плюс дополнительные десять ватт на сабвуфер для глубоких басов — все это через голографическую систему Carver Sonic, которая выдает уникальный объемный стереозвук.

Плеер Pioneer LD-ST с инфракрасным пультом и мультидисковый плеер Sony MDP-700 с цифровыми эффектами и универсальным инфракрасным программируемым пультом (один — для спальни, другой — для гостиной), которые понимают все размеры и форматы аудио и видео дисков — восьми— и двенадцатидюймовые лазерные диски, пятидюймовые CD-Video диски, и трех— и четырехдюймовые компакт-диски, — причем они оснащены двумя автоматическими лотками. Плеер LD-W1, тоже Pioneer, вмещает два полноразмерных диска и проигрывает одну за другой обе стороны. На смену поверхности у него уходит всего пара секунд, так что больше нет необходимости менять диски вручную. Разумеется, у него цифровой звук, дистанционное управление и возможность программирования последовательности проигрывания дисков. Yamaha CDV-1600, еще один мультидисковый плеер, воспринимающий все форматы, имеет память произвольного доступа на пятнадцать выборок и пульт.

Плюс к тому — пара усилителей от Threshold; они обошлись мне почти в 15 000 долларов. В понедельник доставят сервант из светлого дуба, для спальни — туда встанет один из новых телевизоров. Заказная софа, обитая шелком, и итальянские бронзовые и мраморные бюсты восемнадцатого века на современных пьедесталах крашеного дерева, которые будут стоять рядом с ней, придут во вторник. Во вторник же доставят новое изголовье к кровати (белый хлопок с бежевой отделкой, бронзовые обойные гвозди по периметру). Новую гравюру Фрэнка Стелла для спальни привезут в среду — вместе с роскошным черным замшевым креслом. Оника, которого я продаю, будет заменен новой картиной: громадным изображением графического эквалайзера, выполненным в хромово-пастельных тонах.

Я говорю с парнями из отдела доставки Park Avenue Sound Shop насчет HDTV, которого пока еще нет в продаже, и в этот момент звонит один из черных телефонов AT&T. Я даю им чаевые и беру трубку. Звонит Рональд, мой адвокат. Я слушаю его, киваю и параллельно показываю парням из доставки, как выйти из квартиры. Потом говорю в трубку:

— Счет на триста долларов, Рональд. А мы только кофе попили.

Долгая пауза, во время которой я слышу странный, хлопающий звук, доносящийся из ванной. Я осторожно иду туда, радиотелефон все еще у меня в руке, и говорю Рональду:

— Но да... Подожди... Я... Мы только выпили эспрессо. — Я заглядываю в ванную.

На сидении унитаза сидит большая мокрая крыса, которая, вероятно, вылезла прямо оттуда. Она сидит на ободке унитаза и отряхивается, а потом прыгает на пол. Это достаточно крупный экземпляр; она пошатывается, пробирается к выходу по кафельной плитке и выскальзывает из ванной в кухню, к коробке из-под пиццы Le Madri, которая по какой-то непонятной причине валяется на полу, на вчерашнем выпуске «New York Times» возле мусорного ведра от Zona. Я иду следом. Крыса, видимо, привлеченная запахом, хватается за коробку в зубы и бешено трясет головой, как собака — пытается добраться до пиццы с луком-пореем, козьим сыром и трюфелями. Она урчит от голода. Я уже накачался гальционом, так что крыса меня не особенно беспокоит, по крайней мере, не так, как должна бы.

Чтобы поймать крысу, я покупаю очень большую мышеловку в хозяйственном на улице Амстердам. Кроме того, я решаю провести ночь в квартире отца в Карлайле. Из сыров у меня дома — только кусок бри в холодильнике и, прежде чем уйти, я кладу весь кусок в мышеловку — ведь это действительно большая крыса — а также сушеный помидор и укроп; кладу аккуратно, чтобы она не сработала раньше времени. Но когда я на следующее утро возвращаюсь домой, выясняется, что мышеловка не убила крысу. Крыса слишком большая. Она лежит на полу, она попалась, она пищит и дергает хвостом ужасного маслянисто-розового цвета — хвост длинный, как карандаш, и раза в два толще, и каждый раз, когда она бьет хвостом по белому дубовому полу, слышен громкий звук шлепка. Я беру совок для мусора — я, блядь, целый час угробил, пока его искал, — и загоняю крысу в угол как раз в тот момент, когда она освобождается из мышеловки. Я поднимаю ее, что повергает ее в панику, она верещит еще громче, шипит на меня и скалит острые желтые клыки. Я кладу крысу в шляпную коробку, она пытается выбраться, поэтому мне приходится держать ее в раковине, прикрыв сверху доской, на которую я положил тяжелые кулинарные книги, но она, эта мудацкая крыса, едва не умудрилась сбежать даже оттуда, пока я сижу на кухне и размышляю о том, как можно мучить девушек посредством этого зверя (я нахожу достаточно много способов, что меня совершенно не удивляет). В составленный мною список входит — разрезать обе груди вдоль и выжать их, а сверху туго обмотать их колючей проволокой. Но с крысой это уже не связано.

ЕЩЕ ОДИН ВЕЧЕР

Мы с Макдермоттом должны ужинать сегодня в ресторане «1500», он звонит мне около половины седьмого, за сорок минут до того, как мы должны там быть (свободный столик был только на 18:10 или 21:00, когда ресторан уже закрывается, — там калифорнийская кухня и время заказа столиков — претенциозность, перенесенная из другого штата). Хотя я чищу нитью зубы, все мои телефонные трубки лежат рядом с раковиной в ванной, так что мне удастся взять нужную уже после первого звонка. Пока на мне черные брюки от Armani, белая рубашка от Armani и красный с черным галстук от Armani. Макдермотт сообщает, что с нами хочет пойти Хэмлин. Я голоден. Возникает пауза.

— Ну и что? — спрашиваю я, подтягивая галстук. — Ладно.

— Ну и вот что, — вздыхает Макдермотт. — Хэмлин не хочет идти в «1500».

— Почему? — Я закрываю кран в раковине.

— Он был там вчера.

— Ну... и что ты, Макдермотт, пытаешься сказать мне?

— Что мы идем куда-нибудь в другое место, — говорит он.

— Куда? — осторожно интересуюсь я.

— Хэмлин предлагает «Alex Goes to Camp», — произносит он.

— Подожди. Я прополощу. — Побурлив жидкостью против зубного камня и проверив в зеркале прическу, я выплевываю полоскание. — Исключено. Не пойдет. Тудая ходил на прошлой неделе.

— Я знаю. И я ходил, — говорит Макдермотт. — Кроме того, там дешево. Ну так куда мы пойдем?

— А что, у Хэмлина, блядь, нет запасного варианта? — раздраженно рявкаю я.

— М-м-м, нет.

— Перезвони ему и пусть придумает, — говорю я, выходя из ванной, — я, похоже, куда-то задевал «Загат».

— Ты будешь ждать или тебе перезвонить? — спрашивает он

— Перезвони, дурень. — Я вешаю трубку.

Проходит несколько минут. Звонит телефон. Мне лень проверять, кто это. Снова Макдермотт.

— Ну? — спрашиваю я.

— У Хэмлина другого варианта нет, и он хочет пригласить Луиса Керрутерса, а меня интересует, означает ли это, что пойдет Кортни? — спрашивает Макдермотт.

— Луис не может пойти, — говорю я.

— Почему?

— Потому что, — отвечаю я. — Зачем ему нужен Луис?

Следует пауза.

— Подожди, — говорит Макдермотт. — Он на другой линии. Я спрошу.

— Кого? — Укол страха. — Луиса?

— Хэмлина.

В ожидании я прохожу на кухню к холодильнику и вынимаю бутылку Perrier. В тот момент, когда я ищу стакан, раздается щелчок.

— Послушай, — говорю я, как только Макдермотт вновь на линии. — Я не желаю видеть Луиса и Кортни, так что, знаешь, отговори их идти с нами или что-нибудь в этом духе. Используй свое обаяние. Очаруй их.

— Хэмлин должен ужинать с клиентом из Техаса и...

Я обрываю его.

— И при чем тут Луис? Пусть Хэмлин сам ужинает с этим пидором.

— Хэмлин хочет, чтобы Керрутерс пошел с нами, потому что Хэмлину предстоит заниматься делом Panasonic, а Керрутерс знает о нем гораздо больше, вот поэтому он и хочет, чтобы Керрутерс пошел с нами, — объясняет Макдермотт.

Я замолкаю, переваривая это.

— Если Луис пойдет, я убью его. Клянусь богом, я убью его. Я, блядь, убью его.

— Господи, Бэйтмен, — озабоченно бормочет Макдермотт. — Ты настоящий гуманист. Мудрец.

— Нет. Я просто... — начинаю я, смущенный, раздраженный. — Просто... разумный.

— Меня интересует, если Луис пойдет, значит ли это, что пойдет и Кортни? — размышляет он.

— Скажи Хэмлину, чтобы пригласил... о господи, я не знаю... — я замолкаю. — Скажи Хэмлину, чтобы ужинал с техасцем один, — я снова замолкаю, что-то понимая. — Постой-ка. Значит ли это, что Хэмлин... нас приглашает? То есть, он платит? Раз это деловой ужин?

— Знаешь, Бейтмен, временами мне кажется, что ты очень сообразительный, — произносит Макдермотт, — а иногда...

— О черт, что я несу? — вслух раздосадовано спрашиваю я себя. — У нас с тобой деловой ужин? Господи. Я не иду. Все. Я не иду.

— Даже если Луис не пойдет? — спрашивает он.

— Нет. Все.

— Но почему? — ноет он. — У нас заказ в «1500».

— Я... должен... посмотреть Шоу Косби.

— О господи, запиши его, дурень.

— погоди, — до меня доходит еще кое-что. — Ты думаешь, у Хэмлина будут... — неловкая пауза, — наркотики, ну, может... для техасца?

— А что думает Бэйтмен? — спрашивает Макдермотт, бесчувственный мудака.

— М-м-м. Я должен подумать. Я должен подумать.

Через некоторое время Макдермотт нараспев произносит: «тик-так, тик-так».

— Мы никуда не попадем. Разумеется, у Хэмлина будет с собой что-то.

— Подключи Хэмлина, переведи его... переведи его на третью линию, — лопочу я, глядя на свой Rolex. — Быстрее. Может, мы сумеем уговорить его на «1500».

— Хорошо, — говорит Макдермотт. — Жди.

Четыре щелчка и я слышу голос Хэмлина:

— Бэйтмен, а клетчатые носки подходят к деловому костюму?

Он пытается пошутить, но шутка мне кажется несмешной.

Закрыв глаза, я вздыхаю и нетерпеливо отвечаю:

— Не совсем, Хэмлин. Они слишком спортивные. Это противоречит деловому стилю. Можешь носить их с неформальными костюмами, — твидовыми, или какими угодно. Ну, Хэмлин?

— Бэйтмен, спасибо тебе — сговорит он.

— Луис не может пойти с нами, — говорю я. — А ты — пожалуйста.

— Ладно, — отвечает он. — Техасец все равно не идет.

— Почему?

— Крестьянский сын осматривает городские достопримечательности. У нас разный стиль жизни, — объясняет Хэмлин. — Я приму техасца только в понедельник. Я быстро и весьма ловко перекроил свои планы. Большой отец. Лесной пожар.

— А что насчет Луиса? — подозрительно спрашиваю я.

— Сегодня с техасцем ужинает Луис, что освобождает меня от массы проблем. А я встречаюсь с ним в Smith&Wollensky в понедельник, — произносит довольный собой Хэмлин. — Так что все в порядке.

— погоди, — осторожно спрашивает Макдермотт, — значит, Кортни не будет?

— Мы опоздали в «1500» или вот-вот опоздаем, — замечаю я. — Кстати, Хэмлин, ты ведь ходил туда вчера, да?

— Да, — говорит он. — Сносное карпаччо. Приличный крапивный суп. Неплохой шербет. Только давайте пойдем куда-нибудь еще, а потом, э-э-э, поищем клевых телок. А, джентльмены?

— Неплохо, — говорю я. Меня радует, что к Хэмлину, раз в жизни пришла верная мысль. — А что скажет на это Синди?

— Синди идет на какое-то благотворительное мероприятие в Plaza, что-то...

— Это Trump Plaza, — равнодушно замечаю я, и мне наконец удается открыть бутылку Perrier.

— Да, в Trump Plaza, — говорит он. — Мероприятие насчет каких-то деревьев возле библиотеки. Средства на деревья, кусты или что-то в этом роде, — неуверенно говорит он. — Растения? Это выше моего понимания.

— Ну так куда мы идем? — спрашивает Макдермотт.

— А кто отказывается от «1500»? — спрашиваю я.

— Ты, — говорит Макдермотт.

— Макдермотт, — ною я, — ну тебя.

— Подождите, — говорит Хэмлин. — Давайте сперва решим, куда мы идем.

— Согласен. — дипломатично говорит Макдермотт.

— Я категорически против любых заведений, которые не в верхнем Ист Сайте или в верхнем Вест Сайте, — говорю я.

— Bellini's? — предлагает Хэмлин.

— Исключено. Там нельзя курить сигары, — одновременно произносим мы с Макдермоттом.

— Вычеркиваем, — говорит Хэмлин. — Gandango? — предлагает он.

— Может быть, может быть, — бормочу я, размышляя. — Трамп там бывает.

— Может, Zeus Bar? — спрашивает один из них.

— Давай, — говорит другой.

— Подождите, — говорю я им. — Я думаю.

— Бэйтмен... — выразительно говорит Хэмлин.

— Я обдумываю эту мысль, — говорю я.

— Бэйтмен...

— Подождите. Дайте подумать минуточку.

— Сейчас я слишком раздражен, чтобы заниматься этим, — говорит Макдермотт.

— Может, забудем об этой фигне и отлупим пару япшек, — предлагает Хэмлин. — А потом уж поищем клевых телок.

— Неплохая мысль, на самом деле, — пожимаю я плечами. — Удачная комбинация.

— А ты, Бэйтмен, чем хочешь заняться? — спрашивает Макдермотт.

Витая где-то далеко, я отвечаю: — Я хочу...

— Да? — заинтересованно переспрашивают они.

— Я хочу... размозжить лицо женщины большим тяжелым кирпичом.

— А кроме этого? — нетерпеливо стонет Хэмлин.

— Ладно, — говорю я, беря себя в руки. — «Zeus Bar».

— Ты уверен? Точно? «Zeus Bar»? — с надеждой говорит Хэмлин.

— Друзья. Я чувствую, что совершенно неспособен заниматься всем этим, — произносит Макдермотт. — «Zeus Bar». Решено.

— Подождите, — говорит Хэмлин. — Я позвоню и зарезервирую столик. В трубке слышится щелчок, мы с Макдермоттом ждем. Долгая тишина, потом наконец я говорю:

— Знаешь, там, кажется, невозможно заказать столик.

— Может, пойдем в «М.К»? Техасцу бы понравилось в «М.К».

— Макдермотт, техасец не идет, — замечаю я.

— Все равно, я не могу идти в «М.К.», — не слушая, замечает он, но не говорит, почему.

— Я не желаю об этом знать.

Мы ждем Хэмлина еще две минуты.

— Чем он, черт подери, занимается? — спрашиваю я, потом у меня в трубке раздается щелчек.

Макдермотт тоже его слышит.

— Ответишь?

— Сейчас подумаю.

Снова щелчок. Издав стон, я прошу Макдермотта подождать. Это Жанетт. Голос усталый и грустный. Мне не хочется возвращаться на другую линию, и я спрашиваю, чем она занималась вчера.

— После того, как мы должны были встретиться? — спрашивает она.

Я медлю.

— Ну-у-у... да.

— Мы оказались в абсолютно пустом «Палладиуме». Всех пускали бесплатно, —она вздыхает. — Видели человека три-четыре.

— Знакомых? — с надеждой интересуюсь я.

— В клу... бе..., — произносит она, нарочно растягивая слова.

— Прости, — наконец говорю я. — Мне надо было... вернуть видеокассеты... — Потом, реагируя на ее молчание. — Ты же знаешь, я хотел бы увидеться с тобой...

— Я не хочу об этом слышать, — вздыхает она, обрывая меня. — Что ты делаешь сегодня?

Я медлю, думая, как ответить, потом признаюсь:

— «Zeus Bar» в девять. Макдермотт. Хэмлин. — и менее безнадежно. — Хочешь с нами?

— Не знаю, — вздыхает она. Безо всякого намека на нежность она спрашивает. — А ты этого хочешь?

— Тебе обязательно нужно быть такой сентиментальной? — спрашиваю я в ответ.

Она вешает трубку. Я возвращаюсь на другую линию.

— Бэйтмен, Бэйтмен, Бэйтмен, Бэйтмен, — заливается Хэмлин.

— Я здесь. Заткнись ты, блядь.
— Мы все еще чего-то ждем? — спрашивает Макдермотт. — Давайте что-то решать.
— Я решил, что лучше сыграю в гольф. — говорю я. — Я давно не играл.
— Хуй с ним с гольфом, Бэйтмен, — говорит Хэмлин. — У нас заказ на девять в «Kaktus»...
— И заказ, который надо отменить в «1500», м-м-м, посмотрим... мы должны были там быть двадцать минут назад, Бэйтмен, — добавляет Макдермотт.
— О черт, Крэйг. Ну, отмени его сейчас, — устало говорю я.
— Господи, ненавижу гольф, — с содроганием заявляет Хэмлин.
— Сам отменяй, — смеется Макдермотт.
— На чье имя? — без смеха, повысив голос, спрашиваю я.
После паузы Макдермотт тихо произносит: «Керрутерс».

Мы с Хэмлином разражаемся смехом.

— Правда? — спрашиваю я.
— В «Zeus Bar» попасть не удалось, — говорит Хэмлин. — Так что «Kaktus».
— Клево, — подавленно говорю я. — Наверно.
— Взбодрись, — ликует Хэмлин.

Мой звонок ожидает, снова мигает и прежде чем мне удастся решить, брать его или нет, Хэмлин устраняет дилемму за меня: — Если же вы не хотите в «Kaktus»...

— погоди, мне звонят, — говорю я. — Подождите.

Жанетт в слезах.

— Ну, на что ты не способен? — всхлипывая, спрашивает она. — Просто скажи мне, на что ты не способен?
— Жанетт, детка, — успокаивающе говорю я. — Послушай, пожалуйста. Мы будем в «Zeus Bar» в десять.
Хорошо?

— Патрик, пожалуйста, — просит она. — Со мной все в порядке. Я просто хочу поговорить...
— Увидимся в девять или десять, когда хочешь, — говорю я. — Мне надо идти. Хэмлин с Макдермоттом на другой линии.

— Хорошо, — шмыгает она носом, и беря себя в руки, откашливается. — Встретимся там. Я правда изви...

Я перещелкиваюсь на другую линию. Там остался один Макдермотт.

— А где Хэмлин?
— Положил трубку, — отвечает Макдермотт. — Он придет в девять.
— Отлично, — бормочу я. — Ну, теперь я спокоен.
— Кто это был?
— Жанетт, — говорю я.

Я слышу слабый щелчок, потом второй.

— Это твой или мой? — спрашивает Макдермотт.
— Твой, — говорю я, — наверное.
— Подожди.

Я жду, нетерпеливо расхаживая по кухне из угла в угол. Макдермотт с щелчком возвращается обратно.

— Это Ван Паттен, — говорит он. — Я переключил его на третью линию.

Еще четыре щелчка.

— Привет, Бэйтмен, — орет Ван Паттен. — Дружище.
— Мистер Манхэттен, — говорю я. — Приветствую.
— А как правильно носить кушак? — спрашивает он.
— Я уже дважды отвечал сегодня на этот вопрос, — предостерегаю я.

Они вдвоем начинают говорить о том, успеет или нет Ван Паттен к девяти в «Kaktus», а я перестаю слушать голоса в телефонной трубке, вместо этого я с возрастающим интересом наблюдаю за крысой, которую я купил (мутант, возникший из унитаза, тоже у меня). Она сидит в новой стеклянной клетке, стоящей на кухонном столе, и пытается дотянуться тем, что осталось от съеденного кислотой тела, до навороченной системы Habitrail, чтобы попить из поилки, которую утром я наполнил отравленной минеральной водой Evian. Сцена кажется мне то ли слишком жалкой, то ли не слишком жалкой. Не могу решить. Опять звонит телефон, и этот звук выводит меня из бездумного бреда. Я прошу Ван Паттена и Макдермотта подождать.

Я включаюсь, выдерживаю паузу, потом произношу:

— Вы звоните домой Патрику Бэйтмену. Пожалуйста, оставьте сообщение после....

— О господи, Патрик, когда ты станешь взрослым, — стонет Эвелин. — Прекрати же. Ну зачем обязательно это делать? Ты действительно думаешь, что тебе это пройдет?

— Пройдет что? — простодушно интересуюсь я. — Моя самозащита?

— Что ты мучаешь меня, — дуется она.

— Милая, — говорю я.

— Да, — шмыгает она носом.

— Ты не знаешь, что такое мучения. Не знаешь, о чем говоришь, — толкую я ей. — Ты правда не знаешь, о чем говоришь.

— Я не хочу говорить об этом, — произносит она. — Где ты ужинаешь сегодня? — Ее голос смягчается. — Не поужинать ли нам в «ТДК», скажем часиков в девять?

— Я ужинаю сегодня в «Harvard Club» один, — отвечаю я.

— Хватит дурачиться, — говорит Эвелин. — Я знаю, что ты ужинаешь в «Kaktus» с Хэмлином и Макдермоттом.

— А тебе это откуда известно? — спрашиваю я, не беспокоясь, что меня уличат во лжи. — И потом, это «Zeus Bar», а не «Kaktus».

— Я только что разговаривала с Синди, — говорит она.

— Я думал, что Синди собиралась на какое-то мероприятие насчет деревьев или кустов, — говорю я.

— Нет, нет, нет, — произносит Эвелин. — Оно на следующей неделе. Так ты не хочешь пойти?

— Погоди, — прошу я.

И возвращаюсь на линию к Крэйгу с Ван Паттенем.

— Бэйтмен? — спрашивает Ван Паттен. — Чем ты, блядь, занимаешься?

— Откуда, черт побери, Синди знает, что мы собираемся ужинать в «Kaktus»? — желаю я знать.

— Может, Хэмлин ей рассказал?, — гадает Макдермотт. — Не знаю. А что?

— Потому что теперь знает Эвелин, — говорю я.

— Когда, блядь, Вольфганг Пак собирается открыть ресторан в этом проклятом городе? — спрашивает нас Ван Паттен.

— Ван Паттен уже начал пить третью упаковку Forster's или все еще первую? — спрашиваю я Макдермотта.

— Тебя интересует, — начинает Макдермотт, — следует ли брать женщин или нет? Правильно?

— Нечто весьма быстро превращается в ничто, — предостерегаю я. — Вот все, что я имею в виду.

— Приглашать ли тебе Эвелин? — спрашивает Макдермотт. — Это ты желаешь узнать?

— Нет, приглашать ее не стоит, — подчеркиваю я.

— Ну, вообще-то я хотел привести Элизабет, — застенчиво (или это издевка?) произносит Ван Паттен.

— Нет, — говорю я. — Никаких женщин.

— А чем плоха Элизабет? — спрашивает Ван Паттен.

— Да? — поддерживает Макдермотт.

— Она идиотка. Нет, она умна. Не знаю. Не приглашай ее, — говорю я.

После паузы я слышу, как Ван Паттен произносит:

— Я чувствую, что мы сойдем с ума.

— Ладно, если не Элизабет, то как насчет Сильвии Джозеф? — предлагает Макдермотт.

— Нет, она слишком стара для ебли, — говорит Ван Паттен.

— Господи, — говорит Макдермотт. — Ей двадцать три.

— Двадцать восемь, — поправляю я.

— Правда? — помолчав, спрашивает обеспокоенный Макдермотт.

— Да, — говорю я, — правда.

Макдермотту остается лишь сказать: «А-а-а».

— Черт, я совсем забыл, — говорю я, хлопая себя рукой по лбу. — Я пригласил Жанетт.

— Ну, эту цыпочку и я бы не отказался, м-м-м, пригласить, — похотливо говорит Ван Паттен.

— Что такая милая юная крошка как Жанетт находит в тебе? — спрашивает Макдермотт. — Почему она связалась с тобой?

— Я обращаюсь с ней ласково. Очень ласково, — бормочу я, а потом. — Я должен позвонить ей и сказать, чтобы не приходила.

— А ты ничего не забыл? — спрашивает Макдермотт.

— Что? — я погружен в мысли.

— Вроде как Эвелин на другой линии.
— О черт, — восклицаю я. — Подождите.
— И почему я должен волноваться об этом? — слышу я, как, вздыхая, спрашивает себя Макдермотт.
— Бери с собой Эвелин, — выкрикивает Ван Паттен. — Она тоже милашка. Скажи ей, чтобы ждала нас в «Zeus Bar» в девять тридцать.
— Хорошо, хорошо, — кричу я перед тем, как переключиться на другую линию.
— Я не оценила этого, Патрик, — произносит Эвелин.
— Увидимся в девять тридцать в «Zeus Bar»? — предлагаю я.
— Могу я взять с собой Сташа и Вэнден? — кокетливо спрашивает она.
— Это ту татуированную? — в ответ кокетливо спрашиваю я.
— Нет, — вздыхает она. — Не татуированную.
— Отклоняется. Отклоняется.
— Ну, Патрик, — ноет она.
— Слушай, будь счастлива, что тебя саму пригласили, так что... — мой голос замирает.
Молчание, во время которого я чувствую себя не так уж плохо.
— Ну ладно, давай встретимся там, — говорю я. — Прости.
— Хорошо, — примирительно говорит она. — В девять тридцать?
Я переключаюсь на другую линию, прерывая беседу Макдермотта с Ван Паттеном о том, можно ли носить синий костюм на тот же манер, как пиджак в морском стиле.
— Алло, — вмешиваюсь я. — Заткнитесь. Все меня внимательно слушают?
— Да, да, да, — вздыхает скучающий Ван Паттен.
— Я звоню Синди, чтобы та убедила Эвелин ужинать с нами, — объявляю я.
— Но какого черта ты вообще пригласил Эвелин? — спрашивает один из них.
— Мы шутили, идиот, — добавляет другой.
— Ох, хороший вопрос, — заикаясь, говорю я. — Ох, подождите.
Отыскав ее телефон в записной книжке Rolodex, я набираю номер Синди. Проверив, кто звонит, она поднимает трубку.
— Привет, Патрик, — произносит она.
— Синди, — говорю я. — Сделай мне одолжение.
— Хэмлин с вами, ребята, не ужинает, — произносит она. — Он пытался вам дозвониться, но все линии были заняты. — У вас что, нет линии ожидания?
— Разумеется, у нас есть линия ожидания, — говорю я. — Что мы, по-твоему, варвары?
— Хэмлин не идет, — бесстрастно повторяет она.
— И что же он будет делать? — спрашиваю я. — Ботинки чистить?
— Он ужинает со мной, мистер Бэйтмен.
— А как же твое, м-м-м, кустарное мероприятие? — спрашиваю я.
— Хэмлин все перепутал, — отвечает она.
— Зайчик мой, — начинаю я.
— Да? — спрашивает она.
— Зайчик мой, ты встречаешься с мудаком, — нежно произношу я.
— Спасибо, Патрик. Очень мило.
— Зайчик, — предостерегаю я, — ты встречаешься с самым большим недоумком в Нью-Йорке.
— Ты говоришь так, как будто я этого не знаю, — зевает она.
— Зайчик, ты встречаешься с вечно мятущимся, нерешительным недоумком.
— Тебе известно, что у Хэмлина шесть телевизоров и семь видеомагнитофонов.
— Он когда-нибудь пользовался тренажером для гребли, который я подарил ему?
— Не пользовался, — отвечает она. — Ни разу.
— Зайчик, он недоумок.
— Прекрати называть меня зайчиком, — раздраженно произносит она.
— Слушай, Синди, если бы ты выбирала между чтением WWD и..., — я останавливаюсь, неуверенный, что собираюсь сказать. — Слушай, сегодня что-нибудь идет? — спрашиваю я. — Что-нибудь... нешумное?
— Патрик, чего ты хочешь? — вздыхает она.
— Я хочу мира, любви, дружбы, понимания, — бесстрастно произношу я.

— Чего-ты-хочешь? — повторяет она.

— Почему бы вам вдвоем не пойти с нами?

— У нас другие планы.

— Но Хэмлин сделал проклятый заказ, — возмущенно кричу я.

— Ну, а вы, ребята, воспользуйтесь им.

— Почему бы тебе не пойти? — сладострастно спрашиваю я. — Отправь недоумка в «Juanita's» или куда-нибудь...

— Я думаю, что не пойду с вами, — говорит она. — Извинись за меня перед ребятами.

— Но мы идем в «Kaktus», то есть в «Zeus Bar», — говорю я, потом, в замешательстве, добавляю, — нет, в «Kaktus».

— Вы что, правда, ребята, туда идете? — спрашивает она.

— А что?

— Общественное мнение гласит, что приличные люди там не ужинают, — произносит она.

— Но Хэмлин сам, блядь, сделал заказ, — ору я.

— И он сделал заказ там? — пораженная, спрашивает она.

— Сто лет назад! — ору я.

— Слушай, — говорит она. — Мне пора одеваться.

— Меня это совсем не радует, — замечаю я.

— Главное — спокойствие, — произносит она и вешает трубку.

Я возвращаюсь на другую линию.

— Бэйтмен, я знаю, это звучит неправдоподобно, — говорит Макдермотт, — но вакуум расширяется.

— Я не желаю мексиканской кухни, — заявляет Ван Паттен.

— Погоди, у нас не будет мексиканской кухни, разве нет? — говорю я. — Я что-то путаю. Разве мы не идем в «Zeus Bar»?

— Нет, дурень, — фыркает Макдермотт. — Мы не смогли попасть в «Zeus Bar». «Kaktus». «Kaktus» в девять.

— Но я не хочу мексиканскую, — говорит Ван Паттен.

— Ты ведь сам, Ван Паттен, заказывал столик, — вопит Макдермотт.

— Я тоже не хочу, — внезапно говорю я. — Ну почему мексиканская?

— Это не мексиканская мексиканская, — раздраженно произносит Макдермотт. — Это что-то под названием nouvelle мексиканская, тапас или что-то такое южное. Что-то в этом роде. Подождите. Мне звонят.

Щелчок, на линии остаемся мы с Ван Паттеном.

— Бэйтмен, — вздыхает Ван Паттен. — Моя эйфория быстро проходит.

— О чем ты? — На самом деле я пытаюсь вспомнить, где договорился с Эвелин и Жанетт встретиться с нами.

— Давай закажем столик где-нибудь еще, — предлагает он.

Подумав над этим, я подозрительно осведомляюсь: «И где же?»

— В «1969», — произносит он, искушая меня. — А? В «1969»?

— Туда бы я пошел, — признаюсь я.

— Как поступим? — спрашивает он.

Я думаю.

— Заказывай. Быстро.

— Ладно. На троих? Пятерых? На сколько человек?

— Человек на пять — на шесть, наверное.

— Ладно. Подожди.

Едва он отключается, как возвращается Макдермотт.

— А где Ван Паттен? — спрашивает он.

— Он... пошел пописать, — отвечаю я.

— Почему ты не хочешь пойти в «Kaktus»?

— Потому что меня охватила экзистенциальная паника, — вру я.

— Тебе кажется, что это вполне достаточная причина, — произносит Макдермотт. — А мне нет.

— Алло? — говорит Ван Паттен, включаясь обратно. — Бэйтмен?

— Ну? — спрашиваю я. — Макдермотт тоже здесь.

— Нет. Мексиканцы исключаются. — Черт.

— Что происходит? — спрашивает Макдермотт.

— Так, ребята, мы хотим «маргариту»[43]]? — спрашивает Ван Паттен. — Или нет?

— Я бы согласился на «маргариту», — произносит Макдермотт.

— Бэйтмен? — спрашивает Ван Паттен.

— Я бы предпочел несколько бутылок пива, желательнее не мексиканского, — говорю я.

— Вот черт, — произносит Макдермотт. — Мне звонят. Подождите. — Он отключается. Если я не ошибаюсь, сейчас полвосьмого.

Через час мы все еще спорим. Мы отменили заказ в «Kaktus», и, возможно, наш столик уже заказан кем-то еще. Запутавшись, я отменил столик в «Zeus Bar», который мы не заказывали. Жанетт уже вышла из дома и с ней невозможно связаться, а я не имею понятия, в какой ресторан она пошла, и не помню, где договорился встретиться с Эвелин. Ван Паттен, уже успевший выпить две рюмки Абсолюта, интересуется детективом Кимбелом и о чем мы с ним говорили, но все, что я помню — это как какие-то люди проваливаются в трещины.

— А ты с ним говорил? — спрашиваю я.

— Угу, угу.

— И что он сказал? Что случилось с Оуэном?

— Пропал. Просто исчез. У-ф-ф-ф, — говорит он. — Слышен звук открывающегося холодильника. — Не было никакого несчастного случая. Ничего. Никакой информации.

— Да, — говорю я. — Я просто в недоумении.

— Ну, Оуэн был... я не знаю, — говорит он. Слышно, как открывают пиво.

— Что ты сказал ему, Ван Паттен? — спрашиваю я.

— Все то же самое, — вздыхает он. — Что он носил желтые и коричневые галстуки. Обедал в «21». Что в действительности он не был в арбитраже, как думал Тимбл, а занимался торговыми объединениями. Все то же самое. — Я почти вижу, как он пожимает плечами.

— Что еще?

— Дай подумать. Что он не носил подтяжек. Человек ремня. Что он завязал с кокаином и симпатизировал пиву. Ну, ты же сам знаешь, Бэйтмен.

— Он был дебилом, — говорю я. — А сейчас он в Лондоне. -

Господи, — бормочет он: — умственные способности действительно, блядь, в упадке.

Макдермотт включаете обратно.

— Так. Ну и куда теперь?

— Сколько времени? — спрашивает Ван Паттен.

— Полдесятого, — вдвоем отвечаем мы.

— Постойте, а что с «1969»? — спрашиваю я Ван Паттена.

— А причем тут «1969»? — Макдермотт вне событий.

— Я не помню, — отвечаю я.

— Закрыт. Заказы не принимают, — напоминает мне Ван Паттен.

— Может, все-таки «1500»? — спрашиваю я.

— «1500» уже закрыт, — орет Макдермотт. — Кухня закрыта. Ресторан закрыт. Поздно. Нам придется идти в «Kaktus». Молчание.

— Алло, алло, где вы, ребята, — вопит он, теряя голову.

— Энергичный, как пляжный мячик, — произносит Ван Паттен.

Я смеюсь.

— Вы думаете, это смешно? — говорит Макдермотт.

— Да, и что? Что ты сделаешь? — спрашиваю я.

— Ребята, я волнуюсь, что мы не закажем столик и до двенадцати.

— А ты уверен насчет «1500»? — спрашиваю я. — По моему, это странно.

— Все, проехали, — кричит Макдермотт. — Ты хочешь спросить — почему? Потому-что-они-закрылись. И-закрывшись-перестали-принимать-заказы! Ты-меня-слышишь?

— Э, не ссы, милый, — хладнокровно произносит Ван Паттен. — Мы идем в «Kaktus».

— У нас там был заказ на десять, хотя нет — пятнадцать минут назад, — говорит Макдермотт.

— Мне кажется, я отменил его, — замечаю я, глотая еще один ксанакс.

— А я заново заказал, — говорит Ван Паттен.

— Ты не оценим, — монотонно замечаю я.

— Я успеваю туда к десяти, — говорит Макдермотт.

— Учитывая, что мне надо остановиться у банкомата, я буду там в десять пятнадцать, — медленно говорит Ван Паттен, считая минуты.

— А как быть с тем, что Жанетт и Эвелин встречаются с нами в «Zeus Bar», где мы не заказали столик? Кто-нибудь думал об этом? — с сомнением спрашиваю я.

— Но «Zeus Bar» закрыт, кроме того, мы отменили заказ, которого у нас там к тому же не было, — говорит Макдермотт, пытаясь сохранять спокойствие.

— По-моему, я сказал и Эвелин, и Жанетт, что мы встретимся там, — говорю я, от ужаса зажимая рот рукой. После паузы Макдермотт интересуется:

— Тебе что, нужны неприятности? Нарываешься?

— Мне звонят, — говорю я. — О боже. Сколько времени? Мне звонят.

— Наверное, кто-то из девушек, — радостно произносит Ван Паттен.

— Подождите, — вижжу я.

— Удачи, — говорит Ван Паттен перед тем, как я переключаюсь.

— Алло? — смиренно спрашиваю я. — Вы звоните...

— Это я, — вопит Эвелин, из-за шума ее почти не слышно.

— А, привет, — небрежно говорю я. — Как дела?

— Патрик, что ты делаешь дома?

— А где ты? — добродушно осведомляюсь я.

— Я-в-«Kaktus», — шипит она.

— А что ты там делаешь? — спрашиваю я.

— Ты сказал, что мы здесь встречаемся, вот что, — говорит она. — Я подтвердила ваш заказ.

— О господи, — говорю я, — я забыл тебе сказать.

— Забыл-сказать что?

— Сказать, что мы туда... — я сглатываю, — не идем. — Я закрываю глаза.

— Кто-такая-черт-возьми-Жанетт? — спокойно шипит она.

— А разве вам там не весело? — спрашиваю я, игнорирую ее вопрос.

— Нам — нет.

— Но почему? — спрашиваю я. — Мы будем... скоро.

— Потому что все это несколько... неуместно, — кричит она.

— Слушай, я тебе сейчас перезвоню, — я собираюсь сделать вид, что записываю номер.

— Ничего не выйдет, — низким, напряженным голосом произносит Эвелин.

— Почему? Телефонисты прекратили бастовать, — пытаюсь я пошутить.

— Потому-что-позади-меня-Жанетт-и-она-хочет-позвонить, — говорит Эвелин.

Я замолкаю очень надолго.

— Па-а-а-трик?

— Эвелин. Давай забудем это. Я выезжаю прямо сейчас. Мы будем очень скоро. Я обещаю.

— О боже...

Я переключаюсь на другую линию.

— Ребята, ребята, кто-то спорол хуйню. Я спорол хуйню. Вы спорили хуйню. Я не знаю, — говорю я в полной панике.

— А в чем дело? — спрашивает один из них.

— Жанетт с Эвелин в «Kaktus», — говорю я.

— Е-мое, — острит Ван Паттен.

— Знаете, парни, — я вполне способен много раз подряд засунуть железную трубку в женское влагалище, — говорю я Ван Паттену и Макдермоттом, а потом, после молчания, которая я ошибочно принял за шок, свидетельствующий о том, что они понимают, насколько я жесток. И потом добавляю: — но с состраданием.

— Да мы все знаем о твоей железной трубке, — говорит Макдермотт, — хорош хвастаться.

— Он что, пытается нам рассказать, что у него здоровый хуй? — спрашивает Крэйга Ван Паттен.

— М-м-м, я не знаю, — отвечает Макдермотт. — Ты это пытаешься нам сказать, Бэйтмен?

После паузы я отвечаю: «Ну-у-у... не совсем». У меня мигает линия ожидания.

— Ну, теперь у меня наконец-то есть повод для зависти, — шутит Макдермотт. — Ну и куда пойдём? Господи, сколько времени?

— Уже неважно. Я ничего не соображаю. — Я настолько голоден, что ем овсяные хлопья прямо из упаковки.

Снова звонок на линии ожидания.

— Может, найдем наркотики?

— Звони Хэмлину.

— Господи, в этом городе зайдешь в туалет — и выйдешь с граммом, так что не волнуйся.

— Кто-нибудь слышал о новой сделке Bell South[44]?

— Завтра в Шоу Патти Винтерс Спадс Маккензи[45].

ДЕВУШКА

Вечер среды. Еще одна девушка, с которой я познакомился в «М.К.» Теперь планирую мучить ее и снимать на видеокамеру. Эта останется для меня безымянной. Она сидит на кушетке в моей гостиной. На стеклянном столике полупустая бутылка Cristal. Я постукиваю в такт мелодии, цифрам, зажигающимся на проигрывателе Wurlitzer. Наконец она спрашивает: «Что это здесь за... запах?». Я отвечаю, промямлив себе под нос: «Дохлая... крыса», — потом открываю окна и стеклянную дверь-купе, ведущую на террасу, несмотря на то, что ночь прохладная — сейчас середина осени, а она одета легко. Но еще один стакан шампанского Cristal, кажется, согревает ее настолько, что она способна спросить, чем я зарабатываю на жизнь. Я говорю ей, что учился в Гарварде, а потом начал работать на Уолл-стрит, в Pierce & Pierce, после того как закончил бизнес-школу. Когда же она, то ли смутившись, то ли в шутку спрашивает: «А что это?», — я сглатываю. Стоя к ней спиной и поправляя нового Оника, я оказываюсь в состоянии выдавить: «Э... обувной магазин». Как только мы пришли, я сделал дорожку кокаина, который нашел в аптечке. Cristal снимает возбуждение, но лишь слегка. Утреннее Шоу Патти Винтерс было о машине, позволяющей разговаривать с умершими. На девушке шерстяные жакет и юбка, блузка из креп-жоржета, сережки из агата со слоновой костью от Stephen Dweck, короткая шелковая жилетка с жаккардовым узором, все от... от кого? Видимо, сборная солянка.

В спальне: голая, вымазанная маслом девушка сосет мой хуй, я стою над ней, хлопаю им по ее лицу, хватаю рукой за волосы, называю «ебаной блядской сукой», но это распяляет ее еще больше. Покорно отсасывая, она принимается драть свой клитор, а когда, облизывая мои яйца, она спрашивает: «Нравится тебе это?», — я, тяжело дыша, бормочу: «Угу». У нее большая крепкая грудь, соски набухли, и пока она давится моим хуем, пока я грубо ебу ее в рот, я сжимаю их, наклонившись вниз. Потом, загнав ей в жопу фаллоимитатор и закрепив его там ремнем, я царапаю ее груди, пока она не просит меня остановиться. Сегодня вечером я ужинал с Жанетт в новом северо-итальянском ресторане возле Центрального Парка в Верхнем Ист Сайде, он оказался очень дорогим. На мне костюм, пошитый у Edward Sexton, и я с грустью думал о нашем семейном доме в Ньюпорте. Сегодня вечером я подвез Жанетт, а потом заехал в «М.К.» на презентацию фонда, имеющего какое-то отношение к Дэну Куэйлу[46], который даже мне не нравится. В «М.К.» девушка, которую я сейчас ебу, подседа ко мне на кушетку, пока я наверху ждал своей очереди на бильярд. «О господи», — произносит она. В возбуждении я хлопаю ее по лицу, потом слегка бью в рот, целую его, кусая губы. Ремень соскальзывает и дилдо выскакивает из зада, пока она пытается отпихнуть меня. Я откатываюсь, притворяюсь, что даю ей ускользнуть, а потом, пока она собирает свои вещи, бормоча что-то вроде: «ненормальный ебанный мудака», — я прыгаю на нее, как шакал, буквально с пеной у рту. Она плачет, извиняется, истерически всхлипывает, умоляет не делать ей больно, прикрывает грудь (теперь уже стыдливо). Но даже эти всхлипывания не возбуждают меня. Я брызгаю в нее спреем Масае, но это доставляет мне мало удовольствия, значительно меньше, чем когда я бью ее головой об стену четыре или пять раз, до тех пор, пока она не теряет сознание. На стене остается небольшое пятно с прилипшим клочком волос. После того как она падает на пол, я бегу в ванную и выкладываю еще одну дорожку посредственного кокаина, купленного вчера вечером в «Nell's» или «Au Bar». Мне слышно, как звонит телефон, срабатывает автоответчик. Низко склонившись над зеркальцем, я не обращаю внимания на звонок, даже не смотрю, кто это.

Позже, как и предполагалось, голая девушка лежит на спине, ноги и руки привязаны к временным стойкам, укрепленным на досках, которые утяжелены металлом. Кисти прибиты множеством гвоздей, ноги раздвинуты как можно шире. Под зад подложена подушка, а вокруг раскрытой пизды намазан сыр бри, часть его я даже запихал во влагалище. Она едва пришла в сознание и когда она видит, как я, голый, возвышаюсь над ней, то ее сознание сковывается ужасом, поскольку во мне практически нет ничего человеческого. Она лежит перед новым телевизором Toshiba, на видеомagneтофе прокручивается старая кассета с последней девушкой, которую я заснял. На мне костюм от Joseph Abboud, галстук от Paul Stuart, ботинки от J.Crew, жилет от какого-то итальянца. Я сижу на корточках возле трупа и пожираю девичьи мозги, посыпая петрушкой куски розовой мясистой плоти.

— Ты видишь? — спрашиваю я девушку, которая не на телеэкране. — Видишь это? Ты смотришь? — шепчу я.

Я пробую засунуть дрель в рот девушки, но она еще в сознании, у нее еще есть силы, чтобы сжать зубы, стиснуть их, и, хотя дрель проходит через них быстро, я теряю к этому интерес. Я поднимаю ее голову (кровь хлещет изо рта), чтобы заставить ее досмотреть кассету, и, пока девушка на экране истекает кровью из всех мыслимых мест, я надеюсь, что эта понимает, что то же самое произойдет и с ней. Что бы она ни сделала, она бы все равно оказалась в моей квартире, с прибитыми к полу руками, с сыром и битым стеклом во влагиалище и треснувшей кровоточащей головой. Даже если бы она не поехала со мной на такси, даже если бы вместо М.К. пошла в «Nell's», «Индокитай», «Au Bar» или «Mars», это бы все равно произошло. Я бы нашел ее. Так уж устроен мир. Я решаю, что сегодня не буду возиться с камерой.

Я пытаюсь втиснуть в ее влагиалище полую пластиковую трубку из разобранной системы Habitrail, натягиваю на ее конец половые губы, но даже с самым жирным оливковым маслом она как следует не входит. В это время на проигрывателе Фрэнки Валли поет «The Worst That Could Happen». Зловеще подпевая одними губами, я пихаю трубку в пизду этой суки. Наконец, после того как я поливаю края пизды кислотой, плоть расходится перед намасленным концом трубки, и вскоре она с легкостью проскальзывает. «Надеюсь, тебе больно», — говорю я. Крыса кидается на стенки стеклянной клетки, пока я несу ее из кухни в гостиную. Она отказалась есть остатки другой крысы, купленной для забавы на прошлой неделе, и гниющей теперь в углу клетки (последние пять дней я намеренно морил ее голодом.) Я ставлю стеклянную клетку рядом с девушкой и, возможно, из-за запаха сыра крыса, похоже, начинает сходить с ума, сперва с писком носится кругами, а потом, пытается перевалить слабое от голода тело через край клетки. Крысу не нужно подстрекать, гнутая одежная вешалка, которую я намеревался использовать, остается нетронутой и пока девушка остается в сознании, зверь беспрепятственно движется с новой энергией, мчится к трубке, покуда половина ее тела не исчезает в ней, а через минуту — крысиное тело дрожит, пока она жрет — скрывается там целиком, оставив только хвост, и я выхватываю трубку из девушки, поймав грызуна в ловушку. Вскоре исчезает и хвост. Звуки, издаваемые девушкой, трудно разобрать.

Я могу сразу сказать, что это будет характерно ненужная, бессмысленная смерть, но я привык к ужасам. Смерть кажется пресной и даже сейчас ей не удастся огорчить или взволновать меня. Я не печалюсь, и, чтобы доказать это самому себе, пару минут понаблюдав за тем, как крыса шевелится в нижней части живота и следя, чтобы девушка оставалась в сознании (она дергает головой от боли, ее глаза расширены от страха и смятения), я беру электрическую пилу и за несколько секунд разрезаю ее на две части. Жужжащие зубья проходят так быстро через кожу, мышцы, сухожилия и кости, что она еще успевает увидеть, как я отделяю ноги от ее бедер и остатков изуродованного влагиалища и поднимаю их перед собой, словно трофеи. Ее безумные расфокусированные глаза еще минуту остаются открытыми, потом закрываются. Перед тем, как она умирает, я бесцельно веду ножом по ее лицу, срезая мясо с ее лба, а потом отрубая ей челюсть. Теперь у нее только полрта и я трахаю ее туда. Не думая о том, дышит ли она еще или уже нет, я пальцами выдавливаю ей глаза.

Показывается голова крысы — она каким-то образом пролезла через все тело. Она вся в пятнах крови, и я замечаю, что, когда отрубал челюсть, снес крысе полхвоста. Я кормлю ее сыром бри, потом запикиваю в крысу столько сыра, что она умирает. Позже бедро и левая лицевая кость девушки пекутся в духовке, а завитки лобковых волос лежат в хрустальной пепельнице Steuben, и, когда я поджигаю их, они сгорают очень быстро.

ЕЩЕ ОДИН НОВЫЙ РЕСТОРАН

Я могу быть довольно веселым и общительным в течение ограниченного периода времени, так что я принимаю предложение Эвелин поужинать в первую неделю ноября в новом супермодном китайском ресторане Luke, в котором предлагают и креольскую кухню, что весьма странно. У нас хороший столик (я зарезервировал его под именем Винтергрин — простейший из триумфов), и я спокоен и уверен в себе, несмотря на то, что Эвелин сидит напротив и что-то лепечет про очень большое яйцо Фаберже, которое крутилось в фойе Piette само по себе, или как-то так. На корпоративную вечеринку по случаю Хеллоуина, которая состоялась на прошлой неделе в ресторане Royalton, я нарядился серийным убийцей, и для ясности на спине была надпись «СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА» (что было значительно мягче, чем надпись «УБИЙЦА ДРЕЛЬЮ», которую я сделал на доске для резки хлеба ранее в тот же день), а под этими словами я намазал кровью: «Да, я такой». Костюм был тоже заляпан кровью, частью искусственной, частью настоящей. В кулаке я сжимал прядь волос Виктории Белл, а рядом с бутоньеркой (маленькая белая роза) была приколотая косточка от пальца, с которого я выварил мясо. Хотя мой костюм был потрясающе продуманным, первое место все равно занял Крейг Макдермотт. Он переоделся Айвеном Буески, что, по-моему, было некрасиво, так как многие полагали, что в прошлом году я переодевался Майклом Милкеном[47]]. Утреннее Шоу Патти Винтерс было посвящено устройствам для домашних аборт.

Первые пять минут после того, как мы сели за столик, проходят прекрасно. Как только приносят заказанный

мною напиток, я инстинктивно тянусь к нему, но оказывается, что я съеживаюсь каждый раз, когда Эвелин открывает рот. Я замечаю, что сегодня здесь ужинает Сол Стейнберг[48]], но не желаю сообщить об этом Эвелин.

— Тост? — предлагаю я.

— Да? За что? — без интереса бормочет она, вытягивая шею и обводя взглядом слабо освещенный белый зал.

— За свободу? — устало спрашиваю я.

Но она не слушает, потому что какой-то английский парень в трехпуговичном костюме в «гусиную лапку», клетчатом шерстяном жилете, хлопчатобумажной оксфордской сорочке с широким воротником, замшевых ботинках и шелковом галстуке, все от Garrick Anderson (однажды после нашей ссоры в «Au Bar» Эвелин назвала его «восхитительным», а я — «карликом») подходит к нашему столику, открыто флиртуя с ней, и меня тошнит от мысли, что она думает, будто я ревную к этому парню, но последним смеюсь все-таки я, когда он спрашивает ее, по-прежнему ли она работает «в той художественной галерее на Первой авеню» и Эвелин, явно раздосадованная, с вытянутым лицом отвечает «нет», поправляет его, и после нескольких неловких слов он идет дальше. Шмыгая носом, она открывает меню и немедленно, не глядя на меня, начинает говорить о чем-то другом.

— А что это за странные футболки я видела? — спрашивает она. — По всему городу. Ты их видел? «Шелковистость — это смерть». Что, какие-то проблемы с кондиционерами для волос? Я что-то пропустила? О чем бишь мы говорили?

— Ты все перепутала. «Наука — это смерть», — вздыхаю я, закрывая глаза. — Господи, Эвелин, только ты могла спутать это с продуктом для волос.

Я не соображаю, что говорю, но я киваю, машу какому-то пожилому мужчине, который стоит у бара, лицо его скрыто тенью, на самом деле я с ним едва знаком, но он поднимает в мою сторону стакан с шампанским и улыбается мне в ответ, и я чувствую большое облегчение.

— Кто это? — слышу я голос Эвелин.

— Один мой друг, — отвечаю я.

— Я не узнаю его, — говорит она. — Р&P?

— Забудь, — вздыхаю я.

— Кто это, Патрик? — спрашивает она, — скорее ее заинтересовала моя неразговорчивость, чем подлинное имя этого человека.

— Зачем тебе? — спрашиваю я в ответ.

— Кто это? — настаивает она. — Скажи мне.

— Мой друг, — произношу я, стиснув зубы.

— Кто это, Патрик? — напирает она, потом, прищурившись, заявляет: — Он не был на моей рождественской вечеринке.

— Нет, не был, — говорю я, барабанив пальцами по скатерти.

— Это не... Майкл Джи Фокс? — все еще прищурясь, спрашивает она. — Актер?

— Едва ли, — говорю я, смертельно устав. — Господи боже мой, его зовут Джордж Левантер. Нет, он не снимался в главной роли в «Секрете Моего Успеха».

— О, как интересно, — Эвелин снова погружается в меню. — Так о чем мы говорили?

Пытаясь вспомнить, я спрашиваю:

— О кондиционерах. О каком-то типе кондиционеров? — Я вздыхаю. — Ты разговаривала с карликом.

— Иан не карлик, Патрик, — говорит она.

— Он необычно невысок, — возражаю я. — Ты уверена, что он не был на твоей рождественской вечеринке... — а потом, понизив голос, — и не подавал закуски?

— Ты не смеешь называть Иана карликом, — говорит она, разглаживая салфетку у себя на коленях. — Я этого не потерплю, — шепчет она, не глядя на меня.

Я не могу удержаться, чтобы не хмыкнуть.

— Это не смешно, Патрик, — заявляет она.

— Это твоя манера разговаривать, — замечаю я.

— Ты что, ждешь, что я буду польщена? — горько спрашивает она.

— Послушай, дорогая, я пытаюсь сделать так, чтобы наша встреча удалась насколько возможно, так что знаешь, не порть ее.

— Прекрати, — произносит она, не обращая внимания на мои слова. — О, посмотри, это Роберт Фарелл[49]].

Помахав ему, она тайком указывает на него мне, — определенно, это Боб Фарелл, всеобщий любимец. Он сидит в северной части зала у окна, и это меня бесит, хоть я и не подаю виду.

— Он очень милый, — с восторгом сообщает она только потому, что замечает, как я разглядываю симпатичную двадцатилетнюю блондинку, сидящую рядом с ним и, чтобы убедиться, что я слышал ее, она шепчет: — Надеюсь, ты не ревнуешь?

— Он красив, — признаю я. — Вид дурацкий, но красив.

— Не будь злокой. Он очень красив, — констатирует она, а потом предлагает. — Почему бы тебе не укладывать волосы так же?

До этого замечания я отвечал автоматически, едва достаивая Эвелин вниманием, но сейчас я в панике и спрашиваю

— А что не так с моими волосами? — За доли секунд мой гнев многократно усиливается: — Что, блядь, не так с моими волосами?

Я легонько дотрагиваюсь до них.

— Ничего, — говорит она, заметив, насколько я огорчен. — Я просто так предложила. — И, наконец, заметив, как я покраснел. — Твои волосы на самом деле... на самом деле выглядят отлично. — Она пытается улыбнуться, но вместо этого ее лицо принимает озабоченное выражение.

Полстакана J&B одним глотком, и я успокаиваюсь настолько, что, глядя на Фарелла, выдаю:

— Вообще-то брюшко у него кошмарное.

Эвелин тоже изучает Фаррела:

— У него нет никакого брюшка.

— Ну как это нет, — говорю я. — Посмотри.

— Он просто так сидит, — сердито отвечает Эвелин. — А ты...

— Это брюшко, Эвелин, — подчеркиваю я.

— Ты ненормальный, — машет она на меня рукой. — Псих.

— Эвелин, человеку тридцати нет.

— Ну и что? Не все же такие культуристы, как ты, — раздраженно, вновь глядя в меню, заявляет она.

— Я не культурист, — вздыхаю я.

— Ну пойд и двинь ему по носу, раз ты такой здоровый, — говорит она, отмахиваясь от меня. — Мне все равно.

— Не искушай меня, — предостерегаю я, а потом, вновь глядя на Фаррела, бормочу: — Что за ублюдок.

— О господи, Патрик. Ты не должен быть таким раздражительным, — злобно произносит Эвелин, по-прежнему глядя в меню. — Твоя злость ни на чем не основана. Что-то с тобой не так.

— Взгляни на его костюм, — замечаю я, не в состоянии остановиться. — Посмотри, как он одет.

— Подумаешь, — она переворачивает страницу, обнаруживает, что на следующей ничего нет и возвращается к странице, которую только что изучала.

— Ему не приходило в голову, что этот костюм омерзителен? — спрашиваю я.

— Патрик, ты всегда был похож на психа, — твердит она, качая головой. Теперь она изучает винную карту.

— Черт возьми, Эвелин. Что значит — был похож? — говорю я. — Я, блядь, и сейчас существую.

— Тебе обязательно нужно спорить? — спрашивает она.

— Не знаю, — пожимаю я плечами.

— Ладно, я собиралась тебе рассказать, что случилось с Меланией и Тейлором и... — заметив кое-что, она продолжает, не делая паузы, — ...прекрати разглядывать мою грудь, Патрик. Смотри на меня, а не на мою грудь. Так или иначе, Тейлор Грасгрин и Мелания были в... Ну ты знаешь Меланию, она училась в Бриаре. Еще у нее отец — владелец всех этих банков в Далласе, помнишь? А Тейлор учился в Корнельском университете. Они должны были встретиться в «Cornell Club», а потом у них был заказан на семь столик в «Mondrian», и Тейлор был одет... — Она останавливается, начинает сначала. — Нет. В «Le Cygne». Они должны были пойти в «Le Cygne» и Тейлор был... — Она снова останавливается. — О, господи, нет, в «Mondrian». Столик в «Mondrian» был заказан на семь, и он был в костюме от Piero Dimitri. Мелания прошла по магазинам. Кажется, она была в Bergdorf's, хотя я не уверена, ну да ладно... хотя да, точно в Bergdorf's, потому что на следующий день она пришла в этом шарфике, ну да ладно, а перед этим она дня два не ходила на свой класс аэробики и на них напали в...

— Официант, — говорю я кому-то, кто идет мимо. — Еще J&B?

Я показываю на стакан, сожалея о том, что фраза прозвучала скорее как вопрос, чем как требование.

— Ты не хочешь узнать, что произошло? — с неудовольствием спрашивает Эвелин.

— Я затаил дыхание, — безо всякого интереса вздыхаю я. — Не могу дождаться.

— Так вот, случилась совершенно невероятная вещь, — говорит она.

Я думаю: «Впитываю каждое твое слово». Я замечаю, что в ней полностью отсутствует чувственность, и это впервые задевает меня. Раньше именно это мне в ней и нравилось. Теперь это огорчает меня, кажется зловещим, наполняет несказанным ужасом. На последней встрече — это было вчера — психоаналитик, к которому я ходил последние два месяца, спросил: «Каким методом контрацепции пользуетесь вы с Эвелин?» — а я вздохнул, перед тем как ответить, мой взгляд остановился на небоскребе за окном, потом на картине над стеклянным журнальным столиком Turchin, гигантской наглядной оптической репродукции графического эквалайзера другого художника, не Оника. «Ее работой». Потом он спросил о сексуальном акте, который она предпочитает, и я совершенно серьезно ответил: «Лишение права выкупа закладной». Смутно сознавая, что если бы в ресторане не было людей, то я взял бы лежащие на столе нефритовые палочки, сунул бы их глубоко в глаза Эвелин, а потом переломил бы пополам, я киваю, делая вид, что слушаю, но я уже отошел и палочек не трогаю. Вместо этого я заказываю бутылку Chassagne Montrachet.

— Ну разве это не забавно? — спрашивает Эвелин.

Мой рот искривлен презрением и, хихикая вместе с ней, я признаю: «Безумно». Я произношу это неожиданно безучастно. Мой взгляд скользит по ряду женщин в баре. Есть ли среди них те, которых я хотел бы выебать? Наверно. Симпатичную длинноногую девку, сидящую с краю? Возможно. Эвелин разрывается между салатом из изюма и окры, и салатом из запеченой свеклы, лесных орехов, молодой зелени и эндивия, а я внезапно чувствую, словно мена напичкали клонопином, средством от колик, но оно не действует.

— Господи, двадцать долларов за ебанный яичный рулет? — бормочу я, изучая меню.

— Он с кремовым соусом, немного обжаренный, — говорит она.

— Это, блядь, яичный рулет, — протестую я.

На что Эвелин отвечает:

— Ты такой изысканный, Патрик.

— Нет, — пожимаю плечами я. — Просто разумный.

— Мне ужасно хочется белуги, — произносит она. — А, милый?

— Нет, — говорю я.

— Но почему, — надув губки, спрашивает она.

— Потому что я не хочу ничего консервированного или иранского, — вздыхаю я.

Она высокомерно шмыгает носом и снова смотрит в меню.

— Му фу джамбалайя у них действительно первоклассная.

Тают минуты. Мы делаем заказ. Приносят еду. Как обычно, тарелки из массивного белого фарфора; посередине лежат два кусочка сашими из поджаренной лакедры с имбирем, окруженные маленькими кучками васаби, вокруг выложено немного сушеных водорослей, в верхней части тарелки лежит одна маленькая креветка, и еще одна лежит внизу, свернувшись. Я прихожу в замешательство, поскольку мне казалось, что это преимущественно китайский ресторан. Долгое время я смотрю на тарелку, а когда я прошу принести воды, то наш официант появляется с перечницей в руках и навязчиво крутится возле нашего стола, каждые пять минут спрашивая, не желаем ли мы «может быть, немного перца?» или «еще поперчить?», а когда кретин уходит к другому столику, сидящие за которым люди, как мне видно краем глаза, прикрывают свои тарелки руками, я делаю жест метрдотелю и, когда он подходит, прошу его:

— Не будете ли вы так любезны передать тому официанту с перечницей, чтобы он прекратил висеть над нашим столом. Мы не хотим перца. Мы не заказывали ничего такого, что нуждается в перце. Никакого перца.

Попросите его уйти.

— Разумеется. Мои извинения, — метрдотель униженно кланяется.

Смущенная Эвелин спрашивает:

— К чему такая вежливость?

Я откладываю вилку и закрываю глаза:

— Почему ты постоянно выводил меня из себя?

Она делает глубокий вдох.

— Давай просто поговорим. Без вопросов. Хорошо?

— О чем? — отгрызаюсь я.

— Слушай, — произносит она, — Собрание Молодых Республиканцев в Пла... — Она останавливается, словно

вспомнив что-то, — ... в Трамп Плаза в следующий вторник.

Я хочу сказать ей, что не смогу, надеясь и моля бога, чтобы у нее были другие планы, хотя сам, бог ты мой, пьяный и уторчанный пригласил ее в «Mortimer's» или «Au Bar».

— Мы идем?

Помедлив, я угрюмо отвечаю:

— Наверное.

На десерт я придумал кое-что особенное. Сегодня во время завтрака с Крейгом Макдермоттом, Алексом Бакстером и Чарльзом Кеннеди в «21» я украл в мужской уборной, когда служитель не видел, дезинфицирующий шарик из писсуара. Дома я облил его дешевым шоколадным сиропом, заморозил, а потом положил в пустую коробочку Godiva, перевязал шелковой ленточкой, и теперь, извинившись, я иду в кухню, по пути забираю сверток в гардеробе, и прошу нашего официанта подать это на стол «в коробочке» и передать сидящей даме, что мистер Бэйтмен звонил ранее, чтобы заказать это специально для нее. Я даже говорю ему, чтобы он положил туда какой-нибудь цветок, и даю ему пятьдесят долларов. Когда наши тарелки убраны, официант приносит это, и я поражаюсь тому, как он все обставил; он даже накрыл коробочку крышечкой в виде серебряного купола и Эвелин ахает от восторга, когда он со словами «Voi-ra![50]» приподнимает крышечку; она тянется за ложечкой, которую он положил рядом с ее стаканом для воды (я проследил, чтобы он был пуст) и, повернувшись ко мне, говорит: «Патрик, как это мило», — а я, улыбаясь, киваю официанту, и жестом показываю ему уходить, когда он пытается положить ложечку рядом со мной.

— Ты что, не будешь? — озабоченно спрашивает Эвелин. Она с волнением и готовностью зависла над облитым шоколадом писсуарным шариком. — Я обожаю Godiva.

— Я не голоден, — говорю я. — Обед был... сытным.

Она наклоняется, нюхает коричневый овал и, уловив слабый запах чего-то (вероятно, дезинфицирующего средства) спрашивает меня теперь уже с тревогой:

— Ты... точно не будешь?

— Нет, дорогая, — говорю я. — Я хочу, чтобы ты ее съела. Тут не так много.

Она кладет в рот первый кусочек, послушно жует, на ее лице сразу же появляется отвращение, потом глотает. Содрогнувшись, она морщится, но пытается улыбнуться, откусывая второй раз.

— Ну как? — спрашиваю я. — Ешь. Она ведь не отравлена.

Ее лицо, искаженное омерзением, бледнеет еще сильнее, как будто она подавилась.

— Ну что? — ухмыляясь, спрашиваю я. — Вкусно?

— Она слишком... — На ее лице застыла гримаса, содрогнувшись, она закашливается. — Она слишком мятная...

Она пытается признательно улыбнуться, но это невозможно. Схватив мой стакан с водой, она залпом выпивает его, отчаянно пытаясь освободиться от вкуса во рту. Заметив мой встревоженный вид, снова пытается улыбнуться, на этот раз с извиняющимся видом.

— Она просто... — она вновь содрогается, — ...такая мятная.

Эвелин кажется мне большим черным муравьем — большим черным муравьем, который одет в подлинного Christian Lacroix и ест писсуарный шарик, и я едва не начинаю смеяться, но в то же время мне не хочется, чтобы у нее не закрались сомнения. Я не хочу, чтобы она допустила мысль о том, чтобы не доедать мочевую конфету. Но она не может больше есть и, откусив лишь два кусочка, делает вид, что насытилась, отодвигает испоганенную тарелку, и в этот момент я начинаю испытывать странные чувства. Хотя я сначала удивлялся тому, как она может это есть, но теперь это огорчает и внезапно наводит на мысль, что, несмотря на все удовольствие от зрелища Эвелин, поедающей нечто, на что мочился я и бесчисленное количество других людей, в конце концов, это получилось за мой счет, — это антиоргазм, пустое оправдание за проведенные вместе с ней три часа. Мои челюсти непроизвольно начинают сжиматься, расслабляются, сжимаются, расслабляются. Эвелин хриплым голосом спрашивает официанта, не мог бы он принести ей таблеток для горла из корейского магазина за углом.

Потом все развивается предельно просто. Ужин достигает своей критической отметки, когда Эвелин заявляет:

— Я хочу твердых обязательств.

Вечер уже и так вполне испорчен, так что это замечание не может его ухудшить и не застает меня врасплох, но неразумность ситуации давит на меня, и я пихаю свой стакан с водой к Эвелин, и прошу официанта унести полусъеденный писсуарный шарик. Вместе с остатками десерта улетучивается и моя способность терпеть этот ужин. Впервые я замечаю, что последние два года она смотрит на меня не с обожанием, а с чем-то, похожим на

жадность. Кто-то, наконец, приносит ей стакан для воды и бутылку Evian, — я не помню, чтобы она ее заказывала.

— Мне кажется, Эвелин, что... — начинаю я снова и снова, — ...что мы утратили связь.

— Почему? В чем дело?

Она машет паре — это Лоуренс Монтомгери и Джина Вебстер — и через всю залу Джина (если это она) поднимает руку в браслете. Эвелин одобритительно кивает.

— По большому счету, моя... потребность вести себя... убийственным образом не может быть, м-м-м... исправлена, — продолжаю я, тщательно взвешивая каждое слово. — Но у меня... нет других способов выплеснуть заблокированные потребности.

Я удивлен тому, сколько эмоций вызывает во мне это признание. Оно изнуряет меня; я ощущаю легкость в голове. Как обычно, Эвелин не понимает, о чем я говорю, и я думаю, сколько времени мне потребуется, чтобы окончательно избавиться от нее.

— Нам надо поговорить, — тихо произношу я.

Она отставляет пустой стакан и смотрит на меня.

— Патрик, — начинает она. — Если ты опять хочешь завести речь о том, что мне нужно сделать операцию по увеличению груди, то я ухожу, — предупреждает она.

Поразмыслив над этим, я говорю:

— Все кончено, Эвелин. Все кончено.

— Трогательно, трогательно, — произносит она, жестом показывая официанту принести еще воды.

— Я серьезно, — тихо говорю я. — Между нами все кончено. Это не шутка.

Она вновь смотрит на меня и мне кажется, что кто-то, может быть, действительно понимает, что я пытаюсь сказать, но тут она вставляет:

— Давай оставим эту тему, хорошо? Мне жаль, что я сказала что-то не то. Мы будем кофе?

Она снова машет официанту.

— Я буду эспрессо без кофеина, — говорит Эвелин. — Патрик?

— Портвейн, — вздыхаю я. — Любой портвейн.

— Желаете взглянуть на... — начинает официант.

— Просто самый дорогой портвейн, — обрываю я его, — и, да, бутылку пива.

— Да уж, — бормочет Эвелин после того, как официант уходит.

— Ты все еще ходишь к своему знахарю? — спрашиваю я.

— Патрик, — предостерегающе замечает она. — К кому?

— Извини, — вздыхаю я. — К своему психоаналитику.

— Нет, — она открывает сумочку, что-то ищет.

— Почему? — озабоченно спрашиваю я.

— Я тебе говорила, почему, — закрывая тему, говорит она.

— Но я не помню, — поддразниваю я ее.

— В прошлый раз он спросил, могу ли я провести его и еще троих человек вечером в «Nell's». — Она рассматривает свои губы в зеркальце. — Но почему ты спрашиваешь?

— Мне кажется, тебе надо ходить к кому-нибудь, — нерешительно, но искренне говорю я. — Мне кажется, ты эмоционально нестабильна.

— У тебя в квартире висит плакат с Оливером Нортон[51] и ты называешь меня нестабильной? — спрашивает она, роясь в сумочке.

— Да, ты нестабильна, Эвелин, — говорю я.

— Это преувеличение. Ты преувеличиваешь, — упорствует она, перетряхивая сумочку и не глядя на меня.

Я вздыхаю, потом заговариваю серьезным тоном:

— Мне не хотелось бы развивать тему, но...

— Как нехарактерно для тебя, Патрик, — вставляет она.

— Эвелин, это нужно прекратить, — вздыхаю я, обращаясь к своей салфетке. — Мне двадцать семь и я не желаю быть отягощенным обязательствами.

— Что, милый? — спрашивает она.

— Не называй меня так, — огрызаюсь я.

— Как? Милым? — спрашивает она.

— Да, — снова огрызаюсь я.

— А как ты хочешь, чтобы я называла? — с негодованием спрашивает она. — Господин исполнительный директор? — Она выдавливает смехок.

— О господи.

— Нет, правда, Патрик. Как ты хочешь, чтобы я тебя называла?

Король, думаю я. Король, Эвелин. Я хочу, чтобы ты называла меня королем. Но не говорю этого.

— Эвелин, я хочу, чтобы ты никак меня не называла. Я думаю, нам не стоит больше видеться.

— Но твои друзья — мои друзья. А мои друзья — твои. Мне кажется, так не получится, — говорит она, уставившись в какую-то точку над моим ртом. — У тебя на верхней губе крошка. Стряхни салфеткой.

В раздражении я смахиваю крошку.

— Слушай, я знаю, что твои друзья — мои друзья и наоборот. Я думал об этом.

Помедлив, сделав глубокий вдох, я заканчиваю:

— Забери их себе.

Наконец она в замешательстве смотрит на меня и мямлит:

— Ты что, серьезно, что ли?

— Да, — говорю я. — Серьезно.

— Но... как же мы? Наше прошлое? — тупо спрашивает она.

— Прошлое — не реальность. Это всего лишь сон, — говорю я. — Не говори о прошлом.

Она подозрительно прищуривает глаза.

— Ты что-то имеешь против меня, Патрик?

Сразу же злоба на ее лице сменяется ожиданием, возможно, надеждой.

— Эвелин, — вздыхаю я. — Прости. Просто... я к тебе равнодушен.

Сразу же она с вызовом спрашивает:

— А к кому ты не равнодушен? К кому, Патрик? Кто тебе нужен? — После злобной паузы она продолжает: — Шер?

— Шер? — в замешательстве переспрашиваю я. — Шер? О чем ты? А, ладно. Я хочу, чтобы это закончилось.

Мне нужен регулярный секс. Мне надо развеяться.

За несколько секунд она впадает в бешенство, с трудом сдерживая истерику, охватывающую ее тело. Я не так сильно наслаждаюсь этим, как предполагал.

— Но как же наше прошлое? — тщето спрашивает она.

— Не говори о нем, — отвечаю я, наклоняясь вперед.

— Но почему?

— Потому что его у нас не было, — говорю я, пытаюсь не повышать голос.

Она берет себя в руки и, игнорируя меня, вновь открывает сумочку и бормочет:

— Это патология. Ты ведешь себя патологично.

— А это что значит? — обиженно спрашиваю я.

— Какая мерзость. Это патология. — Она отыскивает коробочку для пилюль от Laura Ashley и со щелчком открывает ее.

— Патология чего? — интересуюсь я, пытаюсь улыбнуться.

— Хватит об этом, — она вынимает неизвестную мне таблетку и запивает ее моей водой.

— У меня патология? Ты говоришь мне, что у меня патология? — спрашиваю я.

— Мы по-разному смотрим на мир, Патрик, — шмыгает она носом.

— И слава богу, — злобно говорю я.

— Ты бесчеловечный, — произносит она, пытаюсь, как мне кажется, не расплакаться.

— Я... — запинаясь я, пытаюсь защищаться, — в контакте... с человечеством.

— Нет, нет, нет, — качает она головой.

— Я знаю, мое поведение... иногда выглядит сумасбродным, — мямлю я.

Неожиданно она в отчаянии берет меня за руку и притягивает ее к себе:

— Ну что ты хочешь, чтобы я сделала? Чего ты хочешь?

— О Эвелин, — издаю я стон, убирая свою руку, потрясенный тем, что наконец-то задел ее.

Она плачет.

— Что мне сделать, Патрик? Скажи мне. Пожалуйста.

— Тебе надо... О господи, Эвелин. Я не знаю. Ничего ты не можешь сделать.

— Пожалуйста, ну что? — тихо всхлипывает она.

— Не так часто улыбаться? Лучше разбираться в машинах? Реже повторять мое имя? Это ты хочешь услышать? — спрашиваю я. — Это ничего не изменит. Ты даже пива не пьешь, — бормочу я.

— Но ведь и ты не пьешь.

— Это неважно. Кроме того, я только что заказал бутылку. Вот.

— Ох, Патрик...

— Если ты вправду хочешь что-нибудь для меня сделать, то перестань устраивать мне сцену, — говорю я, в смущении глядя на зал.

Как только официант ставит на стол эспрессо без кофеина, портвейн, и пиво, она просит его:

— Я буду... что? — она со слезами, в замешательстве и испуге смотрит на меня. — Корону? Ты это пьешь, Патрик, да? Корону?

— О господи. Прекрати Пожалуйста, извините ее, — говорю я официанту, а потом, как только он отходит, — да, Корону. Но мы в ебаном китайском ресторане, так что...

— О боже, Патрик, — всхлипывает она, сморкаясь в носовой платок, который я швырнул ей. — Ты — дрянь. Ты... не человек.

— Нет, я... — я вновь запинаясь.

— Ты... не... — она останавливается, вытирает лицо, не в состоянии закончить фразу.

— Я не что? — с интересом, в ожидании, спрашиваю я.

— Ты душевно... — шмыгает она носом, опуская глаза, плечи ее никнут, — нездоров. Ты... — задыхается она, — непредсказуем.

— Я предсказуем, — с негодованием, в свою защиту, произношу я. — Я вполне предсказуем.

— Ты чудовище, — всхлипывает она.

— Нет, — отвечаю я, глядя на нее смущенно. — Это ты чудовище.

— О господи, — стонет она, так что люди, сидящие за соседним столиком смотрят на нас. — Просто не верится.

— Ну все, я ухожу, — успокаивающе говорю я. — Я оценил обстановку и ухожу.

— Не надо, — говорит она, хватая меня за руку. — Не уходи.

— Я ухожу, Эвелин.

— Куда ты? — внезапно она выглядит вполне собранной. Она позаботилась о том, чтобы слезы, которых на самом деле было совсем немного, не испортили ее макияж. — Скажи, Патрик, куда ты идешь?

Я кладу сигару на стол. Она настолько расстроена, что оставляет это без комментариев.

— Я просто ухожу, — отвечаю я.

— Но куда? — спрашивает она, и в ее глазах вновь появляются слезы. — Куда ты уходишь?

Похоже, в ресторане все посетители, которые слышат наш разговор, стараются смотреть в другую сторону.

— Куда ты? — опять спрашивает она.

Я не отвечаю, запутавшись в собственном лабиринте. Я думаю о другом: о гарантиях, о предложениях биржи, о первичном размещении акций, о финансировании, о рефинансировании, об облигациях, о конвертации, о доверенностях, о годовых отчетах, о квартальных отчетах, о нулевой прибыли, о валовом национальном продукте, о дорогих безделушках, о миллиардерах, о Кенкичи Накаджиме[52], о бесконечности, о Бесконечности, о том, как быстро ездят дорогие машины, о благотворительных аукционах, о липовых бонах, о том, не отказаться ли от подписки на Economist, о том рождественском вечере, когда мне было четырнадцать и я изнасиловал горничную, о Включенности, о зависти к другим, о том, можно ли выжить после трещины в черепе, об ожидании в аэропортах, о сдавленном крике, о кредитных карточках, о чем-то в паспорте, о коробке спичек из La Cote Basque, забрызганном кровью, о поверхности, поверхности, поверхности, Роллс — это Роллс — это Роллс. Для Эвелин наши отношения желтые и голубые, для меня же они — серое место, по большей части черное, разбомбленное, обрывки фильма в моей голове — бесконечные кадры камней, любой язык совершенно незнаком мне, звук затмевается новыми образами: хлещущая из банковских автоматов кровь, женщины, рожающие из анальных отверстий, зародыши замороженные или всмятку (а это как?), ядерные боеголовки, миллиарды долларов, полное уничтожение планеты, кого-то бьют, кто-то умирает, иногда бескровно, но чаще всего от выстрелов, заказные убийства, кома, жизнь, сыгранная как дурная телекомедия, пустой экран, превращающийся в мыльную оперу. Это изолированное место, которое служит только для того, чтобы было видно мою ослабшую способность чувствовать. Я в центре, вне времени, и никто не желает установить мою личность. Внезапно я представляю скрюченный рассыпающийся скелет Эвелин и это наполняет меня восторгом. Я долго не отвечаю на ее вопрос «Куда ты?» — но, сделав глоток портвейна, потом пива, я поднимаюсь и говорю ей, думая в то же время: если бы я был настоящим роботом, то в чем была бы разница?

— В Ливию, — а потом после долгой паузы, — нет, в Паго-Паго. Я хотел сказать, в Паго-Паго. — И добавляю: — Из-за твоей выходки, я не буду платить по счету.

ПОПЫТКА ПРИГОТОВИТЬ И СЪЕСТЬ ДЕВУШКУ

Ноябрьский рассвет. Я не могу заснуть и верчусь на футоне, прямо в костюме. В голове, кажется, кто-то устроил фейерверк, постоянная изнурительная боль не дает закрыть глаза, полная беспомощность. Нет ни наркотиков, ни еды, ни алкоголя, которые бы могли притупить эту пожирающую боль; все мои мускулы напряжены, нервы воспалены. Каждый час я принимаю соминекс, так как далман кончился, но ничего не помогает и вскоре пачка соминекса пуста. В углу моей спальни лежат вещи: пара женских туфель от Edward Susan Bennis Allen, кисть руки с отсутствующими большим и указательным пальцами, свежий номер Vanity Fair, залитый чьей-то кровью, кушак, пропитанный свернувшейся кровью, из кухни тянется запах свежей кипящей крови, и когда, поднявшись с кровати я ковыляю в гостиную, мне кажется, что дышат стены, и вонь разложения окутывает все вокруг. Я закуриваю сигару в надежде, что дым хотя бы слегка перебьет запах.

Груди ее отрублены, они синие и спущенные на вид, возле сосков — что-то коричневое, это смущает меня. Груди довольно изящно лежат, окруженные засохшей черной кровью, на китайском блюде, купленном в Pottery Barn, которое стоит на крышке проигрывателя Wurlitzer в углу, хотя я и не помню, как я ставил его туда. Кроме того, я сбрил с ее лица всю кожу и большинство мышц, так что оно теперь похоже на череп с ниспадающей гривой длинных, вьющихся светлых волос, соединенный с холодным трупом. Ее глаза открыты, а глазные яблоки висят из глазниц на своих стебельках. Большая часть грудной клетки неотличима от шеи, напоминающей фарш, живот похож на лазанью с баклажаном и козьим сыром, которую подают в Il Malibro, или еще на какую-то собачью еду. Преобладают красный, белый и коричневый цвета. Часть внутренностей размазана по стене, другие, скатанные в шарики, раскиданы по журнальному столику со стеклянной крышкой; они похожи на длинных синих червей-мутантов. На теле остались ошметки кожи, — они сине-серые, цвета фольги. Из влагища выделилась густая коричневая жидкость, пахнущая, как больное животное, словно крысу загнали обратно внутрь и она там сдохла, или что-то в этом духе.

Следующие пятнадцать минут я провожу рядом с ней, вытягивая синеватые нити внутренностей, большая часть которых все еще соединена с телом. Я запихиваю их себе в рот, давлось ими, на вкус они кажутся сырыми, наполненными какой-то дурно пахнущей пастой. Покопавшись в ней час, я ломаю ее позвоночник и решаю завернуть это все в папиросную бумагу и под другим именем послать с Federal Express Леоне Хелмсли[53]]. Я хочу выпить девичьей крови, словно шампанским, и погружаю лицо в то, что осталось от ее живота, царапаясь о сломанное ребро. В одной из комнат огромный новый телевизор, в котором сперва орет Шоу Патти Винтерс, сегодняшняя тема которого — Наши Питомцы, а потом — игровое шоу Колесо Фортуны. Звук аплодисментов, раздающихся в студии каждый раз, когда открывается новая буква, похож на радиопомехи. Тяжело дыша, окровавленной рукой я ослабляю узел галстука, который все еще на мне. Это моя реальность. Все, что вне ее, похоже на фильм, который я когда-то видел.

В кухне я пытаюсь приготовить из девушки мясной пудинг, но задача оказывается непосильной, и вместо этого я все утро размазываю мясо по стенам, жую кусочки кожи, содранные с тела, а потом, отдыхая, просматриваю записанную на прошлой неделе комедию CBS «Мерфи Браун». После этого и большого стакана J&W я снова на кухне. Голова в микроволновой печи уже абсолютно черная и безволосая, и я ставлю на плиту небольшую кастрюльку, чтобы выварить оставшееся мясо, которое не удалось сбрить. Засунув останки тела в мусорный мешок — мои мускулы, натренированные Van-Gay, легко справляются с мертвым весом — я решаю использовать все, что осталось, для какой-нибудь колбаски.

Играет компакт-диск Ричарда Маркса, на кухонном столе пакет из Zabar's, баночки с маринованным луком и специями. Я перемалываю кости, жир, мясо и леплю из них маленькие тефтельки, и хотя временами меня пронзает мысль, как ужасно то, чем я сейчас занимаюсь, я напоминаю себе, что вот эта девушка, это мясо — ничто, это дерьмо, и вместе с ксанаксом (который я теперь принимаю каждые полчаса) эта мысль мгновенно успокаивает меня и я мурлыкаю, мурлыкаю мотив к шоу, которое я часто смотрел ребенком — The Jetsons? The Banana Splits? Scooby Doo? Sigmund and the Sea Monsters? Я помню песню, мелодию, даже тональность, в которой она пелась, но не само шоу. Может быть, Lidsville? Или H.R.Pufnstuf? Между ними я задаю себе и другие вопросы, например, «Посадят ли меня когда-нибудь?» или «Было ли у этой девушки доверчивое сердце?» Запах крови и мяса пропитал квартиру так, что я больше его не чувствую. Но позже моя дикая радость проходит и я плачу, оплакиваю себя, не в состоянии найти утешение ни в чем, всхлипывая, бормочу «Я лишь хочу, чтобы меня любили», проклиная мир и все, чему меня учили: принципы, различия, выбор, мораль, компромиссы, знание, сообщество, молитвы — все это было неправильно, не имело никакой цели. В конце

концов, все свелось к одному: смириться или умереть. Я представляю свое безучастное лицо, изо рта слышится бесплотный голос: Это ужасные времена. Черви уже корчатся в колбаске из человечины, слюна капает на них с моих губ, а я так и не могу понять, правильно ли я готовлю, потому что плачу навзрыд и никогда прежде ничего не готовил.

УЗИ В ГИМНАСТИЧЕСКОМ ЗАЛЕ

Безлунный вечер, пустая раздевалка в Xclusive. После двухчасовой тренировки я чувствую себя хорошо. В моем ящичке «Узи», обошедший мне в семьсот долларов, и, хотя в моем портфеле Bottega Veneta лежит еще и Ruder Mini (469 долларов), который предпочитают многие охотники, мне все равно не нравится его вид. В «Узи» есть что-то мужественное, что-то драматическое, и это возбуждает меня. Сидя с наушниками на голове, в двухсотдолларовых черных велосипедных шортах с лайкрой, валиум только начал действовать, я вглядываюсь во мрак раздевалки, испытывая соблазн. Вчерашнее изнасилование и последующее убийство студентки Нью-Йоркского университета за супермаркетом Gristede's на Университетской площади, возле ее общежития, несмотря на неподходящее время и нехарактерную продолжительность были в высшей степени удовлетворительными, и хотя смена настроения застаёт меня врасплох, я философски настроен и убираю автомат — символ порядка в моих глазах — обратно в ящик, чтобы воспользоваться им в другой раз. Мне предстоит вернуть видеокассеты, снять деньги в автомате и поужинать в 150 Wooster, где было сложно заказать столик.

ПОГОНЯ, МАНХЭТТЕН

В четверг вечером в «Bouley» довольно невыдающийся марафонский ужин. Даже после того, как я объявил столу: «Ребята, послушайте, моя жизнь — это суший ад», они полностью проигнорировали меня. Собравшиеся (Ричард Перри, Эдвард Ламперт, Джон Констебль, Крейг Макдермотт, Джим Креймер, Лукас Теннер) продолжают спорить о размещении акций, о том, на какие облигации лучшие перспективы в новой декаде, о девках, недвижимости, золоте, о том, почему долгосрочные облигации нынче слишком рискованны, о широких воротничках, о портфелях ценных бумаг, о том, как эффективно использовать власть, о новых способах тренировок, о «Столичной-Кристалл», как лучше всего произвести впечатление на очень важных людей, о неустанной бдительности, о жизни в лучших ее проявлениях, а я здесь, в «Bouley», похоже, не в состоянии владеть собой, в этом зале собралась целая куча жертв, в последнее время они попадают мне на глаза всюду — на деловых встречах, в ночных клубах, в ресторанах, в проезжающих мимо такси и в лифтах, в очередях к банковским автоматам и на порновидеокассетах, на коробках печенья и на CNN, — повсюду, и у всех них есть общее: они — добыча, и за ужином я едва не слетаю с катушек, ухнув в состояние, похожее на головокружение, поэтому перед десертом я вынужден извиниться и пойти в туалет, там я делаю дорожку кокаина, забираю в гардеробе свое шерстяное пальто от Giorgio Armani, из которого едва не выпирает Магnum-357 в кобуре, и вот я на улице, но в утреннем Шоу Патти Винтерс было интервью с человеком, поджегшим свою дочь, когда та рожала, а за ужином мы все заказали акулу...

... в Трибеке туман, с неба вот-вот закапает, местные рестораны пусты, после полуночи улицы пустынные, кажутся нереальными, единственный признак жизни — звук саксофона на углу Дуане Стрит, в дверях бывшего DuPlex, заброшенного быстро, закрывшегося в прошлом месяце, молодой бородатый парень в белом берете исполняет очень красивое, но заезженное соло на саксофоне, возле его ног раскрытый зонтик с влажным долларом, и какая-то мелочь, не устояв, я подхожу к нему, слушаю музыку, что-то из «Отверженных», он видит меня, кивает, и пока он закрывает глаза — подняв инструмент, откинув голову, — видимо, ему кажется, что это очень патетическое место, — я одним движением выхватываю из кобуры 357-ой Магnum, и, не желая никого будить, прикручиваю к пистолету глушитель, по улице, проносится холодный осенний ветер, когда же жертва, открыв глаза, замечает пистолет, она прекращает играть, мундштук саксофона по-прежнему во рту, я тоже медлю, потом киваю ему продолжать, что он и делает неуверенно, а я поднимаю пистолет к его лицу и на середине ноты нажимаю на курок, но глушитель не срабатывает, и в то же мгновение, когда позади его головы возникает огромный малиновый круг, прогремевший звук выстрела оглушает меня, ошеломленный, все еще с живыми глазами, он падает на колени, затем на саксофон, я выщелкиваю обойму и меняю ее на полную, но в это время случается неприятность...

... потому что во время убийства я не заметил патрульную машину, двигавшуюся позади меня — с какой целью? бог его знает, может, они расклеивают штрафы за неправильную парковку? — но после того как звук магнума отзывается эхом, смолкает, сирена патрульной машины пронзает ночь, ниоткуда, заставив забиться мое сердце, медленно, поначалу небрежно, словно невинный, я начинаю удаляться от вздрагивающего тела, но потом срываюсь на бег, со всех ног, патрульная машина взвизгивает за мной, сквозь громкоговорители копы

понапрасну кричат «стойте остановитесь стойте бросьте на землю оружие», пропуская их крики мимо ушей, я поворачиваю налево на Бродвей, устремляясь вниз по Сити Хол Парк, ныряю в аллею, патрульная машина не отстает, но только до половины, потому что аллея сужается, фонтанчик синих искр вылетает прежде, чем они останавливаются, а я изо всех сил добегаю на Черч Стрит, где торможу рукой такси, плюхаюсь на переднее сиденье и совершенно ошеломленному шоферу, молодому иранцу, — «выматывайся быстро отсюда — никуда не едем», размахивая у него перед лицом пистолетом, но он паникует, кричит на плохом английском «не стреляй в меня пожалуйста не убивай», поднимает руки, я бормочу «черт» и ору «поехали», но его объят ужас, «не стреляй брат не стреляй», я нетерпеливо бормочу «да пошел ты» и, поднеся пистолет к его лицу, нажимаю на курок, пуля раскраивает его голову, раскалывает на половинки как темно-красный арбуз о ветровое стекло, протянувшись над ним, я открываю дверь, выпихиваю труп, захлопываю дверь, трогаюсь...

...задыхаясь от бега и адреналина, я проезжаю всего лишь пару кварталов, частично из-за паники, но в основном из-за крови, мозга, осколков черепа на ветровом стекле, я едва избегаю столкновения с другим такси на Франклин — так ли? — и на Гринвич, резко уйдя вправо и стукнувшись в бок припаркованного лимузина, затем даю задний ход, с визгом несусь вниз по улице, включаю дворники на ветровом стекле, слишком поздно понимая, что кровь залила стекло изнутри, пытаюсь стереть ее одетой в перчатку рукой и, вслепую мчась по Гринвич, полностью теряю управление, и машина влетает в корейский магазин, по соседству с рестораном — караоке под названием «Lotus Blossom», в котором я бывал с японскими клиентами, машина переворачивает стойку с фруктами, разносит стеклянную витрину, тело кассира шлепается на капот, Патрик пытается дать задний ход, но ничего не выходит, он выбирается из машины, облакачивается на нее, возникает мучительная тишина. Патрик бормочет «неплохо, Бэйтмен», выбирается из магазинчика, тело на капоте стонет в агонии, Патрик не имеет представления, откуда взялся бежавший на него с противоположной стороны улицы полицейский, вопящий что-то в свою рацию, он думает, что Патрик в шоке, но тот застает его врасплох, стремительно выпрыгивая перед ним, прежде чем коп успевает схватиться за свое оружие, и сбивает его на тротуар...

... где теперь стоят люди из «Lotus Blossom», тупо смотрят на обломки, никто не помогает копу, пока двое мужчин лежа борются на тротуаре, коп хрипит от напряжения сверху на Патрике, пытаюсь выкрутить «магнум» у него из рук, но Патрик ощущает прилив сил, словно в его венах вместо крови бежит бензин; становится ветреней, температура падает, начинает накрапывать дождик, они катаются по улице, Патрик не перестает думать, что должна звучать музыка, он выдавливает демоническую улыбку, сердце его колотится, ему довольно легко удается поднести пистолет к лицу полицейского, две пары рук держатся за пистолет, но палец Патрика нажимает на курок, пуля оставляет царапину на лбу полицейского, так и не убивая его, но Патрик, пользуясь тем, что хватка полицейского слабеет, понижает прицел и стреляет ему в лицо, пуля на выходе выбрасывает розовое облачко, люди на тротуаре кричат, оставаясь бездеятельными, прячутся, забегают обратно в ресторан, когда полицейская машина, от которой, как считал Патрик, он ускользнул в аллее, оказывается вновь на виду и мчится к магазину, сияя красными огнями, потом с визгом тормозит, а Патрик спотыкается о бордюр, падает на тротуар, одновременно перезаряжая «магнум», прячется за углом, ужас, который, казалось, прошел, охватывает его снова, он думает: я не понимаю, что я натворил, чтобы шансы поймать меня увеличились, застрелил саксофониста? А он, вероятно, был также и мимом? За это мне все? Он слышит невдалеке другие подъезжающие машины, завязнувшие в хитросплетении улиц, здешние копы уже больше не заботятся о предупреждениях, они просто открывают стрельбу, и он, не целясь, стреляет в ответ в обоих полицейских, которых он заметил за открытой дверью патрульной машины, выстрелы вспыхивают, как в кино, и это заставляет Патрика осознать, что он вовлечен в настоящую перестрелку, что он пытается увернуться от пуль, что сон грозит прерваться, рассеяться, а он не целится тщательно, лишь бессознательно отвечая на выстрелы выстрелами, и пока он лежит здесь, шальная пуля, шестая в новом магазине, попадает в бензобак полицейской машины, фары, перед тем как разорваться, тускнеют, в темноте вздымается костер, неожиданно желто-зелеными искрами лопаются над ним лампочка уличного фонаря, пламя облизывает тела живых и мертвого полицейских, вдребезги разлетаются окна Lotus Blossom, у Патрика звон в ушах...

... все еще в Трибеке, убегая в сторону Уолл-стрит, он держится подальше от самых ярких уличных фонарей, и замечает, что целый квартал, куда он стремится, наводнен людьми. Он проносится мимо ряда Порше, пытаюсь открыть каждую из них, активизируя поочередно сигнализации, ему хотелось бы угнать черный Рендж Ровер с четырьмя ведущими колесами, самолетным алюминиевым корпусом на закрытых стальных шасси и восьмицилиндровым инжекторным двигателем, но такого он не находит, и это огорчает его, к тому же он оравлен своим замешательством и самим городом, дождь сыплет с ледяного неба, но на земле все еще тепло, в

проемах между небоскребами в Беттери Парк, на Уолл-стрит, вообще везде поднимаются туманы, очертания зданий размыты, он спрыгивает на набережную, кувыркается на ней, потом бежит как сумасшедший изо всех сил, мозг стиснут физическим напряжением чистого, абсолютного ужаса, мечется, теперь ему кажется, что по пустынному хайвею его преследует машина, но ночь приняла его, откуда-то слышится звук нового выстрела, который он, в общем-то, не замечает, поскольку мозг Патрика работает беспорядочно, он забывает о конечной цели, покуда перед ним, как мираж, не появляется здание, где расположен его офис, Pierce & Pierce, окна, этаж за этажом, гаснут, словно темнота поглощает их, пробежав еще сто, двести метров, он взлетает по лестнице, вниз, куда? впервые его чувства переключены страхом и смятением, помраченный, он влетает в фойе, как ему кажется, его здания, но нет, что-то не так, что? ты переехал (сам переезд был кошмарным, хотя новый офис Патрика лучше, а примыкающие к фойе магазины Barney's и Godiva снимают напряжение), он спутал здания, но все еще стоит у лифта...

... двери, обе закрыты, когда он замечает огромную картину Джулиана Шнабеля[54] в фойе и до него доходит, что это, блядь, не то здание, он вихрем разворачивается и бешено устремляется к вращающейся двери, но ночной сторож, и прежде пытавшийся привлечь внимание Патрика, машет ему рукой, когда он уже готов вылететь из фойе, «Полуночищаете, мистер Смит? Вы забыли расписаться» и расстроенный Патрик стреляет в него, крутится в стеклянной двери раз, другой, она снова выносит его в фойе, пуля попадает сторожу в горло, отбрасывая его назад, фонтан крови на мгновение повисает в воздухе, орошает его искаженное, перекошенное лицо, и чернокожий уборщик, наблюдавший, как только что заметил Патрик, все происходящее из угла фойе, со шваброй в руках, с ведром у ног, поднимает руки. Патрик стреляет ему прямо между глаз, кровь заливает лицо, из затылка в воздух поднимается фонтан крови, пуля позади него клацает о мрамор, сила выстрела швыряет его о стену, Патрик выскакивает на улицу, навстречу огням нового офисного здания, куда он входит...

... кивая Гасу, нашему ночному сторожу, расписываясь, направляясь к лифту, выше, в темноту своего этажа, спокойствие восстановлено, обезопасившись в анонимности нового офиса, сумев дрожащими руками взять телефонную трубку, устало пролистывая записную книжку Rolodex, глаза натываются на номер Харольда Карниса, тяжело дыша, я медленно набираю семь цифр, решив признаться в своем безумии, но Харольд отсутствует, бизнес, Лондон, я оставляю сообщение, рассказывая обо всем, ничего не утаивая, тридцать, сорок, сотня убийств, и пока я общаюсь с автоответчиком Харольда, над рекой, низко летя, появляется с поисковыми огнями вертолет, за ним прорезают небо молнии, он движется к зданию, где я только что был, опускается на крышу здания напротив, внизу здание окружено полицейскими машинами, каретами скорой помощи, группа быстрого захвата выскакивает из вертолета, полдюжины вооруженных мужчин исчезают во входе на плоской крыше, вспышки сигнальных огней, похоже, повсюду, а я наблюдаю за всем этим с телефоном в руках, скрючившись над своим письменным столом, всхлипывая, хотя и не зная почему, в автоответчик Харольда: «Я оставил ее на стоянке... возле Dunkin Donuts... где-то в центре», — и в конце, минут через десять, вздыхаю: «Ох, я просто больной чувак», — и вешаю трубку, но звоню снова, и после нескончаемого гудка, подтверждающего, что мое сообщение записалось, оставляю другое: «Слушай, это опять Бэйтмен, если ты вернешься завтра, я могу появиться вечером в „Da Umberto's“, так что знаешь, смотри во все глаза», — и солнце, пламенеющая планета, постепенно восходит над Манхэттеном, еще один восход, и вскоре ночь быстро, словно это оптический обман, превращается в день...

HUEY LEWIS AND THE NEWS

Huey Lewis and the News, группа из Сан-Франциско, получила известность в начале восьмидесятых с выходом их первого альбома с тем же названием, «Huey Lewis and the News», на студии Chrysalis, хотя по-настоящему их самобытный стиль сформировался (с художественной и коммерческой точки зрения) только к 1983-му, когда вышел их великолепный, воистину гениальный альбом «Sports». Хотя их музыкальные корни вполне очевидны (блюз, мемфисский соул, кантри), первый альбом, на мой взгляд, имеет один существенный недостаток — ребята совершенно неоправданно уклонились в стиль «новой волны», столь популярной в конце семидесятых — начале восьмидесятых. Для дебюта их первый альбом, безусловно, удался, но он получился несколько напряженным и с явным уклоном в панк-рок. Приведу лишь несколько примеров: партия ударных на первом треке, «Some of My Lies Are True (Sooner or Later)» и фальшивые аплодисменты в «Don't Make Me Do It», равно как и клавишные в «Taking a Walk». Но надо отдать им должное: несмотря на некоторую натянутость альбома в целом, их тексты на избитую тему «мальчику хочется девочку» звучат вполне живо, а энергия, которую Хьюи Льюис, ведущий солист, вкладывает в исполнение каждой песни, действительно очень бодрит. Также стоит отметить замечательную игру их ведущего гитариста, Криса Хейеса (который выступает и вторым вокалистом). Соло Хейеса являют собой образец оригинального и незаезженного исполнения. Однако клавишник Шон

Хоппер ведет органные партии слишком технично, и поэтому звук получается несколько механическим (хотя на второй стороне альбома его фортепьяно звучит уже лучше), а ударные Билла Гибсона звучат глуховато и поэтому как-то теряются. О зрелости текстов пока говорить не приходится, хотя мотивы тоски, сожаления и страха уже присутствуют во многих песнях («Stop Trying» — только один пример).

У этих ребят из Сан-Франциско, определенно, есть много общего с их земляками из Южной Калифорнии, Beach Boys (сочные гармонии, утонченный вокал, красивые мелодии — они даже сфотографировались с доской для серфинга для обложки дебютного альбома), но в их музыке также присутствует некоторый нигилизм и мрачность, свойственные (теперь, к счастью, забытому) лос-анджелесскому «панк-року» тех лет. К слову о пресловутых сердитых молодых людях — послушайте Хьюи в «Who Cares», «Stop Trying», «Don't Even Tell Me That You Love Me», «Trouble in Paradise» (названия сами за себя говорят — «Кому какое дело», «Оставь бесплодные попытки», «И даже не говори мне, что ты меня любишь», «Неприятности в раю»). Хьюи поет, как человек, много чего повидавший в жизни и озлобленный на весь свет, а группа в целом звучит подчас так же сердито и яростно, как Clash, Билли Джоэл или Blondie. Не следует забывать, что появлению Хьюи Льюиса на большой сцене мы обязаны Элвису Костелло, известному панк-рокеру. Именно он «открыл» и продвинул Хьюи. Хьюи играл на гармонике на втором альбоме Костелло, невыразительном и безвкусном «My Aim Was You». Хьюи перенял у Костелло его горечь, хотя юмор у Хьюи гораздо циничнее. Элвис, может быть, искренне полагал, что интеллектуальная игра слов — это так же важно, как получать удовольствие от жизни, но записи Льюиса продаются значительно лучше, чем его собственные работы Костелло, и мне было бы интересно узнать, что он по этому поводу думает?

Второй альбом Льюиса и его группы, «Picture This» (1982), получился значительно лучше, а две песни — «Workin' for a Living» и «Do You Believe in Love» — почти стали хитами. Альбом появился как раз тогда, когда начало выходить первое музыкальное видео (на обе песни были сделаны клипы), что, несомненно, способствовало его «раскрутке». По сравнению с первым альбомом в звуке гораздо сильнее чувствуется влияние рока, — может быть, потому, что микшировал запись Боб Клирмаунтин, а продюсерами выступили сами члены группы, хотя по-прежнему есть и элементы «новой волны». Тексты стали гораздо изящнее и умнее, и музыканты не побоялись попробовать себя в новых жанрах — регги («Tell Her a Little Lie») и баллады («Hope You Love Me Like You Say» и «Is It Me?»). Но при всем его попсовом успехе альбом и по звуку, и по игре получился — и это приятно — менее бунтарским и менее сердитым (хотя песня «Workin' for a Living», горький монолог «синего воротничка», очень хорошо подошла бы к первому альбому). Похоже, теперь музыкантов больше интересуют отношения между мужчиной и женщиной (слово «любовь» встречается в названии четырех песен из десяти), чем хулиганский имидж юных нигилистов; чувствуется, что ребята изменились и повзрослели.

Они играют заметно лучше, а дудки в исполнении Tower of Power существенно обогащают звучание. Самые сильные песни альбома — «Workin' for a Living» и «Do You Believe in Love». Последняя песня — лучшая вещь на диске. В ней поется про парня, который спрашивает у девушки, с которой он познакомился, когда искал «хоть кого-нибудь, с кем познакомиться», верит ли она в любовь. Больше всего мне нравится, что песня заканчивается ничем (в ней не сказано, что ответила девушка), и это придает ей некоторое изящество, которого не было и в помине на первом альбоме. Также на «Do You Believe in Love» звучит потрясающее соло на саксофоне в исполнении Джонни Коллы (парень даст Кларенсу Клемонсу сто очков вперед), который, как и ведущий гитарист группы Крис Хейес и клавишник Шон Хоппер, безусловно, отточил свое мастерство (соло на саксофоне в балладе «Is It Me?») получилось еще сильнее). Голос у Хьюи стал более проникновенным, уже не таким дребезжащим, как прежде; особенно это заметно в песне «The Only One», которая представляет собой трогательный рассказ о том, что происходит с нашими воспитателями и наставниками и чем все для них заканчивается (ударные Билла Гибсона звучат особенно энергично на этом треке). По моему мнению, альбом следовало бы завершить на этой мощной и проникновенной ноте, но он заканчивается композицией «Buzz Buzz Buzz» — одноразовой блюзовой вещью, которая ничего не дает для альбома в целом и выпадает из общего стиля, хотя сама по себе звучит очень даже неплохо, а духовые в исполнении Tower of Power действительно радуют слух.

На третьем альбоме «Sports» (Chrysalis) уже нет никаких огрехов, его можно назвать безупречным. Почти все песни с этого альбома стали хитами. Именно после «Sports» Huey Lewis and the News стали идолами современного рока. Имидж плохих мальчишек остался в прошлом, сменившись образом интеллигентных студентов (в одной из песен, где в тексте напрашивалось слово «жопа», они его заменили цензурным писком). Звук на альбоме свежий и чистый, и сразу заметно, что музыканты поднялись на новый уровень

профессионализма. Они также сняли несколько эксцентричных и оригинальных видеоклипов в рамках кампании по раскрутке диска («Heart and Soul», «The Heart of Rock'n'Roll», «If This Is It», «Bad Is Bad», «I Want a New Drug») и сразу же стали звездами на MTV.

Открывает альбом песня «The Heart of Rock'n'Roll», которая вполне может стать «визитной карточкой» группы. Это очень красивое посвящение американскому рок-н-роллу. За ней следует «Heart and Soul», первый значительный сингл группы и «фирменная» песня Льюиса (хотя ее написали другие люди и даже не члены группы: Майкл Чепмен и Ники Чинн), благодаря которой Huey Lewis and the News стала ведущей рок-группой восьмидесятых у нас в Америке. В этой веселой и, я бы даже сказал, лихой песне поется о том, что отношения «на одну ночь» — это большая ошибка (ранний Льюис с его имиджем скандального хулигана никогда бы не сделал подобного заявления). «Bad Is Bad», слова и музыку для которой написал сам Льюис — самая блюзовая песня группы из всех, записанных на данный момент, и в ней, безусловно, блистает басист Марио Чиполлина, хотя законченность ей придает соло на гармонике самого Льюиса. «I Want a New Drug» с убойной партией на гитаре Криса Хейеса — центральная вещь на альбоме. Это не только самая сильная песня против наркотиков из всех, что я знаю, но еще и прочувствованный рассказ о взрослении группы — о том, как они переросли свой имидж плохих мальчишек и действительно повзрослели. Также надо отметить великолепное соло Хейеса. Механические барабаны создают более стойкий и плотный ритм, и не только в «I Want a New Drug», но почти во всех песнях альбома. Однако это не значит, что Билл Гибсон остался без дела.

Вторую сторону открывает композиция «Walking on a Thin Line» — самая обжигающая песня, и не только на этом альбоме. Больше никто, даже Брюс Спрингстен, не написал с такой силой и страстью о том, как живет ветерану войны во Вьетнаме в современном обществе. Эта песня, пусть даже ее написали «посторонние» авторы, говорит о социальном сознании — что ново для Huey Lewis and the News, — и служит убедительным доказательством, что у группы, помимо блюзовых аранжировок, есть еще и душа. Группа, безусловно, обрела новый уровень зрелости, что особенно ощущается в песне «Finally Found a Home» («Наконец я нашел свой дом»), — это гимн взрослению. Это песня о том, как ребята избавились от своего имиджа рассерженных бунтарей и «обрели себя» в страсти и энергии рок-н-ролла. Может быть, из-за такой многоплановой смысловой наполненности композиция получилась излишне сложной по сравнению с другими песнями на альбоме, однако она сделана очень ритмично и живо (особенно стоит отметить партию клавишных Шона Хоппера), так что в целом она получилась вполне танцевальной. «If This Is It» — единственная на альбоме баллада, но при этом она совершенно не мрачная. Ее содержание таково: парень просит любимую девушку честно сказать ему, хочет ли она и дальше быть с ним, — и Льюис поет ее так (отмечу в скобках, что это, пожалуй, самый сильный вокал на альбоме), что она вся проникнута надеждой. Эта песня вовсе не о том, как парень тоскует о девушке и хочет любви, эта песня о человеческих отношениях. О том, как их сохранить. «Crack Me Up» — единственная композиция на альбоме, сделанная в стиле «новой волны», которым Huey Lewis and the News так увлекались раньше — и на мой взгляд, совершенно излишне, — она в меру грустная, но и в меру забавная, хотя в ее содержании нет ничего забавного: это серьезное выступление против пьянства, против наркотиков и за взрослый подход к жизни.

Альбом заканчивается красивой версией «Honky Tonk Blues» (еще одна песня, написанная человеком «со стороны», Хэнком Уильямсом), и хотя она не похожа ни на одну из остальных песен альбома, отголоски этого стиля звучат на всем диске. Альбом получился блестящим и очень профессиональным, но при этом он весь проникнут искренностью стиля honky tonk[55]. (Замечание в скобках: во время работы над «Sports» Льюис также записал две песни для фильма «Назад в будущее» — «The Power of Love» и «Back in Time»; обе стали хитами и прекрасно дополнили его музыкальную карьеру, которая уже тогда обещала стать легендарной). Что сказать тем «любителям музыки», которые не приняли «Sports»? Альбом продан тиражом девять миллионов. Девять миллионов человек не могут ошибаться.

«Fore!» (Chrysalis; 1986) — по существу, продолжение «Sports», но еще более зрелое и профессиональное. Музыкантам больше не нужно доказывать, что они повзрослели и приняли рок-н-ролл, потому что за те три года, что прошли между «Sports» и «Fore!», они действительно повзрослели. (На фотографии на обложке трое из членов группы снялись в строгих костюмах.) Открывает альбом зажигательная «Jacob's Ladder», песня про борьбу и неизбежные компромиссы, которая сразу же определяет позицию нынешних Huey Lewis and the News; и за исключением «Hip to Be Square», это лучшая песня на диске (хотя, опять же, ее написал «человек со стороны»). За ней следует мягкая и добродушная «Stuck with You» — легкая, радостная композиция про любовь и брак. Кстати, замечу, что большинство песен о любви на этом альбоме посвящены серьезным и продолжительным отношениям, в отличие от ранних альбомов, где пелось либо о том, как парень хочет

девчонку, но она не отвечает на его чувства, либо о том, что парня бросила любимая девушка, или о том, как он сгорает от страсти. На «Fore!» все песни — о серьезных ребятах с налаженной личной жизнью. Эта новая сторона придает записи дополнительную энергию. В целом они производят впечатление людей если и не успокоившихся, то вполне всем довольных, а их музыка от этого только выигрывает. Но помимо очаровательных композиций наподобие «Doing It All for My Baby» (очень милая песня о супружеском счастье и верности) на альбоме присутствуют и жаркие блюзы типа «Whole Lotta Lovin'», а первую сторону завершает (на CD — это пятый трек) настоящий музыкальный шедевр, «Hip to Be Square», главная композиция на альбоме (по иронии судьбы, видеоклип, снятый на эту песню, получился совсем никудышным — пожалуй, это единственный плохой клип у группы). Это шальной и веселый гимн адекватному восприятию мира, причем музыка так зажигает, что почти никто не прислушивается к словам... но при такой замечательной музыке это простительно. Особенно мне бы хотелось отметить взрывную гитару Хейеса и убойную партию клавишных. На второй стороне «Fore!» уже нет такого накала, как на первой, но зато здесь есть несколько по-настоящему изысканных композиций. «I Know What I Like» — это песня, которую Хьюи никогда бы не спел шесть лет назад — яркая декларация независимости, — однако следующая за ней «I Never Walk Alone» дополняет первую и объясняет ее с более широких позиций (здесь также стоит отметить великолепное органное соло и сильный вокал Хьюи; лучше он спел только в «Hip to Be Square»). «Forest for the Trees» — непревзойденный шедевр, направленный против самоубийства, и хотя некоторым ее название может показаться избитым («за лесом не видно деревьев»), Huey Lewis and the News умеют вдохнуть энергию даже в клише, так что в их исполнении они звучат вполне оригинально. Стильная и остроумная «Naturally», исполненная «а капелла» — воспоминание о временах невинности, — являет собой замечательный пример вокальной гармонии (если не знать, кто играет, вполне можно подумать, что это Beach Boys). Но если эта песня — одноразовая вещица, своего рода музыкальная шутка, то последняя песня на диске «Simple as That» — вполне достойный завершающий аккорд. Эта баллада про «синего воротничка», в которой нет ни ноты смирения и которая вся пронизана надеждой. Ее смысл в том, что нужно держаться и не опускать руки — эту тему Huey Lewis and the News раскрывают на следующем альбоме, «Small World», принесшим им уже мировую известность. «Fore!», может быть, и не такой безусловный шедевр, как «Sports» (действительно, непревзойденный альбом), но сам по себе он хорош, как хорош и сам Хьюи Льюис образца 86-го года: зрелый, спокойный и уже не такой резкий, как раньше. «Small World» (Chrysalis; 1988) — самый амбициозный и артистичный альбом Huey Lewis and the News на данный момент. Хьюи Льюис, теперь уже — зрелый профессионал-музыкант, он окончательно перерос прежний имидж сердитого молодого человека. И хотя по-настоящему Хьюи освоил только один инструмент (гармонику), но зато он играет на нем виртуозно. «Small World» — также первый альбом, где все композиции объединяются одной темой. На самом деле, это одна из важнейших тем современности: весь мир как единое целое. Так что не удивительно, что в названии четырех из десяти треков альбома встречается слово «мир» и что на альбоме присутствует целых три — а не одна, как обычно, — инструментальных композиции. Альбом открывает песня «Small World (Part One)» — песня о всеобщей гармонии и согласии с блистательным соло Хейеса посередине. В «Old Antone's» чувствуется влияние музыки зидеко, которым группа прониклась во время гастрольного тура по стране, и в целом этот луизианский налет придает композиции уникальное звучание. Брюс Хорнсби потрясающе играет на аккордеоне, а слова песни пронизаны истинным духом «Страны Байю»[56]]. «Perfect World» — центральный хит на альбоме, и здесь вновь звучат духовые в исполнении Tower of Power. Безусловно, это лучшая песня диска (и, опять же, ее написал Алекс Колл, не являющийся членом группы), сводящая воедино все темы альбома — в ней поется о том, что нужно принять несовершенство мира, но при этом не переставать «мечтать о мире, более совершенном». Эта песня решена в быстром, ритмичном поп-ритме, но она не кажется легкомысленной и поверхностной. Наоборот, она вся пронизана настроением, а музыканты ведут свои партии просто блестяще. Следом за ней идут две подряд инструментальные композиции: танцевальное регги в африканских традициях «Bobo Tempo» и вторая часть «Small World». Однако даже при том, что это чистая музыка без слов, эти две вещи не выбиваются из общей тематики альбома, поскольку представляют собой вариации на основные музыкальные темы диска. Они не смотрятся проходными треками, необходимыми для того, чтобы «добить» альбом до нужного объема. Наоборот, они органично вплетаются в общий стиль и вместе с тем позволяют музыкантам проявить себя в области импровизации. Вторую сторону открывает «Walking with the Kid» — первая песня Хьюи, в которой говорится об ответственности отца перед своим ребенком. Голос Хьюи звучит очень зрело и проникновенно; только под самый конец слушателю становится понятно, что под словом «kid» (мальш), которого Хьюи на протяжении всей песни называет приятелем, он имеет в виду не приятеля, а своего сына, и с первого раза трудно поверить,

что это поет человек, который когда-то пел «Heart and Soul» и «Some of My Lies Are True». Мечтательная баллада «World to Me» — истинная жемчужина среди песен, и хотя в ней поется о взаимоотношениях двух влюбленных, аллюзии на Китай, Аляску и Теннесси связывают эту песню с главной темой альбома, темой «тесного мира», а музыканты играют просто великолепно. «Better Be True» — еще одна баллада, но уже не такая мечтательная, в ней не поется о взаимоотношениях двух влюбленных и нет аллюзий на Китай, Аляску и Теннесси, но музыканты играют все так же великолепно.

«Give Me The Keys (And I'll Drive You Crazy)» — веселый и бесшабашный блюз-рок про прогулку на автомобиле (а про что же еще?) раскрывает главную тему альбома в более легком и озорном стиле, чем все предыдущие песни, и хотя кое-кто может решить, что с точки зрения текста она получилась слабее, она все же доказывает, что новый «серьезный» Льюис — этот Хьюи-художник, — не утратил своего игривого юмора. Альбом завершается инструментальной композицией «Slammin'», где много джазовых духовых, от которых — без преувеличения, — если вывести звук погромче, начинает чертовски болеть голова и даже немного подташнивает, хотя, может быть, на виниле или на кассете это звучит по-другому, я просто не знаю. Но как бы там ни было, на меня она действует плохо — я несколько дней хожу злой и больной. И под нее особенно не потанцуешь.

Почти сто человек принимало участие в записи и сведении «Small World» (приглашенные музыканты, ударники, адвокаты, бухгалтеры — их поименно поблагодарили на обложке), что хорошо согласуется с основной темой общности всех людей, и это не «утяжеляет» проект, — наоборот, это радостный опыт общения и взаимодействия. Этим альбомом, вместе с четырьмя предыдущими, Huey Lewis and the News доказали, что если наш мир действительно тесен, то они — лучшая американская группа восьмидесятых и в их составе играет непревзойденный Хьюи Льюис — вокалист, музыкант и автор.

В ПОСТЕЛИ С КОРТНИ

Я в постели с Кортни. Луис в Атланте. Кортни поеживается, прижимается ко мне, расслабляется. Перекатившись на спину, я приземляюсь на что-то твердое и покрытое мехом. Пошарив под собой, обнаруживаю черного игрушечного кота с синими глазами из драгоценного камня, которого, мне кажется, я видел в F.A.O. Schwarz, когда ходил за покупками на Рождество. Не зная, что сказать, я выдаю, заикаясь: «Лампы Tiffany... снова входят в моду». Я едва различаю ее лицо в темноте, но слышу вздох, тягостный и тихий, звук открывающейся бутылочки с таблетками, она ворочается в постели. Бросив кота на пол, я встаю и иду в душ. Сегодня утром темой Шоу Патти Винтерс были Красавицы Подростки-Лесбиянки, которые оказались такими эротичными, что я был вынужден задержаться дома, — пропустил собрание и дважды вздрочил. Скучая, я побродил по Sotheby's. Вчера вечером ужинал с Жанетт в «Deck Chairs», она казалась усталой и мало ела. Мы взяли на двоих пиццу за девяносто долларов. Вытерев насухо полотенцем волосы, я надеваю халат Ralph Lauren, возвращаюсь в спальню, начинаю одеваться. Кортни курит сигарету, смотрит Поздней Ночью с Дэвидом Леттерманом, звук включен тихо.

— Ты мне позвонишь перед Днем Благодарения? — спрашивает она.

— Может быть. — Я застегиваю рубашку, размышляя, зачем я вообще сюда пришел.

— Что будешь делать? — тихим голосом спрашивает она.

Как нетрудно догадаться, я отвечаю коротко:

— Ужинаю в «River Cafe». Потом, возможно, «Au Bar».

— Хорошо, — бормочет она.

— А вы... с Луисом? — спрашиваю я.

— Мы должны были ужинать у Теда и Мауры, — вздыхает она. — Но я не думаю, что мы к ним еще пойдем.

— Почему? — накидываю я черный кашемировый жилет от Polo, думая «ах, как интересно».

— Ну, ты же знаешь, как Луис относится к японцам, — говорит она, ее глаза стекленеют.

Она не договаривает, и я раздраженно замечаю:

— Ну, логично. И что?

— В прошлое воскресенье Луис отказался играть в «вопросы и ответы» у Теда и Мауры, потому что у них был Акита. — Она затягивается сигаретой.

— Ну, и... — я медлю. — Что дальше?

— Мы поиграли у меня.

— Никогда не знал, что ты куришь, — говорю я.

Она улыбается печально, но туповато:

— Ты просто никогда не замечал.

— Ну ладно, я виноват, но несильно. — Я иду к зеркалу Marlian, висящему над столиком тикового дерева Sottsass, чтобы проверить, не перекошен ли узел на моем галстуке от Armani.

— Послушай, Патрик, — с усилием произносит она. — Мы можем поговорить?

— Ты великолепно выглядишь, — вздыхаю я, поворачивая голову, и посылая воздушный поцелуй. — Тут не о чем говорить. Ты выходишь замуж за Луиса. На следующей неделе.

— Правда, странно? — саркастически спрашивает она, но в ее голосе звучит надежда.

— Читай по губам, — говорю я, поворачиваясь обратно к зеркалу. — Ты великолепно выглядишь.

— Патрик?

— Да, Кортни?

— Если мы не увидимся до Дня Благодарения... — она смущенно останавливается, — хорошего тебе праздника. Я секунду смотрю на нее перед тем, как спокойно ответить:

— И тебе.

Она поднимает игрушечного черного кота, гладит его по голове. Я выхожу из двери в холл, направляюсь в сторону кухни.

— Патрик? — тихо зовет она из спальни.

Я останавливаюсь, но не поворачиваюсь.

— Да?

— Да нет, ничего.

«SMITH & WOLLENSKY»

Я с Крейгом Макдермоттом в «Harry's» на Ганновер. Он курит сигару, пьет «Столичную» с мартини, спрашивает меня, как носят накладные карманы. Я пью то же самое и отвечаю ему. Мы ждем Харольда Карниса, только во вторник вернувшегося из Лондона, а он опаздывает на полчаса. Я нервничаю от нетерпения, а когда говорю Макдермотту, что надо было пригласить Тода или по крайней мере Хэмлина, у которых наверняка есть кокаин, он, пожав плечами, замечает, что, вероятно, мы сможет найти Карниса в «Delmonico's». Но в «Delmonico's» мы Карниса не находим и к восьми часам отправляемся в «Smith & Wollensky», где один из нас заказал столик. Макдермотт в шестипуговичном двубортном шерстяном костюме от Cerruti 1881, клетчатой хлопчатобумажной рубашке от Louis, Boston и шелковом галстуке от Dunhill. На мне шестипуговичный двубортный шерстяной костюм от Ermenegildo Zegna, полосатая хлопчатобумажная рубашка от Luciano Barbeга, шелковый галстук от Armani, замшевые туфли от Ralph Lauren, носки от E.G.Smith. Темой утреннего Шоу Патти Винтерс были Мужчины, Изнасилованные Женщинами. Закинувшись валиумом, я сижу за столиком, пью красное вино и равнодушно думаю о том, что мой двоюродный брат, который учится в вашингтонском колледже Сен-Албан, недавно изнасиловал девушку, откусив ей мочки ушей. Я испытываю нездоровое удовольствие от того, что не заказал жареный картофель, и вспоминаю, как мы вдвоем с двоюродным братом вместе катались верхом, играли в теннис, — все это вертится в моем воспаленном мозгу, но Макдермотт прогоняет эти мысли: когда приносят еду, он замечает, что я не заказал жареный картофель.

— Ты что? В «Smith & Wollensky» просто нельзя не заказать жареный картофель, — нудит он.

Избегая его взгляда, я дотрагиваюсь до сигары, лежащей в кармане моего пиджака.

— Господи, Бэйтмен, ты просто спятил. Слишком долго работаешь в Pierce & Pierce, — бормочет он. — Ну как это — без жареного, блядь, картофеля.

Я молчу. Как я могу сказать Макдермотту, что сейчас в моей жизни настал бессвязный период, и что я замечаю, что стены выкрашены ярким, почти болезненным белым, а в флуоресцентном свете они, кажется, пульсируют и отсвечивают. Откуда-то Фрэнк Синатра поет «Witchcraft». Я смотрю на стены, слушаю слова, неожиданно чувствуя жажду, но наш официант принимает заказ у громадного стола, за которым сидят исключительно японские бизнесмены, а за столиком позади них сидит то ли Джордж Маккоуэн, то ли Тейлор Пристон, он одет в что-то от Polo, он подозрительно глядит на меня, Макдермотт с идиотским выражением на лице по-прежнему пялится на мой стейк, один из японских бизнесменов держит счета, другой пытается произнести слово «терияки», третий шевелит губами, потом подпевает песне, все за столиком смеются, он издает странные, но довольно знакомые звуки, строго покачивает головой, размахивает палочками, подражая Синатре. Его рот открыт, и из него вырываются искаженные слова песни: «that sry comehitle stale... that clazy witchclaft...»

ТЕЛЕВИЗИОННОЕ

Я одеваюсь, чтобы пойти с Жанетт на новый британский мюзикл, который начал идти на Бродвее на прошлой неделе, а потом мы идем в новый ресторан Малькольма Форбса в верхнем Ист Сайде, я смотрю утреннее Шоу Патти Винтерс, разделенное на две части. В первой части показывают ведущего певца рок группы Guns n'Roses

Акселя Роуза, интервью с которым цитирует Патти: «Когда у меня стресс, я прихожу в ярость и направляю эту ярость на себя. Я резал себя бритвенными лезвиями, а потом понял, что иметь шрам — это еще хуже, чем не иметь стерео... Так что я лучше выброшу стерео, чем въеду кому-нибудь по роже. Иногда, когда я бешусь, расстраиваюсь или волнуясь, я сажусь и играю на пианино». Часть вторая состоит из того, что Патти читает письма Теда Банди, совершившего массовое убийство, которые он написал своей невесте во время одного из многочисленных судов. «Дорогая Керол, — читает она, пока обрюзгшее лицо Банди появляется на экране (всего за несколько недель до казни), — пожалуйста, не садись в зале суда в одном ряду с Джанет. Когда я смотрю на тебя, она пожирает меня своими сумасшедшими глазами, словно безумная морская чайка, приглядывающаяся к моллюску... Я уже чувствую, как она поливает меня горячим соусом...»

Я жду, чтобы что-то произошло. Я сижу в своей спальне около часу. Ничего не происходит. Я встаю, выносиваю кокаин (совсем чуть-чуть) оставшийся в моем шкафу после субботы в «М.К.» или «Au Bar», захожу в «Orso», чтобы выпить перед тем, как встретиться с Жанетт, которой я позвонил раньше, обронив, что у меня есть два билета на такой-то мюзикл и она не ответила ничего, кроме «Я пойду», а я сказал ей ждать меня перед входом в театр без десяти восемь, и она повесила трубку. Сидя в одиночестве в баре «Orso», я говорю себе, что позвоню по одному из номеров, мелькающих внизу экрана, но потом понимаю, что сказать мне нечего, и в памяти остаются лишь восемь слов, прочтенных Патти: «Я ощущаю, как она поливает меня горячим соусом». Почему-то эти слова вспоминаются мне, когда после мюзикла мы сидим с Жанетт в «Progress», уже поздно, ресторан переполнен. Мы заказывает нечто под названием орлиное карпаччио, макрель на гриле, салат эндивий с козьим сыром и миндальными орехами в шоколаде, какой-то странный гаспаччо с сырым цыпленком, пиво. В данный момент на моей тарелке нет ничего съедобного, на вкус все пластмассовое. Жанетт одета в шерстяной жакет, шелковую с шифоном шаль с одним рукавом, шерстяные брюки-токсидо, все от Armani, на ней старинные серьги из золота с бриллиантами, чулки от Givenchy, шелковые туфли без каблуков. Она все время вздыхает и грозитя закурить сигарету, несмотря на то, что мы сидим в секции для некурящих. Поведение Жанетт очень беспокоит меня, вызывая мрачные мысли. Она пьет коктейли с шампанским и уже выпила их достаточно, и, когда она заказывает шестой стакан, я намекаю — мол, не хватит ли ей уже. Взглянув на меня, она заявляет:

— Мне холодно и хочется пить, и я, блядь, буду заказывать, что хочу.

— Так закажи ты, бога ради, минералку Evian или San Pellegrino, — говорю я.

СЕНДСТОУН

Мы сидим с матерью в ее личной комнате в Сендстоуне, где она теперь живет. На ней темные очки, она накачана успокоительными и все время трогает свои волосы, а я постоянно смотрю на свои руки, не сомневаясь в том, что они дрожат. Она пытается улыбнуться, спрашивая меня, что я хочу получить на Рождество. Меня не удивляет то, как много усилий требуется, чтобы поднять голову и взглянуть на нее. На мне двуплечичный костюм с V-образными лацканами (шерсть с габардином) от Gian Marco Venturi, кожаные ботинки на шнурках от Армани, галстук от Polo, носки я не уверен от кого. Сейчас примерно середина апреля.

— Ничего, — проникновенно улыбаясь, отвечаю я.

Пауза. Я нарушаю молчание вопросом:

— А ты что хочешь?

Она долго молчит, а я снова смотрю на свои руки, под ногтем большого пальца засохшая кровь, — вероятно, девушки по имени Суки, под ногтем большого пальца. Мать устало облизывает губы и говорит:

— Я не знаю. Я просто хочу, чтобы было хорошее Рождество.

Я молчу. Последний час я рассматривал свои волосы в зеркале, которое висит в комнате матери (по моему настоянию).

— У тебя несчастный вид, — внезапно произносит она.

— Это не так, — отвечаю я, коротко вздохнув.

— У тебя несчастный вид, — повторяет она, на этот раз тише. Она вновь касается ослепительно белых волос.

— Ну, у тебя тоже, — медленно говорю я, надеясь, что она больше ничего не скажет.

Она ничего не говорит. Я сижу в кресле у окна, сквозь решетки темнеет лужайка, перед солнцем проходят облака, скоро лужайка снова зазеленеет. Мать сидит на своей кровати в ночной рубашке из Bergdorf's и шлепанцах от Norma Kamali, которые я ей подарил на прошлое Рождество.

— Как прошел вечер? — спрашивает она.

— Нормально, — отвечаю я и задумываюсь.

— Сколько человек было?

— Сорок. Или пятьсот, — пожимаю я плечами. — Не знаю.

Она вновь облизывает губы, снова касается своих волос.

— Когда ты ушел?

— Не помню, — отвечаю я после долгого времени.

— В час? В два? — спрашивает она.

— Кажется, в час, — говорю я, едва не перебивая ее.

— А-а. — Она снова замолкает, поправляет темные очки, черные Ray-Ban, которые я купил ей в Bloomingdale's за двести долларов.

— Там было так себе, — бессмысленно глядя на нее, говорю я.

— Почему? — с любопытством интересуется она.

— Просто было так себе, — говорю я, вновь глядя на свою руку, на пятнышки крови под ногтем большого пальца, на фотографию отца в молодости, стоящую на ночном столике матери, рядом с детской фотографией нас с Шоном, мы оба в смокингах, и никто не улыбается. Отец на фотографии в шестипуговичном двубортном черном спортивном пиджаке, белой с широким воротничком хлопчатобумажной рубашке, в галстук, туфлях, а в кармане — платочек; все от Brooks Brothers. Он стоит в поместье его отца в Коннектикуте рядом с одним из деревьев, выстриженном под животное, и что-то неладное у него с глазами. Это было давным-давно.

ЛУЧШИЙ ГОРОД ДЛЯ БИЗНЕСА

Дождливым утром во вторник, после тренировки в Xclusive, я заезжаю в квартиру Пола Оуэна в верхнем Вест Сайте. С тех пор, как я провел там ночь с двумя эскорт-девушками, прошел сто шестьдесят один день. Ни одного слова об обнаруженных телах не было ни в четырех городских газетах, ни в местных новостях; нет даже намек на слухи. Я дошел до того, что стал спрашивать людей — девушек на свиданиях, деловых знакомых за ужином, коллег в коридорах Pierce & Pierce, — не слышал ли кто-нибудь о двух изуродованных проститутках, найденных в квартире Пола Оуэна. Но как в некоторых кинофильмах, никто ничего не слышал и не имеет понятия, о чем я веду речь. Их волнует другое: возмутительное количество слабительного и «спида»[57]], которыми теперь разбодяживают кокаин в Манхэттене, Азия в 90-х, полная невозможность заказать столик на восемь часов в «PR» — новом ресторан Тони Макмануса на Либерти Айленд, крэк. Так что я предполагаю, что тела, на самом деле, не были найдены. К тому же Кимбел тоже отправился в Лондон.

Когда я выхожу из такси, здание кажется мне иным, хотя я и не могу понять, почему. У меня по-прежнему есть ключи, украденные у Оуэна в ту ночь, когда я убил его, я вынимаю их, чтобы открыть дверь в подъезд, но они не подходят. Вместо этого дверь открывает швейцар в форме, которого полгода назад не было, и извиняется, что замешкался. Я в замешательстве стою под дождем, потом он просит меня войти, радостно спрашивая с явным ирландским акцентом: «Ну, вы заходите или нет, вы ведь промокнете». С зонтом подмышкой я прохожу в подъезд, запихивая в карман хирургическую маску, взятую с собой от запаха. В руке у меня плеер, и я раздумываю, что мне сказать, как это сформулировать.

— Итак, чем я могу быть вам полезен, сэр? — спрашивает он.

Я не нахожу слов, — долгая, неловкая пауза, — перед тем как просто вымолвить:

— Четырнадцатый этаж, А.

Он пристально оглядывает меня, прежде чем посмотреть в свою книгу, потом, просияв, что-то отмечает.

— Ах, да, разумеется. Миссис Вулф уже наверху.

— Миссис... Вулф? — слабо улыбаюсь я.

— Да. Она агент по недвижимости, — говорит он, глядя на меня. — У вас ведь назначена встреча?

Лифтер (тоже новый) смотрит в пол, пока мы поднимаемся. Я пытаюсь вспомнить, как я шел сюда той ночью неделю назад, но понимаю, что не возвращался в квартиру после убийства девушек. Сколько стоит квартира Оуэна? — этот вопрос не перестает всплывать в моем мозгу до тех пор, пока не остается там, пульсируя.

Утреннее Шоу Патти Винтерс было про людей с удаленной половиной мозга. Грудь моя словно набита льдом. Двери лифта открываются. Я осторожно выхожу, когда они закрываются — оглядываюсь, потом иду по коридору к квартире Оуэна. Слышны голоса изнутри. Прислонившись к стене, я вздыхаю, ключи у меня в руке, я уже понимаю, что замок сменили. Пока я раздумываю, что мне делать, дрожа, глядя на свои черные туфли от A.Testoni, дверь квартиры открывается, и меня внезапно охватывает жалость к самому себе. Выходит женщина-маклер средних лет, улыбается, заглядывает в книжечку:

— Это вы у меня на одиннадцать?

— Нет, — отвечаю я.

Она говорит: «Прошу прощения» — и идет дальше по коридору, один раз, обернувшись, смотрит на меня со

странным выражением лица, и исчезает за углом. Посреди стоит пара и что-то обсуждает — им лет под тридцать. На ней шерстяной жакет, шелковая блузка, шерстяные с фланелью брюки от Armani, серьги из позолоченного серебра, перчатки, в руках бутылка Evian. Он в твидовом спортивном пиджаке, кашемировом жилете, хлопчатобумажной рубашке, галстук от Paul Stuart, через руку перекинут хлопчатобумажный плащ от Agnes B. Новые жалюзи, обшивка из воловьей кожи исчезла; но мебель, стенная живопись, стеклянный журнальный столик, стулья Thonet, черный кожаный диван — все как раньше. Телевизор с большим экраном передвинут в гостиную и включен, звук тихий, идет реклама, в которой пятна сходят с рубашки и говорят в камеру, но я хорошо помню, что я сделал с грудью Кристи, с головой одной из девушек, у которой отсутствовал нос и оба уха были отъедены, как сквозь содрванное мясо на щеках и челюстях виднелись зубы, помню поток крови, заливший квартиру, вонь мертвечины, свое собственное смущение, в которое я погрузился...

— Могу я чем-нибудь быть вам полезна? — прерывает мои мысли агент по недвижимости. Должно быть, это миссис Вулф. У нее очень тонкое лицо с резкими чертами, нос крупный, утомительно-реальный ярко накрашенный рот, светло-голубые глаза. На ней шерстяной жакет, блузка из мытого шелка, туфли, серьги, браслет, от кого все это? Я не знаю. Может, ей и нет сорока.

Я все еще стою, прислонившись к стене, смотрю на пару, которая переходит обратно в спальню, оставляя главную комнату пустой. Я только что заметил букеты в стеклянных вазах, десятки букетов, они заполнили квартиру, их запах чувствуется и в коридоре. Миссис Вулф поворачивает голову туда, куда направлен мой взгляд, потом вновь смотрит на меня

— Я ищу... Разве Пол Оуэн не живет здесь?

Долгая пауза перед ответом:

— Нет, не живет.

Еще одна долгая пауза.

— А вы... уверены? — спрашиваю я перед тем, как ничтожно добавить. — Я не... понимаю.

Она осознает нечто, заставляющее напрячься мускулы на ее лице. Глаза суживаются, но не закрываются. Заметив хирургическую маску, которую я сжимаю в потной руке, она тяжело, порывисто дышит, не желая отводить глаз. Мне определенно все это не нравится. По телевизору, в рекламе муж поднимает кусок хлеба и говорит жене: «Слушай, ты права... этот маргарин действительно вкуснее дерьма». Жена улыбается.

— Вы видели объявление в Times? — спрашивает она.

— Нет... то есть, да. Да, видел. В Times, — запинаясь я, собирая остаток сил, запах от роз густой, перебивающий что-то отталкивающее. — Но... разве квартира не принадлежит Полу Оуэну? — как можно убедительнее интересуюсь я.

Новая долгая пауза, прежде чем она признается:

— Никакого объявления в Times не было.

Мы бесконечно долго смотрим друг на друга. Я убежден, что она чувствует, что я собираюсь что-то сказать. Я видел это выражение лица и прежде. В клубе, что ли? Выражение лица жертвы? Или недавно оно появилось на телеэкране? А может, я видел его в зеркале? Кажется, проходит час, прежде чем я снова могу говорить.

— Но это... его, — я останавливаюсь, мое сердце екает, вновь начинает биться ровно, — это... его мебель.

Я роняю зонтик, быстро нагибаюсь, чтобы поднять его.

— Я думаю, вам лучше уйти, — говорит она.

— Я думаю... я хочу знать, что произошло.

Я испытываю тошноту, грудь и спина мгновенно покрываются потом.

— Не лезьте на рожон, — говорит она.

Если и были какие-то пределы, они, кажется, исчезли; чувство, будто другие создают мою судьбу, не покинет меня до конца этого дня. Это... не... игра, хочется заорать мне, но у меня перехватило дыхание, хотя, думаю, она этого не заметила. Я отворачиваюсь. Мне нужна передышка. Я не знаю, что сказать. В какой-то момент я в замешательстве едва не касаюсь руки миссис Вулф, чтобы поддержать себя, но останавливаюсь на полпути, вместо этого поднимаю руку к своей груди, но не чувствую ее, даже когда распускаю галстук. Дрожащая рука остается на груди, унять дрожь не удастся. Мое лицо горит, я онемел.

— Я думаю, вам пора, — произносит она.

Мы стоим в коридоре лицом к лицу.

— Не лезьте на рожон, — снова, тихо, говорит она.

Я стою еще несколько секунд перед тем, как наконец отступить, доверительно подняв руки.

— И не приходите больше, — говорит она.

— Не буду, — говорю я. — Не беспокойтесь.

Пара появляется в дверях. Миссис Вулф, пока я нажимаю кнопку лифта, провожает меня взглядом. В лифте невыносимый запах роз.

ТРЕНИРОВКА

Гантели и тренажер Nautilus снимают стресс. Мое тело реагирует на тренировку должным образом. Без рубашки я рассматриваю себя в зеркале Xclusive. Мои мускулы горят, живот подтянут насколько возможно, грудная клетка как сталь, мускулатура крепкая как гранит, глаза белые как лед. В моем ящике в раздевалке Xclusive лежат три влагилица, вырезанные у женщин, на которых я напал на прошлой неделе. Два вымыты, а третье — нет. На самом любимом -завязан голубой бантик от Hermes.

КОНЕЦ 80-х

Запах крови проникает в мои сны, большинство из которых ужасны: я на загоревшемся океанском лайнере; я становлюсь свидетелем вулканического извержения на Гавайях; жестокая гибель трейдеров в Salomon; Джеймс Робинсон делает со мной что-то плохое; я вновь оказываюсь в школе-интернате, потом в Гарварде; мертвецы, разгуливающие среди живых. Сны превращаются в бесконечную вереницу искореженных машин, катастроф, электрических стульев и жутких самоубийств, шприцов, изуродованных хорошеньких девушек, летающих тарелок, мраморных джакузи и розовых зернышек перца. Проснувшись в холодном поту, я вынужден включить широкоэкранный телевизор, чтобы заглушить не прекращающиеся целый день звуки стройки, доносящиеся бог знает откуда. Месяц назад была годовщина смерти Элвиса Пресли. Мелькают футбольные матчи, звук выключен. Слышно как щелкает автоответчик, — раз, другой. Все лето Мадонна плакалась нам: «life is a mystery, everyone must stand alone...»

Когда я иду по Бродвею, чтобы пообедать с моей секретаршей Джин, перед Тауэр Рекордс студент с папкой просит меня назвать самую печальную из известных мне песен. Я отвечаю без запинки: «You Can't Always Get What You Want» The Beatles. Тогда он просит назвать самую счастливую из известных мне песен, и я говорю: «Brilliant Disguise» Брюса Спрингстина. Он кивает, делает какие-то пометки, я иду дальше, мимо Линкольн Сентер. Произошел несчастный случай. У бордюра стоит скорая помощь. На тротуаре в лужице крови кучка внутренностей. Я покупаю очень твердое яблоко и съедаю его на ходу, пока иду на встречу с Джин, которая в этот прохладный сентябрьский день стоит на Шестьдесят Седьмой улице, у входа в Центральный Парк. Когда мы смотрим на облака, она видит в них остров, щенка, Аляску, тюльпан. Я вижу, хотя и не говорю об этом, зажим для купюр Gucci, топор, женщину, разрезанную на две части, большую лужу крови, растекшуюся по небу, из которой капает на город, на Манхэттен.

Мы заходим в открытое кафе Nowheres, в Верхнем Вест Сайде, обсуждаем, какой фильм посмотреть, есть ли выставки в музеях, которые стоит посетить, может, мы просто прогуляемся, она предлагает зоопарк, я бездумно киваю. Джин хорошо выглядит, как будто побывала в спортзале. На ней жакет с золотой ниткой и бархатные шорты от Matsuda. Я представляю себя на телеэкране, в рекламе новых продуктов — холодильника для вина? лосьона для загара? жвачки без сахара? — и я двигаюсь в прыгающем изображении, иду по пляжу, фильм черно-белый, намеренно поцарапанный, играет мрачная, далекая поп-музыка середины шестидесятых, это звучит так, словно исходит из органа. Теперь я смотрю в камеру, поднимаю продукт — новый мусс? теннисные кроссовки? — мои волосы обдувает ветер, потом день, потом ночь, снова день, снова ночь.

— Я буду холодный кофе без кофеина au lait[58]], — говорит Джин официанту.

— Я тоже буду кофе без кофеина, — отсутствующе произношу я, потом спохватываюсь. — То есть... без кофеина.

Я с тревогой смотрю на Джин, но она лишь бессмысленно улыбается мне. На столе между нами лежит Sunday Times. Мы обсуждаем планы на вечер — возможно, мы поужинаем вместе. Мимо проходит человек, похожий на Тейлора Пристона, машет мне. Я опускаю свои темные очки Ray-Ban, машу в ответ. Проезжает велосипедист. Я прошу у официанта воды. Но появляется официант с блюдом, на котором два шарика шербета, листья кориандра с лимоном и водка с лаймом, — я не слышал, чтобы Джин это заказывала.

— Хочешь кусочек? — спрашивает она.

— Я на диете, — отвечаю я. — Но спасибо.

— Тебе не надо сбрасывать вес, — искренне удивляется она. — Ты шутишь, да? Ты отлично выглядишь. Очень спортивно.

— Всегда есть куда худеть, — бормочу я, глядя на поток машин, чем-то раздраженный — чем? Не знаю. — Так лучше... выглядишь.

— Ну тогда, может, нам не стоит ужинать, — озабоченно произносит она. — Я не хочу ломать твою... силу

воли.

— Да нет. Все в порядке, — говорю я. — Я все равно... плохо себя контролирую.

— Патрик, серьезно. Я сделаю, что ты хочешь, — продолжает она. — Если ты не хочешь идти ужинать, мы не пойдем. Я хочу сказать...

— Все нормально, — подчеркиваю я. Что-то сбивается. — Не стоит ластиться к нему... — Я медлю, перед тем как поправиться. — То есть... ко мне. Хорошо?

— Я просто хочу знать, чего ты хочешь, — говорит она.

— Жить счастливо до конца дней своих, да? — язвительно говорю я. — Вот чего я хочу.

Я примерно полминуты не свожу с нее глаз, потом отворачиваюсь. Это успокаивает ее. Немного погодя она заказывает пиво. На улице жарко.

— Ну ладно, улыбнись, — подстрекает она позже. — У тебя нет оснований для грусти.

— Я знаю, — вздыхаю я, смягчаясь. — Но... улыбаться сложно. В наше время. По крайней мере мне. Я к этому не привык, должно быть. Не знаю.

— Вот... почему люди нуждаются друг в друге, — ласково говорит она, пытаясь встретиться со мной глазами, и отправляя в рот ложечку недешевого шербета.

— Некоторые нет, — я неловко откашливаюсь. — Ну да, люди компенсируют... Они подстраиваются... —

После долгой паузы. — Люди привыкают ко всему, да? — спрашиваю я. — Привычки меняют людей.

Еще одна долгая пауза. Смутившись, она выдает:

— Не знаю. Наверное... но человек все равно должен делать так... чтобы хорошего в этом мире... было больше... чем плохого... — Потом добавляет: — Так ведь?

У нее озадаченный вид, словно ей самой странно, что эта фраза прозвучала из ее уст. Рев музыки из проезжающего мимо такси, снова Мадонна «life is a mystery, everyone must stand alone...» Вздрогнув от смеха за соседним столиком, я прислушиваюсь и слышу чье-то признание:

— Иногда все дело в том, в чем ты пришел в офис.

Джин что-то говорит, я прошу ее повторить.

— Разве тебе никогда не хотелось сделать кого-нибудь счастливым? — спрашивает она.

— Что? — переспрашиваю я, пытаюсь сосредоточиться на ней. — Что, Джин?

Она робко повторяет:

— Разве тебе не хотелось сделать кого-нибудь счастливым?

Я смотрю на нее, меня окатывает холодная волна испуга, гасит что-то. Я вновь откашливаюсь и, стараясь придать словам величайшую значительность, говорю ей:

— Я недавно был в «Sugar Reef»... этом карибском ресторане в нижнем Ист Сайде... ты знаешь его...

— С кем ты был? — прерывает она.

С Жанетт.

— С Айвэном Макглином.

— А-а, — кивает она с тихим облегчением, веря мне.

— Так или иначе... — вздохнув, я продолжаю. — В мужском туалете я увидел одного парня... стопроцентно с Уолл-стрит... в однопуговичном костюме от... Luciano Soprani... из вискозы, шерсти и нейлона... в хлопчатобумажной сорочке... от... Gitman Brothers... в шелковом галстуке от Ermenegildo Zegna, и, знаешь, я узнал парня, это брокер по имени Элдридж... я встречал его в Harry's, Au Bar, DuPlex и Alex Goes to Camp... везде, но... я зашел после него... и увидел... как он пишет что-то на стене... над писсуаром. — Я замолкаю, отпиваю ее пиво. — Когда он увидел, что я вошел... он перестал писать... убрал ручку Mont Blanc... застегнул штаны... сказал мне: «Привет, Хендерсон»... посмотрелся в зеркало, кашлянул... как будто он нервничал или... что-то в этом роде... и вышел. — Я снова замолкаю, делаю еще один глоток. — В общем... я подошел к писсуару... и прочел... что он написал.

Вздрагивая, я вытираю свой лоб салфеткой.

— И что это было? — осторожно интересуется Джин.

Я закрываю глаза, три слова срываются с моих губ:

— Смерть... Всем... Яппи.

Она ничего не произносит.

Чтобы нарушить это неуютное молчание, я выдаю все, что мне приходит в голову:

— Ты знала, что первую собаку Теда Банди[59] — это была колли — звали Лесси? — Пауза. — Слышала об этом?

Джин смотри на свое блюдо, словно оно смущает ее, потом переводит взгляд на меня.

— А кто такой... Тед Банди?

— Ладно, не будем об этом, — вздыхаю я.

— Послушай, Патрик. Нам надо поговорить, — произносит она. — Или по крайней мере мне с тобой надо поговорить.

... там, где была природа и земля, жизнь и вода, я вижу бесконечный пустынный ландшафт, напоминающий кратер, до такой степени лишенный смысла, света и души, что мозг не способен понять его ни на каком уровне сознания и, если подойти слишком близко, то мозг бунтует, не в состоянии воспринять это. Видение было настолько ясным, правдоподобным и живым, что показалось мне абстрактным. Насколько я мог понять, этим я жил, это двигало мною. Вот география моей действительности: у меня никогда не было и в мыслях, что люди — хорошие, что человек способен измениться, или что мир можно сделать лучше, если получать удовольствие от чувств, взглядов и жестов, от любви и доброты другого человека. Не было ничего положительного, термин «великодушные» ничего не значил, был своего рода избитым анекдотом. Секс — это математика.

Индивидуальность больше не имеет значения. Что такое ум? Четкие доводы. Страсть бессмысленна. Мысль не панацея. Правосудие мертво. Страх, взаимные обвинения, симпатии, вина, тщетность, неудача, скорбь — чувства, которых на самом деле не испытываешь. Переживания бессмысленны, мир стал бесчувственным. Единственное постоянство — зло. Бог умер. Любви нельзя доверять. Поверхность, поверхность, поверхность, лишь в ней оказался смысл... такой, огромной и разорванной увидел я цивилизацию...

— ... и я не помню, с кем ты разговаривал... это неважно. Важно то, что ты был убедительным, и к тому же... очень мягким и тогда, должно быть, я поняла, что...

Она откладывает ложечку, но я не смотрю на нее. Я слежу за такси, проезжающими по Бродвею, но и они не могут ничему помешать, поскольку Джин говорит:

— Многие люди, похоже, утратили... — она замолкает, нерешительно продолжает, — связь с жизнью, и я не хочу оказаться среди них.

После того, как официант уносит ее блюдо, она добавляет:

— Я не хочу, чтобы жизнь меня... била.

Мне кажется, я киваю. -

Я узнала, что такое одиночество и... мне кажется, я люблю тебя.

Последние слова она проговаривает быстро, через силу.

Почти с суеверием я поворачиваюсь к ней, делаю глоток Evian, потом, не раздумывая, с улыбкой, говорю:

— Я люблю другую.

Словно этот фильм убыстрился, она незамедлительно смеется, быстро отводит, опускает глаза, в смущении:

— Ну тогда, извини... что ж.

— Но... — тихо добавляю я. — Тебе не надо... бояться.

Она вновь смотрит на меня, раздувшись от надежды.

— Кое-что можно сделать, — говорю я. Потом, не зная, зачем я это сказал, я иду на попятный и говорю: — А может, и нет. Я не знаю. Я потратил с тобой столько времени, так что нельзя сказать, что ты мне совсем безразлична.

Она задумчиво кивает.

— Не стоит путать приязнь... со страстью, — предостерегаю я ее. — Это может... навредить. Это может... доставить неприятности.

Она молчит, а я внезапно ощущаю ее печаль, вялую и спокойную, как дневной сон.

— Что ты имеешь в виду? — вспыхнув, коротко спрашивает она.

— Ничего. Просто... я хочу, чтобы ты знала, что... внешность бывает обманчива.

Она смотрит на сложенную Times на столе. Ветерок слегка шевелит газету.

— Почему... ты мне это говоришь?

Почти дотронувшись до ее руки, я тактично останавливаюсь, и говорю ей: — Просто чтобы избежать ошибок в будущем.

Мимо проходит симпатичная девка. Я смотрю на нее, потом снова перевожу взгляд на Джин.

— Ой, да ладно тебе. Уж тебе-то нечего стыдиться.

— Я не стыжусь, — говорит она, пытаясь казаться небрежной. — Мне просто хочется знать, не разочаровался ли ты во мне из-за этого признания?

Ну как ей дать понять, что я ни в чем не могу разочароваться, поскольку нет ничего такого, чего бы я ожидал?

— Ты ведь не знаешь меня как следует, правда? — подзуживаю я.

— Знаю достаточно, — заявляет она, ее первая реакция, но потом качает головой. — Ох, хватит об этом. Я ошиблась. Прости меня. — В следующее мгновение она передумывает. — Мне хотелось бы узнать тебя получше, — серьезно говорит она.

Поразмыслив, я спрашиваю:

— Ты уверена?

— Патрик, — без выражения произносит она. — Я знаю, что в моей жизни... без тебя... будет больше пустоты...

Я размышляю и над этим, задумчиво кивая.

— И я не могу... — она замолкает, расстроившись. — Я ведь не могу сделать вид, что этих чувств не существует...

— Тс-с-с.

... существует представление о Патрике Бэйтмене, некая абстракция, но нет меня настоящего, только какая-то иллюзорная сущность, и хотя я могу скрыть мой холодный взор, и мою руку можно пожать и даже ощутить хватку моей плоти, можно даже почувствовать, что ваш образ жизни, возможно, сопоставим с моим. Меня просто нет. Я не имею значения ни на каком уровне. Я — фальшивка, абберация. Я — невозможный человек. Моя личность поверхностна и бесформенна, я глубоко и устойчиво бессердечен. Совесть, жалость, надежды исчезли давным-давно (вероятно, в Гарварде), если вообще когда-нибудь существовали. Границы переходить больше не надо. Я превзошел все неконтролируемое и безумное, порочное и злое, все увечья, которые я нанес, и собственное полное безразличие. Хотя я по-прежнему придерживаюсь одной суровой истины: никто не спасется, ничто не искупит. И все же на мне нет вины. Каждая модели человеческого поведения предполагает какое-то обоснование. Разве зло — это мы? Или наши поступки? Я испытываю постоянную острую боль, и не надеюсь на лучший мир, ни для кого. На самом деле мне хочется передать мою боль другим. Я хочу, чтобы никто не избежал ее. Но даже признавшись в этом — а я делал это бесчисленное количество раз, после практически каждого содеянного мной поступка, — взглянув в лицо этой правде, я не чувствую катарсис. Я не могу узнать себя лучше, и из моего повествования нельзя понять что-то новое. Не надо было рассказывать вам об этом. Это признание не означает ровным счетом ничего...

Я спрашиваю Джин:

— Сколько в мире людей, подобных мне?

Она медлит, потом осторожно отвечает:

— Я думаю... никого?

— Тогда я спрошу по-другому... Пстой, как у меня прическа? — спрашиваю я, перебивая себя.

— Прекрасно.

— Хорошо, тогда я спрошу по-другому, — я отпиваю ее пиво. — Ладно. Почему я тебе нравлюсь? — спрашиваю я.

Она переспрашивает:

— Почему?

— Да, — говорю я. — Почему.

— Ну... — Капля пива падает на мою рубашку Polo. Она протягивает мне салфетку. Практичный жест, трогающий меня. — Ты... беспокоишься о других, — произносит она. — А это очень редкая вещь в нашем... — она вновь останавливается, — ...гедонистическом мире. Это... Патрик, ты смущаешь меня.

Она качает головой, закрывает глаза.

— Продолжай, — настаиваю я. — Пожалуйста. Мне хочется знать.

— Ты милый. — Она закатывает глаза. — А это... сексуально... я не знаю. И... в тебе есть загадка. —

Молчание. — Мне кажется... загадка... ты загадочный. — Молчание, потом вздох. — Еще ты... деликатный. —

Она что-то понимает, и смотрит мне в глаза, уже без испуга. — И я думаю, что робкие мужчины романтичны.

— Сколько в этом мире людей, подобных мне? — спрашиваю я снова. — Я что, правда, таким кажусь?

— Патрик, — говорит она. — Я бы не стала лгать.

— Нет, конечно, не стала... но мне кажется... — Теперь моя очередь задумчиво вздыхать. — Мне кажется... тебе известно, что говорят, не бывает двух одинаковых снежинок?

Она кивает.

— Так мне кажется, что это не правда. Мне кажется, много снежинок одинаковых... и много одинаковых людей.

Она вновь кивает, хотя я вижу, что она сильно смущена.

— Внешность бывает обманчива, — осторожно признаю я.

— Нет, — говорит она, качая головой, впервые уверенная в себе. — Я не думаю, что она обманчива. Это не так.

— Иногда, Джин, — поясняю я, — границы, отделяющие внешность — видимое — и реальность — невидимое — становятся расплывчатыми.

— Это неправда, — настаивает она. — Это просто-напросто неправда.

— В самом деле? — спрашиваю я, улыбаясь.

— Я раньше так не думала, — говорит она. — Может, десять лет назад я так не думала. Но теперь думаю.

— Что это значит? — с интересом спрашиваю я. — Ты раньше не думала?

... поток реальности. У меня возникает странное чувство, что это решающий момент в моей жизни, и я потрясен внезапностью того, что, должно быть, можно назвать богоявлением. Но мне нечего предложить ей, у меня нет ничего ценного. Впервые я вижу Джин свободной; она кажется более сильной, менее управляемой, она хочет увести меня в новую и неведомую землю — пугающую неясность совершенно другого мира. Я чувствую, что она хочет существенно переделать мою жизнь — ее глаза говорят мне об этом, и, хотя я вижу в них правду, я также знаю, что однажды, очень скоро, ее тоже затянет ритм моего безумия. Мне остается лишь молчать об этом, не заводить разговор — и все же она ослабляет меня, похоже, она решает, кто я такой, и на свой упрямый, своенравный манер я готов признать, что чувствую укол совести, что-то сжимается внутри и прежде чем я способен остановить это, я обнаруживаю, что едва ли не тронут, и теряю голову от того, что и во мне, возможно, существует способность принять, пусть и не ответить на ее любовь. Я думаю, не видно ли ей, прямо здесь, в Nowheres, как у меня в глазах развеиваются темные тучи. Но хотя моя постоянная холодность покидает меня, оцепенение — нет, и, вероятно, так и никогда не покинет. Эти отношения, должно быть, ни к чему не приведут... ничего не изменят. Я воображаю ее чистый, как у чая, запах...

— Патрик... поговори со мной... не будь таким расстроенным, — умоляет она.

— Мне кажется... мне пора... хорошенько взглянуть... на созданный мною мир, — со слезами на глазах давлюсь я, ловя себя на том, что признаюсь ей. — Я наткнулся... вчера вечером... на полграмма кокаина... в своем шкафу. — Я стискиваю вместе в один большой кулак руки так, что все суставы белеют.

— И что ты с ним сделал? — спрашивает она.

Я кладу одну руку на стол. Она берет ее в свою.

— Я выкинул его. Выкинул его. Я хотел его принять, — задыхаюсь я. — Но выкинул его.

Она легонько стискивает мою руку. «Патрик?» — спрашивает она, придвигая свою руку, пока та не держит меня за локоть. Когда я нахожу силу, чтобы взглянуть на нее, меня поражает, насколько бесполезно, скучно она физически красива и вопрос: Почему бы не остановиться на ней? — возникает на моем горизонте. Ответ: тело у нее лучше, чем у большинства известных мне девушек. Другой ответ: все равно все одинаковы. Еще один: на самом деле это не имеет никакого значения. Она сидит передо мной, мрачная, но надеющаяся, невыразительная, едва не плачет. Яжимаю в ответ ее руку, взволнованный, — нет, тронутый ее неведением зла. Ей надо пройти еще один тест.

— У тебя есть портфель? — сглатывая, спрашиваю я.

— Нет, — отвечает она. — Нету.

— Эвелин ходит с портфелем, — замечаю я.

— Правда? — спрашивает Джин.

— А как же Filofax[60]?

— Он маленький, — признается она.

— Дизайнерский? — подозрительно спрашиваю я.

— Нет.

Я вздыхаю, потом беру ее руку, жесткую и маленькую, в свои.

... а в южных пустынях Судана жара поднимается удушливыми волнами, тысячи тысяч мужчин, женщин, детей скитаются по безбрежным иссохшим пустыням в отчаянных поисках пищи. Они обессилены и голодны, за ними тянется след мертвецов, истощенных тел, они едят сорняки и листья и... листья лилий, они бредут, спотыкаясь, от деревни к деревне, они умирают медленно, неумолимо; серое утро в печальной пустыне, песок носится в воздухе, ребенок с лицом, как черная луна, лежит на песке, царапает пальцами горло, в воздухе — клубы пыли, она летит над землей, как взвихренный саван, солнца не видно, ребенок припорошен песком, он почти мертвый, глаза не мигают, и он благодарен (остановись и попробуй представить мир, где каждый за что-нибудь благодарен судьбе), что никто его не замечает, ни один человек из изможденной толпы, они молча проходят мимо, оцепенелые, скрюченные от боли (нет... один человек все-таки замечает умирающего ребенка; он видит

мучения мальчика и улыбается, как будто он знает какой-то секрет), мальчик беззвучно шевелит губами в кровавых трещинах, где-то далеко-далеко проезжает школьный автобус, а где-то еще, высоко в небе, в безвоздушном пространстве парит душа, и открывается дверь, и душа говорит: «Почему?..» — дом мертвых, бесконечность, душа парит в пустоте, время, хромая, проходит мимо, любовь и печаль накатывают на мальчика.

— Ладно.

Я смутно понимаю, что где-то звонит телефон. В кафе на Колумбус, бессчетное количество — может быть, сотни людей, может быть, тысячи, — прошли мимо нашего столика, пока я молчал.

— Патрик, — говорит Джин.

Кто-то с коляской останавливается на углу и покупает батончик Dove. Ребенок в коляске смотрит на Джин и на меня. Мы тоже смотрим на него. В этом есть что-то странное, потустороннее, и внезапно я переживаю спонтанный наплыв ощущений — как будто мое существо устремляется к чему-то и в то же время несется прочь, и для меня нет ничего невозможного.

АСПЕН

До Рождества осталось четыре дня, сейчас два часа пополудни. Сидя на заднем сиденье черного как смоль лимузина, припаркованного перед непримечательным домом перед Пятой Авеню, я пытаюсь читать статью о Дональде Трампе в новом номере журнала *Fame*. Жанетт хочет, чтобы я поднялся вместе с ней, но я говорю: «И не мечтай». У нее со вчерашнего вечера подбит глаз, поскольку за ужином в «*Il Marlibro*» мне пришлось заставить ее хотя бы поразмыслить над этим; позже, после более убедительной дискуссии в моей квартире, она согласилась. Дилемма Жанетт не имеет никакого отношения к тому, что я считаю виной, и за ужином я искренне сообщил ей, что мне очень сложно продемонстрировать сострадание, которого я не чувствую. Пока мы ехали от моего дома в верхний Вест Сайд, она всхлипывала. Единственное чувство в ней, которое можно четко идентифицировать, — отчаяние. И еще, возможно, страстное желание чего-то. Хотя мне удается не обращать на нее внимания почти всю поездку, я все же вынужден ей сказать: «Послушай, я уже принял утром два ксанакса, так что ты не можешь расстроить меня». Когда она выбирается из машины на замерзший тротуар, я бормочу: «Для твоего же блага», — а потом, в качестве утешения добавляю: «Не принимай это так близко к сердцу». Шофер, чье имя я забыл, провожает ее до дому, и она кидает на меня последний скорбный взгляд. Я вздыхаю и показываю ей рукой уходить. На ней со вчерашнего вечера хлопчатобумажное пальто леопардовой расцветки на шерстяной подкладке, а под ним платье из шерстяного крепа от Bill Blass. В утреннем Шоу Патти Винтерс было интервью со снежным человеком, и меня потрясло, насколько красноречивым и обаятельным он оказался. Рюмка, из которой я пью водку Абсолют, финская. По сравнению с Жанетт я очень загорелый. Шофер выходит из дома, показывает мне большой палец, осторожно вырывается от обочины и едет в аэропорт JFK, где у меня через полтора часа рейс в Аспен. Когда я вернусь в январе, Жанетт уже уедет из страны. Я закуриваю сигару, ищу пепельницу. На углу улицы церковь. И что? Это, кажется, мой пятый ребенок, которого abortируют, и третий из тех, что я не abortирую сам (признаю, что это бесполезная статистика). Ветер за окном лимузина свежий и холодный, дождь хлещет в затемненные окна ритмичными волнами, — вероятно, он подражает всхлипываниям Жанетт в операционной, которая с головокружением от анестезии вспоминает прошлое, тот момент, когда мир был совершенным. Я сопротивляюсь желанию истерически захохотать. В аэропорту я инструктирую шофера: перед тем, как забрать Жанетт, он должен заехать в F.A.O Schwarz и купить следующее: куклу, погремушку, кольцо для прикуса и белого полярного медведя Gund, и оставить все это на заднем сиденье, не разворачивая. С Жанетт все будет в порядке — у нее впереди вся жизнь (конечно, если только она опять не встретится со мной). Кроме того, ее любимый фильм «*Pretty in Pink*», и ей кажется, что Стинг клевый, так что произошедшее с ней не то чтобы полностью незаслуженно и жалеть ее не стоит. Сейчас не время для наивных.

ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

Утро вторника. Я стою у стола в гостиной и разговариваю по телефону со своим адвокатом, одновременно глядя Шоу Патти Винтерс и присматривая за горничной, которая натирает полы, смывает пятна со стен, без единого слова выкидывает бурые от крови газеты. Смутно я понимаю, что она также заблудилась в мире дерьма, с головой окунувшись в него, и это каким-то образом заставляет меня вспомнить, что днем придет настройщик пианино и надо оставить записку швейцару, чтобы он его впустил. Не то чтобы на Yamaha хоть раз играли; просто одна из девушек упала на него и несколько струн выскочили или порвались или что-то такое (я их использовал позже). В трубку я говорю: «Мне нужно больше налоговых льгот». На телевизионном экране Патти Винтерс спрашивает ребенка восьми-девяти лет: «Разве это не то же самое, что оргия?» На микроволновой

плите звенит таймер. Я разогреваю суфле.

Нет смысла отрицать: эта неделя была неудачной. Я начал пить собственную мочу. Спонтанно смеялся над пустяками. Иногда я сплю под футоном. Я без конца чищу нитью зубы и мои десны болят, а во рту ощущается вкус крови. Вчера перед ужином с Ридом Гудрихом и Джейсом Рустом в «1500» меня едва не поймали на почте на Таймс Сквер, где я пытался послать матери одной из убитых на прошлой неделе девушек нечто, похожее на засохшее, побуревшее сердце. А Эвелин я успешно отправил по почте из офиса маленькую коробочку с мухами и запиской, напечатанной Джин, в которой говорилось, что я больше никогда не желаю видеть ее лица и что ей следует сесть, блядь, на ебаную диету (хотя на самом деле ей этого и не надо). Но я также сделал кое-что еще, чтобы отметить праздник, и обыватель нашел бы это приятным: вещи, которые я купил для Джин (и сегодня утром их доставили ей на квартиру): хлопчатобумажные салфетки Castellini из Bendel's, кресло-качалка из Jenny V Goode, тафтовая скатерть из Barney's, старинный плетеный кошелек и старинная серебрянная вешалка от Macy's, белая сосновая этажерка из Conran's, золотой (9 карат) браслет эпохи Эдварда VII из Bergdorf's и сотни розовых и белых роз.

Офис. Строчки из песен Мадонны продолжают выскакивать у меня в голове, утомительно и знакомо напоминая о себе. Я смотрю в пустоту, мои глаза тусклы, пока я пытаюсь забыть о дне, маячащем передо мной, но потом в песни Мадонны вторгается фраза, наполняющая меня безымянным ужасом, — хутор на отшибе, она постоянно возвращается ко мне, снова и снова. Человек, которого я избегал весь год, пустозвон из Fortune, желающий написать обо мне статью, звонит вновь этим утром и все кончается тем, что я перезваниваю ему и договариваюсь об интервью. У Крейга Макдермотта какая-то факсомания и он не отвечает на мои звонки, предпочитая общаться через факс. Утренняя Post написала, что обнаружены останки троих людей, исчезнувших в марте прошлого года с борта яхты, изрубленные и раздувшиеся тела вмерзли в лед на Ист Ривер; по городу разгуливает маньяк, отравляющий литровые бутылки Evian, семнадцать человек погибли; слухи о зомби, общественный настрой, участвовавшие случайности, бездонная пропасть непонимания.

Для полноты картины снова появляется Тим Прайс, или, по крайней мере, мне так кажется. Пока я сижу за своим столом, одновременно зачеркивая минувшие дни в календаре и читая новый бестселлер об офисном менеджменте под названием «Почему Имеет Смысл Быть Кретином», звонит Джин, объявляет, что меня хочет видеть Тим Прайс, и я с испугом отвечаю: «Впусти... его». Прайс входит в офис в шерстяном костюме от Canali Milano, хлопчатобумажной рубашке от Ike Behar, шелковом галстуке от Bill Blass и кожаных ботинках со шнурками от Brooks Brothers. Я делаю вид, что говорю по телефону. Он садится напротив, по другую сторону стола с стеклянной крышкой Palazetti. На лбу у него грязное пятно, или же мне просто кажется. Кроме этого, он, похоже, в отличной форме. Наш разговор, должно быть, звучит так, хотя на самом деле он короче.

— Прайс, — говорю я, пожимая его руку. — Где ты был?

— А-а так, повсюду. — Он улыбается. — Но я вернулся.

— Здорово, — пожимаю я плечами, смутившись. — И как оно... было?

— Было... поразительно. — Он также пожимает плечами. — ...Угнетающе.

— Мне казалось, я видел тебя в Аспене, — бормочу я.

— Ну как ты, Бэйтмен? — спрашивает он.

— Я в порядке, — говорю я, сглатывая. — Так... существую.

— А Эвелин? — спрашивает он. — Как она?

— Мы расстались, — улыбаюсь я.

— Плохо, — осмысливает он, что-то вспоминая. — Кортни?

— Вышла замуж за Луиса.

— Грасрина?

— Нет. Керрутерса.

Он осмысливает и это.

— У тебя есть ее телефон?

— Тебя не было почти целую вечность. Что произошло? — спрашиваю я, записывая для него номер, и вновь замечая грязь у него на лбу, хотя у меня такое чувство, что никто другой ее бы не заметил.

Он встает, берет карточку.

— Я вернулся. Ты просто не заметил. Потерял нить. Все из-за переезда, — он замолкает, поддразнивая. — Я работаю на Робинсона. Правая рука, знаешь ли.

— Хочешь миндаля? — предлагаю я, протягивая ему орешек — слабая попытка с моей стороны скрыть свою обескураженность его самодовольством. Он треплет меня по спине со словами:

— Ты сумасшедший, Бэйтмен. Животное. Настоящее животное.

— Не могу с тобой спорить, — вяло смеюсь я, провожая его до двери. Когда он уходит, я думаю и одновременно не думаю над тем, что происходит в мире Тима Прайса, в мире, в котором на самом деле существует большинство из нас: большие планы, мальчишеская фигня, парень встречается с миром и обретает его.

НИЩИЙ НА ПЯТОЙ

Я возвращаюсь из Центрального Парка, где возле детского зоопарка я скормил мозг Урсулы бродячим собакам (это рядом с тем местом, где я убил мальчика МакКаффи). Я иду по Пятой авеню около четырех дня, у всех на улице опечаленный вид, в воздухе запах тлена, на холодном тротуаре километрами лежат тела, некоторые шевелятся, большинство — нет. История гибнет, но только очень немногие смутно догадываются, что дела плохи. Над городом на фоне солнца низко летают самолеты. По Пятой авеню проносятся ветры и уходят на Пятьдесят Седьмую. Медленно поднимается стайка голубей и рассыпается по небу. Аромат жареных каштанов мешается с выхлопными газами. Я замечаю, что линия горизонта недавно изменилась. Я смотрю с восторгом на Трамп Тауэр, высокую, горделиво отсвечивающую в свете позднего дня. Перед ней двое ушлых негров-подростков обдирают туристов в «три карты» и я вынужден сдерживать порыв их отпиздить.

Нищий, которого я ослепил весной, сидит, скрестив ноги, на вшивом одеяле на углу Пятьдесят Пятой.

Приблизившись, я вижу лицо попрошайки в шрамах, а потом и плакат под ним, на котором написано: «Ветеран войны, ослепший во Вьетнаме. Помогите мне. Мы голодные и бездомные». Мы? Я замечаю собаку, наблюдающую за мной подозрительными глазами, которая, по мере моего приближения к хозяину, поднимается, рычит, а когда я уже стою над нищим, наконец лает, неистово виляя хвостом. Я опускаюсь на корточки, угрожающе поднимаю руку. Собака пятится на полусогнутых.

Я вытаскиваю бумажник, изображая, что опускаю доллар в его пустую банку из-под кофе, но потом осознаю: К чему эти притворства? Никто все равно не смотрит, и уж никак не он. Подавшись вперед, я забираю доллар. Он чувствует мое присутствие и перестает трясти банкой. Темным очкам на его лице так и не удается пока скрывать нанесенные мною раны. Его нос так раскромсан, что мне сложно представить, как через него дышать.

— Ты никогда не был во Вьетнаме, — шепчу я в его ухо.

После молчания, во время которого он пишет себе в штаны, собака ноет, а он квакает: «Пожалуйста, не причиняйте мне зла».

— К чему мне зря терять время? — с отвращением бормочу я.

Я ухожу от нищего и вижу маленькую курящую девочку, просящую мелочь.

— У-у-у, — пугаю я ее.

— У-у-у, — произносит она в ответ. Этим утром в Шоу Патти Винтерс в очень маленьком кресле сидел Черио[61] и с ним разговаривали почти час. Позже днем женщине в серебряной лисе и норковой шубе разъяренный меховой активист порезал лицо перед Stanhope. Но сейчас, все еще глядя через улицу на незрячего нищего, я покупаю конфету, Dove Bar, кокосовую, в которой нахожу кусок кости.

НОВЫЙ КЛУБ

В четверг вечером я наталкиваюсь на Харольда Карниса на вечере в новом клубе под названием «World's End», открывшемся на месте «Petty's». Я сижу за столиком с Ниной Гудрих и Джин, а Харольд пьет шампанское, стоя у бара. Я достаточно пьян, чтобы наконец спросить про сообщение, оставленное мною на его автоответчике. Извинившись, я проталкиваюсь в другой конец бара, поскольку понимаю, что мне необходим мартини, чтобы укрепить дух перед беседой с Карнисом (эта неделя была для меня очень сложной — в понедельник я обнаружил, что рыдаю во время одной из серий «Альфа»). Нервничая, я подхожу к нему. На Харольде шерстяной костюм от Gieves & Hawkes, шелковый саржевый галстук, хлопчатобумажная рубашка, ботинки от Paul Stuart; он кажется более грузным, чем я помню.

— Заметь, — говорит он Труману Дрейку, — к концу девяностых японцы будут владеть большей частью этой страны.

Успокоенный тем, что Харольд, как всегда, делится ценной и, главное, новой информацией, да к тому же в его речи проскальзывает слабый, но, прости господи, несомненно английский акцент, я набираюсь наглости и выкрикиваю:

— Заткнись, Карнис, ничем они не будут владеть.

Я опрокидываю в себя мартини, пока потрясенный Карнис с абсолютно ошарашенным видом поворачивается ко мне и его одутловатое лицо расплывается в неуверенной улыбке. Позади нас произносят:

— Да, но смотри, что произошло с Секко... — Труман Дрейк хлопывает Харольда по спине и спрашивает

меня: -

А какая ширина подтяжек предпочтительнее?

Раздраженный, я пихаю его в толпу, и он исчезает.

— Ну, Харольд, — говорю я. — Ты получил мое послание?

Карнис, похоже, поначалу в замешательстве, но, в конце концов, закуривая сигарету, смеется:

— Бог мой, Дэвис. Это была умора. Это был ты, так?

— Да, естественно.

Я моргаю, бормочу что-то про себя, правда, отгоняю рукой сигаретный дым от своего лица.

— Бэйтмен убивает Оуэна и эскорт-девушек? — он не перестает гоготать. — О, это просто изумительно. Я просто тащусь, как говорят в «Groucho Club». Просто тащусь. — Потом с выражением испуга он добавляет. — Это было довольно длинное сообщение, верно?

Я идиотски улыбаюсь, потом спрашиваю:

— Но что конкретно ты имеешь в виду, Харольд?

Про себя я думаю, что этот жирный мудака вряд ли мог попасть в ебанный «Groucho Club», а если и попал, то признание в таком стиле перечеркивает тот факт, что его впустили.

— Послание, да, разумеется, — Карнис уже оглядывает клуб, маша разным парням и девкам. — Кстати, Дэвис, как Синтия? — Он берет стакан с шампанским у проходящего мимо официанта. — Ты ведь по-прежнему встречаешься с ней?

— Подожди, Харольд. Что ты думаешь об этом? — настойчиво повторяю я.

Ему уже скучно и неинтересно, — не слушая меня, он уходит от разговора:

— Ничего. Рад тебя видеть. Господи, это не Эдвард Тауэрс?

Я вытягиваю шею, чтобы посмотреть, потом вновь обращаюсь к Харольду.

— Нет, — говорю я, — Карнис, подожди.

— Дэвис, — вздыхает он, словно терпеливо пытается объяснить что-то ребенку. — Я не хочу никого обижать, — твоя шутка была забавной. Но послушай, старик, у тебя был один фатальный просчет. Бэйтмен — такой жополиз, такой пай-мальчик, что шутка твоя не вполне удалась. А так замечательно. Ладно, давай как-нибудь пообедаем вместе, или мы с Макдермоттом или Пристоном поужинаем в «150 Wooster». Будет полный оттяг.

Он пытается уйти.

— От-тях? От-тях? Ты сказал от-тях, Карнис? — мои зрачки расширены, меня уносит, хотя я и ничем не закидывался. — Что ты несешь? Бэйтмен — это кто?

— О боже, старик. А как ты думаешь, почему Эвелин Ричард с ним разорвалась? Ну, ты понимаешь. Он едва ли мог снять эскорт-девушку, уже не говоря об... что ты сказал, он сделал с ней? — Харольд по-прежнему рассеяно обводит взглядом клуб, машет еще одной паре, поднимая стакан с шампанским. — Ах, да, порубил ее на куски. — Он вновь начинает смеяться, хотя на этот раз из вежливости. — А теперь, если позволишь, мне надо идти.

— погоди. Стой, — ору я, глядя прямо в лицо Карнису, дабы убедиться, что он слушает. — Ты, похоже, не понимаешь. До тебя не доходит. Я убил его. Я, Карнис. Я отрубил, блядь, у Оуэна голову. Я пытал десятки девушек. Все, что я наговорил тебе на автоответчике — правда. — Я иссяк, но не успокоился, и удивляюсь, почему же все это не радует меня.

— Прости меня, — произносит он, стараясь не обращать внимания на мою выходку. — Но мне действительно надо идти.

— Нет! — ору я. — Здесь и сейчас, Карнис. Слушай меня. Слушай очень, очень внимательно.

Я-убил-Пола-Оуэна-и-мне-это-понравилось. Я не могу выразиться яснее. — От напряжения я глотаю слова.

— Но это просто невозможно, — произносит он, убегая от меня. — И мне это больше не кажется смешным.

— А это и не должно казаться смешным, — рявкаю я, а потом добавляю: — Но почему невозможно?

— Просто невозможно, — отвечает он, с опаской глядя на меня.

— Но почему? — ору я, перекрикивая музыку, хотя в общем-то в этом нет нужды, и добавляю. — Тупой мудака!

Он смотрит на меня так, словно мы оба под водой и кричит в ответ, очень ясно сквозь шум клуба.

— Потому что... я... ужинал... с Полом Оуэном... дважды... в Лондоне... всего десять дней назад.

После этого мы смотрим друг на друга, похоже, с минуту, наконец я набирюсь мужества ответить, но мой голос теряет всякую властность, и мне кажется, что я не уверен в себе, когда просто произношу:

— Нет... не ужинал...

Но это скорее вопрос, чем утверждение.

— Итак, Дональдсон, — произносит Карнис, убирая мою руку с его локтя. — Прости, но...

— Ты прощен, — усмехаюсь я.

Я возвращаюсь за наш столик, где уже сидят Джон Эдмонтон и Питер Бивас и накачиваюсь гальционом перед тем, как отвезти Джин к себе. Джин в чем-то от Oscar de la Renta. Нина Гудрих была в платье с блестками от Matsuda и отказалась дать мне свой номер, даже когда Джин была внизу в дамской уборной.

ТАКСИСТ

Еще одна отрывочная сцена из того, что считается моей жизнью, происходит в среду и, по всей видимости, указывает на какую-то ошибку, хотя я и не уверен, на чью. После завтрака с Питером Расселом, который прежде чем найти настоящую работу был моим дилером, и Эдди Ламбертом я направляюсь на Уолл-стрит в такси и застаю в пробке. Рассел был в двухпуговичном шерстяном спортивном пиджаке от Redaelli, хлопчатобумажной рубашке от Hackert, шелковом галстуке от Richel, шерстяных брюках в складку от Krizia Uomo и кожаных ботинках Cole-Наан. В утреннем Шоу Патти Винтерс рассказывалось о четырехклассниках, продающих себя за крэк и я едва не отменил встречу с Расселом и Ламбертом, чтобы посмотреть его. Рассел заказал за меня, пока я в вестибюле говорил по телефону. К несчастью, это оказался высококалорийный завтрак с высоким содержанием натрия, и, прежде чем я смог осознать происходящее, на стол были поставлены хлебцы с травами, ветчина в сливочном соусе «мадейра», сосиски, жареные на гриле, и кусочки кофейного торта с кремом, и я был вынужден попросить официанта принести травяной чай без кофеина, тарелку с нарезанным манго и бутылку воды Evian. В раннем утреннем свете, лившимся через окна, я наблюдал, как официант элегантно настругал черные трюфели в дымящуюся яичницу Ламберта. Я не смог устоять и попросил настругать черные трюфели в мое манго. Вот и все, что произошло за завтраком. Мне надо было еще раз позвонить, а когда я вернулся к столу, то заметил, что кусочек манго исчез, но я никого не обвинял. У меня на уме было другое: как помочь американским школам, вакуум доверия, принадлежности к письменному столу, новая эра возможностей и что в ней есть для меня, надо достать билеты на «Трехгрошевую Оперу» со Стингом, которая только что начала идти на Бродвее, как брать на себя больше, а помнить меньше...

Я еду в такси. На мне двубортное кашемировое пальто из коллекции Studio 000.1 от Ferre, шерстяной костюм с брюками в складку от DeRigueur из Schoeneman, шелковый галстук от Givenchy Gentleman, носки от Interwoven, ботинки от Armani. Сквозь темные очки Ray-Ban я читаю Wall Street Journal и слушаю кассету Vix Beiderbecke. Отложив газету, я беру Post, только лишь чтобы просмотреть шестую страницу. Пока мы ждем светофора на пересечении Седьмой и Тридцать Четвертой, я замечаю, что в соседнем такси, кажется, сидит Кевин Глодвин в костюме от Ralph Lauren. Я опускаю очки. Кевин поднимает глаза от свежего номера Money и, прежде чем его машина трогается, замечает, что я смотрю на него как-то странно. Неожиданно мое такси выскакивает из пробки и поворачивает на Двадцать Седьмую, а потом на Вест Сайд Хайвей к Уолл-стрит. Отложив газету, я сосредоточиваюсь на музыке и погоде, на том, как не по сезону холодно и только сейчас замечаю, что шофер смотрит на меня в зеркальце. Его подозрительное, жадное лицо постоянно меняет выражение. Засоренные поры, вросшие волосы. Я ожидал этого и, вздыхая, игнорирую его. Открой капот машины и узнаешь многое о людях, которые ее придумали, — вот одна из многих фраз, мучающих меня.

Но водитель стучит в разделяющее нас плексигласовое стекло, подает мне знаки. Снимая наушники, я замечаю, что он запер все двери — вижу, как в мгновение ока опускаются запоры и слышу щелчок в тот момент, когда убираю звук. Машина едет быстрее, чем положено, по крайнему правому ряду.

— Да? — раздраженно спрашиваю я. — Что?

— Эй, мы не знакомы? — спрашивает он с сильным акцентом, который почти невозможно разобрать, — может быть, он из Нью-Джерси, а может, со Средиземноморья.

— Нет, — я собираюсь снова надеть наушники.

— У вас знакомый вид, — говорит он. — Как вас зовут?

— У меня незнакомый вид. И у тебя тоже, — отвечаю я, но, подумав, добавляю: — Крис Хаген.

— Да ладно, — он улыбается, словно я что-то не так сказал. — Я знаю, кто вы.

— Я киноактер, — говорю я. — Модель.

— Нет, — мрачно произносит он.

— Ну хорошо, — я подаюсь вперед и читаю его имя. — Абдулла, ты состоишь членом «М.К.»?

Он не отвечает. Я открываю Post на фотографии мэра в костюме ананаса, снова закрываю и переворачиваю кассету в плеере. Начинаю считать про себя — раз, два, три, четыре, — остановившись взглядом на счетчике. Почему я не взял с утра с собой пистолет? Потому что не думал, что он мне понадобится. Единственное оружие

при мне — нож, которым я пользовался вчера вечером.

— Нет, — снова говорит он, — я где-то видел ваше лицо.

Мне уже надоело, и я спрашиваю, пытаюсь казаться небрежным:

— Видел? Правда? Как интересно. Лучше следи за дорогой, Абдулла.

Долгая, пугающая пауза, пока он смотрит на меня в зеркальце, но потом его мрачная ухмылка вянет. Его лицо пусто. Он произносит:

— Я знаю. Я знаю. Я знаю, мужик, кто ты.

Он кивает, рот его крепко сжат. Радио, настроенное на новости, молчит.

Здания в серо-красном тумане проскальзывают мимо, такси обгоняет другие машины, небо меняет цвет — из синего в пурпурный, затем черный, опять синий. На следующем светофоре — красный свет, но он не останавливается. Мы проезжаем по другой стороне Вест Сайд Хайвей мимо нового D'Agostino's, на том месте, где раньше был на углу Mars, и это доводит меня почти до слез, потому что это было нечто опознаваемое, и у меня возникает ностальгия по супермаркету (хоть я никогда и не купил бы в нем ничего), да и по любым другим вещам, и я почти перебиваю шофера, говорю ему, чтобы он остановился, выпустил меня, оставил себе сдачу с десяти, — нет, с двадцати долларов — но я не могу пошевелиться, потому что он едет слишком быстро и что-то происходит, что-то немыслимое и смехотворное, я слышу, как он произносит что-то похожее на «Это ты убил Солли».

На его лице — гримаса решительности. Как и все остальное, последующее происходит очень быстро, хотя мне это кажется тестом на выносливость.

Я сглатываю слюну, опускаю очки и говорю, чтобы он снизил скорость, а потом спрашиваю:

— Можно ли поинтересоваться, кто такой Солли?

— Приятель, твое лицо на плакатах «в розыске», — говорит он, не вздрогнув.

— Пожалуй, мне нужно выйти здесь, — удается мне пискнуть.

— Точно, ты ведь тот парень, — он смотрит на меня, словно я какая-нибудь гадюка.

Еще одно пустое такси с включенными огнями проплывает мимо, делая по крайней мере восемьдесят миль в час. Я молчу и лишь киваю головой.

— Я сейчас запишу... — я сглатываю, дрожа, открываю свой кожаный ежедневник, вынимаю из своего портфельчика Bottega Veneta ручку Mount Blanc, — номер твоей лицензии...

— Ты убил Солли, — говорит он, определенно узнавая меня, и обрывая всяческие отрицания с моей стороны рычанием, — ты сукин сын.

Неподалеку от доков он сворачивает с шоссе, гонит машину в конец пустынной парковочной стоянки, и в какой-то момент, вот сейчас, когда он едет к разваливающемуся, покрытому ржавчиной алюминиевому забору, к воде, мне приходит в голову, что мне всего лишь надо надеть наушники, чтобы не слышать голос шофера, но мои руки судорожно сжаты в кулаки и я, пленник в машине, которая мчится куда-то, — куда? -очевидно, это известно только безумному шоферу, — я не могу их разжать. Стекла наполовину опущены и я чувствую, как холодный утренний ветер сушит мусс на моей голове. Я ощущаю себя голым и крошечным. Во рту у меня вкус железа, а потом еще хуже. Я представляю зимнюю дорогу. Единственная утешительная мысль: я богат — а миллионы людей нет.

— Ты ошибаешься насчет меня, — говорю я.

Он останавливает машину и разворачивается ко мне. В руке у него пистолет марки, которую я не узнаю. Я смотрю на него, насмешливое выражение моего лица сменяется на другое.

— Часы. Rolex, — просто говорит он.

Я слушаю, молча, ерзая на сиденье.

Он повторяет:

— Часы.

— Это что, шутка? — спрашиваю я.

— Вылезай, — шипит он, — вылезай, на хуй, из машины.

Я смотрю мимо головы шофера, в ветровое стекло, чайки низко летают над темной, волнистой водой, и, открыв дверь, я осторожно выбираюсь из машины, никаких резких движений. Из рта у меня вырывается пар, ветер подхватывает его и кружит.

— Часы, говнюк, — говорит он, высовываясь из окна, пистолет направлен мне в голову.

— Слушай, я не знаю, что ты делаешь, чего ты хочешь или на что, как тебе кажется, ты способен. С меня никогда не снимали отпечатки пальцев, у меня алиби...

— Заткнись, — рычит, обрывая меня, Абдулла. — Заткни свое ебало.

— Я невиновен, — кричу я с полным убеждением.

— Часы, — он взводит курок пистолета.

Я расстегиваю Rolex, которые соскальзывают с моего запястья, и отдаю их ему.

— Бумажник, — показывает он пистолетом. — Только наличные.

Беспомощно я вынимаю свой новый бумажник из газелевой кожи и быстро — пальцы мои замерзают, цепенеют

— отдаю ему наличные, всего триста долларов, поскольку я не успел остановиться у банкомата после завтрака.

Солли, вероятно, был таксистом, которого я убил во время погони осенью, хотя мне казалось, что тот парень был армянином. Хотя я мог убить и кого-нибудь другого, но никакого конкретного случая в голову не приходит.

— Что ты будешь делать? — спрашиваю я. — Разве это не сойдет за вознаграждение?

— Не сойдет, — бормочет он, перебирая купюры одной рукой, другой все также направляя на меня пистолет.

— Почему ты думаешь, что я не позвоню куда надо, и у тебя не отберут лицензию? — спрашиваю я, протягивая ему нож, только что обнаруженный в моем кармане, — он выглядит так, словно его окунули в вазочку, наполненную кровью и волосами.

— Потому что ты виновен, — говорит он, и добавляет, указывая пистолетом на заляпанный нож: — Убери эту штуку от меня.

— Да что ты знаешь, — злобно бормочу я.

— Очки, — он снова показывает пистолетом.

— Почему ты думаешь, что я виновен? — мне не верится, что я спрашиваю так терпеливо.

— Ты смотри, что делаешь, мудака, — произносит он. — Очки.

— Они дорогие, — протестую я, потом вздыхаю, осознав ошибку. — Я хочу сказать, дешевые. Очень дешевые. Просто... Разве денег не достаточно?

— Очки. Давай их сюда, — мычит он.

Я снимаю очки Wayfarer и протягиваю их ему. Может быть, я и вправду убил Солли, хотя я уверен, что среди убитых мною в последнее время таксистов не было американцев. Наверное, да. Возможно, есть плакат «в розыске» со мной... где? в месте, где стоят такси? Как оно называется? Таксист примеряет мои очки, смотрит на себя в зеркальце заднего вида, снимает их. Сложив, убирает их в карман куртки.

— Тебе конец, — зловеще улыбаюсь я ему.

— А ты яппи-говнюк, — говорит он.

— Тебе конец, Абдулла, — не шутя повторяю я. — Уж будь уверен.

— Да? А ты говнюк-яппи. Что хуже?

Он заводит машину и отъезжает от меня.

Я иду назад на хайвэй, вдруг внезапно останавливаюсь, задыхаясь от слез, мое горло сжимается. «Я просто хочу...» Устремив взгляд к линии горизонта, вытирая лицо, я бормочу: «чтобы игра продолжалась». Пока я стою, застыв в размышлении, рядом с постером «Трехгрошевой Оперы» на пустынной автобусной остановке появляется какая-то старая женщина. Бездомная нищенка, прихрамывает, ее лицо покрыто язвами, напоминающими жуков, и она вытягивает вперед дрожащую красную руку. «Ох, пожалуйста, не убралась бы ты», — вздыхаю я. Она советует мне подстричься.

В HARRY'S

В пятницу вечером мы с ребятами уходим с работы пораньше и идем в «Harry's» таким составом: Тим Прайс, Крейг Макдермотт, я и Престон Гудрич, который сейчас встречается с весьма симпатичной девкой, которую, кажется, зовут Сливка: это не и не фамилия, а вроде как имя — просто Сливка, актриса и фотомодель, и, по общему мнению, клевая девка. Мы спорим, куда пойти ужинать: в «Flamingo East», в «Oyster Bar», в «220», в «Counterlife», в «Michael's», в «SpagoEast» или в «Le Cirque». С нами еще Роберт Фарелл. На столе перед ним — Lotus Quotrek, портативный интерактивный коммуникатор, позволяющий узнавать котировки акций. Он нажимает на кнопки, и на экране высвечиваются результаты последних торгов. Кто как одет? Макдермотт: кашемировый спортивный пиджак, шерстяные брюки, шелковый галстук, все от Hermes. Фарелл: кашемировый пиджак, кожаные туфли, брюки из шерстяной саржи, все от Garrick Anderson. На мне — шерстяной костюм от Armani, туфли Allen-Edmonds, карманный платок от Brooks Brothers. Еще на ком-то — шерстяной костюм от Anderson and Sheppard. Кто-то, очень похожий на Тода Лаудера, — вполне может быть, что это он и есть, — показывает нам большой палец из дальнего конца зала. И т.д., и т.п.

По обыкновению, мы задаем друг другу вопросы, но сегодня почти все вопросы адресованы мне, как-то: Когда уместно, а когда неуместно носить карманные платки и действуют ли для них те же правила, что и для белых

смокингов? Есть ли какая-то разница между мокасинами и полуспортивными туфлями? Твой хлопчатобумажный матрас просел и на нем неудобно спать — что ты будешь делать? Как оценить качество компакт-диска при покупке? Какой галстучный узел выпирает меньше виндзорского? Как сохранить эластичность свитера? Как правильно выбрать пальто из шерсти барашка после первой стрижки?

Я, разумеется, думаю о другом и размышляю над собственными вопросами: Подсел ли я на фитнес? Можно ли назвать меня противником общепринятых правил и норм? Могу я устроить себе свидание с Синди Кроуфорд? Если у тебя знак зодиака — Весы, это о чем-нибудь говорит, и если да, то как это доказать? Сегодня я был одержим идеей отправить по факсу кровь Сары, нацеженную мною из ее вагины, в ее офис в Манхэттене, и не пошел в тренажерный зал, потому что буквально на днях доделал ожерелье из позвонков какой-то из девиц, так что мне хотелось побыть дома и помастурбировать в белой мраморной ванне, надев ожерелье на шею — что я и сделал, рыча и отфыркиваясь, как какой-нибудь дикий зверь. Потом я посмотрел кино про пять лесбиянок и десять вибраторов. Моя любимая рок-группа: «Talking Heads». Любимый алкогольный напиток: J&B или «Абсолют» со льдом. Любимое телешоу: «Поздней ночью с Дэвидом Леттерманом». Любимый безалкогольный напиток: диетическая пепси. Минеральная вода: Evian. Вид спорта: бейсбол.

Разговор идет как бы сам по себе — никакой темы, никаких четких конструкций, никакой объединяющей логики или чувства; за исключением, разумеется, его собственной скрытой, законспирированной логики. Просто слова, и, как в иностранном фильме с некачественным дубляжем, они накладываются друг на друга, так что почти ничего не слышно. Мне трудно сосредоточиться, потому что в последнее время со мной разговаривают банкоматы, и иногда высвечивают на экране странные обращения зелеными буквами, типа «Разнеси все к чертям в «Sotheby's», или «Убей президента», или «Скорми мне бродячую кошку», и еще меня до смерти напугала парковая скамейка, которая гналась за мной шесть кварталов — вечером в прошлый понедельник — и тоже пыталась со мной заговорить. К разрушениям я отношусь очень спокойно. Для меня это естественно. Так что мой вклад в общую беседу ограничивается встревоженным высказыванием:

— Я никуда не пойду, если у нас не заказан столик; у нас заказано где-нибудь или нет?

Я замечаю, что мы все пьем сухое пиво. Интересно, кроме меня, еще кто-нибудь это заметил? Я — в темных очках без диоптрий в оправе под черепаховый панцирь.

В «Harry's» есть телевизор; идет Шоу Патти Винтерс. Теперь оно выходит не утром, а после обеда, и соперничает (не сказать, чтобы успешно) с Джеральдо Риверой, Филом Донахью и Опррой Уинфри. Тема сегодняшней передачи: равнозначен ли успех в бизнесе счастью? В «Harry's» дружно отвечают:

«Определенно!», — сопровождая это криками и гиканьем. Все весело и дружелюбно смеются. Теперь на экране — кадры из старого репортажа с инаугурации президента Буша, потом — речь предыдущего президента Рейгана с еле слышными комментариями Патти. Ребята заводят вялый и неинтересный спор о том, врет он или говорит правду, хотя слов никто не разбирает. Единственный, кто горячится по-настоящему, это Прайс, и хотя мне кажется, что его голова занята чем-то другим, он использует этот повод для того, чтобы хоть на ком-нибудь сорвать свою неудовлетворенность. Он говорит, напустив на себя неуместно возмущенный вид:

— Как он может так лгать?! Как он может нести эту херню после всего дерьма?!

— О господи, — я готов застонать. — Какого еще дерьма? Ну чего, мы решили, где будем заказывать столик?

Вообще-то я не очень голоден, но хотелось бы сделать заказ заранее. Как насчет «220»? — Немного подумав, я добавляю: — Макдермотт, какой у него там рейтинг, в новом «Загате»?

— Только не «220», — говорит Фарелл, опережая Крейга. — В последний раз, когда я разжился там кокаином, он был так сильно разбавлен слабительным, что я едва успел снять штаны.

— Ну да. Жизнь — сплошной облом, а потом ты умираешь.

— В общем, вечер был безнадежно испорчен, — вздыхает Фарелл.

— В последний раз ты там был с Кирией, — говорит Гудрич. — Поэтому вечер был безнадежно испорчен?

— Она поймала меня на второй линии, когда я говорил по телефону. Что я мог сделать?! — Фарелл пожимает плечами. — Прошу прощения.

— Поймала на второй линии, — Макдермотт с сомнением подталкивает меня локтем.

— Заткнись, Макдермотт, — говорит Фарелл, дергая Крейга за подтяжки. — Чтoб тебе с нищенкой переспать.

— Ты, Фарелл, упустил из виду одно обстоятельство, — говорит Престон. — Макдермотт сам нищий.

— Кстати, а как там Кортни? — интересуется Фарелл, хитро поглядывая на Крейга.

— Просто скажи «нет», — смеется кто-то.

Прайс отрывается от телевизора, смотрит на Крейга, потом — на меня, показывает на экран и говорит, пытаюсь скрыть свое недовольство:

— Глазам не верю. Вид у него совершенно... нормальный. Как будто он... вообще ни при чем. Такой... безобидный.

— Дурак дураком, — говорит кто-то. — Проходи, проходи.

— Идиот, Он и есть безобидный. Был безобидным. Таким же безобидным, как ты. Но он сотворил все это дерьмо, а ты даже не смог провести нас в «150», и что тут скажешь? — Макдермотт пожимает плечами.

— Просто у меня в голове не укладывается, как так можно: казаться таким... элегантным и при этом быть по уши в дерьме, — говорит Прайс, пропустив мимо ушей замечание Крейга и не глядя на Фарелла. Он вынимает сигару и изучает ее с горестным видом. Мне по-прежнему кажется, что у Прайса на лбу — грязное пятно.

— Может быть, это все из-за Нэнси? — высказывается Фарелл, оторвавшись от своего Quotrek'a. — Может быть, это ее рук дело?

— Не знаю, блядь, как можно к этому относиться с таким пофигизмом?! — Судя по голосу, Прайс, с которым явно творится что-то не то, действительно ошеломлен. Ходят слухи, что он проходит курс реабилитации.

— Некоторые рождаются пофигистами, — улыбается Фарелл, пожимая плечами.

Я смеюсь, потому что Фарелл уж точно никакой не пофигист, и Прайс укоризненно на меня смотрит и говорит:

— Кстати, Бэйтмен... а ты чего, блядь, такой радостный?

Теперь уже я пожимаю плечами и говорю:

— Я по жизни просто счастливый турист, — и добавляю, вспомнив, цитируя брата: — Я при деньгах и нос в кокаине, вот такой вот рок-н-ролл.

— Будь таким, каким хочешь и можешь быть, — добавляет кто-то.

— Нет, ребята, — Прайс никак не уймется. — Вы посмотрите, — он пытается оценить ситуацию рационально. — Он ведь строит из себя этакого безобидного чудаковатого старикашку. Но внутри... — Он умолкает. Мне вдруг становится интересно, что он скажет дальше. — Внутри... — Прайс не может закончить фразу, не может добавить три правильных слова: мне все равно. Он меня разочаровывает, но в то же время я искренне за него рад.

— Внутри? Что внутри? — говорит Крейг со скучающим видом. — Ты не поверишь, но мы тебя слушаем.

Продолжай.

— Бэйтмен, — говорит Прайс, немного смягчившись. — А ты что думаешь?

Я поднимаю глаза, улыбаюсь и ничего не говорю. Где-то — может быть, в телевизоре? — играет гимн. С чего бы вдруг? Я не знаю. Может быть, перед рекламным блоком. Завтра в Шоу Патти Винтерс — вышибалы из клуба «Nell's»: Где-то они теперь? Я вздыхаю и пожимаю плечами. Мне все равно.

— Хороший ответ, — хмыкает Прайс и добавляет: — Ты просто псих ненормальный.

— Это — самая ценная информация, которую я слышу с... — я смотрю на свой новый застрахованный золотой Rolex. — Это Макдермотт, что ли, заказал всем сухого пива? Господи, я хочу виски.

Макдермотт ухмыляется и рявкает:

— Милая крошка, стройные ножки. Длинная шейка и все дела.

— Очень культурно, — кивает Гудрич.

Найджел Моррисон, весь из себя утонченный, стильный англичанин, подходит к нашему столику; в петлице его пиджака от Paul Smith — цветок. Но он не может задержаться надолго, потому что ему надо встретиться в «Delmonico» с друзьями, Ианом и Люси, которые тоже англичане. Он практически сразу уходит, и я слышу, как кто-то фыркает:

— Найджел. Паштет из животного.

Кто-то еще говорит:

— Послушайте, кто-нибудь в курсе, что пещерные люди были крепче нас в смысле характера?

— А кто занимается счетами Фишера?

— Фишер — это фигня. Вот Шепард — это да.

— Это не Дэвид Монроу? Тот еще прожигатель жизни.

— О господи.

— Да ради бога.

— ...худой и желчный...

— А что я с этого буду иметь?

— Какой Шепард, который актер? Или счета Шепарда?

— Богатые люди с дешевыми стереосистемами.

— Нет, девушки, которые пьют наравне с мужиками.

— ...мудозвон как он есть...

— Прикурить? Симпатичные спички.

— А что я с этого буду иметь?

— ...бла-бла-бла... По-моему, это я сказал:

— Мне надо вернуть кассеты в видеопрокат.

Кто-то уже достал сотовый телефон Minolta и вызвал такси. Я не прислушиваюсь к разговору у нас за столиком, я наблюдаю за парнем — точь в точь Маркус Холберстам, — который расплачивается и собирается уходить, а потом кто-то спрашивает, ни с того, ни с сего: «Но почему?», — и хотя я очень горжусь тем, что мне удастся сохранять хладнокровие, и не дергаться, и соответствовать тому, что окружающие думают обо мне, я слышу вопрос и машинально его осмысливаю: «Почему?» — и машинально же отвечаю, от фонаря, безо всякой причины, я открываю рот, и слова текут сами собой, такой вот итог для идиотов:

— Ну, хотя я знаю, что должен был сделать это, и зря я этого не сделал, но мне уже двадцать семь, а это... жизнь, какой она кажется в барах и клубах Нью-Йорка, а может быть, и не только Нью-Йорка, а вообще, везде, в конце нашего века... и так, как мне кажется, ведут себя люди... это и значит — быть собой, быть Патриком, так что... в общем...

Я умолкаю, вздыхаю, слегка пожимаю плечами, и снова вздыхаю, а над одной из дверей, занавешенной красной бархатной шторкой, висит табличка, на которой написано красными буквами в тон занавеске: ЭТО НЕ ВЫХОД.

Примечания

1

Ucla, Stanford — престижные американские университеты

2

«if i were a rich man» — «Если бы я был богатым» (англ.)

3

Пейсли, шотландка — виды ткани (прим. ред.)

4

Калифорнийские роллы — разновидность суши (с авокадо и крабовым мясом)

5

Адвил (advil) — болеутоляющее (ибупрофен)

6

Две с половиной кварты — приблизительно 2,3 литра

7

zitag survey — популярный в Америке журнал ресторанной критики (Прим. ред.)

8

Вассар — колледж в Нью-Йорке

9

Soldier of fortune — журнал «Солдат удачи»

10

Pearl Bailey — популярная негритянская певица

11

Ted Bundy — маньяк-убийца

12

Acacia — марка калифорнийского вина

13

Гальцион — снотворное

14

Ксанакс — популярное в Америке успокоительное

15

«Доннер парти» (donner party) — трагедия, произошедшая в 1846-1847 году с группой переселенцев, двигавшихся из Иллинойса в Калифорнию, но остановленных в пути сильнейшими снегопадами. Названа по имени предводителя переселенцев, Джорджа Доннера

16

lotte — разновидность ската

17

boudin blanc — вид кровяной колбасы
18

элавил (elavil) — антидепрессант, аналог amitриптилина
19

Page six — развлекательное приложение к газете new york post
20

wwd — women's wear daily, популярное издание о моде
21

зидеко (zydeco) — музыкальное направление, популярное в Южной Луизиане, включающее в себя элементы блюза, а также французской и карибской музыки. Музыка в этом стиле исполняется небольшими оркестрами, включающими в себя гитару, аккордеон и стиральную доску.
22

Мариачи (mariachi) — мексиканский уличный оркестр
23

75-85 градусов по фаренгейту — 23-30 градусов цельсия.
24

John Gutfreund — известный бизнесмен, возглавлял финансовую компанию Salomon Brothers.
25

Коржик — очень лохматый персонаж детского сериала «Улица Сезам»
26

comprendre — «понимаешь» (искаж. франц.)
27

«Придите все верующие» — строчка из рождественского гимна
28

Это китайские, а не японские блюда
29

Мистер Гринч — отрицательный персонаж рождественской сказки
30

Пальто-честерфилд — пальто с вельветовым воротником
31

O tannenbaum — немецкая рождественская песня
32

mon — мой (франц.)
33

Hell's kitchen («адская кухня») — район в Нью-Йорке
34

Du pont — крупнейший производитель химических и медицинских товаров
35

desyrel — антидепрессант
36

Бабар — слон из французского мультфильма «Бабар — король джунглей»
37

mace — спрей для самозащиты на основе перца
38

gatorade — энергетический напиток для спортсменов
39

Пейот — кактус, известный своими галлюциногенными свойствами
40

The toolbox murders («Орудие убийства») — триллер 1978 года
41

«trompe l'oeil» — живопись с эффектом «обмана зрения»
42

nutrasweet — популярный сахарозаменитель

43
«Маргарита» — мексиканский коктейль на основе текилы

44
Bell south — телефонный оператор

45
Spuds Mckenzie — бультерьер, снимавшийся в рекламе пива Будвайзер

46
Dan Quayle — вице-президент США при Буше-старшем

47
Ivan Boesky, Michael Milken — участники крупных финансовых скандалов в 80-е годы

48
Saul Steinberg (1914-1999) — известный американский карикатурист

49
Robert Farrell — известный канадский гитарист

50
voira — искаж. франц. «voilà»

51
Oliver North — известный американский журналист

52
Kenkichi Nakajima — японский миллиардер

53
Leona Helmsley — американская миллионерша, владелица отелей

54
Julian Schnabel — американский художник

55
honky tonk — разновидность стиля кантри

56
Страна Байю — неофициальное прозвище штата Луизиана, места, где зародился джаз

57
speed — наркотик на основе амфетаминов

58
au lait — с молоком (фр.)

59
Ted Bundy — американский террорист

60
Filofax — марка органайзера

61
Cheerio — герой рекламы хлопьев для завтрака